КАРЛ АЛЬБЕРТ ШЕРНЕР

ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЯ

КАРЛ АЛЬБЕРТ ШЕРНЕР

ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЯ

Об этой книге

Карл Альберт Шернер — немецкий философ, преподаватель в Бреслау. «Жизнь сновидения» (1861) — первая книга, в которой сновидение рассмотрено как особый язык символов: фантазия спящего изображает тело, его органы и раздражения, а также чувства и мысли человека образами — дом означает тело, печь — легкие, лестница — позвоночник.

Шернер описывает жизнь сновидения в целом, его внутреннее устройство и богатство его форм: сны от раздражения органов чувств и тела, сны настроения и аффекта, сны фантазии, сны мышления и воли, сны-предчувствия. Книгу высоко ценил Фрейд, назвавший Шернера первым, кто увидел в сновидении символику.

Содержание

Введение к «Открытиям в области души» 5

Введение к «Жизни сновидения» 15

Отдел первый. Жизнь сновидения в ее всеобщем проявлении 20

Отдел второй. Жизнь сновидения по ее внутренней организации 93

Отдел третий. Жизнь сновидения по богатству ее закономерных форм образования в роде и виде 194

ВВЕДЕНИЕ К «ОТКРЫТИЯМ В ОБЛАСТИ ДУШИ»

✦

Я хочу исследовать душу и делать открытия, сколько смогу, — и я на это решаюсь! Ибо меня влечет ее прекрасный облик и еще больше то, что за ним скрыто; меня вообще влечет все сокрытое, и я питаю к нему невыразимую тоску.

Но душа все еще сокрыта. Несмотря на тысячелетия, что ею занимается философия, люди так и не пришли к твердому убеждению, что душа — самостоятельное существо, не говоря уже о том, что она существо величественное, далеко превосходящее все прочее в космосе полнотой, великолепием и возвышенностью своего устройства; о душе царит полная неизвестность. Естественное следствие этого — глубокое смятение сомнений, охватившее человечество в наше время. Такое печальное положение в науке о душе, разумеется, тем больше на руку тем, кому искусное строение тела ближе к сердцу, чем душа: они смело ставят мозг на место духа, а вещественную ткань тела объявляют источником души. Как ни унизительно это для человека в его собственных глазах и для его достоинства в космосе, сердиться на них все же нельзя: наука и ее учение свободны и должны оставаться свободными всегда; и пока сама философия не подняла душу выше некоего неопределенного ничто, всякое мнение о ней, даже самое крайнее, имеет право на существование. Но тем более философия обязана вновь взяться за душу и со всем напряжением духа постараться исследовать ее как можно глубже, отложив всякое тщеславие и пользуясь лишь тем, что ведет к

действительным результатам. И мне кажется, что философия, пока она не исследовала сущность души, ставит на карту свою честь перед миром: ведь именно она приняла высшие достоинства духа в мире людей, а потому должна и прилагать ради человечества высшие усилия духа и удовлетворять его драгоценнейшие запросы. Заботиться лишь о свободе человеческого развития, как прежде, — уже не дело философии, с тех пор как государство, законодательство и свободная печать сами взяли это в свои руки. Но постичь сущность человеческого духа, ради которого и существует вся завоеванная свобода государства, — этого не может ни превосходнейший король, ни вся совокупная парламентская сила народа в государстве, ни всегда смелая проницательность печати; это может философия, в чью область это входит, и она этого добьется своей остротой и глубиной, если только захочет добиться со всей серьезностью.

Как же нужно исследовать душу, чтобы она была открыта? Ведь речь, полагаю, идет собственно лишь о ее раскрытии, или открытии, а не о ее существовании, — после того как она, внушая уважение, создала столь великие творения культуры, науки, искусства, религии, государства, свободных нравственных деяний истории и поставила их свидетелями себя наперекор общему противодействию вещества земного шара; хотя, с другой стороны, основательная наука о душе должна еще спросить и о ее существовании, а затем и о ее сущности.

Посмотрим сначала, как *не* следует поступать при исследовании души, если хочешь прийти к определенному результату. К результату не придешь, если пользоваться одним лишь чистым умозрением. Ибо чистое движение разума без оглядки на сам рассматриваемый предмет (то есть пренебрегая восприимчивостью познавательной способности, которая

неизбежно примыкает к предмету познания) всегда и вечно остается лишь односторонне субъективным движением духа. Как бы возвышенно ни чувствовал себя при этом философствующий субъект, как бы искусно, последовательно и тонко ни развивалось умозрение, оно говорит лишь то, о чем вольной медитации, идущей своим путем, то есть не заботящейся о реальном душевном предмете, угодно было поразмыслить, — и то, что свободно избранная основа системы и ее следствия позволяли допустить о душе; но не то, что велел сказать о ней сам душевный предмет и что он отдавал субъективности духа для более острого, проникновенного и исчерпывающего исследования. Поэтому все прежние понятия о душе, добытые умозрением, остались столь же изменчиво-произвольными, сколь недостаточными или вовсе пустыми и совершенно противоречащими естественному человеческому чувству. Высказанное же умозрением отрицание души доказывает не то, что самой души нет, а лишь то, что одно свободное умозрение не в силах ее охватить. Ибо душа есть нечто полное в себе, и потому ее нужно охватывать заодно с восприимчивостью духа, которая и предназначена для полноты предмета. — Но даже если бы свободное умозрение достигло надежных результатов, оно решительно никогда не смогло бы создать достаточной науки о душе. Умозрение по своей природе всеобще и обще, а душа человека повсюду устроена в тончайшем и нежнейшем, то есть в самом частном; чтобы постичь ее в ее духовной природе и устройстве, нужны тончайшая точность исследования и самая гибкая, самая готовая приноравливаться к предмету пытливость. Сквозь широкие сети общего умозрения тонкая непосредственная сущность души ускользает повсюду. Нужно устроить ловчие снасти по ее мерке, иначе она, как и прежде, останется непознанной в своей подлинной сущности. —

Далее, в самом способе, каким умозрение развивает свое содержание, нет ничего, что привлекло бы полнокровное человеческое убеждение: лишенное всякой опоры и направляющей руки со стороны самого предмета, оно опирается главным образом на правильность формы развития и потому вынуждено ставить построение выше содержания. Убеждение же ищет лишь ядра познания, а не его оболочек, и уж тем более не оболочек, оцененных выше ядра; полновесное содержание побеждает убеждение непосредственно, и ему вовсе не нужны искусственные подпорки. Зато умозрению — и в этом его неоспоримое право в науке о душе — подобает высшее осмысление реального содержания познания, уже добытого в отдельных частях, как целого, и все связанные с этим высшие обзоры и упорядочения. Поэтому оно должно вступать *после* реального исследования, а не *до* него; тогда ему не понадобится мертвящий избыток построений, оно сохранит свободу и высший смысл движения разума в творческих, всепроникающих, всеохватных и объединяющих идеях и полнотой меры и содержания своих идей будет оказывать на человечество куда большее влияние, чем ныне. Кроме того, прикладное умозрение, то есть примыкающее к предмету познания, как неизменно окрыляющее начало реального исследования, служит незаменимым рычагом для всех глубоких вопросов о душе. И мне кажется, что в решающих коренных вопросах о душе, которые непременно должны быть решены, — например, о границе между мозгом и душой и об их деятельности, и во множестве других — действовать сообща с реальным исследованием было бы для философского умозрения делом весьма почетным. — Что же, наконец, и поверхностная эмпирия, с другой стороны, непригодна для исследования души, поскольку самая существенная задача

лежит выше нее, — это слишком очевидно, чтобы говорить об этом подробно. Обратимся же к *действительному* способу исследования.

Во-первых: какой мыслительной, или познавательной, способностью следует охватывать душу? Ответ таков: человеческой мыслительной и познавательной способностью в ее совокупности. Человеческая познавательная способность от природы соединяет созерцание и мышление, чувственное восприятие, рассудок и разум в одном-единственном неразделимом организме; и вошедший в обычай полный разрыв между мышлением разума и чувственным восприятием прямо равносилен дерзкому посягательству на познавательную природу человека. И посягательство на природу не остается безнаказанным: чистое умозрение не приводит к реальному результату, а эмпирия естествознания, при всем богатстве своего познавательного содержания, все же остается во внешнем действии, не достигает глубин бытия и лишена проникающей глубины и объединения содержания. Все познавательные силы обусловливают друг друга. Рассудок коренится в чувственном созерцании, разум — в рассудке; и наоборот, сам разум охватывает и освещает рассудок и чувственное созерцание и сверху вниз служит им корнем, как, наоборот, снизу вверх чувственное восприятие и рассудок дают ему жизнь и силу. В этом совокупном организме познающего и мыслящего аппарата и должно двигаться исследование души; только так оно обретет достаточно проникающую, достаточно объемлющую и достаточно гибкую, податливую и упругую силу; только так оно даст всесторонний результат мыслительной работы и произведет полновесное впечатление на силу убеждения — и в отдельном, и в целом сознании сразу. Живым напряжением созерцания исследование

души само по себе становится содержательным, свежим и живым; напряжением силы рассудка — глубоко врезающимся, тонким и острым в познавательном материале; деятельностью разума — всепрозрачным, исчерпывающе глубоким, ведущим к духу и объемлющим все из источника жизни. Все же силы вместе разворачивают познавательную деятельность во всей полноте силы, во всесторонности, в творческом выявлении, в полноте, глубине и исчерпывающем единстве содержания. Если же мне возразят давно привычным положением, что «вещи в себе непознаваемы», я отвечу: как душа ежемгновенно выходит из своей сокрытой внутренней сущности вовне, в жизнь, так тем же путем можно через ее проявившуюся жизнь вернуться обратно в сущность. Более того, рассматривая жизнь души, уже тем самым непосредственно видишь ее сущность; ибо — здесь мне приходится далеко забегать вперед — душа (дух) сама по себе есть подвижнейшее из существ: уже в самом своем бытии ее сущность непосредственно является в движении и бытийствует через движение; потому рассмотрение проявившегося движения, которое и есть жизнь, ведет прямо к духу. Наконец, ясно и то, что если исследуемое — сама душа и исследующее и постигающее — тоже она сама, то предмет и сила исследования совершенно соразмерны друг другу, и потому их взаимное исчерпывающее проникновение кажется вполне возможным и естественным. И никто, как бы ни был он по своей системе скован тем неестественным положением, не станет отрицать, что разум — сила очень глубокая, а рассудок — сила очень остро проникающая; распространяться же об этом здесь не место.

Во-вторых же: как следует исследовать сам предмет по его собственному велению, в отличие от веления мышления? Ибо предмет психики, как ни подвижен он, есть кристаллическое

содержание бытия — несмотря на движение, в нем и через него; он имеет в себе вполне твердое строение и совершенно незыблемые нормы и законы своего проявления, и его нельзя лепить то так, то этак: он хочет и должен войти в познание, не терпя ущерба для своей реальной природы. Поэтому на вопрос, как предмет со своей стороны велит себя исследовать, следует ответить: в точности так, как он сам себя дает, и не иначе; а если бы захотели взяться за него иначе, то ослабили бы и исказили предмет, а с ним и познание. Но чем же предстает душевный предмет взору исследователя? Прежде всего душевное проявление образует несметное богатство великолепных явлений, в особенности во множестве обособленных разнообразных групп, взятых в целом; и исследованию открывается полная возможность охватить и набросать душу в ее живом великолепии, так же как описывают всякую другую живую красоту. Из всех жизненных отношений человека пробивается душа; из живого движения государства она сама поднимается в величественной жизни, и через все великие круги культуры разворачивается ее исполинская жизнь и предлагает себя исследованию. В каждом отдельном человеке, с другой стороны, если рассматривать его жизнь и развитие, — а у мужчины и у женщины всякий раз по-разному, — мы имеем превосходные и самодвижущиеся портреты живой души; а в великих людях особенно видно, как она смелее, подобно звездам и кометам, восходит по своим орбитам. Заблуждается тот, кто думает, будто душа показывает себя слишком мало, чтобы ее можно было исследовать; напротив, она показывает себя слишком много и слишком часто — ведь она показывает себя непрестанно, — и сама обыденность ее невещественного света делает ее действия для нас менее ощутимыми, тем более что она действует не как

вещественный толчок. — Но сквозь все ее проявления сияют многообразие и собранная сила ее сущности; в них видна ясность ее закономерности и еще больше — сгущенная мощь бытия в ней самой, которая и порождает из себя все это жизненное великолепие, и силу, и весь свет закона. И откуда бы ни начать, повсюду открывается путь к тому, чтобы окинуть взором самую непосредственную ее сущность — будь то прямо в кристаллизации ее субстанциального ядра, будь то прямо в жизненном движении этого ядра, будь то в полноте, высоте и тонкости ее устройства, будь то в неисчерпаемом богатстве ее проявившейся силы и развития. Нужно только сперва увидеть ее, божественную, — и тогда отовсюду находишь лишь непосредственное доказательство ее бытия, а в отличие от вещества — такое поведение бытия в его развертывании и такое строение в кристаллизации самого бытия, что, думая о душе, совершенно забываешь о материи; хотя, с другой стороны, реальное исследование легко может показать, где лежит естественный переход психического к живым связям с веществами. — Ведь в космосе вещество поставлено твердыней вселенной и несет в невесомых началах силу, которая поддерживает его жизненное движение вопреки оцепенению; дух же, с другой стороны, поставлен в космосе высшим творческим, идеально движущим началом вселенной, — и нет ничего подвижнее и объемлющее в движении, чем дух. И уже когда смотришь в душе лишь на одну силу — как она сознательно стремится вобрать в себя, внутренне запечатлеть всю вселенную, насколько только может ее достичь, и как она хранит в памяти исполинские образы вселенной во всей ее целокупности и в бесчисленности всего ее множества разом, в своей крошечной точечности, — то нельзя не изумиться ей, нельзя не признать ее

величия, нужно наконец вернуть ей силу и место в космосе и удостоить ее наконец *величественного, глубокого, острого и основательного исследования*.

Вот что я хотел сказать во введение к моим исследованиям в целом; я не люблю долгих предисловий, я люблю исследовательское дело. Если же я назвал свои исследования «открытиями», то это значит, что я хочу исследовать самостоятельно и открывать новые точки зрения на душу, насколько хватит моей решимости и врожденного воодушевления душой. А если название все же покажется хвастливым, я охотно признаю, что черпать из сокровищ души, которые повсюду лежат в изобилии, — не великая слава, хотя видеть это изобилие в душе, кажется, дано очень немногим.

Свои открытия я представлю в следующем порядке:

1) Душа во сне (жизнь сновидения). 2) Душа в сомнамбулическом состоянии (сущность магнетического ясновидения, реальные исследования богатства его явлений). 3) Душа, взятая в полностью выраженной индивидуальности (душа Фридриха Великого, ее построение, реальные исследования на ее примере). 4) Строение человеческой души у мужчины и женщины (различное строение и образ проживания жизни мужской и женской души). 5) Непосредственные взгляды на жизненное устройство в душе (сущность жизненного организма, физиология души). 6) Богатое строение души в ее разнородных способностях, или силах (сущность способностей и их сплошь органическое единство). 7) Бытие души в его всеобщей природе и облике (построение бытия души со всех решающих точек зрения). 8) Продолжение жизни души в особенности. —

Ясно, что мой замысел — ввести в области души основательную реальную науку. Если душа при самом реальном

рассмотрении изнутри и извне предстанет действительным, сущностным и необычайно богатым, великолепным и дивным бытием, то вера в нее придет сама собой, сомнение отступит, и для этой глубочайшей раны человечества найдется лекарство.

Итак, вперед! Кто хочет, чтобы выросла сильная наука о душе; чтобы душевная жизнь в человеке вновь стала крепкой и здоровой; чтобы все идеальные силы человечества вновь действенно вступили в дело и чтобы облагораживание духа обрело силу, — тот пусть выступит за дух, пусть возделывает сильное исследование души и создаст для души труды больше, чем мои начинания.

ВВЕДЕНИЕ К «ЖИЗНИ СНОВИДЕНИЯ»

✦

Свои открытия я начинаю с области явлений: ведь исследователь действительности должен сперва попытаться охватить душу в кругах ее проявлений, прежде чем приблизиться к ее сущности и затем все глубже и теснее погрузиться в сокровеннейшую тайну ее бытия. Душу же «во сне» я выбираю потому, что, как я надеюсь, жизнь сновидения — одна из самых привлекательных областей проявления души и легче всего может снискать ей более широкое расположение. И, наконец, я убежден: если мне удастся уже в мимолетной игре теней сновидения показать жизнь души как нечто величественное, это заранее принесет ей тем более благоприятное мнение о ее более мощных и глубоких областях.

Что же касается разработки задачи, то, поскольку я намерен исследовать живо и объективно, я не вправе следовать при этом какому-то заранее принятому отвлеченному методу; я должен спросить сам предмет, каким образом он позволяет и требует исследовать себя наиболее всесторонне, проникновенно и живо, — и это должно стать методом исследования. Таким образом задача сновидения предлагает следующие плодотворные и существенные точки зрения для рассмотрения. Во-первых, жизнь сновидения предстает в своем всеобщем проявлении и образует в нем весьма пышные и разнообразные всеобщие картины, в которых живая душа ночи улыбается нам по-своему так же приветливо, как живое созвучие впечатлений природы в мире. Во-вторых же, в основе всеобщего проявления жизни сновидения лежит всеобщее внутреннее состояние душевной жизни во сне,

которое производит полноту внешних проявлений и совершенно своеобразное устройство которого обусловливает то, что сознательная жизнь ночи — а сновидение есть сознательная жизнь — складывается совсем иначе, чем дневная. Это внутреннее устройство в целом, в свою очередь, заключает в себе множество особых моментов для рассмотрения, поскольку его ближайшее содержание составляют многочисленные духовные силы в их изменившихся состояниях, отношениях и в вырастающих отсюда новых, свойственных лишь сну сочетаниях деятельности. В-третьих, наконец, из твердой закономерности жизни сновидения в ее внутреннем устройстве и внешнем проявлении развивается множество обособленных, определенных и постоянных, как бы закристаллизовавшихся типов изображения во сне, каждый из которых имеет свою своеобразную характерную форму, основанную на особой причине. И вся жизнь сновидения ночью протекает в этих особых типах изображения, так что она постоянно предстает излитой то из одной, то из другой формы, как бы неисчерпаемо ни било сверх того разнообразие. Из различных типов сновидения складываются различные роды и виды снов, которые вместе заключают большое богатство классификации и дают совершенно отчетливый взгляд на ткань сновидения; более того, любую ткань сновидения можно рассудочно разобрать вплоть до тончайших и запутаннейших прожилок ее проявления и свести к ее происхождению и законам.

Эта тройная точка зрения и обусловливает тройное деление исследования и лежит в основе трех последовательных отделов книги; при этом, разумеется, каждый последующий отдел для верного понимания предполагает содержание предыдущего, и целое, таким образом, имеет целью ступенчато восходящее

многостороннее познание. В первом отделе я представляю жизнь сновидения «в ее всеобщем проявлении», во втором — «в ее внутреннем устройстве», в третьем — «в богатстве типов сновидения по родам и видам».

В первом отделе, где предстоит наглядно показать всеобщую жизнь проявлений сновидения как таковую, исследующий рассудок, преследуя свои цели, должен вместе с тем пользоваться созерцанием фантазии — чтобы и охватить явление в его живом совокупном впечатлении, и заранее придать его чувственно неуловимой сущности более живую силу впечатления на внутреннее созерцание, что при всяком психологическом исследовании весьма необходимо; кроме того, фантазия — самая цветущая сила сновидения, тем более что она выступает здесь в полной свободе от рефлектирующих сил духа, и ей ради нее самой подобает известное выделение и в том способе понимания, которым пользуется мышление. Второй же отдел, поскольку он занимается внутренней сущностью жизни сновидения, должен охватываться преимущественно разумом; третий, наконец, предмет которого — особенности рода и вида сновидений, характеристика различий в них и прежде всего частный разбор, отбор и группировка разнообразнейших фактов сновидения, принадлежит по существу *рассудку*, — хотя, разумеется, совместная работа всех духовных сил мышления и познания необходима повсюду.

Если же в моем исследовании отдано должное разуму и рассудку, как и живому созерцанию духа, без которого дух никогда не проявляется в полную силу, то, надеюсь, и в этой форме изложения, продиктованной исследованием, моя книга покажется достойной внимания философов по ремеслу. А если ей все же поставят в упрек эту ее форму, я напомню: без отказа от

философской гордости и от прежней неуступчивости философии по отношению к проникновенному исследованию, которое приноравливает мышление к предмету, не прийти к основательным результатам в области души — иначе говоря, сущность души останется неразгаданной, то есть столь же спорной, как до сих пор, — к величайшему ущербу для самой философии. Ибо при неизвестности, существует ли вообще человеческий дух сам по себе, — а высшей его представительницей является философия, — сомнительным станет и значение самой философии; уверенность материализма возрастет еще больше, а нынешний перевес естествознания станет постоянным. Утвердить веру в человеческий дух средствами свободной науки — а здесь микроскопия естествознания соперничать не может — это кажется мне прежде всего задачей философии в наше время; ибо ставшая свободнее государственная жизнь, открыв человеческому духу простор и свободу движения, требует соответственного внутреннего укрепления духа в самом себе, его нравственного утверждения и упорядочения через убеждение в самом себе.

И хотя эта книга посвящена не сущности души — ведь предмет ее мерцающая область проявлений души, — она все же непосредственно и непринужденно ведет часто глубже во внутреннюю природу души, чем, быть может, кажется по самой задаче. И как с любой точки земной поверхности можно копать вглубь, к ее недрам, так с любой точки психической жизненной окраины открыт доступ к более глубоким свойствам души. Но главной задачей феноменологического исследования всегда должно оставаться *одно*: раскрывая богатую силу, полноту, многообразие, красоту, глубину и ясность закона в жизни души, — содействовать убеждению в ее бытии и содержании.

Пусть же удастся тебе, Психея, — ты, что во сне так же весела, как юность девушек, и часто радостнее, шутливее и озорнее милых девушек, — в веселой игре приобрести себе благосклонных поклонников!

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЯ В ЕЕ ВСЕОБЩЕМ ПРОЯВЛЕНИИ

✦

§ 1. Податливая природа сновидения

Нет, пожалуй, более верного друга, который так любовно сопровождал бы нас всю жизнь, как сновидение. Уже на лице младенца оно выражает свое ласковое присутствие блаженной улыбкой. Еще сильнее оно следует за мальчиком; ибо мальчик владеет уже большим, чем щедрая материнская грудь, большим, чем глубокий взгляд материнских глаз. Природа, жизнь, свобода, веселый товарищ — вот что занимает его в жизни; и из пения птиц, из переливчатых красок луговых трав, из кустов и изгородей, из веселой беготни и возни с товарищами сновидение ткет ему по ночам свои восхитительные радости. Когда же мальчик вырос и поднимается статным и прекрасным юношей, подражая идеалам римлян и греков и изумляясь им, рисуя себе благоуханные луга собственной будущей жизни, любя друзей и едва смея взглянуть на девичью красоту, — сновидение берет и это на свою кисть и прекраснее, чем наяву, вызывает в своих райских садах греческих героев и Цицерона, дружескую любовь и цветущее томление по девушке; и образы будущего, рожденные надеждой, безмерные идеалы пылкой растущей силы встают в видениях сна, словно волшебные замки, золото, цветы и светлые алмазы. И о скромной девушке сновидение не забывает; оно следует за ней почтительно и услужливо, как подобает перед целомудренной красотой, и крыльями зефиров, невидимо

ласкающим веянием цветочного аромата навевает ей миры едва смеющего предчувствия; и на коврах весеннего луга заставляет ее прыгать и танцевать в милом хороводе с подругами вокруг; юноши, нежничая, роем слетаются и кладут к ногам красавицы все полное мужское сердце в виде цветка. Или сновидение, шутя, пугает ее: она падает на бегу за обручем, но быстрее, чем она сама, оно поднимает ее, чтобы ни за что не обнажился нежный, легкий стан; или, пожалуй, досаждает ей, отдавая победу в красоте другой и оставляя ее стоять безутешной, одинокой и покинутой, между тем как полный хоровод девушек под руку с юношами весело уносится прочь. — С тем же постоянством, хотя и ставши серьезнее от медной природы мужества, сновидение следует за мужчиной. Здесь ему рисовать не игры, не цветы — здесь оно рисует борьбу. То ведет оно мужчину в грозные скалы, где ему еще предстоит отвоевать подъем к смеющейся вершине горы; то ставит его посреди войны и пушек и велит ему быть храбрым и смелым, великим, непоколебимым в бою воздушной идеи сна, и помогает разжигать отвагу в напряженных мышцах и руке. То следует оно за ним в серьезные дневные дела и все сухие примеры чисел и рассудка разрешает ему в милые цепи образов, сулящих выгоду; а художника, мыслителя, усердного человека оно любит особенно, и часто, когда этот достойный человек до самого засыпания бился над задачами, не решив их, сновидение играючи решает их за него; и божественную алмазную ткань философии, восхитительные творения красоты живописца и ваятеля нередко создавало для нас, для мира и для грядущих времен именно сновидение. — Но строже следует оно за женщинами, и то, чем они днем упорно и неуступчиво противятся мужской воле, сновидение щедро им воздает. Оно заставляет их с криком носиться посреди волн и вод; то вырывает у них из рук ребенка и

низвергает его в бездну, к отчаянию матери; или дает ему пропасть в уличной сутолоке, куда ее привело любопытство, пока шутник снова не сжалится и не вернет его, — как прежде он тешился горем, так теперь тешится радостью любви. И часто задевает оно в женщинах желание нравиться! Какая же еще не пугалась страшно, когда из милого рта выпадал зуб! Какая не находила во сне, к досаде своей красоты, что талия или наряд сбились набок! Однако сновидение, в угоду мужчинам, лелеет и их хозяйственный дух и заставляет их варить, жарить и печь, так что плита дымится и комната наполняется ароматами, понятными желудку; и какая из усердных хозяек, отдающих себя стирке, не плыла уже вниз по реке на кухонной доске для лапши или даже на большой суповой ложке — волшебной силой сновидения! — А стариков и старушек сновидение любит особенно и бодро и неустрашимо следует за их зимой; ибо чем беднее свежестью и красками становится жизнь в старике, тем щедрее украшает ее сновидение радостными образами воспоминаний; милый след детства, томление и любовь юноши, духовное и отцовское счастье мужчины рисует оно старику; и как часто видит себя пожилая женщина во сне в красоте юности, с золотом ниспадающими милыми локонами, с глазами, полными алмазного огня и великолепия сияющей души, с венком невесты в волосах — и затем, кто запретит это сну? — посреди гостей у девичьего венчального алтаря, а собственные сыновья и дочери старушки — свидетели на свадьбе.

Всегда сновидение спешит непрошеным, как добрый друг, чтобы оживить спящему однообразное удовольствие, и всеми красками творящей силы образов играет вокруг духа. То пестро и беспорядочно набрасывает оно одно за другим, чтобы возбудить и рассеять того, кто глубоко ушел в себя; то шутливо дразнит его

потешными картинами, чтобы вызвать улыбку; то полными пригоршнями черпает серьезные образы, чтобы закалить его энергию посреди отдыха; то нечаянно вводит его в мягкие тона чувства, чтобы сгладить и смягчить нежностью души вспыльчивость того, кто стал слишком деятелен. Часто оно мешает любителю размышлять, если у спящего при слишком смело созданных образах проснулось раздумье, и уничтожает назойливость анатомически рассекающего рассудка более пышными образами милой красоты, чья гармоническая прелесть увлекает за собой взор. Если же оно хочет разбудить спящий дух, то вызывает столь чудовищные образы и мифы, что даже спящему это становится чересчур: он изумляется и пугается и вместе с испугом разрывает туман сна.

Совсем чудесна его охота подлаживаться под все желания и причуды, и ничто не бывает для него слишком трудно исполнить. Кто из ворчунов и угрюмцев не испытал, как сновидение рисовало ему, вполне по его настроению, мрачные пейзажи, куда он будто бы бежит, одиноко шагая и бормоча наперегонки с лесным ручьем! Скалистые громады, упрямые и неподвижные, как своенравие угрюмца, расставляет оно вокруг него — услужливую свиту хмурого мрачного настроения; и дикого кабана или быка гонит, грозя, из кустов и ущелий, чтобы еще подбавить силы мраку настроения. Но с какой отрадой берется оно за кисть, когда приближается к *веселому* духу: здесь вино, здесь веселая пирушка молодежи, там милая дочка трактирщицы, смеющийся луг и лес, готовые для танца и отдыха. И кто из почитателей женской красоты видел в жизни более благородную шею, более нежную грудь, более румяные щеки и более восхитительный облик, чем те, что рисует ему небесная гурия сновидения, самозабвенно чаруя и очарованная сама! — Известна неутомимая охота

сновидения творить дукаты и талеры тому, кто их желает, — а кто же не пожелает их, зная, что из них блещет сила веселья и жизни? Здесь ты загребаешь золото, там уже бьет новая жила; чем усерднее ты хватаешь, тем богаче брызжет земля, и где ты топнешь ногой, там вырастают дукаты, и повсюду — Калифорния. И даже в смелейшие желания земного бытия, в задачи свободнейшего взлета человеческого движения и силы следует оно за нами и победно одерживает триумфы естествознания: задачи воздухоплавания оно решает играючи, нередко позволяя нам летать и парить свободно над домами, реками и деревьями сколько душе угодно; и если оно решает задачу полета, то решает ее безусловно, ибо окрыляет нас самих. — Но сновидение властвует не только в земном, если только ты сам живешь божественным. О, как блещет оно, как сияет оно в ореоле, когда спящему является плавно шествующий образ божественных гениев — в лилейном венке на голове, в сандалиях на небесной стопе, с несказанным блаженством на лице, с глазами, полными ясности! Осыпая тебя цветами, поднимая тебя к небесным усопшим любимым, показывая тебе вдали воскресающую юность! Или как страшно рисует оно, как грозно обрушивает на тебя грозный хор преисподней, как множится и множится ядовитое отродье, как скалится дракон, когда ты, полный дьявольских призраков, сам требуешь от сновидения ада или когда муки тела и нервов толкают его к воспроизведению страшного! —

И все наслаждения, все радости и страдания, которые дарит нам сновидение, действительны. Если оно рисует печальное настроение, то рисует его так, что видящий сон действительно его чувствует; нередко дети и женщины просыпаются после сна в слезах, причитая и рыдая. Мы, мужчины, все до одного радуемся веселым картинам сновидения, и радостное, свежее, полное охоты

к работе пробуждение часто есть лишь продолжающий действовать отзвук радостного сна. Если же сновидение упрекают в том, что его наслаждения лишь мимолетны, то следует ответить: всякое наслаждение, даже наяву, бывает таковым лишь в *том* миг, в который оно совершается; ибо само по себе всякое наслаждение в волне жизни положено лишь как исчезающая точка, а сила жизни, как и ее основное назначение, есть возрастающая сила протяжения, борьба и стремление; и где наслаждение исполненного стремления присоединяется как сладкая точка покоя и отдохновения, там это лишь для того, чтобы дать душе мимолетное место сбора для нового разжигания силы, после чего она тем энергичнее и свежее поднимается к творчеству и спешит дальше.

§ 2. Царство мира сновидений

Еще больше, чем комедиантская охота сновидения гнуться и подлаживаться под любое настроение души, которая нас забавляла, приводит нас в изумление полнота психического жизненного содержания во сне и богатство закономерной сквозной организации и строго упорядоченных способов образования сновидений. Мимолетному образному творению сновидения вовсе не дашь того, что в нем разворачивается такая великая мощь жизни и что в его легко тающих тканях теней закон и порядок столь же тверды, как в твердынях действительного мира. Ночная жизнь духа, жизнь сновидения, — резкая противоположность дневной жизни, или бодрствования; могучее единовластие «я» здесь перестало господствовать над стихиями духовной жизни и укрощать их; освобожденная, здесь живет сама собой множественность жизни. С шумом катятся образы перед

взором, сами себе господа и власти; никакой закон духа, рассудка не мешает им; они сами себе закон и создают из этого совершенно свои формы проживания. Многие поднимаются до средоточной власти над остальными, — из этого вырастают живые организмы самого мимолетного рода, какой знает космос. Наперегонки с образами силы представления мечутся раздражения тела и нервов в своей освобожденности; каждое из них становится господином определенного круга представлений и тянет и нанизывает за собой образы в соразмерные ему формы. Влечения тела захватывают власть, теперь *они* властители; что им приличие и нравственный закон, когда они на свободе! Откровенно и свободно, как их породила природа тела, рвутся они наружу к разряду и велят силе воображения выставлять им полчища образов для выражения стесненности или жгучего желания. И все, что когда-либо днем глубоко трогало или пугало тебя — в детстве, в юности, в зрелые годы, — поднимается теперь и чудесным образом, без оглядки на времена, громоздится в *одно* могучее туманное видение настоящего и веселит или устрашает тебя. Аффекты, чреватые возбуждением, вырываются наружу, захватывают в представлении все страшное, что когда-либо рождала наша действительная жизнь, и образуют из него жутко мрачные, грозные, неистовые образы мысли; часто же влечение и аффект, как ни властвуют они обычно лишь над образным творчеством души, увлекают за собой и крепкую силу тела, возбуждают мышцу к напряжению и движению и даже заставляют силу нерва проявиться *так* действенно, как того требует вполне определенный смысл представления во сне. Почти столь же могущественны, как аффект, — так хочется думать — нежно-мягкие тона чувства, настроения, порождающие из себя целые миры соответствующих им мыслей! Печальные настроения

вызывают нескончаемые цепи уныния, сладко-гармонические упиваются столь же пышно бьющим источником радостей, веселые и озорные — опять-таки соответствующими им; и повсюду свободное творение ночи духа смешивается с дневным воспоминанием. А когда фантазия разряжается без всяких преград, тогда ты видишь совершенно новый мир бытия в мыслимом, новое строение образов, новое вещественное содержание сущего, новую потеху смешного, новые чудеса уже дивного, и повсюду из всех точек вскипает своеобразие. Представь себе вакхическое неистовство силы образов сновидения: как она огромными прыжками проносится по всем областям памяти, то соединяя милые сцены раннего детства с серьезными замыслами зрелых лет; то веля кому-нибудь из числа твоих давно умерших любимых ликовать и шататься на веселой пирушке, которую он же сам и дал; то путая почтенную ризу священника с рубашкой и в таком виде веля ему взойти на кафедру; как она орла, привыкшего рассекать воздух, заставляет топтать волны вместе с утками и рыбами, не заботясь о его умении плавать; как тебя, бедняка, она вдруг возносит к королям и сажает среди князей за стол, где множество слуг ждут твоих знаков; как простого странника на большой дороге, у которого ветер треплет плащ, она тотчас же заставляет висеть наверху башни на флюгере и поднимать вопль, и т. д. — И в своеобразной светотени, в благоуханном туманном одеянии таинственной магии являет себя душевная жизнь во сне, тогда как днем она была лишь бело-светлым, резко блестящим солнечным сиянием «я». Здесь царство творческой пластики фантазии, где форма к форме, словно бы сам формуемый материал делал это, без всякого мудрствования рассудка и наперекор его схемам, сливается в сплав гармонии, из которого, пожалуй, и сияет духовный свет. И

все образы и мысли принимают здесь гораздо более сплавленные формы, так как они высвободились из-под острого духовного луча «я»; поэтому они светятся магичнее в тонах темного, сквозь которое пробивается светлое; надо всем лежит нежная дымка ощущения — все художественное плетение сновидения не видится и не воспринимается в строгом смысле слова, а лишь тихо и нежно вчувствуется; потому все созерцание и все созерцаемое во сне состоит в теснейшем родстве с тонами чувства и настроений. И все отзвуки чувств во сне кажутся куда плодотворнее, световые образы — богаче красками, звуковые образы — гораздо полетнее, — потому что ни луч света или шум извне, ни противодействующая сила духа изнутри не притупляют их и не мешают им; оттого и волшебный мелодический отзвук всех слышанных во сне звуков, сравнимый с теми музыкальными звуками бодрствования, которые рождал прямо из души не художнический рассудок, а простой сын природы на флейте и свирели. — И какой романтический блеск света возникает теперь, когда в магический полумрак сновидения внезапно врывается яркая молния вспыхивающей рассудочной рефлексии! О, как рвется тогда магическое облако, как разбегаются эфиры и трепеты! И все же, как они снова смыкаются, как поглощают слабую алмазную вспышку «я» так легко и так поспешно, что она сама становится тьмой магической ночи! И поистине возвышенное зрелище — могучая борьба между рефлексией и властью сновидения в те более светлые эпохи сна перед пробуждением, когда погруженная сила «я» духа, вновь мощно поднимаясь из сна, бьется в схватке за схваткой с силой образов сновидения, не сломив ее вполне, — ибо снова и снова собранная сила «я» рассеивается в бесконечную даль ассоциаций сновидения или становится шпорой для дерзости фантазии, — пока наконец

могучий толчок силы «я» не разорвет мощно ткани теней и, прорвавшись, как солнце, не отбросит все образы сновидения в беззнаковые пространства забвения.

Но как жизнь сновидения повсюду открывает мощь содержания, так она повсюду являет себя сильной и проясненной законом, который правит и ее просторами, и каждой ее отдельной точкой. С самого начала изумляет величина царства, где действует закон сновидения. Как князь, правящий целым миром земель, сновидение распространяет господство своего закона космически; ибо посредством слитой воедино, тончайше возбудимой и ставшей мощно-лучистой чувствующей силы психического чувства жизнь сновидения вместе со своим законом может простираться далеко за пределы видящего сон в действительный мир природы и человечества; и пока ты грезишь и созерцаешь в себе то, что там образуется, фантазия образует по впечатлению, которое далеко простирающееся чувствующее созерцание приняло из пространств, удаленных от тебя на двадцать и на сто миль. Отсюда множество темно говорящих или ясно вещающих предчувствий во сне, где сила образов сновидения верно изобразила тебе то, что в тот же миг действительно происходило далеко от тебя и что подтверждает затем полученное известие. И не только в даль пространства — и в даль будущего, сквозь неопределенные туманы предобразующихся судеб и дел, видишь ты, как властвует и ткет закон сновидения, когда бесконечная тонкость и нежность чувствующего созерцания поднималась вперед по нити твоей жизни или по судьбам связанных с тобой любимых. Отсюда богатство снов, которые задолго предвидели наступающее несчастье — в символическом возвещении или в столь остром предвосприятии, до мельчайшей подробности, что ты с благоговением изумляешься таинственной власти духа

проницать тьму. Более того, не только у живых существ вне его, но даже у умерших чувствующая сила духа во сне способна еще открыть следы жизни, которые последующая критика рассудка тщетно старается разрушить.

Сжатыми же в крошечные точки ты видишь законы сновидения в самых неприметных атомах-образах цепей сновидения, каждый из которых является лишь несущей миниатюрной субстанцией определенного закона, движущей или связующей силы и оказывается с той и с другой, с иных и многих сторон связанным, сцепленным, сотканным и насквозь организованным тончайшими нитями динамики духа. Здесь перед тобой филигранная работа духа, которую он производит без света рассудка и разума, одной лишь своей ночной стороной и силой законов, присущих самим стихиям его жизни. Достойны удивления игры жизни здесь, в нежном колебании и парении едва веющей силы духа, — более достойны, чем в микроскопических животных образованиях природы. Здесь перед тобой уже не миры чувственной микроскопии; здесь для схватывания и рассмотрения годится лишь тонкое чувствующее созерцание духа; более того, мир здесь так тонок и нежен, что уже невещественный острый луч рассудка разрушает и распыляет его, едва коснувшись; поэтому сновидение тотчас тает и безвозвратно улетучивается, если пристально взглянуть на него с самопроизвольной силой мысли.

Нагляднее же всего богатство, многообразие и цветущая сила закона сновидения видны, наконец, в богатом выборе родов и порядков образования сновидений, которые как более широкие и более узкие понятия объединяют бесчисленное множество конкретных образований сна и властвуют над ними. Здесь у тебя также логическое развитие, но развитие самой творящей жизни и

ее созидательной силы — ибо ты находишь в этом порядок, закон, определенное различие и последовательность. Ни одно сновидение не завязывается без твердого магического закона; магическим он является потому, что кажется произведенным как бы чудом, без самодеятельности духа. Все образования сновидения правильны, если рассматривать их из их закона; как идею разума ты можешь взвешивать и оценивать лишь из категорий разума, так и образования сновидения — лишь из неотъемлемо присущих им схем, к которым бодрствующий дух легко может приноровиться. И какое разнообразное цветение групп законов ты видишь: во множестве форм сновидения они живо и трепетно, пластично, как растительные организмы, возникают перед твоим взором, развиваются и снова исчезают, — подобно мимолетному туману в воздухе, который принимает то одну, то другую форму облака и всякий раз перестраивается в новую, нигде не случайно, всегда по основанию и закону. Из вещей, наиболее противоречащих друг другу в понимании бодрствования, форма сновидения образует самые связные ткани, которым бодрствующий дух разве что в остроумии может слабо подражать. Самые отчетливые и самые нежные побуждения, даже совсем скрытые от бодрствующего духа внутренние процессы телесного организма сновидение способно еще изобразить и высказать символически, тончайшим и метким образом; всякое раздражение нервов во сне, всякое движение во внутренностях, в легких, биение сердца, нежнейшее раздражение в сетчатке глаза перед пробуждением и т. д. оно воспроизводит самым остроумным образом — в живописных, метких образах; целые очертания внутреннего органического облика тела оно ставит в них прямо и наглядно перед твоими глазами, и повсюду оно при этом образует твердо по своему закону — начинает и развивает,

совершает и завершает свое формование закономерно-строго; ты еще научишься сам им восхищаться. Все образующие силы фантазии возвышаются в особо творящие души, и целый поток форм сновидения встает перед твоими глазами уже в тех формах, что принадлежат одной лишь фантазии. И где бы ни выступил во сне аффект, или настроение душевного чувства, или вспышки силы мысли, или отзвуки дневной воли и т. д., — повсюду из этого вырастает пышный мир форм сновидения, и ты, созерцая все это, впадаешь в сомнение, чем больше восхищаться: величием мира там, в природе, где он предстает в твердых субстанциях, или здесь, где он так великолепно возникает и исчезает в течении и мелькании. — Поэтому во сне ты снова видишь космос, который ты и сам образуешь как собственный дух и тело; и ты созерцаешь космос во сне значительно умноженным в богатстве и убранстве, ибо открываешь здесь новые поля его красоты и мощи, которых не замечал в бодрствующей деятельности духа. Поэтому сновидение для нас — сокровищница знания о душе и мире; и ты можешь с немалой гордостью радоваться тому, что даже там, где твоя духовная жизнь лишь пена и тень, она еще совершает и являет взору силу и закон своей могучей сущности, творя и умножая вселенную.

§ 3. Течение жизни во сне

Уже сама по себе жизнь души течет подвижнее, чем высшая невесомая материя веществ; быстрее света струится ее сила, мягче света ложится она на бытие, которого касается; в своих самых тяжелоподвижных волнах она скользит еще легче зефира. Тем не менее в главной силе своих развертываний, поскольку она есть бодрствующая дневная жизнь, она идет лишь тяжело и в

оковах: ибо всемогущий властитель всей психической периферии, вечный король дня, «я», держит ее в узах и всему, что дерзает свободно шевельнуться в нем, предписывает для марша движения железную мерку категории и сухие ритмы логики. Свободной летучая побегообразующая сила становится лишь тогда, когда с закрытием век свинцовый сон падает на мощь «я», одолевает и укрощает ее, пока власть «я» не проснется снова утром. Во сне жизнь течет свободно; едва исчезла сковывающая сила тяжести «я», она несется неистово. Жизнь есть движение, движение — бегство, когда отпала тяжесть. С бесконечной поспешностью кружит поток, убегая по кругу; он, пожалуй, волнуется без средоточия, раз средоточие от него ушло, но никогда не вырывается из замкнутого круга, который сама очертила и породила *бытие* души, из которого он вырвался, — как бы свободно ни волновался он по просторам. На периферии теперь собранно разгорается жизнь; оставшиеся тени сознательной жизни, образы, наполняются огнем, юностью, силой — и с упругой силой размаха проносятся хороводы образов. Тень за тенью тянется, притягивается и кокетничает с другими; неистово завязывается союз, еще быстрее отзвучивает; ибо от мимолетного супруга родились стаи более пышных образов и поглотили производящую силу; атом к атому складывается образ сновидения, и, все шире разрастаясь атомами, цепь образов уносится прочь; она уже бежит, едва возникнув. Здесь бытийствует *жизнь*, здесь у нее перевес над спокойным пафосом *бытия*; как бессильный придаток шатается здесь бытие при субстанции движения, которую оно все же само породило. Что за буйство и гул! Как в смуте государства, когда придавленная окраина народа поднимается бурей, так образы теперь правят. Из силы образов поднимаются олигархии, сила сильно звучащих

впечатлений возвышается до господства над остальными; царство за царством всплывает из разлетающихся достоинств «я» — но рассыпается быстрее, чем возникло, и, едва восстав, снова становится новым исчезновением. И в вечных сменах шумит и шипит: здесь ты слышишь флейтовые звуки любви, там звенят мечи; пламя, люди, звери и боги, природа и власть души, и воспроизведенные следы всякого бытия и жизни поднимаются до сил; и в сумятицу битвы всех стихий и в победную песнь бросается кружение души вверх и вниз, все время стуча и шумя вокруг погруженной силы самости в средоточии. Но гул всех стихий был мягче зефира, легче пения эльфов; это было вольно веющее дыхание жизни духа — в освобожденной страсти, правда, но невесомое, потому что его оставила сила «я»; и как бы мощно ни волновалось оно у преград периферии, как бы несчетно ни рассыпалось в пену сознания, — это было лишь пустое, как тень, отвеивание невесомо ускользающей силы.

Иной род летучей силы поднимается, когда освобожденный поток жизни в глубоком сне, избавившись от бурлящего опьянения свободой, отхлынул назад в глубины бытия и совершенно слился воедино со слиянием бытия в себе, из которого проистекают и твердое пребывание бытия, и его жизненный порыв наружу. Первозданно в себе, там, где бытие, ограниченное самим собой, волнуется в собственной силе, собирается и держится в плотнейшем сплаве, и летучий поток жизни принимает вовне мощь и дальнобойность собранного в нем очага всякой силы; замкнутый в одно, он изливается из замкнутого бытия; сильный, как сила бытия, он посылает себя, подобно хвосту кометы, грандиозно и всемогуще в дали, и тесная круговая орбита жизненной периферии ему уже не довлеет. Жизнь души становится предчувствием вдаль, становится

рассветом бытия до высших точек протяжения и границ его жизни в космосе; далеко тянется в неприметной мягкости броска наделенный силой бытия поток вслед за тающим томлением внутреннего чувства и в одно мгновение простирается в дали пространства, где ему машут друг, супруга или дети; или молнией погружается во всю ширь уже пройденного возраста, вплоть до первых впечатлений детства, обозревая с кристальной ясностью всю цепь прошлого; или проносится высоко над своим настоящим к предстоящим путям будущего и сокрытого, повсюду предчувствуя и созерцая, всемогуще излучаясь в даль времен и пространства, как собранное бытие, которое его породило. Поистине возвышенный облик являет здесь вольно парящее излучение жизни: мощь силы потока ускользает здесь вдаль без всякой пены и шума; мягко и тихо, полный величавого покоя бытия, уносится поток в ширь мира и своего собственного — и нет в психической жизни ничего тише, нет более мягкого взмаха крыльев уносящейся силы, чем предчувствие сновидения вдаль.

Или же поток, поскольку он уже начал ускользать из глубокого сна, соединяется с волнующим аффектом, когда радость, удивление, испуг и гнев потрясающе возбудили чувствующее созерцание видящего сон духа. При каждом прорыве аффекта бытие души мощно сотрясается изнутри, и сотрясение сущего разряжается, как дрожь, прямо в бросок жизненной силы потока. Поэтому бросок жизни испытывает новое изменение, перемену и в продольном беге, и в силе. Через впадение аффекта в поток сила течения сгущается, и жизнь берет себя силой; но аффект был сосредоточенным излиянием из бытия, поэтому поток жизни сжимается в своей силе бега и укорачивается в длину, тогда как вширь расширяется. Начинается совсем иное бегство жизни. Рокоча и дрожа, словно заряженный грозой, движется поток —

тяжело, как бы чреватый, выступая; ему свойственны мощный выплеск из самого себя, вспыхивание из собранного разбега, плотная череда собранных точек силы. В нем вся сила жизни перемешивается изнутри наружу, он перерывает ее и гонит жизнь сквозь собственные волны и извивы изнутри, освобождает ее от принуждения дня и снова растворяет систематическое шаблонное окостенение произвольного дневного поведения в сплаве свободного течения.

И самыми проворными способами качается поток — вечное подпрыгивание и раскачивание парящей силы туда и сюда, — когда, приблизившись к утру, еще прежде чем молнии рефлексии «я» пригрозили снова приковать его к тяжести, в него излился набухающий поток любви фантазии. Здесь он получил, как душа изнутри, радостный порыв повсюду прильнуть, пригнуться, удлиниться и укоротиться, сгуститься и рассыпаться лучами, — смотря по тому, где какое раздражение его манило, — отливаться и извиваться *вслед за* ним в набухающие формы. Все образцы милого и нежного, озорного и чудовищного, дивного и естественного преследует теперь парящая нить; из монотонного продольного бега вдаль возникает гибкость изгиба, соразмерность изгибов вокруг себя самой; спиралями бьет летучий бег, подобно органическому живому образованию, и из него жемчугом и цветом выходят живые формы, словно это дриада растения ткет и прядет здесь. И поток жизни скользит и парит вслед за всем, что дразнит и манит, и, устремляясь за ним мимолетным бегом, своим бегом создает формы. Так из грозного льва заряженной аффектом жизненной мощи стала милая бабочка, порхающая в веянии силы; и жизнь вьется в полете, брызжет и набухает бег потока, и образует, и творит.

§ 4. Отражения природы во сне

Конечно, может показаться странным, если приписывать сновидению, которое ткет лишь из воздушных образов, сходство его созданий с действительными животными и растениями природы; и все же тканье и пряденье, общее у сновидения со всякой жизнью, уже есть весомый момент, допускающий дальнейшее сравнение с действительным миром творений. И в самом деле, душа человека — трижды ткущая жизненная сила. Духовно она ткет в торжествах духовного над чувственностью, во властной мощи, которую закон духа, обожествляя и пронизывая нравственностью, распространяет над всяким иным жизненным интересом и тем самым сам утверждается в силе; в создании благородно-прекрасного и прежде всего в предначертании и развертывании космических путей развития духовного, прежде чем более неповоротливый человек в целом и медлительный колосс государств и народов сумеет ступить на ясно предначертанные следы. Вторую свою силу душа имеет в животном движении нервной и мышечной сферы своей жизни, где она возвышает вещество до вестника и слуги своих божественных сил; третью, наконец, — в растительной пластике тела вообще, которой она совершает основное строение великолепного храма, каковым является ее тело.

Но когда душа спит, она действует не в высших своих сферах, ибо в кругах свободы духовной жизни она погрузилась в покой и опустилась в творческие мастерские собственной животной и растительной жизни, беззаботно отдаваясь величавой силе своей телесной пластики, сладко покачиваясь и убаюкиваясь в ее волнах. И если во сне появляется сознание, что во сне ведь происходит ежемгновенно, то оно исходит от души, глубоко

погруженной в ткацкие мастерские телесной жизни, и сознательная жизнь души сама должна стать подобной животному и растительному, в которых теперь дышит и ткет душа.

Из спящей души мощно выступает фантазия, и вечное ассоциативное движение образов во сне, их вещественное богатство и вечный порыв к смене подстегивают ее к пышности и огню. Фантазия же сама по себе ткет вещество и пластична; она не мыслит, не умствует, не выводит понятийных схем и систематических предварительных форм, а без раздумий полагает непосредственно вещество и форму вместе, в *одном* неразделимом отливе и сплаве. Поэтому у нее с самого начала есть общее с растительными и животными образованиями природы: как растительный и животный организм непосредственно составлен воедино из вещества и формы, так и все, что творит во сне *ее* творческая сила, органически сформовано и образовано, — разумеется, с той разницей в веществе, из которого ткется, и в роде силы, которая ткет. Ибо там ткется из действительного природного вещества, здесь — лишь из вещества формы, образа или представления; и там это бессознательно ткущая сила, здесь же — творчество самого живого сознания.

Далее, поскольку со сном рефлектирующие мыслительные силы рассудка и разума выходят из деятельности, фантазия во сне вырывается теперь и из принудительных оков мыслительных категорий, которые в бодрствовании, держа ее творческую силу в узде и поводьях, заклинали всякое бьющее ключом волнение в тесные формулы правильности; все стесняющие меры теперь падают, творческая сила фантазии шествует свободно и самовластно; ее образующее излияние становится безмерным и берет мерой лишь самое себя — насколько хватает ее упругости;

ее пластические образования развиваются дерзко увеличенными и чудовищными, образование выступает разросшимся, каков и действующий в нем фактор. Поэтому все такие творения сновидения — а их очень много — сами по себе сравнимы с пышной растительностью тропической флоры природы или же с теми исполинскими мегатериями былого животного мира, где животная душа, созидающая тело, получала от сверхплодородных состояний природы живой стимул к самому растяжимому расширению своих телесных тканей. Массами обитает чудовищный мир в лабиринтах сновидения; все содержание образов кажется в нем расширенным, и в самом деле фантазия в необузданном состоянии свободы оказывается не в силах смотреть и образовывать иначе, как через увеличительное стекло. Если хотите увидеть подобный процесс в бодрствовании, достаточно рассмотреть экзотический рост молвы, который порождает не склонность ко лжи, а набухающая природа фантазии: какой-нибудь странностью первого слуха возбуждается фантазия слушателя, и, пересказывая, она изображает уже из своего возбуждения, а потому крупнее; а еще сильнее возбужденная этим фантазия третьего изображает его опять с расширением и т. д., пока наконец, как мы очень метко говорим, из мухи не сделается слон. Но образовывать и творить таким образом, столь же странным и необычным для бодрствования, для сна вполне обычно, правильно и естественно.

Далее, всякая духовная жизнь сама по себе полна света. Все сознание и мышление дня содержит свет, духовный свет. В логических периодах мысли, в продуманных понятиях, в представлениях, связанных из понятий, есть свет, и притом самопроизвольный, излучаемый мышлением свет, и мысли ясны и светлы — пронизанные светом до тончайших волокон, то есть

отчетливы, или освещены лишь отблеском, то есть темны, и т. д. И в каждом атоме-образе сознания самом по себе, в каждом восприимчивом осознании созерцаемого образа, понятия и идеи, поскольку они должны отозваться в сознательно постигающем «я», есть свет от постигающего «я»; поэтому при этом могут выступать и все степени освещения представляемых образов через «я». Из материалов же дневной жизни сновидение ткет свои своеобразные образования, и хотя преимущественно из конкретных представлений и созерцаемых образов чувств, но все же вперемешку с их воспроизведенными понятиями и идеями, то есть из образов, насыщенных понятиями и идеями; следовательно, и во сне повсюду должен присутствовать духовный свет. И прежде всего вечно подвижные массы образов сновидения сияют, как целые миры, полные света; ибо к каждому из них пристает духовный луч «я», посредством которого он был осознан, и каждый является охваченным и омытым им, и всякое произвольное или непроизвольное выступление образов в памяти или на зрелищных подмостках сновидения производится лишь теми духовными световыми сцеплениями с самостью. — Как всякая самопроизвольная мыслительная жизнь и всякая восприимчивая созерцательная жизнь полна света, так и вся дневная жизнь внутреннего чувства и воли. Ярко-острым, четко выраженным излучением света по существу отмечены все тканье и жизнь мыслительной и познавательной стороны, с одной стороны, и волевой стороны души — с другой. В каждом совете, плане и решении, в стремлениях к средствам и целям действия осуществляются процессы светового пронизывания; воление проясняется, просвечивается, упорядочивается духовным светлым лучом мысленных образов и их разнообразных сочетаний и отношений. Каждый процесс предварительного

образования действия — совет, обдумывание, план и т. д. — есть духовный световой заряд; каждое реальное волевое действие — заряженное светом истечение. Именно поэтому и каждое воспоминание, оставшееся от конкретного намерения или действия, отпечаток в памяти, — само по себе светящийся образ; и последующих образов стремления, воли и действия так много, что они одни образуют целый мир: потому и от них сновидение получает целый мир светящегося образного вещества. — Примечательно далее, что, смотря по тому, определяется ли воля к действию и разряжается чувственными влечениями, или интересами выгоды или рассудка, или святыми, духовно возвышенными и освященными побуждениями, возникает совершенно разная окраска света, которая точно так же доставляет творчеству фантазии во сне разнообразнейшее светящееся вещество. — Наконец, свет мышления и познания сам по себе имеет наклонность внутрь духа, притекая к осознанию и к дальнейшему прохождению через чувство и волю: он, следовательно, ударяющий к «я», центростремительный луч; в волении же вся энергия света направлена преимущественно наружу, она хочет разрядиться вовне в делах воли: поэтому, как в мышлении и познании мы видим входящий свет, так здесь, в волении, — обратный и отраженный свет со всеми видоизменениями отражения. Мышлению же и волению, вместе взятым, которые оба содержат ярко-острый свет, противоположно духовное свечение чувства; оно само по себе духовный свет, ибо оно сознательно, но это не остро-лучистый и не дифференцированный свет, а свет светотени и слияния. Чувства же чрезвычайно многочисленны и разнородны, и уже в противоположности радостного и печального выражается плодотворный общий контраст, от которого в разнородных тонах

и оттенках рождается магическое царство отыгрышей. Сновидение владеет ими в изобилии: ибо не только чувства живого отзвука из дневной жизни невредимо перелетают в него со всей свежестью бодрствования, но они особенно умножаются на гармонических и дисгармонических образованиях сновидения, которые, вместе с созерцанием души, касаются ее чувствующей силы и возбуждают ее. Если же мы соединим мистическую светотень света чувства, содержащую свет, удерживаемый вместе, а не лучисто рассеянный и не просветленный, с ярко-острыми, противоположно направленными, дифференцированными массами света сферы мышления и воли, то это даст суммарное совокупное излучение весьма различного, пестрого свечения во сне. К этому прибавляется еще своеобразное двойное мерцание, порождаемое сплетением всех стихий духа с динамической жизнью мозга и нервов; далее — множество световых отзвуков самой разной окраски, самостоятельно порожденных невесомым светом природы; далее — непрерывный световой контраст, который постоянная ассоциативная смена образов порождает во все иначе устроенных сияниях; и наконец — пронизывающий вспышками входящий луч молний рефлексии во сне, которые от мгновения к мгновению просветляют всю магическую светящуюся атмосферу яркостью солнца: все это вместе — блестящий материал, из которого фантазия сновидения ткет свои волшебные растения: нежнее в дуновении света, чем милейший цветок, потому что выдохнуты из духовного света, — ярче, чем алая краска природы, потому что полны самого проникающего из всех светов, духовного, — сплавленнее, чем драгоценнейшее перистое убранство венчиков на лугу, потому что сплавлены и сотканы духовной силой отлива фантазии, — переменчивее, чем пестрота весеннего наряда, потому что рассыпаны и соединены из

бесконечно более изменчивых переливов света духа. Так украшенное, пышное растение фантазии выступает на поприще с красочным великолепием созданий природы и превосходит, как флору природы, так и нарядное оперение птиц и животных с переливчатой кожей.

И даже в отдельные роды растительного и животного мира нисходит сходство мира сновидений; ибо форму кактуса, где член с членом соприкасается и срастается лишь в *одной* точке и снова лишь в одной отдельной точке прикрепляется заново, жизнь сновидения образует в каждом ассоциативном сне, нагромождающем целые цепи отдельных членов вперед и в стороны; и при этом уже выросшее всегда притягивает к себе и выводит из себя то, что предстоит вновь образовать, — по внутренней силе своей ассоциации. С теми же растениями, которые носят характер чувствительности, разительно сходен совершенно определенно отличающийся от других «сон чувств», который, вырастая из внутреннего вещества созерцания во сне, вместе с тем вбирает в себя падающие извне раздражения слуха и другие и соединяет их с нежностью пластической внутренней ткани. С вьющимися растениями природы, с поднимающимся хмелем, с лианой многозначительно сходен все выше взбирающийся сон лунатиков; с теми травами и деревьями, чья далеко раскидывающаяся корневая сеть завоевывает себе и листве целые пространства земли, — сон-предчувствие, всегда стремящийся вдаль, и т. д. — Точно так же сновидение соперничает и с родами животных; ибо всякий «отмеченный» сон образуется из средоточия, из резко отмеченного, напряженнейшего представления, которое выстраивает вокруг себя менее сильные, а от них все более слабыми образами лучисто расходится, так что здесь вновь находится форма морской звезды.

В долгом убегающем быстром мелькании сна перед созерцанием, в многочленно движущихся ассоциативных образованиях самого разного рода нам кажется, будто мимо нас пробегают тысяченогие черви или многопозвонковые гибкие змеи. В высшей степени интересны далее те примечательные сны-сочетания, образующие совершенно особый вид, где единое вырастающее видение возникает из двух или нескольких совершенно разнородных образований сна и все же есть лишь одно-единственное существо сновидения, совершенно подобное тем допотопным созданиям, в которых несколько родов животных кажутся слитыми и растворенными в одном-единственном виде. Повсюду, наконец, в столь частых снах испуга и опасности на нас скалится вольное создание фантазии — чудовище с разинутой пастью, перед которым мы, скованные, едва можем пошевелиться и защищаться призрачным оружием сна.

Удивительна, наконец, сильная склонность сновидения переводить все выступающие во сне раздражения общего чувства, душевного чувства или внутреннего созерцания в образы действительных животных. Уже во сне фараона коровы достигли пророческого значения; и по сей день буйный бык бушует по царству сновидений, с ним неистово катится бурный сон раздражения. Часто в юности нас преследует во сне необузданный конь, от которого мы проворно прыгаем через заборы и изгороди; укус собаки и змеи для внутренних нервных раздражений — дело самое обычное; зайца весьма весело выгоняет урчание в кишках; обезьян, волков, тигров и подобных пугающих зверей очень легко вызывает аффект. В сне от раздражения зрения летят по воздуху в необозримом множестве куропатки, голуби и т. д., или совершенно своеобразно придуманные дивные птичьи образы приковывают наш взгляд. Ярко-желтая птица в особенности,

независимо от раздражения зрительного нерва, — любимица снов у женщин и девушек, любящих детей; желтая, как и белая, — излюбленный почтальон и разносчик записок, которым пользуется созерцание сомнамбул во сне в общении с гениями. И то, что мы так часто будто бы летаем, выражает живую склонность сновидения к животному миру, и в крылатых ангельских образах ночи даже религиозное чувство не может выразить себя иначе, как через животный мир. — В той же мере сновидение дарит свою любовь и галантность действительной растительной флоре. Веселое настроение сна изображается приветливо кивающими цветущими растениями, юношеское веселье — изумрудно-зелеными лугами и лесами; мечтательный жар любви — в аромате роз, в садах, полных манящих плодов, в милейшем сплаве красок, над которыми лазурь небес держит охраняющий балдахин. Часто во сне встречается тюльпан при виде пышно разряженных женских фигур, которых фантазия сама прежде так расписала; лилия — в союзе с нежными и целомудренными; и какой же шутник сновидение! Если тебе знаком символ «бакфиш» — так шутливо зовут девочку-подростка — и накануне днем у тебя был повод больше им заняться, то ты легко увидишь во сне стайку веселых девушек, скачущих на воле, а себя самого рядом, на травянистом берегу, забрасывающим удочку и ловящим рыб — тех самых, которые фантазия сна позволила себе сотворить из скачущих девушек.

§ 5. Боевые игры сновидения

Жизнь сновидения — это рассеявшаяся власть «я»; на периферические силы, которые она днем удерживала вместе, распалась сила «я». Поэтому все они оторваны в ночное время

духа, все они — властные, вольно волнующиеся самостные силы, все движутся в порыве, и каждая, потому что свободна, — страсть и смятение. И так как они все же привязаны к одному и тому же пространству движения, поскольку все вместе принадлежат одной и той же атмосфере бытия, душе и сновидению, — то естественно из колыхания всех туда и сюда в одном и том же пространстве завязывается могучее столкновение, неистовство всех в противоборстве силы, страстный турнир борьбы — до победы или замирания.

Уже само грезящее «я», как ни беззаботно оно покоится, созерцая сцены, которые готовит ему его рассыпавшаяся сила, не может удержаться от волнения и от того, чтобы не вмешаться в борьбу своим отражающим лучом. Опасности, которые сон расстилает перед собою, играют, извиваясь языками пламени и облизывая, вокруг ослабевшей силы «я»; ни одна не дает ему покоя, каждая осыпает его искрами страсти, и оно шевелится и волнуется и, несмотря на оцепенение сна, то тут, то там наносит удар из своей скованной мощи. Но они чувствуют, насколько они сильнее его, и, задетые вспыхнувшим лучом «я», теснее смыкаются и обрушиваются на него усиленным натиском. Туча за тучей надвигается буря опасности; боль за болью, позор за позором поражают спящего; чудовища с пастями и зубами, с ядом и когтями, полные ненависти, бросаются на слабого, которого охватывают страх и дрожь. — Если видела сон чувствительная женщина, она горько плачет во сне, окруженная угрозой, и всхлипывает, и слезы текут по щеке, что дарила поцелуям такие блаженные края; если же снится мужчине, он гневается в порыве стыда или ворочает руками и ногами, словно деятельно готовясь к бою, но не имея силы направить и поставить их для отпора; нередко он еще умножает свои муки настоящей болью, которую

причиняют ему вслепую разметавшиеся члены. Или женщина громко вздыхает во сне и, всхлипывая, пускает против чудовищ звуки, взывающие к состраданию, — сильнейшее из своих оружий; а мужчина бранится отрывистыми сильными возгласами или бешено быстрыми, несущимися потоками бессмысленных слов; спящий же ребенок нередко кричит во всю силу груди пронзительными звуками ужаса, как альпийские звери, у которых приближающийся враг исторгает сигналы к спасению, — и детский крик молнией пронзает сердце матери или няни и будит ее ото сна. — Нет в душе такой силы, которую грозный сон не вывел бы на свет; все аффекты он поднимает на борьбу против угасающего «я», как против их собственного войска. То он пробуждает изумление и удивление, то бурю радости, то безрассудное отчаяние, то резко сталкивает горькое и сладкое, то грубую чувственную страсть влечения, то карающий стыд, а следом — тем дерзче — влечение, которое над стыдом насмехается и смеется; с самыми священными материнскими чувствами, с достоинством мужского воодушевления он лишь шутит и велит сокровищам сердца самим себя пожирать и мучительно надрываться в борьбе с бессмысленной тенью.

Словно на усладу богиням мщения играет сила образов, и колдует ужасами, и тем, что веселит дикость. Кухарку, вооруженную ножом, что возится с сырым мясом и забитой живностью, сон приводит на бойню, велит быкам, ободранным и увеличенным, подняться живыми колоссами и уставиться на нее вытаращенными глазами, так что ее охватывает жуть; окровавленные бараны и телята скачут вокруг, виляя, как собаки, и раздирают ей сердце; желудок и внутренности, что лежат в корыте, раздуваются в кожаные мешки, из мешка желудка вдруг сделалась шкура, и она шевелится, медвежья шкура и медвежья

шерсть движутся, преграждают ей путь; она пугается, что ей надо пройти мимо, она решается — и кусачая шкура яростно хватает ее за руку, она борется, чувствует себя раненой, но ей не больно. Довольно часто куры в горшке оживают и без голов бьют крыльями испуганную спящую. Обычные для женщин боевые игры сна — это далее пенящиеся воды, реки и озера, выходящие из берегов, кони и повозки, борющиеся с ними, льдины, увлекающие за собою все, и тому подобное. Чем сильнее волнение самой спящей, которой кажется, что она смотрит с берега или с моста, или чем отчаяннее страх уносимых волнами, тем неистовее искрится боевой дух сна и тем поразительно быстрее растут волны, страх и опасности. У полоскальщиц поток уносит белье, у матерей в воду падает ребенок, женщинам от сковороды сверху, с моста, рыбы внизу, в заводях, кажутся такими большими и великолепными, что они спешат вниз, чтобы их поймать, — но о ужас: посреди играющих рыб лежит разлагающийся труп, и он шевелится, нагой мужчина выскакивает и с позором гонит их по полям и улицам, пока гонимой не удается спастись и укрыться. Если спящая — девушка, то какую из них еще не пытался обнять, целовать и ласкать блаженно хмельной человек, тогда как она в страхе, с совсем иным идеалом в сердце, едва может вырваться из его фамильярных объятий; и какая из женщин или девушек еще не бежала во сне от буйного мужчины, от «мужлана», как говорят женщины, который, ругаясь, грубо пытается удержать ее угрозами, пока она, задыхаясь, торопится добраться до защищающего дома или до поперечной дороги; и какая, думая, что бежит, еще не спотыкалась о препятствия, отчего преследователь оказывается все ближе! какая не испытывала при этом мучения от нечаянной наготы на глазах у зрителей на улице! — Мальчика порезвее, напротив, довольно часто преследует

рычащая собака, или он запутывается в живой изгороди, и шип становится его противником; или он видит, как дерутся шпиц и кот, и когда он подбегает с палкой, кот прыгает ему на шею; или фантазия рисует ему пугающих кобольдов в гротах или в воздухе, какие свойственны детской сказочной природе. Юноше же грозят пистолеты и разбойники; обычны для него схватки чувства чести, которые ему приходится выдерживать перед учителем и товарищами по классу при плохо приготовленном уроке; вздумай он во сне прогулять школу, чтобы избежать мучительной сцены, сон наверняка уже на лестнице выставит ему навстречу учителя или школьного служителя и с позором загонит его обратно в покинутый класс. Мужчин же гонит могучий бык, образ ворчливой вспыльчивости, и пресмешно гонит их перед собой, как пух, — их, прирожденных силачей; впрочем, они охотно переносят такие погони, потому что за ними, как говорят, по пятам следует счастье. Или образ силы сосредоточивается во сне в бешеной собаке, которая наносит смертельно опасную рану; за ней следуют анатомирующий врач с ножом и кровавыми разрезами и изобилие болей, соединенное со смертным страхом. Древнего римлянина во сне ранил копьем в руку или в бедро Марс, итальянца нового времени хватает каменный лев у церковных врат и грозит его убить, и так далее. И кто не слышал во сне с ужасом все ближе подступающий гром пушек; кого не пугали и не мучили чреватые грозой тучи, бьющие молнии, трещащее пламя, глубоко зияющие пропасти, в которые грозит сорваться! Если ты на охоте, ружье дает осечку, когда на тебя бросается кабан, и он роется в твоих внутренностях; или ты промахиваешься, хотя пернатая дичь пролетает у самого твоего носа, — на смех соседу; или ты воображаешь себя перед князьями и вельможами либо в торжественном собрании людей и, произнося речь, запинаешься,

заливаясь краской стыда; или ты видишь себя в болтовне с дамами, для которых служишь мишенью насмешек, или ты забыл надеть штаны, и так далее. Все это — обычные обманные образы сна, которыми он окружает тебя и с тобою сражается, давая волю своей необузданности; и все эти сцены борьбы приносят все новые запутанности, которыми опасность все глубже затягивает тебя в сеть, нередко в поразительно прекрасной самобытности, какую дневная фантазия не в силах воспроизвести; и все пышнее бьет ключом задорная охота сна к потасовке. — Если же ты спросишь, как может ласково-дружелюбный, послушный сон причинять тебе столько враждебного, я отвечу тебе: он делает это из любви и дружбы; ведь он не только нередко берет охоту к борьбе из твоего же собственного возбуждения в нервах или в душевном чувстве, но и становится твоим лучшим другом еще и тем, что своими бурями самым основательным образом оживляет и освежает внутреннюю жизнь твоего духа, — подобно тому как поступает железная судьба, когда закономерно ведет тебя через тяжкий труд и нужду к радости жизни.

В основе же боевых игр образов лежит взаимная борьба самих сил, творящих сновидение, из которых одна гонит и побеждает другую и сама бывает побеждена. А образующие силы сновидения таковы: тысячекратные массы образов воспоминания, памяти с их разнообразными законами ассоциации; богатые энергией раздражения нервов во время сна, или их усиливающий отзвук в общем чувстве тела; широко кружащие, в самих себе протекающие движения психического чувства, или душевного чувства; страстные порывы бьющего через край аффекта; всесплавляющие пластические движения фантазии со всеми модуляциями ее творческой силы; еще звучащие во сне шаблоны периодического образования мыслей; молниеносно врывающиеся

отблески рассудка, которые в известные часы сновидения обычно утверждают себя с назойливостью существ-паразитов; заряженные силой влечения вздыбливания сферы воли, и так далее. Все эти образующие силы сновидения постоянно борются и сцепляются друг с другом; каждой дана своеобразная энергия, которой она утверждает себя перед другой как самость и достигает торжества самости, тогда как достигнутая высшая точка ее силы развития уже означает ее упадок и переход господства к другим, а такой же жребий развития вновь возносит над ними иную.

Самой проникающей силой из всех них, очевидно, обладает отблеск рассудка, по своей природе созданный режущим, когда он выступает. Однако он не только является во сне лишь как пришелец, а потому реже, чтобы развеять в прах магические образования, но и, так как парализованная сном самодеятельная мощь «я» не может придать ему веса, тотчас бывает настигнут и поглощен отовсюду налетающими силами ассоциации образов; а если он все же держится, как в преддверии пробуждения, где «я» уже начинает шевелиться, — против него выступает вся собранная мощь образующих сил, и между ним и сновидением завязывается та любопытная борьба не на жизнь, а на смерть, конец которой может положить лишь полное пробуждение самого «я». И наоборот, при засыпании, в стадии, противоположной пробуждению, господствует власть шаблона: при засыпании, во время него или сразу после него периодическое построение еще правит стремительным падением образов, они гонятся и спорят в форме периодов, но при этом совершенно безразлично, какой образ стоит в подлежащем, какой в сказуемом, и во всех них царит внешний наряд мысли без внутреннего смысла и разума. Недолго длится эта сила притяжения; ибо с более глубоким засыпанием

«я» периферия поднимается до полной власти, законы ассоциации развертываются сильно и свободно и поглощают принуждение шаблона, пока под утро он едва решится выступить снова, высланный пробуждающимся «я» вперед как застрельщик. — Иначе опять поднимается раздражение нерва: это чреватая содержанием, насыщенная сила тяжести, потому что она наполнена материей, в которой обитает; легко притягивает оно образы, они следуют за ним, как мякина. Фантазия же загорается одновременно от его дрожи и оплетает его символическими копиями, от которых, изумляясь, пробуждается аффект; в обоих раздражение нерва отзвучивает, и обоих заглушает разрастающаяся сила ассоциации образов. — Опять же особой силой достигает господства психическое настроение чувства. Чаще всего психические чувства еще из дневной жизни сильно звучат в сновидении и через него опять дальше — вплоть до бодрствования; ибо они звучно колеблются, кругами волн держатся вокруг своего средоточия, не склонны разряжаться вовне и потому тем дольше задерживаются внутри, упорствуют. Это пребывание силы колебания в себе и делает их могущественными в притяжении. А что настроение потеряло бы в энергии от поворота жизни духа ко сну, то с избытком возмещает ему его невозмутимость во сне, так как с полным поражением «я» во сне отпадает и всякий произвольный толчок к рассеянию и распределению чувств, которыми так богато бодрствование. Каждое настроение чувства во сне заявляет о себе отзвучивающими в нем массами образов, передающими тот же тон настроения; они развертываются широкими кругами, словно в панораме выводя целые виды мира сновидения. Если раздражение нерва, пока чувство развертывает свои образования, вдруг вторгается в театр сновидения, мягкость настроения

отступает перед его телесно тяжелой силой порыва, но переживает пышное раздражение нерва благодаря своему стойкому существу и снова победоносно выступает над обессилевшим. — Гораздо живее, чем терпеливые настроения душевного чувства, господствуют в сновидении беспокойные волнения аффекта; они взрывают вместе с собою все сферы и времена круга представлений и разгуливают в неистовейшем смятении сновидения, и без того мятежного; а опасными их делает нервное волнение, которое психический аффект неизменно и в той же степени вызывает с собою, — так что психический аффект повелевает вместе с тем и полнейшей двигательной силой раздражения нерва. Но ничто в космосе не создано безграничным, а значит, и в призрачных краях сновидения; и чем неистовее бушует аффект, тем сильнее пробуждает он свою противницу — объединяющую образующую силу фантазии, которая все, что он взрывает, снова притягивает к себе, соединяет и сплавляет и, возрожденное в едином сплаве, в полной силе сцепления противопоставляет ему; к тому же его страстность уменьшает выносливость силы. Фантазия со своей стороны волнуется очень мило и мягко, и все же жизнь и творчество бьют ключом из каждого ее следа; нежнее пуха притягивает ее всасывающая сила к себе нескончаемый поток образов, и сплавляет их с собою, и оплодотворяет их единством своей творческой силы, — и велит им выходить гармониями, с плавностью вырастающих друг из друга побегов; повсюду возвещают власть этой госпожи облик, цветение и поросль царства сновидения. Но и она не абсолютная сила, и массы образов сновидения выступают против нее, одолевая ее. Каждый из образов сам по себе уже есть малая сила притяжения и действенного соединения в малом; соединенные же рядом и друг

за другом, они представляют великие силы; за ними фантазия следует как бы охотно и услужливо в различные ассоциации, чтобы пользоваться их атомарным соприкосновением как рычагом к высшему сплавлению; но как только фантазия начинает свои пластические отливки из единого, в основе которых лежит *внутренняя* связь, завязывается и борьба закона ассоциации против силы, связующей изнутри, и почти в каждом образе сновидения, принадлежащем фантазии как таковой, видно это дерганье и сопротивление внутренней силе, пока с высшей точкой творчества фантазии энергия образов не получает перевеса; они овладевают самой образующей силой, катят перед собою чудовищные образования, которые изобрела прихоть произвола, — и завязывается новый спор о первенстве, ибо каждый из законов ассоциации хочет господствовать сам и утверждает себя против других, — но нередко все они вместе бывают побеждены перевешивающей силой из их же числа, о которой они и не подозревали, — простым образом, который с особой силой впечатления держался в памяти и теперь, пробудившись вместе с другими к свободе и жизни, бодро устремляется вперед, припаивает к себе и объединяет другие, так что шествует в притянутых других, как в собственном одеянии, по-княжески украшенный. И как рать образов одолела фантазию, так в конце концов может она вырвать силу у раздражения нерва, у настроения, у вспышек рассудка и, как коршуны на мертвое, бросается на ослабевших; но и ее покидает мужество, и в погоне за тысяченогими разворотами истощается сила; выступает новая власть, ибо никогда не покоится жизнь, и давно побежденная образующая сила, вновь окрепнув, радуется господству. Поднимается и воля и мечет в сновидение энергическую искру из души и нерва; счастье, что этот железный луч парализован, иначе

он одним-единственным ударом разрушил бы весь свод сновидения; а так сон лежит на воле, как свинец, и лишение власти «я» поразило ее сильнее всего; едва ли она способна шевельнуться хотя бы для видимости, когда разбойники трясут спящего, копья и кинжалы грозят его сокрушить, а он не соберется с силами и не отобьется. Однако как только во сне выступает какое-либо повышенное движение в произвольных нервах — например, после вспышек гнева накануне днем, или у молодых людей холерического склада, или на известных ступенях развития тела, — волевое движение поднимается во сне с могучей образующей силой; воля наколдовывает сцены бега, плавания, восхождения и лазания, повседневной работы, служебных речей, пения, танца и так далее, и все образующие силы сновидения слетаются, чтобы свежо изжить волю сновидения, формы движения в высоту и вширь, а фантазия и рефлексия наперебой предлагают свою помощь; и даже мышцы, которые так трудно пошевелить во сне, поднимаются, и рука действительно гребет, когда снится плавание или полет, нога при танце во сне действительно движется в такт, хотя и в лежачем положении; а при развернутом беге, лазании, восхождении, работе в сновидении воли мышечная энергия не только достигает полной ловкости прямостоящего позвоночника днем, но и далеко превосходит его гибкое искусство. Но и образующая сила воли в сновидении имеет свою меру — начало, высшую точку и исчезновение; вместе с нею отшумевает и порождающая сила фантазии, кующей замыслы воли сновидения, и все прочие помогающие силы, пока наконец перевешивающая энергия ассоциативных сил образов снова не восстановит обычный уровень жизни сновидения.

Но как образующие силы сновидения поодиночке, одна за другой, наперегонки гонятся друг за другом и друг другу завидуют, так нередко они все разом вырываются из беспокойства движущей силы и образуют в творчестве переплетенные кольцами битвы деятельности. Часто ты видишь их всех, вызванных одним и тем же поводом, соединенными в одном-единственном сновидении; они запутываются и сплетаются в узлы, но ни одна в этой общей суматохе не теряет своей самости; ибо едва одна или другая хоть немного уступит в энергии, как другая тем живее прорывается вперед, укрепляется на завоеванной почве и тем поспешнее обвивает остальных, которые в свою очередь противопоставляют ей тем большую силу отталкивания. И как фокусник из какой-нибудь *одной* вещи, которую он держит перед тобой, неожиданно выманивает множество других, так во сне незаметно одна образующая сила сновидения порождает другую, противоположную, и эта снова превращается в ту, а обе вместе снова в новые, как переливы красок хамелеона: один излучается из всех и все из одного, — ибо душа есть непрерывная органическая жизнь, и нет в ее нити ни уступов, ни точек разрыва, ни торричеллиевых пустот. Едва во сне шевельнется ассоциирующая сила образов, как периферическое слияние в них уже будит пластическую деятельность фантазии, а резкое противоречие в странных сшивках ассоциаций образов вместе с тем — аффект изумления; а он, в свою очередь, повышает творческую силу фантазии, и фантазия опять, следуя аффекту изумления и вынося на свет тем более странные образования, усиливает изумление; с отшумевшими же удивлениями уже разливается по полям сновидения более мягкий аккорд настроения и веет, как зефир, над успокоенными лугами, после чего хоры образов снова сами по себе поднимают свое ликование,

и в них резко отмеченные силы впечатления разрастаются до величия, и так далее. Поэтому если бы захотели точно измерить еженощные образования сновидения по силам, что ткут в них, то по большей части обнаружили бы в них текучий шум многих или всех сразу; если же рассматривать действующие силы по *степени* их энергий, то легко заметить среди них главную силу, которая делает остальные своими слугами, и самые разнородные образования сновидения можно разложить и различить по вполне определенным особым группам.

§ 6. Воспроизводящая сила сновидения

В бодрствовании само мышление ткет мысли, рассудок и разум соединяют свою силу для систематических развертываний; законы же ассоциации образов играют лишь подчиненные роли, подводят новый материал образов, если и насколько мышление это допускает; лишь в совсем тесно отмеренных кругах и отрезвляющими путями, ослабляющими свежесть их выражения, притекают они — потерпит ли их мышление и что ему вздумается выбрать из них по своему самовластному решению. Во сне, наоборот, молчит самодеятельная сила «я», а с нею и зорко разбирающий факел рассудка и принуждающие начала разумности, и, свободный от всех оков, поднимается неизмеримый хоровод образов-представлений; закон ассоциации творит беспрепятственно, первозданно и свободно; из одних лишь образов возникают мысли, и тропическая сила источника, поднимаясь из атомов, возвещает господство периферии и могучую воспроизводящую силу сновидения. Народы государства легче всего привлечь к себе и своим целям, если вникнуть в их природу, ее самое оживить, а затем повелеть им из

принуждающей силы внутреннего бытия самим выработать живое присоединение к правящей власти; так поступает и сновидение: оно оживляет периферические массы духа, дает им свободу и простор, а затем извлекает из этого для себя высшую власть; и на свободе, свежести, полной подвижности воспроизведения сновидение основывается прежде, чем само может стать производящим.

Поистине чудесна сила сновидения — высыпать все мыслимые образы дня из кладовых памяти бесконечными стаями, вызывать их снова с высшей свежестью наглядного выражения и приводить в непрестанную смену движения и взаимного соприкосновения. Здесь царит хаос сам по себе, но в хаосе — именно единичное и его закон, произвол единичного по отношению к целому, которому недостает всепроникающей силы единого, силы «я», чтобы сложить его в кристаллическую сеть жизненных жил одного-единственного центрального начала. Из каждого атома-образа здесь проповедует свобода, но сильнее, чем из единичных образов, веет она из законов ассоциации, получивших всеобщую власть, которые, подобно категориям самодеятельного мышления, как объединяющие силы правят ратями единичных образов и сопровождают их. Закон ассоциации внешнего, или случайного, своей силой с необычайной легкостью выносит на сцену сновидения предметы представления, которые для дневного мышления вовсе не соприкасаются друг с другом, потому что по природе своей противоречат друг другу как нельзя более. Здесь видишь, как противоположнейшие призраки образов, вспугнутые из покоя памяти, громыхают и катятся навстречу друг другу, электрически притягиваясь и хватаясь друг за друга, причем торопливому объятию не удается ни подчинить себе противостоящее в его самости, ни уничтожить его. Самое

страшное и самое милое, дразнящее и разрушительное, прелестное и прекрасное, нечистое и благородное, хворое и здоровое, живое и мертвое, могущественное и ничтожнейшее — все здесь вызывает друг друга к жизни и движению по самым неприметным сходствам, которые, казалось, доставались предмету лишь мимоходом. Так этот закон подкатывает к образу кротчайшей девушки, которая мирно вышивала в тихой комнате цветочные гирлянды, войско истребляющих друг друга солдат — посредством того внешнего момента, что игла швеи и штыки солдат одинаково колют. Тучную корову, пасущуюся на лугу, сон переносит наверх, на кровлю сарая, потому что зеленый мох там и луг соприкасаются. Оттого что мальчик, ликуя, дал буре нести себя по улице, тотчас появляется свадьба летающих воронов в воздухе, ястреб над полями, который, бросаясь вниз, хочет вцепиться когтями в загнанного зайца. Если тебе снится, что ты сам летаешь, то развевающиеся знамена веселого праздничного шествия и танцы и балы прелестных девушек, где струящиеся одежды стремятся захватить за собой еще большие круги, уже подстерегают и молниеносно соединяются во сне с первым образом. Колоссальна сила этого закона: среди тысяч и тысяч образов, которые пережитое, судьба и времена собрали вокруг всемогущего тяготения «я», его власть по самым мелким прихотям притягивает друг к другу то, что перед светом мышления отталкивалось, как смертельный враг, и сплавляет и соединяет это — так же мимолетно, как мимолетно было соприкосновение. Так соприкасаются все сферы и времена действительно пережитого, и братское слияние возвещает единство жизни в настоящем и прошедшем; высоко раскрываются палаты памяти, и то, что казалось уже неподвижным и забытым, снова обретает порождающую силу

жизни, и бьют ключом краска, выражение и свежесть из возрождения движения: кристаллизация памяти становится кружащимся слиянием, и все единичное делается воздушным и светлым, и из тысяч и тысяч точек видишь, как в царстве милых теней поднимается и скрещивается электрический луч, и пара за парой приглашают друг друга, как на свадьбу и танцы, и неизмеримо тянутся цепи, атом за атомом проскальзывая через дали царства сновидений, — поистине веселая организация, которую совершило творение в царстве чувственно неуловимого.

И не только по одному этому закону поднимает сновидение пережитое и прошедшее. Чтобы не казалось, будто дневная жизнь духа слишком его превосходит, оно, как и она, пользуется рычагами внутреннего притяжения. Сновидение выкатывает образы по внутреннему сходству, как рассудок — по понятию. Но оно держится за внутренние категории не самовластно, как он, а и здесь опять велит образам свободно притягиваться друг к другу по какому бы то ни было внутреннему сходству, без боязливой подгонки одинакового; и вот — свободомыслие его объединяющего понятия вознаграждается тысячекратным жизненным воплощением понятия; ибо как родство людей тянется от отца к сыну, от брата к другу, от друга к родичам по народу, от народов к Адаму и Еве, так притяжение сновидения по закону внутреннего вызывает на свет целые стада сущностно родственного — от теснейшей до самой широкой взаимной принадлежности; при этом часто видишь, как полный объем понятия осуществляется в живом изображении; часто сновидение выхватывает *одну* особую сторону существа понятия и выгоняет на ней богатую поросль почек родственного; часто оно разлагает единство понятия на отдельные признаки и дает им, каждому в отдельности, являться в оживленном облике в связи друг с

другом. Поэтому если тебе снится сад, ты видишь тыквы и дыни, деревья и благородные травы, а при них садовника, и не только это: ты слышишь и флейту, играющую под листвой, видишь девушек, срывающих розы, лебедей, плывущих по зеркалу воды, и все, что более или менее сущностно связано с понятием сада или с ним соотносится. Точно так же, если тебе кажется во сне, что ты плывешь, ты видишь не только себя плывущим, но и товарищей рядом, не только реку и ее зелено убранные берега, но слышишь при этом и пение соловья в кустах и так далее, так что все, что приносит с собой настоящее купание в полном его развертывании, здесь снова воспроизведено; и сновидение, поскольку ему всегда сопутствует образующая сила фантазии, всегда склонно писать во всей полноте и широте идеи, а не брать себе за образец скудость сжатого понятия. Благодаря же щедрости сновидения в понимании внутреннего родства образов большие множества представлений, лежавших в бодрствовании слишком далеко для взаимного соприкосновения, притягиваются друг к другу и выводятся наружу, освежаются и возбуждаются, так что и изнутри хаос сновидения приходит в сотрясение; и все времена твоей пройденной жизни и все заботы твоей души в настоящем и прошедшем выставляют в это движение свой отряд.

К законам ассоциации по случайному или по сущностному моменту присоединяются далее законы, следующие мерилу совместности в пространстве и одновременности. Все, что ты когда-либо, когда оно тебя занимало, видел или слышал вместе или одновременно слышал и видел, — как бы случайно ни вступило воспринятое между собою в связь, — воспроизводится уже и днем; но в бодрствовании, где мышление и подчиненная правилам воля проводят свои твердо очерченные круги, нет места для широкого размаха этого закона, и только сновидение

исполняет его во всю его ширь. Целые группы образов воспроизводятся во сне, стоит только одному из воспринятых вместе с ними выступить на передний план от какого-либо движения сновидения; и сновидению недостаточно вновь привести к созерцанию лишь то, что стояло в ближайшей связи с первым явившимся образом: во всем объеме сцены снова восходит прошедший мир; и как живописец может изобразить свой сюжет не иначе, как с живым фоном, в котором особая субстанция картины дышит и парит, как в своей исконной жизненной атмосфере, так во сне с первым вызывающим моментом озаряется вся картина, а со всей картиной — все ее окраины, вплоть до того места, где воспринятое вместе совсем теряет свою границу; ибо ничто не мешает во сне силе этого закона ассоциации: он изживает себя настолько, насколько в нем есть энергии жизни, и сладострастно растягивается каждая стихийная сила сновидения, будто она одна и есть жизнь души, не заботясь о других, — насколько хватает ее сил. Если ты в действительности видел ослепительно белых овец, пасущихся в сочной зелени поднимающихся гор, и во сне по какому-либо поводу выступает образ овцы, ты видишь не только то стадо, но и пастуха, слышишь его свирель и звон колокольчиков овец, все горы с травами и лесами разом поднимаются перед тобой, и над ними встают воздушные просторы неба, а под ними долины, и малые холмы, и прелестные деревни и города, и все, что радовало твое сердце, когда ты видел это наяву. И даже этого сновидению мало: приведенные в движение множеством образов в едином, новые массы образов выскакивают на рычагах родства к увиденным, и общая картина разрастается во все стороны множеством боковых ветвей живого созерцания, и богатое содержание совместной ассоциации становится плодовитым

творцом еще более богатого творения сновидения, как солнце, вызывающее рост. Или если наяву тебя порадовала девушка цветком, а сновидение опять наколдовывает тебе цветок, то ты видишь вместе с розой и дарящую руку, и мило улыбающееся лицо пышногрудой девушки, и веют зефиры по саду, пышнолиственные деревья манят отдохнуть в тени, раздается пение соловья, и ты видишь милое гнездо зяблика на дереве, и подруги девушки, родители и братья и все остальное являются вместе с первым образом, — не говоря уже о назойливой побочной пряже чужих ассоциаций. Итак, ассоциация совместного в пространстве движет силу образов сновидения крупными связями групп, и этим в шаре сновидения производятся всеобщие сотрясения жизни образов, и свежесть, упругость, сила порыва и пышное выражение жизни излучаются разом из целых полей сновидения. — Еще смелее развертывается в сновидении закон одновременного; для него, для того, кому движение и бег движения стали субстанцией, течение времени есть постоянное единое, и прошлое и настоящее, и все разнесенные моменты прошлого сближаются перед ним в одно и в слияние; и строгие законы разделения, свойственные рассудку, которого одолел сон, не мешают ему тесно соединить то, что в последовательности времени стояло далеко друг от друга. В бодрствовании закон ассоциации одновременного движется в точности понятия одновременности; сновидение же понимает его широко, делает сферами одновременного не только часы и часы, дни и дни, но и месяцы, годы, целые отрезки жизни, а в известных экстазах даже все протяженное развертывание жизни вплоть до самого настоящего мгновения сновидения, и в последнем случае, подобно сверхъестественному существу, оно самым поразительным образом представляет все важнейшие сцены

жизни от раннего детства до старости — красноречиво и ясно, как действительность, и освежая давно забытое. Тем легче будит оно образы друг через друга, если они лежали вместе или врозь в более короткие сроки; с силой встряхивает оно времена образов вширь и вдаль. Увидишь ли во сне полный стакан — ты слышишь одновременно звон бокалов и весь круг поющих друзей, и никогда не перестает чреватая бочка рождать блаженный жар; если твой настоящий собутыльник был охотник, сновидение воспроизводит вслед за ним пирушку в лесу, и манящие голоса дичи в лесу, и громко ликующего фазана, и лай собак свободно вплетает в песню пирующих побочная ассоциация; если же ты пировал с веселым священником, то во сне ты пьешь наверху, на хорах, и примешиваешь звон бокалов к звукам органа, а секвенцию исполняет громко поющий или проповедующий священник со своим кантором, в угоду первому из которых сон избрал церковь местом пирушки. Но сновидение не приковывает это к *одному* мгновению; подобно веселому студенту, оно играючи пробегает все горы, весь край и все путешествие, во время которого пирушка была на самом деле, и все пережитое в пути до или после попойки свежо и живо встает перед взором, украшенное колоратурами вольной фантазии. Снится ли тебе из детских лет, как крестьянин прогнал тебя со своего гороха, — ты тотчас видишь себя в школе вместе с проказливыми товарищами; видишь отца, который стаскивал с тебя сапоги, чтобы ты не убежал, утешающую мать и самые разнообразные мгновения пережитого, которые все течение твоего детства хранит в себе, там и сям рассыпанными. Так этому закону ассоциации дана во сне могучая действенность: ведь вокруг одного-единственного мгновения, в которое вплелась пройденная нить жизни, он вызывает к свободному движению целые полчища связанных с ним образов — предшествующих и

последующих, и массы образов духа раскрываются по сочленению времен, и целыми эпохами вспыхивает сила памяти к возрождению.

И опять иной род живого волнения поднимается, когда привыкшие к победе категории дневного мышления вызывают в ночной жизни отблески своей силы. Дело в том, что вместе с образами дня в памяти удерживается и их взаимная связь — по причине и следствию, по средству и цели; поэтому если во сне появляется какой-либо образ, который по дневной жизни привык относиться к другому как следствие к причине или как средство к цели, то один посредством этого рычага связи без всякой помощи самодеятельности духа легко и без всякого сопротивления вызывает на свет другой; и этим в массах образов сновидения производятся движения не менее грандиозные, чем другими законами ассоциации, ибо и здесь царит свобода и полное изживание силы во всем ее объеме, и без всякого ограничения потянутый следом образ развертывается во всей полноте своего содержания, со всеми украшениями и подробностями своей особенности, вплоть до дальних кругов своего объема, где он расплывается. Видишь ли ты во сне бегущего зайца — он, словно на своем хвостике, вытягивает за собой из наполненных целым миром кладовых памяти кустарник, из которого он только что выскочил; поднимается большой лес, и вот уже выступает на простор луга причинное звено — бегущая следом свора собак, за ней следуют охотники, егеря, тяжело свисающая ноша подстреленной дичи, — и сцена меняется: уже косулю, оленя преследуют, ты слышишь созывающие звуки охотничьего рога, и начинается освежающая трапеза охотников, ты с завистью видишь, как они осушают кубки, и не обходится без услаждающей женщины, и без игральной кости, которая на привале

возобновляет охоту за счастьем. Найдешь ли ты во сне пилу — и сам не знаешь, как ты так внезапно очутился на стропилах дома, где крепкие плотники кладут балки: категория взаимной связи средства и цели подняла тебя туда, и все, что дальше рисуется тебе в убранстве этой картины прилежного ремесла, — и высоты окрестных башен, и дали земли, которые ты окидываешь взглядом, и дрожь, когда смотришь отвесно вниз с высоты, — все это наколдовала найденная пила или топор. Подобно хвосту кометы, исполински простирается шлейф причинности, который образует себе бегущий впереди атом произведенного, и из крохотного корня средства развертывается широкой кроной богатство цели. Могучими потоками волнуют связи категорий царство сновидения, хороводы образов поднимаются живо и вольно, но, убегая и проскальзывая, они парят в равновесии неразрывной взаимности, и в них оживают вместе с тем сцепления образов, имеющие столь большой вес для дневной жизни духа. Но как многообразны в жизни сцепления следствия и причины, средств и целей! как многообразно, следовательно, перекрещиваются подобные групповые движения образов в атмосферах сновидения, и как разносторонне освежаются тем самым элементы высшего мышления, предвещая пробуждение! —

Но сильнее всех ассоциаций действует воспроизводящая власть аффекта; он захватывает образы непосредственно со стороны их напряженности, то есть прямо со стороны их сокровеннейшей жизненной силы. Днем мы редко переживаем полную власть аффекта, потому что дневная воля и мышление, чтобы обеспечить духу господство, по большей части подавляют его неистовство и вообще очерчивают всякому душевному движению ради него самого как можно более тесный круг действия, или пользуются им как подчиненной движущей силой,

или стараются ослабить его многообразным произвольным распределением. В ночи же душевной жизни аффект не знает преград: он бушует, сколько в нем есть силы, и выбушевывается до конца, и никакая властная сила не встает ему навстречу. А рожденный по природе из собранной глубины души, ибо он рожден из душевного чувства, он выступает с повелительным действием силы тяжести; и так как он есть деятельность душевного чувства, он самопроизвольно, переливаясь через край, распространяется за собственные пределы и врывается в царства образов, как гром, и все шара сновидения содрогаются, как гудят горы и долы природы, и могучая плодовитость живой силы бьет при этом ключом из содрогающихся миров образов; как пух, встряхивает он образы сильнейшей напряженности, потому что исходит изнутри. Так как в самой сути аффекта заложена сильная напряженность порыва, с ним тотчас пробуждаются к жизни все образы сильнейшей напряженности, и, усиленная возбуждением аффекта, искрами брызжет их сила. Все страхи дня и давно забытые потрясения жизни оживают вновь: сцены стыда, оскорбленной чести, изумления, негодования, отчаянной скорби, безудержного буйства радости, слышанные рассказы о духах, любимые умершие и все, что когда-либо в жизни сильно волновало и потрясало тебя, — все это поднимается разом, сбивается в грозы духа и разряжает свою страшно волнующую силу в созерцание трепещущей души. До самых опор потрясает аффект жизнь памяти; ведь в тех сильнейших впечатлениях, которые по преимуществу возбуждает с собою аффект, сила памяти имеет величайшую опору — вечных раздувателей живости ее мира образов; и от этих резко отмеченных могучих образов длительность воспоминания распространяется и на тише колеблющиеся образы, как лучи света от фокуса, все дальше

вокруг себя, днем и во всякое время. Когда же аффект врывается так в самые весомые сферы образов, вся рать носителей воспоминания вспыхивает полным пламенем лучистой силы и возбуждения, и от этого непосредственно загораются ближайшие по напряженности образы, а с ними опять еще более слабые — целыми полчищами — страстным движением; и, как кружащий сам в себе пчелиный рой, дико мечется туда и сюда раздутая жизнь тысячекратных атомов-образов, и весь мир памяти ликует в возбуждении, и ненасытно вырывается из раскованных образов жажда самых разнородных ассоциаций. Поэтому во всех тех сновидениях, которые вместе образуют упоенную группу аффективных образований, развороты за разворотами все снова вытекают друг из друга, так что одно-единственное аффективное сновидение выносит на свет множество сцен, каждая из которых сама по себе закончена.

Если же аффект действовал грубой звучной силой образов, сравнимой с мажорными тонами в музыке, то, со своей стороны, мягкая природа настроения душевного чувства, достигнув господства, приводит в движение более нежные рати образов и вольно оживляет их для себя, огражденные от неистовства аффекта, — ибо страдательное настроение исключает деятельное возбуждение аффекта, — и образуются миры сладостного и милого, прелестного и светлого, и весь шар сновидения оживает и освежается своими светлыми сторонами; а настроения душевного чувства весьма разнообразны и богаты звуками, и по особым оттенкам каждого из них мир образов сновидения многообразно поднимается и проясняется, мелодично и богато.

Из всех же воспроизводящих движений сновидения пробуждение духа восходит свежим, радостным и юным, как утро в природе.

§ 7. Своеобразие живописи сновидения

Сновидение рождено художником, ибо в нем свободно и живо царит фантазия, и его идеи не выходят, выточенные размышлением, а возникают свободно-творчески, непосредственно, как это дано гению. Его царство — краска, ибо в бесчисленных оттенках колорита свежо и живо пробивается в нем сила образов, и из фантазии в краски изливается бесконечная эмаль; поэтому оно художник и живописец. Трезвой кристальной ясности мысли, в которой бодрствующий дух развертывает свои идеи, ты в нем не замечаешь; его удел — набухание жизни в пестроте и пышном сиянии. Уже наяву поэт умеет украсить и окрасить ясность духа «я» мерцанием образов, и где поэзия струится в милом творении, там прелесть жемчугом катится из образов; во сне же раскрепощается цветущая толпа образов, и сама краска становится кистью, и сама краска творит прекрасное, и божественное дыхание фантазии соединяет всю силу, и легче дуновения ветерка развертываются волшебные миры искусства сновидения, и ты не видишь во сне ни ваятеля, ни краски, ни отдельной работы: ты любуешься картинами. Но живописное искусство сновидения живет по собственному закону. Так как недостает кристально ясного основного луча духа «я», сила разливается через пестроту, смену и переливы красок, и бесчисленная работа образов выражает силу идеи сновидения через множественность. Так как живопись сновидения потеряла постоянное тяготение «я», она теряет покой классического, но благодаря вечным сменам в совместном сиянии многого рождаются гармонии более свободные, многосторонние и неожиданные, чем в бодрствовании; и дух сновидения, подобно гениям, добивается своего в вечном изобретении и творчестве; и

его творения, зачатые на бегу возникновения, лишены отделки в частностях, как творения гениев, и над широким раскинутым простором его картин лежит расплывчатость образов, как в батальных полотнах живописцев, где бесчисленное множество теснится в *одно* образование. С особой же любовью сновидение, сообразно своей природе, пишет сцены возбуждения и страсти, а потому выступление живейших действий и сюжеты, пригодные для сильного изображения; и так как во сне образы не ослеплены отраженным светом духа и защищены от стирающего действия внешних впечатлений, к силе его изображения присоединяется еще поистине чарующая живость и свежесть выражения, какой не знает бодрствование. Подобно настоящему художнику, сновидение берет предметом совершенно определенный сюжет, когда налетающее возбуждение какой-либо из сил, творящих сновидение, дает ему определенные мотивы; и, как в замысле гения, в нем непосредственно выступает многое из единого в пластической взаимной определенности — совсем так, как оно рождается в гении, прежде чем измеряющая сила мысли коснулась в нем первотворения свободной фантазии. И точно так же у сновидения общий с настоящей картиной определенный фон, вырастающий из самого предмета изображения, — только вечно назойливые украшения ассоциаций в конце концов соединяют его со всеобщим хаосом сновидения. — Но чем больше недостает жизни сновидения соблюдающих меру законов рассудка и чем безмернее поэтому разливаются образующие силы сновидения, тем живее должны сами образования носить характер расширения и являться напряженно усиленными или пространственно увеличенными; поэтому живопись сновидения так охотно облекается в формы исполинского, как миф древнейшего мира, или движется в чудесном и необычайном, или

являет нам гармонии прекрасного как бы сгущенными. Мы изумляемся во сне большим плодам, которые находим, бесчисленному умножению золотых монет на наших глазах, нарастающим прелестям, в которых являются звуки и видения, могуче выступающему выражению, в котором рисуется все страшное сновидения, напряженности прелести, когда оно, следуя сладкому настроению души, слагает и творит милое сверх всякой меры. От каждого возбуждающего волнения души во сне его флора становится больше по форме, по внутренней силе содержания образов и облика; а раз это так, то там, где образы сходятся в группы рядом или друг за другом, возникает гораздо более выразительный, энергичный и как бы безграничный живописный контраст, свойственный одному лишь сновидению. Никогда скалы не высятся грознее, долины не бывают мрачнее, чернее, богаче ущельями, чем во сне; и если тогда спящему с потаенной тропинки сходил спаситель, то нельзя было увидеть более приветливого взгляда, более смеющегося лица, а его шляпа, его одежда восхищали странным покроем и весело-изобретательным обилием украшений. И как контраст становится грандиознее, так и все очертания образов, и кажется, будто они предназначены для убранства и украшения тех бесконечных пространств, которые дух человека как творящая сила космоса повсюду развертывает и достигает. И, возвышаясь над всяким ограничением, развертывается искусство сновидения во всех областях живописи, и со всеми жанрами состязается оно; ибо свобода фантазии в ночную пору духа во все стороны загорается творчеством и меряется силами с всеобъемлющими гениями. С особой любовью сновидение задерживается на живописи животных: каких великолепных коней впрягает оно в повозку, как ярко блестят его овцы на зеленой траве, какая пышная шерсть

пробивается из руна! Голландца превосходит оно в искусстве писать плодовитый скот; в благороднейших формах, какие могут придать природа или художественный гений, бродит тот по его лугам; целые стада создает оно, одно превосходит другое красотой, силой, пышной довольностью, и изумление охватывает созерцающего перед созданиями сновидения. Великолепный пейзаж, пышнейшие сады, нивы и рощи, облеченные в идеализированные тона, — его любимое занятие; горы, расплывающиеся над ними туманы оно выдыхает нежнейшей дымкой; ни один родник не журчит милее, ни один извилистый ручей не струится серебристее, чем тот, что сновидение разливает по изумрудным лугам; и где встают столь прелестные картины милой родины, дымящейся хижины, приветливых башен! и где — столь героические картины природы, мощи бури и молнии, бушующего потока и всех ужасов на суше и на море, в которые вживается смелый живописец! — Историческим же живописцем сновидение бывает каждую ночь; изображать деяния, выражающие энергию действия в полной силе, для него дело самое обычное; ничтожный толчок боли вызывает выразительнейшие лица и деяния разбойничьих сцен; само душевное чувство, созерцающее во сне, увлекается этим сильнее, чем тем, что пишет настоящая кисть. Битвы и военный шум часто вызывает у него сильный шум снаружи, доходящий до спящего уха; идеальную же высоту действия сновидение нередко изливает богаче, чем действительная жизнь: со своими опасностями от волн, пламени и схваток оно наколдовывает и пишет самоотверженного спасителя, который бросается в волны за тонущим ребенком или сквозь пламя и мечи спешит на помощь тому, кого считали погибшим, — с полнейшей свежестью деяния и трогательнейшим впечатлением на спящего или на зрителей,

созданных вместе с ним кистью сновидения, каждый из которых отражает свой лик ужаса и радости. — И нет такой области живописи, как бы мила или возвышенна она ни была, которая была бы недоступна сновидению; бесконечно растяжима фантазия сновидения, и с упругостью творчества меняется живописный материал. Не только в снах сомнамбул, но и вообще в снах возвышенно настроенной души фантазия сновидения развертывает все новые картоны небесного и блаженного; ей принадлежит пальма первенства в изображении небесных гениев, крылатых божественных отроков, идеально возвышенных образов вообще; в несказанном блеске просветления сияет лик гениев сновидения, стройный рост которых, даже когда кажется покоящимся, являет себя в прелести струящейся грации; и милые переливы изысканнейших одеяний украшают просветленный облик. Довольно часто живописцы, которых культ искусства причисляет к полубогам, заимствовали свои идеалы у величавых образов сновидения. Обожествленным же существам — гению и ангелу — сновидение противопоставляет столь же мастерский контраст уродливого, дьявольского и злого. Если его кисти в области небесно восхитительного и прекрасного повсюду являются в той освященной силе, что выравнивает, расширяет и уравновешивает формы телесного стана по идеалам изначально соразмерной красоты; что тончайше и яснейше выявляет душевное сквозное сияние красоты в чертах, жестах и выражениях лиц, а затем сплавляет его с телом в воодушевляющую силу притяжения; что одушевленную же красоту тела еще посредством как бы из нее самой вырастающих одежды и украшения, которые, скрывая прекрасное, говорят о нем дальше, развивает в благороднейшую добродетель прелести в себе самой, — то, напротив, *дьявольское* искусство фантазии

превращается в законченную живопись уродства; в пугающе отталкивающее вырождается выражение милого лица, божественный стан тела сморщивается в фигуру кобольда, в резком противоречии единичное выпирает из соотношения целого; из черт лица ухмыляется нечистая похоть, одежда уступает вожделению, открыто давая ему выступить, или же усиливает его напряжение. — Но как в возвышенном оно смело и велико, так сновидение творит всегда тонко, умно и искусно, вечно изобретательное в неприметном и повседневном, в крохотном и миловидном, что содержит лишь отдельную искру прекрасного, в веселом и чудном, в бурном и кротком, в шаловливом и смущенном, и вообще во всем, что дает ему повод показать свое искусство коротко и действенно; одним словом, сновидение — всегда готовый жанровый живописец и комик. Кто не переживал во сне той шутки, будто он оказался посреди веселого общества и, вдруг заметив, что забыл надеть штаны, залившись стыдом, улизнул от насмешников. Тяжеловооруженные воины, пешие и конные, проходят учение перед королем, и посреди парадного марша сновидение изображает их в рубашке вместо плаща, с оружием поверх нее. Или сновидение забавляется тем, что к нарядному господину в салоне, пока он тщеславно прохаживается взад и вперед, приставляет для беседы стадо шагающих рядом волов, — и все это посредством самых простых законов сновидения. Дамам, которых сопровождает миленькая комнатная собачка, оно посылает вслед целую свору пуделей, мопсов и догов на страх красавицам, — а справа и слева озорство молодежи и уличных насмешников. Детей оно заманивает рвать плоды в саду, и проворно вскакивает садовник и гонит их через забор и канаву, и у преследуемого выпадает плод, так что остается один лишь пот страха. Хоровод маленьких девочек в майскую пору

никто не напишет милее, и каждой оно навешивает другой букетик, а многим — зеленые пятна на чулках и платьях. Страстные игры мальчиков оно поддерживает новыми искусствами: так высоко подбрасывает оно мячи, что они состязаются со звездами, или мяч превращается в живое существо, которое, упав на землю, само спешит назад к играющим, и снова дает себя бросить, взлетает и прибегает; или оно заставляет молодежь, будто окрыленную, перепрыгивать туда и обратно через широчайшие канавы, которые наяву разве что переплывешь, — и пишет это свежо и вольно, и возвышает образ упругого порыва жизни. Вызывать эффекты внезапного изумления, или сострадания, или плача сквозь смех ему удается превосходно. Ты весело гуляешь в саду, полном общества, друзья пируют, болтают вокруг, — и тут вид милых женщин влечет тебя к длинному столу, во главе сидит твоя невестушка, но о ужас: щека юности бесцветна, изборождена морщинами, свисают на нее локоны старой девы, и сердце твое вздрогнуло перед идеалом. Или движется похоронная процессия; скорбя, идут следом любящие, музыканты трубят хорал, но они не только трубят, они еще и подпрыгивают, хорал вырождается в танец, и весь мир скорбящих скачет и прыгает под него. Все новые мелодии веселого и шаловливого, комического и странного, освежающего контраста развивает сновидение, и ни один бодрствующий художник не достигает его кисти в самобытности сочетаний и изобретательной силе. Ибо фантазия сновидения гибче и подвижнее гладкого угря; застывшие скелеты категорий рассудка растаяли в ее проворстве, упруже газа распрямляется ее податливая гибкость, способная вписаться в самые загадочные постройки образов, с одинаковой ловкостью цепляется за самые случайные моменты, как и за существенные, и из слияния в одно

многообразного и противоречивого множества бьет ключом всегда юное, живое и свежее творчество.

Если же, наконец, рассмотреть весь объем художественного творчества во сне, его уже нельзя охватить с узкой точки зрения живописца с кистью, а скорее — как живописное образотворчество, проявляющее себя во всех видах искусства и художественного мастерства. С музыкантом сновидение состязается в порождении совершенно своеобразных, проникнутых душой звуков, которые можно сравнить с протяжно звучащими милыми звуками музыкальных шкатулок, хотя в них есть вместе с тем и полнота, и мягкость флейты, так что, чтобы обозначить все их своеобразие, позволительно назвать их «звенящим флейтовым звоном». Искусство вечно новой модуляции и вариации одной и той же темы оно оспаривает у композитора и упражняется в нем очень часто в часто повторяющемся, совершенно определенном построении, законы которого можно вычислить. Искусство живописать милое и героическое музыкальными звуками признают за сновидением сами те музыканты, которые сочиняли свои мелодии во сне. Творящего же ваятеля оно далеко превосходит говорящим выражением своих пластических фигур; пластична фантазия сама по себе, еще пластичнее во сне, где она, вырванная из разлагающей работы рассудка, движется лишь в сплавлении, беря материалом всю полноту пережитого в образе представления и свободно выбирая в его царствах; всякое возбуждение чувства во сне, как психического, так и звучащего от нерва, всякий аффект возводит в степень подъем фантазии, а значит, и живое выступление пластических образов сновидения и их говорящее выражение. — В описании, в живописной поэзии оно мастер; в искусстве развивать из ничтожнейшего повода или из самых

противящихся друг другу моментов далеко тянущиеся, сливающиеся в одно действия оно непревзойденно; как бы из ничего творит оно живописнейшие сцены происходящего. В драматическом искусстве упражняется оно каждую ночь; всегда это действующие живые фигуры, которых показывают нам его театры, никогда не застывают они беззвучно и неподвижно, и всегда чарует самобытность их поступков; и то, как действуют его фигуры, и впечатление на зрителя часто таковы, что спящий от души смеется и радуется, как на представлениях Комоса, или бывает глубочайше тронут или сильно потрясен, как в трогательных театральных пьесах или в пьесах с громкими эффектами; но так же разыгрывает его сцена и милое, кроткое, блаженно проникающее прислушивающуюся душу, где того велит ведущее настроение души. Романтические зрелища, в которых герой и обстоятельства переступают тесные нормы естественного, для его фантазии, свободной от мерок рассудка, — простейшая привычка. И так велики драматическая охота и влечение сновидения, что трезвое содержание речей и мыслей оно возвышает и превращает в сцены живого изображения, так что их должно высказывать само действие.

Из искусных же умений сновидение больше всего любит поразительное ремесло волшебника. В тот самый миг, когда ты медлишь в садах сновидения и любуешься благоуханными цветами, сновидение переносит тебя наверх, в вершину дерева, так что ты не видишь, как это случилось, или в королевский дворец, к столу князя, где в огромных вазах ты снова находишь цветы сада, не постигая колдующей силы. Думал ли ты наяву, как говорит поэт, на крыльях тоски поспешить к своей красавице, — сновидение дает тебе настоящие крылья и над деревьями и домами несет тебя в объятия возлюбленной и наколдовывает

поцелуи пышнее, чем юность любви. А если твое мышление, когда сновидение наколдовывает золотые монеты, осмелится сказать себе: «да ведь это только игра», — оно нагромождает их еще обильнее и мостит улицы серебром и драгоценными камнями так блестяще и ярко, что ты, забыв о мышлении, снова погружаешься в блаженство созерцания и собирания, на победу волшебнику.

Поэтому советую тебе, друг: посещай порой ночью художественные мастерские своей души, — ибо то, что князьям и богачам приходится покупать тяжелым золотом, свободная фантазия души всегда предлагает тебе даром; и ты носишь в себе первообразы искусства, как божество вселенной — идеи.

§ 8. Эпохи сновидения

Тончайше подвижное начало всех начал, душа, живя и ткя, вытягивает из себя нить за нитью, непрерывно обновляя один и тот же исходящий луч жизни в новых способах излучения, умножая его, противопоставляя себе и тем снова раздувая и разряжая его. Повсюду на лету развертывается творящая сила от мгновения к мгновению, образует линии и отрезки из мгновений обособления, собирает большие круги в более мощные эпохи и охватывает их, в свою очередь, всеобщей окружностью своего хода. Так являет себя душа в космическом волнении культуры всеединого человечества, как и в монадических кругах индивидуального саморазвития; и так — в остро сияющих движениях бодрствующего духа, как и в шепчущем творчестве и тканье сновидения; повсюду жизнь прядет точки из точек, точки в линии и в круги, круги в спирали и так далее.

Три главные стадии охватывают могучую жизнь сновидения и всю смену, пестроту, богатство и великолепие его созданий. Они

тянутся сообразно ходу развития жизни духа во сне, на котором основаны, и так и разграничиваются. Первая охватывает пряжу сновидения, возникающую от первого мгновения засыпания до полного развития глубокого сна и сопровождающую процессы засыпания светящимся мерцанием и трепетом. Вторая содержит те совершенно своеобразные, совершенно противоположные обычному сознанию процессы сновидения, которые при полном молчании «я» во время глубокого сна творят свое таинственное дело и продолжаются столько же, сколько он сам. Третья начинается с первых движений духа из глубокого сна к полярному сознанию и сопровождает всю эволюцию готовящегося пробуждения в ее непрерывном росте и подъеме как все более оживающую силу излучения сознания, пока она, разорвав покровы сна, не рассыплется сама в прах от полно выступающего величия самодеятельной власти «я» и не обратится в ясную остроту дневной жизни. — Велико превращение, которое спящий дух совершает в этих эпохах. Сначала он, постепенно засыпая, постепенно вливался в себя. Центральная сила «я» в духе, которая днем всем владеет и все освещает, развязалась и опустила свою тяжесть балластом в пластическую жизнь тела; министерства категорий разума и рассудка, рефлексии, чувства разума, влечения духовной воли, средняя рать духовно-телесного — все постепенно опускается; и лишь на окраинах духа, в образах, кипит и бушует сила, тогда как изнутри духа никакое солнце не заостряет ее самовластно, никакое величие ею не правит, пока и образы не становятся все слабее и слабее от недостатка противостоящего «я», что раздувало их, и не опускаются до теней ощущения, — растекаясь в себе самих, как величественное «я» духа прежде них само без песни и звука растеклось в себя. Так празднует теперь дух как дух и вся его сознательная сила; и все же

в этом живет дух, и с ним и в нем все то, что имеет через него свое бытие. Нет дневной жизни духа выше жизни разума, но нет жизни духа днем и ночью шире той, в которой дух живет и творит в глубоком сне; здесь дух волнуется в безграничности, свободный от всех преград и определений рядом с собой и вне себя, и пульсирует лишь чисто в себе; он волнуется в познании и мышлении, каково оно в себе самом, после того как, оплодотворенное образами, оно ушло в себя из всякой реальности; он колышется вверх и вниз в волновом колебании чувства, каким оно остается в себе, утратив посредничество сознания при своих предметах и кружась в себе, не урезанное ясностью «я», — и чего он теперь хочет и что им движет в глубине сна, это лишь его собственное объективное бытие, непосредственно дающее себе план и цель, без субъективных целей, обдумывания, шаблонов и границ. Он растекается в себе; протяженная сила и организм его бытия служат ему сферой объективного созерцания и наслаждения; он живет пластически; и не только пластически в жизни тела, но столь же и еще мощнее в существе духовного самого по себе, которое заключает в себе глубинную ткань его самого и рожденной из него силы телесно-пластического. Каким он бывает в себе, когда из ясно сознательного возбуждения дня ушел в совершенно бессознательную тьму пластического, — так живет дух в глубоком сне; поэтому он живет и ткет в некоем роде духовного чувствования и движения, которое не есть сознание и все же есть ощущение, не есть воление и все же есть прилив и отлив энергии. И то, что наяву разделялось как познание и чувство, здесь совсем сливается в одно с полной тьмой пластической восприимчивости, и из этого образуется общее чувство бессознательного ощущения, столь же тонкое в осязании того, что ему ощутимо, сколь великое,

широкое и безграничное в полях этого ощущения, — и всякое движение, падение и подъем энергии духа в глубоком сне следует за этими щупальцами чувства, простираются ли они в органическом механизме самой духовной силы бытия, или в его телесной органике, или в космических волокнах и нитях, в которых самобытие духа и всей его органики, связанное с космосом, ткет и покоится. И все гармонии, которые доносятся до бессознательно ощущающего духа из этого мира жизни, как бы ни были они бессознательным чувствованием, все же суть восхитительные упоения духа, благозвучия освежающей сладости, шелестящие из растекания духа; и навстречу миру волнуется в них дух не как многообразно разделенная сила, а как бытие, каково оно в себе в едином, — и он впивает аккорды бытия, как оно непосредственно из бытия и незамутненно преломлением звучит из себя. — Но жизнь духа чувствует себя рожденной не для одного блаженства наслаждения; напротив, напитавшись досыта самосозданным благозвучием бытия и окрепнув с волнами гармонического растекания, дух снова поднимается и шевелится в себе, он восходит в энергии, а энергия хочет разрядиться; и он ищет каналов и определенных путей разряда, и стремится к полярности и разделению в себе, ищет средоточия, ищет окружностей разряда, откуда вперед и назад отскакивают касательные, — и дух шевелится к центральному собиранию в себе, и уже образы окраины представления, сплавленные в массы ощущения, как будто стучатся в него, насколько они, растекшиеся, на это способны; и о них заостряется и раздувается вновь всплывающая центральность духа до яркого и решительного излучения — и вместе с нею опять, по мере того как она живо светит и сияет в них, вырастает в себе противоположность образов к ясности и выражению, и снова

выкатываются образы упругой юности и полноты, и начинаются веселые пляски сновидения; от прыжков же образов пробуждается фантазия и примешивает свою смелость, свою красоту и силу к связям образов; чудовищные формы ночной пластики фантазии будят возбуждение созерцания и изумление, и режущее выступление рассудка, — и «я» в отблесках сияет и светит туда солнцем, — и снова упивается миром, что идет без него, — и как только оно стряхивает с себя упоение, оно вносит туда новый пурпур и утреннюю зарю пробуждения, и опять пурпур духа сплавляется в одно с вакхическими хороводами силы образов; ибо фантазия перевешивает. Наполненная настроениями души, подстегнутая и освеженная раздражениями нервной жизни, увлеченная и унесенная самими ассоциациями образов, она поднимается в смелейшей пышности развертываний, творит, рисуя, гонится и прыгает в чудесных сочетаниях, вариациях; превосходит раздражения нерва, чувства дерзостью символических подобий; и рассудок дивится странной красоте и набирает силу на собственном созерцании, над ним шевелится глубина духа «я», разумность, — и все сильнее и сильнее упирается энергичный полюс «я» против образующих сил, хотя, увлеченный смелым полетом образов, снова ускользает от самого себя, — пока решительным прыжком сокровеннейшей силы не развеется в прах вся туманная ткань теней и смелый, как лев, дух «я» не пробудится к величию дня.

С этими превращениями жизни духа во сне образования сновидения идут в ногу. В первой эпохе господствует падение духа из субъективного сознания в лишенную «я» и сознания ночь сна. Поэтому и образования сновидения этой эпохи необходимо показывают постепенный упадок образующей сновидение силы в себе самой, поскольку она выражает в себе сознательно-духовные

процессы. Сперва, с началом засыпания, когда «я» еще самодеятельно живо, но уже начинает опускаться в безразличие духовного бытия, возникают рефлексивные сновидения, то есть образы нанизываются на образы по определенным направлениям еще бодрствующего, судорожно вспыхивающего рассудка; образуются сновидения по внутренней схеме понятия, мышления; но ткет их уже не рассудок, которому недостает самодеятельной силы «я», занятого погружением, а фантазия — по падающим в нее отблескам рассудка. Здесь-то так часто при засыпании фантазия и изобретает то, что мыслитель, теоретик и практик весь день, размышляя и раздумывая, тщетно пытались разрешить. Затем и сила, еще светящаяся в рассудке, вместе с силой «я» отходит на покой; он уже не загорается пронзительно вспыхивающей молнией мысли, и вместе с ним покоятся понятие и категория как движущая сила. — Но рассудок весь день был занят построением периодов правильных мыслей простой и высшей формы, и все образы и представления дня получили от него твердую склонность двигаться в схемах мыслительного периода; образы еще переживают засыпание рассудка, и если рассудок уже не вмешивается властно в их царства, то он все же оставил в них свои схемы формы, отпечатанные в них за день, и начинается новый примечательный род сновидений, который не содержит ничего иного, как непрерывное падение волнующихся образов вслед в еще звучащие формы периодов рассудочного и разумного мышления, поскольку они суть лишь форма и больше ничего; эти формы — не сами категории, а построенные по ним способы сочетания образов в ряды. Это шаблонные сновидения, которые творят теперь свое бессмысленное дело. Образы понятий, образы вещей, формы глаголов и всевозможные роды языковых форм кидаются теперь очертя голову, как будто перед

сдерживаемым потоком вдруг открыли шлюз, вслепую и без выбора в шаблоны мысли и заполняют их самым несообразным образом. Во сне теперь думают и размышляют, читают и пишут совершенно бойко и периодами, но содержание того, что обдумывают, читают или пишут, слеплено из самых противоречащих вещей; образуются подлежащее, дополнение, сказуемое и все более сложные формы предложения, но каждая их часть не имеет отношения к другой; лишь то, что образ вообще есть существительное, глагол и т. д., а не то, какое содержание он заключает, определяет здесь его вступление на место предложения, соответствующее существительному или глаголу, — разумного смысла и логической связи здесь нет. Но и это падение образов вслед в оставшиеся отзвуки форм мысли ослабевает и замирает с полным переполнением шаблонов периода, за которыми уже не действует никакая раздувающая сила; они исчезают, и, освобожденные от всех уз мышления, образы раскидываются. Затем еще живые благозвучия или неблагозвучия глубже лежащих душевных настроений начинают свою более свободную игру и становятся единственными основами для теперь беспутно прыгающих образов, — и сама Психея, опустившаяся уже так глубоко из жизни «я», лишь чувствует, и созерцает в чувстве. Сновидения настроения, несомые волнами чувства души, расцветают теперь в ночном духе, повсюду являя напоказ один и тот же основной тон чувства через все новые смены образов, пока и мелодии души не ослабнут в смешении образов и, затихая, не предоставят жизнь самим образам. Пока замирающее созерцание души лишь немо смотрит туда, мимо него проскальзывают, мимолетные, как блуждающие огни, ассоциативные сновидения, связанные из самих атомов образов, — кучами и цепями, потом уменьшившись до пар

звеньев; посреди них там и сям прорывается еще резко отмеченное сновидение, основанное на образах сильнейшей напряженности, как последнее свечение атомов из тишины жизни; но оно уже не в силах тронуть созерцание, ибо оно погрузилось в бессознательные волны чувства, и начинаются ощущение и жизнь, непонятные сознающему духу.

Вторая эпоха сновидений, тихая эпоха глубокого сна, как ни мало ясных образований сновидения может она дать при совершенно бессознательном состоянии духа, все же весома и богата в себе и открывает себя как таковая в следующей, или последней, эпохе, которой она передает плоды своего таинственного творчества, чтобы та отчеканила их в сознательный образ представления. В этой молчаливой второй эпохе бессознательно, то есть лишенный средоточия, ощущающий дух принимает в себя отношения, гармонии, разлады, противоположности и все их ближайшие свойства, а затем, когда жизнь «я» снова начинает шевелиться, открывает их представимыми. Из этого молчания духа проистекает ощущение благозвучия сна, то есть слияния духовного бытия и жизни в себе; и из этого благозвучия бьет для следующей эпохи милое настроение души, порождающее сновидения отрадных образов и сцен. Если же глубокий сон, стесненный мешающими обстоятельствами, не был полным слиянием духа, то вместо аккордов в последующий подъем духа звучит нестройное настроение, и из него рождаются пугающие или отталкивающие сновидения. Точно так же в глубине сна образуются те многочисленные непосредственно духовные прочувствования внутренних состояний тела, которые содержат в себе предобразующиеся, только еще возникающие, а потому недоступные бодрствованию неблагополучия, болезни, смертные

разрушения жизни. Если дух в глубоком сне есть бессознательное ощущение, то он невообразимым образом восприимчив к впечатлениям, и принимает в себя раздражения из сферы своего бытия и жизни, и в нем возникают приятные или неприятные возбуждения ощущения его слитого в себе бытия. Если неприятные впечатления глубокого сна очень сильны, они оставляют в душе тем более стойкие отзвуки для позже наступающего сознательного ощущения; а если ощущение глубокого сна было вызвано определенными состояниями телесной жизни, то вместе с ними чуткого пульса бытия коснулись и их ближайший род, место и т. д., и все это тоже отдается дальше в следующую эпоху сновидения, но не иначе как только через пластическую внутреннюю возбужденность и совершившееся в ней. Поэтому сновидения третьей эпохи богаты предчувствиями, содержащими благо и беду тела в более легкой и тяжелой степени; более тихие движения порождают и позже менее отчетливо выступающие, или символические, сновидения-предчувствия, решительные же потрясения — весьма определенное, ясное, объективное предугадывание и непосредственное постижение. — Далеко вперед, в органическую ткань будущего жизни, простирается здесь щуп души; *даль сама по себе*, будь то в даль пространства или времени, будущего или прошедшего, есть здесь господствующая линия пути жизни, в которой дух свидетельствует о себе, что его отовсюду собранной энергии нужны и более грандиозные круги разряда. Дух глубокого сна посылает свою силу чувствования далеко на волнах сокровеннейшего душевного настроения, любви и дружбы, которые отзываются дальше через слияние духа, коему они родственны, — и обильно текут отсюда прочувствования блага и беды друга, сына, супруга, любимых вдали; и чем сильнее было

впечатление в бессознательно восприимчивом, тем отчетливее и красноречивее выражает его последующее сновидение-предчувствие, и видящий сон в сознании страшно пугается, когда пророчество возвещает ему ужасное, и просыпается от испуга. Или бессознательное чувствование духа излучается далеко в даль времени; словно единым взмахом крыла пролетает он назад уже прежде пройденную нить жизни, и затем фантазия предлагает ему, старику или зрелому мужу, всю цепь радостных или печальных событий детства, юности, зрелости, и любимых и нелюбимых людей сновидение выводит с их делами в красноречивой свежести. Или дух мощно бросается вперед, по зародышам настоящего, в предобразующиеся будущие развертывания жизни, деятельности и творчества и связанных с ними в одно побочных моментов, — и мощно звучит принятое впечатление в более ясном сознательном сновидении, и спящий видит злодея или легкомысленного человека, который грозит его убить, или коварный поток, волна которого несет ему опасность, и место события, и всю ясность побочных моментов. Громко говорят факты. — Но если ощущение в даль времени и пространства так легко для духа, то тем легче ему созерцание собственного широко кружащего движения через все области и отношения его тончайше текучего существа! поэтому он с чутким чувством ощущения впивает в себя всякое неблагозвучие нравственного разлада и немощи в себе самом, и то, что он бессознательно ощутил и от чего пластическая жизнь в нем содрогнулась, фантазия затем рисует ему с пугающей обнаженностью или преувеличением, и он сознательно видит себя таким, каким он бессознательно, во сне, себе являлся и открывался. И куда сильнее всего, наяву, стремится и взмывает вдохновенная Богом душа, далеко к Абсолютному, — туда

приходит в движение и возбуждение духовная сила чувствования сна, которую непосредственно порождает из себя незнающее первобытие духа так же, как субъективный подъем бодрствования; и дух получает обратно силу самоотдающегося устремления в ответном звучании Божества к своему сотворенному существу, и бьет отсюда блаженная грусть души и сознательно возвещает о себе утешительными образами сновидения и явлением идеально возвышенных, открывающих истину образов, — и во множестве летят ангелы сновидения, и стихии фантазии возвещают освящение пути, по которому слившаяся в себе сила духовного бытия устремилась к Божественному. — Такова была вторая, тихая, глубокая, священная эпоха сновидения, образующая и творящая в себе из жизни слияния духа формы ощущения, и образы, и цепи бессознательного рода, — сила и глубина которой, подобно колебанию в недрах земли, все пронизывает и сотрясает, как бы высоко оно ни колыхалось на поверхности жизни, — почему из дрожи и колебания духа в глубинах его слияния отзвук так ярко и так ясно сказывается в парящей над нею эпохе сознательного сновидения.

Наряду с прорицаниями, которые третья эпоха принимает от предыдущей и еще умножает собственными прочувствованиями в силу продолжающегося, хотя и уменьшенного сознанием, состояния слияния духа, она выводит теперь из себя свои собственные живые сознательные образования, и жизнь сновидения складывается все живее и свежее вплоть до самого пробуждения. Сперва, как только жизнь глубокого сна сделала разбег к способному ощущать средоточию и созерцание «я» начинает шевелиться, устремляется к более ясному выступлению и сознательная жизнь периферии, и тотчас начинается

центростремительное подлетание образов к «я» и в «я». Вначале, однако, восприимчивость к раздражению, как и сила отталкивания «я», еще чрезвычайно слабы; поэтому то, что здесь снится, едва различимо, так нежно и тихо, и в области сознания подобно сумраку сна, хотя это уже рассвет созерцания. Но «я» все же все живее пробуждается от созвучия образов и посредством все возрастающего ответного излучения себя самого против все новых натисков образов прорывается все яснее в силе, упругости и остроте; поэтому постепенно легко возникает сознательное сновидение, как бы легко ни терялись еще для сознания впечатления образов. Первые сновидения, образующиеся с только что восстановленной полярностью сознания, по природе очень просты, то есть это атомистические, или ассоциативные, сновидения; центральная деятельность души, или деятельность «я», на этой стадии есть по существу напряжение восприимчивости. Из самих образов сновидения сперва лишь сильнейшие, напряженнейшие способны раздражить «я» к сознательному ощущению; поэтому прежде всего завязываются резко отмеченные сновидения, живое содержание которых выступает сначала лишь в простейших соединениях, затем в более развитых формах. С вновь пробудившейся жизнью сильнейших впечатлений в памяти электрическое колебание распространяется и на более слабые образы, и мало-помалу несметное войско с жужжанием подлетает в бешеной пляске к средоточию духа. Поднимаются ассоциативные сновидения во всем объеме богатства представлений в сознании, смотря по тому, где тут или там выскакивает взаимное притяжение; сначала они отрывочны, пара за парой сочетаются образы, и несколько пар сцепляются вместе, и выступают новые и присоединяются ко всей цепи, и снова рвется нить, из обломков вырастает новый росток

связи, и тянется, и растягивается, и рвется, — все без иного смысла, кроме того, что лежит в законе ассоциации. С расцветом ассоциаций набухает и сила «я» к образованию, и она выпускает из себя объединяющую пластическую силу творческой фантазии, которая, привлеченная и увлеченная дальше сплавлениями ассоциаций, захватывает целые множества образов и делает их носителями органически связанного образования, без произвола и умысла следуя творческому влечению. Теперь хозяйничает сновидение фантазии, и, кокетничая полнотой силы, фантазия изливает его все новыми способами, каждый из которых имеет свой закон и иные формы явления. Из богатых же сменяющихся образований, которые созерцающий дух рассматривает словно прикованный, вырастают в нем потрясения аффекта: изумление, благоговение, досада, отчаяние, радость и страх, и все глубже шевелится «я», — а с ним тем энергичнее и смелее творческая сила фантазии; участвуя в действии, сражаясь, гонясь, убегая, наслаждаясь, рисует себя энергия видящего сон «я», и сами образования сновидения наполняются тяжестью «я». Аффективное сновидение расцветает, и наливается, и бурно растет, словно по природе прошли потрясающие грозы. Если стучатся веселые аффекты и если аккорды настроения души перед засыпанием были бодры и приятны, они и дальше владеют духом, и сладкие сновидения настроения шелестят вокруг спящего, — различные по тону настроения, а образы светлого определяют собственное пережитое и возраст спящего, всякий раз особым выбором. Если же по душе прошло недовольное движение, то неистовые аффективные сновидения ворочают громады тяжко потрясающих исполинов-образов и тревожат душу. Часто же сама осмелевшая телесная жизнь вырывается на сцену сновидения; слишком пышно бьющая нервная сила,

возрожденная сном, или задержки, неблагозвучия, боли, давление в теле и на теле действуют как впечатление на чуткую силу фантазии, и символические образования сновидения раздражения со всем своим великолепием наполняют атмошар сновидения. За сильным новым приливом силы в мышцах следуют сновидения движения — о беге, прыжках, лазании, полете, плавании, танце, — и часто мышца действительно вмешивается, и гребущая или летящая рука ударяет вместо волн и воздушных морей по кровати и стене. Зрительный нерв прежде всего, страж дня, будитель духа ото сна, сыплет в созерцание блестящее, миловидное, то, что надо зорко разглядывать и искать, и, забавляясь и играя, его сновидения раздувают внимательную остроту «я». Слух, которому суждено не угасать и во время сна, стучит теперь сильнее, и сновидения восприятия будит всякий шум — поющий петух, катящаяся повозка, стук в дверь; с ними соперничают живые сцены, вызванные холодным, теплым и иным ощущением кожи. Но чем ближе к пробуждению, тем больше вновь примешиваются к жизни сновидения оттесненные при засыпании периодические формы мышления, и шаблонные сновидения со своими искусствами речи и разговора на родном или чужом языке, каким привыкли заниматься, разыгрывают шутовские проделки мышления; однако хвастают они недолго, ибо позади уже подстерегает сильнее поднимающийся дух «я», и вместе с его сиянием действует движущая сила категорий, и овладевает привычной склонностью к периодическому построению в образах, и стремится к мыслям из ясности и смысла. Алмазное сверкание рефлексивных сновидений озаряет теперь созерцание; с самыми смелыми, бурно наступающими на них сновидениями фантазии они делят поля. Прерванные засыпанием дневные мысли духа вырываются теперь со свежестью и

смешиваются со случайными хороводами; кто поэт, тот сочиняет теперь во сне, и нужна лишь способная к вдохновению душа, чтобы во сне рифмовать очень мило и плавно; нередко самый обыкновенный человек, которого ты во сне видишь действующим перед собой, говорит мелодическими ритмами речи. Развиваются более или менее состоятельные размышления, решения проблем, оставленных днем незавершенными, удаются непосредственно и как по волшебству, которое так легко порождает фантазия, творящая во всеедином. Философу, как и ремесленнику, сновидение помогает приучить сладкие слияния сна к строгому порядку дня, пока, поднимаясь со ступени на ступень, «я» не пробудится владыкой жизни.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ. ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЯ ПО ЕЕ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

✦

§ 9. Превращение сознательной жизни во сне

Двумя главными потоками течет жизнь души во всякое время. Она ткет телесно, образуя природное вещество на службу душе, и ткет духовно, творя мысль и идеальное ради него самого. Оба главных потока жизни сходятся в одно, потому что берут начало в одном и том же существе души, которое их породило: все строение и устройство тела складывается сообразно цели духовного, и всякое высокое стремление духа находит в силах тела помогающую энергию и действенное средство, чтобы утвердить себя во вселенной. Сквозь все ткачество тела душа хранит, однако, природу идеального: она творит в теле, формуя, творит формы из идеального, или формообразующего, самоначала на служебном материале, творит формы для идеального начала и ради его собственной цели; в динамической же способности природного вещества душа находит средство живой связи с ним. Телесная и духовная жизнь души проникают друг друга во всякое время. Но так как в обеих вместе с тем господствует противоположность особого рода каждой, они в то же время стремятся друг от друга: каждый поток жизни ищет утвердить себя особо, отвоевать у другого первенство, вознестись к единовластию и одолеть другой. Это удается то одному, то другому в постоянной смене, и в правильном чередовании бодрствования и сна утверждается как особая власть каждого, так и вечное равновесие обоих, которое

несет и сохраняет их общий центр тяжести — душевная субстанция, общий праисточник того и другого. Бодрствование есть господство духа, или сознательной жизни души; сон — господство жизненной силы, или созидающего тело течения души. Пока господствует сознательная сила, бессознательная покорно и гибко принимает все формы движения, какие предписывает ей бодрствующая: нервная сила тела, мышцы, весь его облик и движение поступают в ее распоряжение и исполняют бесчисленные поручения нескончаемых помыслов и стремлений. Напротив, когда к власти приходит энергия, строящая тело, духовная сила должна сойти с гордого трона самостоятельности, подчиниться жизненной силе и принять такой образ движения во внутреннем и внешнем, в целом и в частностях, какой отвечает этой господствующей силе; а потому и пышный вольный рост сновидения пронизан и определен ею. Жизненная же сила души — сила пластическая, и ей присуще творчество через слияние многого; субъективной силе души, напротив, присуще полярное действие, творчество через строгое просеивание, разложение и расщепление, то есть вообще через резкое различение и разделение. Поэтому, чтобы сознательная жизнь души во время сна подчинилась жизненной силе, она должна была прежде принять в себе такой образ, который сродни пластической природе этой силы. Это и происходит: полярная жизнь субъективности в своей средоточной силе, которая есть Я, отводится и обессиливается, иначе говоря, Я утрачивает самодеятельность, и потому его восприимчивость остается тем мягче и податливее. Вместе с самодеятельной силой Я должно втянуться и ослабеть и излучение его деятельности, то есть должна отступить вся окружность его общения с миром, отчего сознательная жизнь оттесняется в самое себя. С отводом же

самодеятельной энергии из средоточия и окружности полярная природа сознательной жизни утратила как свою самостоятельность вообще, так и силу, выразительность, твердость и резкость различий. Смешение становится господствующим, сближение и слияние охватывают все обособленное, и весь объем сознательной жизни облекается в пластическую форму. Возникшее так своеобразное устроение сознательной жизни и лежит в основе всей жизни сновидения; его-то мы и понимаем под «внутренней», то есть сущностной, организацией жизни сновидения. Очертить ее ближе — задача этого отдела.

§ 10. Тесная окружность шара сновидения

Если уже вещественная природа склонна сгущаться и скругляться в шар, то тем более склонно к этому существо душевное. Ведь душа есть единое: из монадического праисточника поднимается вокруг сияние жизни, и духовные лучистые огни обволакивают и обтекают творческую точку бытия и образуют духовную сферу. И жизнь сновидения создает вокруг души свое особое мерцание и искрение; то, что в нем содержится, и то, как оно отграничивается вовне и замыкается в себе, образует шар сновидения. Причем жизнь сновидения стягивает пределы своей творческой власти и движения вокруг себя теснее, чем бодрствование, теснее даже, чем дневной человек, лишенный зрения и слуха. Ибо сама природа сновидения, а с нею и его внешнее устройство, начала складываться с замыканием чувств, и бессильно опадающие мышцы тела стали радостными вестниками начала жизни для сновидения. Раз же чувства закрылись и их омертвение есть нормальное состояние для сновидения, то субъективная

(сознательная) жизнь сновидения со стороны познания тем самым отделяется от вселенной вне себя: внешний мир и живое общение восприимчивости с ним для сновидения закрыты. Вместо того сновидение светится тем содержанием познания, которым оно уже обладало ко времени засыпания; и тесное ограничение познания самим собою становится тесной окружностью жизни сновидения со стороны познания. — Равным образом бессильно опала вся жизнь мышц, которая несла вовне энергию сознательной воли и умела вписать ее в действительность внешнего мира. Поэтому жизнь сновидения и со стороны воли лишена свободного простирания вовне: волевая энергия также опускается на саму себя, внутренняя работа сознания над образами становится целью и побуждением движения, излучение воли вовне, прерванное засыпанием, сковано мнимой смертью и пребывает неподвижным в себе; теснота сознательной жизни в самой себе и есть окружность волевой жизни в шаре сновидения. — Равным образом опускается и живость чувства, чья колеблющаяся сила в бодрствовании соизмеряла себя с созвучием или разладом всего внешнего мира: она нисходит до безмятежного гармонического пения настроений внутри замкнувшейся в себе субъективности и возвещает краткие мгновения жизни сновидения из глубин внутреннего. Усиленные же удары, которые посылает ему из области тела ставшая господствующей пластическая сила, не в состоянии возместить утраченный дар — заставить снова звучать в себе величие космоса и размах духовного дела. — Лишь в предчувствиях, где сгущенная жизнь сновидения разряжается далеко сверкающими искрами, и в остающихся еще во сне тихих слуховых восприятиях, где сознательная жизнь получает из близкого окружения слабый толчок действительности, еще сказываются далеко действующая

природа и назначение духа. Но вспышка отдельных искр не в силах нарушить и разделить могучую слитную массу жизни в себе: она пребывает замкнутой и сгущенной в таинственной темноте пластики, и то, что выбивается из нее вдаль, есть лишь переливающаяся через край сила пластического, с разрядкой которой шар сновидения тем крепче держится при себе. — Итак, жизнь сновидения есть жизненная сфера духа, тесно замкнутая в собственных границах субъективности. И если внутри у нее остается вечное колебание жизни, а постоянно растущий итог этого колебания удерживается вместе, потому что выход движения закрыт со всех сторон, то энергия жизни внутри должна непрерывно сгущаться, порожденное ею — снова сливаться с движущей производящей силой, и сила набухает и набухает в себе. Так замкнутая вовне шар сновидения сложилась внутри в силовой шар, наполненный плотной энергией.

§ 11. Вещество жизни в шаре сновидения

Вещество жизни — то, на чем колебание жизни прядется и проявляет себя; вещество жизни сновидения — то, что дает сгущенному колебанию шара сновидения повод и субстанцию для деятельности. В бодрственном состоянии субъективности (субъективность — это сознательная жизнь вообще) центростремительно и центробежно истекающей энергии духа давали как живой толчок, так и предметное содержание деятельности действительный мир природы и сам дух, насколько его дело живо выступало навстречу миру. Живая же деятельность во внешнем приводила в движение весь механизм духовного существа в нем самом, и вместе с действительной природой облагороженным веществом и толчком движения становилась и

осуществленная внутренняя сущность духовного. Во сне же, где движение духовного в действительности покоится, ни действительный мир природы, ни осуществляющее дело духа не могут быть для него веществом жизни. С прекращением движения вовне духовная жизнь замыкается в действующих глубинах своей силы, и то, что из них прежде сна, днем, уже было осуществлено и как готовый итог уже было отторгнуто, становится возбуждающим питательным веществом сознательной жизни во сне. Отзвучивающие образы действительного, какого бы рода они ни были, — поскольку они остались в памяти как готовое воспринятое, увиденное, прочувствованное, помысленное, пожеланное и вообще пережитое, — вот на чем колеблется и проявляет себя духовная нить жизни сновидения. Кроме того, этому миру теней достаются еще те незавершенные движения духа вместе с их содержанием, которые действительная жизнь субъективности как раз собиралась творить или раскачивать, когда ее застиг врасплох сон; так зачатки действительного переходят в сознание сновидения. Поэтому полуготовые работы мысли, замыслы воли, намерения, еще занятые своим осуществлением, не отзвучавшие в себе настроения чувства, приступы страстей, не отбушевавшие душевные потрясения вместе с принадлежащим им материалом представлений прямо становятся веществом жизни и задачами сна. И только в них, поскольку они лишь наполовину имеют природу отторгнутого или готового, а другой половиной еще несут в себе неутихшее живое биение духа, прокрадываются в царство теней из дневной жизни осуществляющие движения духа; из них во сне развиваются дальше побеги-паразиты размышления. Наконец, в силу господства пластической жизни тела во сне и всепроникновения субъективного пластическими

веяниями, вещество жизни шара сновидения образуют нервные раздражения и перемены настроя, порождаемые самой ночной жизнью тела, а с ними очертания органов, членов, определенного места тела, где они возникли. Ко всему этому присоединяются, как метеоры в небесных просторах, далекие впечатления предчувствия. — Итак, великое изменение претерпела сама жизнь вследствие изменения вещества. Как в сказках юности, где душевное чувство так охотно взлетает и парит в том, что манит, хоть оно и неправда, движется теперь сознательная жизнь духа: это лишь аромат образов, полный прелести, но без субстанции и силы бытия; в нем она растворяется и сама улыбается и сияет, как цветок. Воля *движется* теперь в скользящих тенях; ее делание и действие стали меньше мальчишеской игры; и как мальчика пленяет пестрое оперение птицы, так что он гонится за ней и пытается поймать ее со всем восторгом детской груди, так воздушное красочное создание сна влечет за собой порыв и стремление воли; сам дух стал сказкой. Но мир теней раздваивается: с соком и силой действительной жизни снова пробиваются к жизни остановленные движения духа, которые прервало засыпание, и ищут восполниться в целое, завершиться. Возникает новый род мышления: великолепно отлитые идеи, решения задач, результаты, тщетно искомые днем, изобретает сон, и наступающее затем бодрствование с изумлением смотрит на волшебные творения; творчество же сна выросло из зародышей неисполненного действительного, ставшего веществом жизни сновидения. Столь же таинственно и недоступно бодрствованию сон создает из нервных раздражений изнутри тела непосредственные созерцания внутреннего строения тела. Пластическая форма вступает в знающую душу трезво и ясно или расписанная символическими украшениями, и

жизнь сознания разворачивается при этом в сферах, совершенно противоположных полярной жизни духа; новое вещество стало новой жизнью души, и дух обогащается познанием непосредственно в границах шара сновидения. Наконец, благодаря бьющей через край силе сгущенной жизни перед ним открылся вне его неизмеримый горизонт созерцания. В нем предчувствие порождает в области внешнего мира столь же непосредственно, как в области внутреннего тела и нервного раздражения, совершенно новые, невозможные для нормального бодрствования познания, чья даль по пространству, времени и возможностям ставит полярному духу непреодолимые препятствия, тогда как сон пробегает их играючи. Ибо вместе с тем, как вселенная закрылась перед его сферой, ему было дано и оружие самому открыть ее себе, и всегда дух карает того, кто его теснит. Так в шаре сновидения развернулись и скользящее царство образов — занятие для жизни, и более резкое проникновение действительного — пряная сила ее энергии; и сказочная прелесть образов соревнуется с волшебными впечатлениями прорицания, чтобы радовать дух.

§ 12. Децентрализация жизненного движения во сне

В бодрствовании сила Я, поставленная господствующим средоточием субъективной жизни, ведет энергичной уздой все сознательное движение души внутрь и вовне. Героем поднимается субъективность в себе самой благодаря энергичной власти в своей середине к единому выражению жизни; единство, сила, самоопределение соединяются в могучие удары; все, что совершается в духе, центростремительное и центробежное излучение и всякое возбуждение внутри, преломляется о Я или

самопроизвольно выталкивается им; мир образов, мысль, замысел и стремление следуют повелениям Я, и вся область сознательной жизни складывается в строго монархический организм Я. — Во сне же свинцовая тяжесть пластической жизненной мощи прямо повергает силу Я. Становясь господствующей и стягивая периферическое далекое излучение Я по его органам чувств внутрь и к себе, она одновременно так же обессилила и саму средоточную силу, то есть окружность и средоточие сразу, так как оба находятся во взаимной связи и сила и слабость одного обусловливает силу и слабость другого. Однако подавление Я затрагивает лишь его самодеятельную сторону: Я теряет свое самоопределение, а с ним и энергию самоопределяюще действовать на всю периферическую силу сознательной жизни; поэтому окружность духа уходит из-под монархического устройства и становится свободой многого. Это уничтожение самодеятельности Я в зародыше наступает уже с началом засыпания. Уже лишенная своей первосилы, она шевелится еще во все слабеющих чертах сквозь процессы засыпания, пока с глубоким сном не исчезает всякий непосредственный ее след и не остается лишь ее возможность. По преодолении же глубокого сна снова являются предвестники самодеятельности Я: мнимое хотение и мнимое мышление, позже проблески действительного мышления, которые, хоть быстро снова рассеиваются, уже возвещают большее возвышение. Однако до наступления действительного пробуждения Я пребывает лишь в *видимостях* самодеятельности, и его истинная энергия остается бессильной, погруженной, невозбудимой и неопределимой собою самой. Лишь вследствие внешних толчков, порожденных мирами жизни образов внутри, заметны самопроизвольные движения Я, которые отвечают точно по полученному впечатлению и тут же

снова замыкаются, едва отталкивание совершено. И так как у Я недостает власти внутреннего самоопределения, или самодвижения, то и его выступающее во сне размышление, которое ведь принадлежит его самодеятельности, не держится как *мышление Я*, а мгновенно превращается в форму пластической деятельности фантазии.

Но как ни очевидно во всем этом бездействие самодеятельной стороны Я, восприимчивая его сторона тем не менее остается действенной и даже живет свежее, насколько вообще можно говорить о свежести и жизни восприимчивости самой по себе. Ведь, как известно, ощущение сознания Я сопровождает все складывающиеся игры сна и мысли; они, касаясь и возбуждая Я, лишь этим и становятся осознанными, и без способности Я ощущать внутренние впечатления в жизни сновидения вообще не было бы сознания. И в повсюду более или менее ясно выступающей собственной личности сновидца, которая полагает, что видит, слышит, действует, выражается жизнь восприимчивости Я в форме фантазии; благодаря этому жизнь сновидения и в самом деле *не вовсе* лишена средоточия.

Но в то время как при живой энергии *самодеятельности* Я весь круг сознательной жизни строится и движется в Я и по повелениям Я, выражая тем самым господство Я, при одной лишь наличной *восприимчивости* Я это отношение полностью обращается в свою противоположность. Ибо теперь у Я нет больше власти править: все образующие силы сна и вся периферическая жизнь играют вольно, и хотя вокруг средоточия восприимчивости Я, но совершенно безгранично, беспорядочно и без всякого определения с его стороны. Я становится лишь точкой, сопровождающей периферическую жизнь, лишь формой связи для безгранично кружащегося во внешнем, одним словом —

лишь выражением периферической жизни через собственную форму Я. При таких обстоятельствах шар сновидения в самом деле децентрализована, так как оставшееся у нее средоточие лишено всякой силы утверждать себя как господствующее и значимое. Поэтому все силы, принадлежащие сознательной жизни, во сне должны являться децентрализованными, а в децентрализации получать совсем иное строение проживания, чем свойственное бодрствованию. В целом же ясно, что, когда самодеятельность средоточия Я пала, все сознательные силы духа в направлении к Я, то есть внутрь, вглубь, должны прийти в упадок или ослабнуть; тогда как их периферическая самостоятельная сила, хотя и лишь в границах шара сновидения, вследствие притока жизни, отвращающейся изнутри, должна тем более усиливаться и развиваться. Поэтому децентрализация шара сновидения необходимо порождает такое строение сознательной жизни, которое во взаимном отношении окружности и средоточия являет форму, противоположную бодрствованию. И как в бодрствовании не только Я, но и ближайшие к нему глубинные силы духа господственно действовали на окружность, так теперь перевес окружности определяет и подчиняет себе и Я, и силы разума вместе, к какой бы способности души они особо ни принадлежали.

§ 13. Познавательная способность в состоянии децентрализации

Сила познания в бодрственном своем состоянии проявляется восприимчиво, то есть как созерцание, и самодеятельно, то есть как самосильное и творческое мышление; благодаря этому она и делает себе доступной и постижимой глубинную природу вещей,

и сама порождает закономерную форму и порядок высшего познания. Возможность же самодеятельного мышления, или самодеятельно осуществляющегося познания рассудком и разумом, покоится на самодеятельной жизни Я вообще. Если же во сне самодеятельная жизнь Я прекращается, то вместе с тем падает и энергия мышления вообще: разум и рассудок, главные силы глубокомыслия и проницательного различения, перестают действовать, а с ними и движение в понятии, систематическое построение мыслей в периоды и логическая ясность, последовательное развитие, связность. Следовательно, шаре сновидения остается лишь познавательная жизнь восприимчивости, поскольку она берет впечатления для своей деятельности по существу из тесной окружности шара сновидения; в этих же пределах вообще действует лишь низшая познавательная способность, так как порождающие силы понятия и идеи не доставляют ей никакой пищи. Все же, что в жизни сновидения все-таки являет сходство с рефлектирующей деятельностью мышления или родственные ей явления, должно оказаться либо изначально исходящим и порожденным не жизнью сновидения, либо хотя и действительно порожденным в шаре сновидения, но вызванным не силой рефлексии.

Что касается встречающегося во сне сцепления образов в формах мышления, из которого складывается род шаблонных сновидений, то мы уже сказали выше, что противосмысленное содержание этих сновидений совершенно противоречит закону действительного мышления и потому вообще выпадает из области собственно рефлексии. Поскольку же одну *форму* этой связи нельзя не признать принадлежащей действительному мышлению, она тем не менее принадлежит не какой-то деятельности рассудка во время сна, а есть затихающий отзвук

бодрственной деятельности рассудка, поскольку та продолжается еще через сами образы, и составляет последнее угасание дневного рассудка. — Точно так же известное и любопытное явление, когда человек, решив вечером проснуться рано в определенный час, действительно просыпается посреди сна, по своей порождающей причине принадлежит не сну и сновидению, а значит, и не какой-либо самодеятельности Я во сне, а бодрственному мышлению и воле накануне вечером, тем более что воля сама назначила при этом время пробуждения; поэтому это явление покоится на энергичном отзвуке и продолжении бодрствующей мыслящей воли сквозь сон и сновидение. — На том же основании стоят рефлектирующие наблюдения, которые исследователь сновидений способен так внезапно и непосредственно делать посреди сна, когда развивается занимающий его образ сна. Если, чтобы узнать жизнь сновидения у самого источника, человек решил в бодрствовании следить за ней во сне, то действует именно принятое днем намерение, а не энергия Я сновидения: замысел исполняется без всякого произвольного размышления или решения, и бодрственная жизнь духа просто переходит побегом-паразитом в жизнь сна. — Наполовину бодрствованию, наполовину жизни сна принадлежит, напротив, род мыслительных сновидений, чьи непосредственно найденные результаты так часто приводят в восхищение. Если человек накануне, и особенно вечером перед засыпанием, напряженно предавался какому-либо размышлению, но не сумел довести его до цели, то сон часто завладевает мышлением, перешедшим отзвуком из бодрствования в жизнь сна, и доводит его до конца. Весь предмет мышления с его содержанием представлений и с его живым стремлением прийти к завершению вызван и поддержан бодрствованием; к этому присоединяется творческая

деятельность фантазии, берет полученное мыслительное содержание своим предметом, схватывает его пластически, то есть в целостном выражении и совокупном содержании, и образует из него законченную форму рефлексии. Самостоятельного или произвольного движения рассудка и разума как мыслящих сил при этом вовсе нет, а потому нет и никакого обдумывания и расчета: задача решается на манер фантазии, непосредственно и вопреки путям рефлексии, — поэтому и здесь не может быть речи о самодеятельной жизни мышления. — Напротив, в невольно возникающих удивлениях сна тем или иным чудовищным образованиям, во внезапно всплывающей догадке, что видимое нами — пожалуй, лишь сон, а не явь, и в подобных обрывках мышления проявляется рефлексия, порожденная самой жизнью сновидения, то есть действительно принадлежащая сну. Однако мало того, что такие мгновения рефлексии столь мимолетны и молниеносны, что вовсе не подпадают под понятие бодрственного мышления, требующего протяженной связи периода; они к тому же — лишь отталкивающие порывы, исторгнутые у спящего рассудка силой странных впечатлений, и природа их поэтому совершенно противоположна самоопределяющей и самодвижущей сущности действительной деятельности духа. — Далее, сон охотно предается множеству правил и движений, текущих между рассудком и фантазией, которые в равной мере способны доказать как жизнь рассудка, так и его омертвение. Таковы все движения целесообразности и причинности рассудка, сопровождающие самодвижение фантазии, которая, как мы увидим дальше, вообще составляет самый живой элемент жизни сновидения. А именно: когда всегда пластическая, то есть творящая из совокупного слияния многого, фантазия собирается продолжить или довести

до конца начатую определенную отливку формы, иначе говоря, осуществить лежащее в ней самой пластическое напряжение до частичной или полной конечной цели, — к этому ее движению к цели примыкает рассудок, всегда неизбежно шествующий в формах категорий. Сопровождая ход пластического движения фантазии, он воображает, будто проявляет исходящую из него самодеятельность, тогда как на деле все обстоит наоборот. Равным образом в рассудке отражается та выраженность, или реальное соприсутствие изначального основания и исхода пластического движения, которая заключена во внутренней степени силы и в конкретной определенности всякого стремящегося к своей цели процесса фантазии; и наступают несамостоятельные движения рассудка по категории причинности, то есть рассудок пытается привести созданное фантазией в какую-нибудь связь созерцания по его причинности. Это удается ему тем меньше, что фантазия действует не по схемам и законам рассудка, а вопреки им, по мотивам слияния. Более того, бессилие его при этом так велико, что он не в силах даже удержать проходящий перед ним образ фантазии для *своей* цели: едва начав над ним свою мнимую деятельность, он уже снова возбуждается и увлекается новым образом фантазии, а затем снова и снова новыми, так и не сумев осуществить себя. Поэтому деятельность рассудка, всегда следующая за процессом фантазии, походит на деятельность кучера, свалившегося с козел, которого волочат за собой понесшие кони. В целом, следовательно, при таком роде сопутствующего движения рассудок лишь молниеносно освещает созданное самой фантазией, пока оно возникает и развивается, откуда само собой явствует его незначительность. — И даже на высшей ступени рефлексии сна, непосредственно перед пробуждением, где фантазии уже приходится бороться с сильнее

поднимающейся, предваряющей пробуждение силой Я, деятельность рассудка все еще отрицает самодеятельную природу бодрствования. Ибо рассудок не может сам выбрать себе предмет деятельности: то, что порождает прихоть фантазии, или закон ассоциации, или отчетливое впечатление, навязывается ему для игры столь же неизбежно, как быстро снова отнимается и сменяется; не говоря уже о том, чтобы рассудок при этом достиг в себе самоопределяющей силы.

По существу, следовательно, жизнь сновидения вовсе лишена мышления посредством самодеятельного движения разума и рассудка, а значит, и действительных мыслительных процессов вообще. С отсутствием же мышления рассудка и разума сами собой выпали правильные линии движения понятий, в которых бодрствующее Я так ясно являет строгость своего единства. Сами понятия как принадлежащие самодеятельности рассудка падают вместе с рассудком и опускаются, становясь слитными впечатлениями, на подкрепление конкретных образов; поэтому во сне не может быть и собственно жизни понятий, а только жизнь понятия, оживленного в образе конкретного. Всякое мышление, господствующее в жизни сновидения, есть лишь созерцание и невольное переобразование созерцания — либо по мыслительным шаблонам, оставшимся в самих образах, либо по порывам аффекта, душевного чувства, невольных проблесков рефлексии, по пластическому влечению фантазии к формованию и т. д.; либо же это чистая жизнь притяжения самих образов по присущим им законам, и именно в самобытно сотканных ею цепях созерцаний производительность познавательной жизни сновидения противостоит мышлению рассудка и разума самым забавным образом. Если мышление Я ставит первым звеном своего периода то, что велит разум, то жизнь образов

противопоставляет этому иное: во главу своей цепи она ставит тот образ, который пробудило случайное нервное раздражение или который сам собой, силою выдающейся напряженности, выскочил из царства воображения прежде других. Далее, в мышлении Я разум пользуется сущностным (внутренним) равенством понятий как общим связующим средством звеньев мысли; в мышлении сна сцепление мыслей производит не только самое слабое внутреннее родство, но гораздо больше случайное совпадение образов в самых внешних свойствах, вопреки внутреннему противоречию. В мышлении Я отношение звеньев мысли друг к другу сквозное и всеобщее; во сне господствуют по большей части лишь атомистические отношения каждых двух соседних образов. Если же в сновидениях фантазии несомненно выступают органические членения целого, то им недостает резкости выделения частного из целого и строгой соразмерности в протяженности пластической мысли, так как ее окраины всегда расплываются в неопределенности случайных ассоциаций, — тогда как мышление Я во всем своем объеме, как и в частностях, выступает резко соразмеренным и определенным. — Огромную же несущую силу принципа разума, который в бодрствовании держит на себе целые пирамиды систем, в жизни сновидения заменяет аффект, громоздя на себя целое мировое царство образов, обладающих при самом различном содержании одинаковой силой потрясать душу. — Если равнородность и соразмерность внутри бодрственной мысли вызывают лишь спокойное одобрение и удовлетворение в рассудке и разуме, то почти любая цепь сна чудовищностью своих контрастов, как и внутренними противоречиями, приводит в движение изумление, страх, гнев, досаду и все страсти души. И можно было бы привести еще множество параллелей, из которых противоположность

познавательной жизни сновидения бодрственному мышлению явствует как нельзя сильнее. Насколько же, наконец, слаб во сне сам корень всякой самодеятельности мышления — Я, видно из того, что оно вовсе не в силах закрепить скользящие образования сна и удержать их для рассмотрения, тогда как в бодрствовании оно может держать перед собой одну и ту же мысль часами и годами.

§ 14. Действие децентрализации на чувство

Само по себе чувство как особая основная сила души имеет совсем иное душевное строение, чем две другие основные силы — познание и воление. Познание (мышление) и воление обе имеют резко выраженное средоточно-периферическое строение: познание — извне внутрь, воление — изнутри вовне. Но обладают они им лишь потому, что выражают саму жизнь Я, поскольку оно как средоточие субъективности движется по их объему. В природе средоточной силы лежит, оживая, двигаться к своей полярной, противопоставленной ей окружности и от нее обратно к себе; и это движение субъективности от средоточия к окружности и от окружности к средоточию — взятое субстанциально — и есть основная сила самого воления и познания. Если же обе суть так субстанциализованное движение средоточия Я, то они сами по себе должны непрерывно сохраняться в течении внутрь и вовне, а потому обладать постоянно текущей подвижной природой и быть постоянно способными и готовыми изливать и расточать протекающую через них силу Я. Наконец, резкое разделение окружности и средоточия, которым они обладают в одном, и протекающий через них из напряженнейшего источника света духа (из Я) духовный луч делают их самыми просветленными и

светлыми носителями субъективности; поэтому в них по преимуществу живет и действует резко различенный свет духовного.

Этому же противостоит третья основная сила души, чувство, с совершенно иначе устроенным строением. Изначально не периферическая, а поставленная в середину между двумя средоточно-периферическими основными силами, она отличается тем, что изливает присущую ей жизненную силу не свободно, сама по себе, а переходя в силы воления и мышления и в жизнь тела. Поэтому соразмерно отмеренная степень силы чувства закаляет, возбуждает и поддерживает живою энергию мышления; более сильная поддерживает энергию воления и действия в состоянии всегда нужного заряда силы; другая же часть, наконец, как и вообще творящая в жизни тела жизненная сила, укрепляет и возвышает живое соодушевление тела при всяком внутреннем подъеме духа. Если же у чувства так лишь опосредованный выход его живой силы, то отсюда следует, что ее излучение задержано гораздо сильнее, чем у двух периферических сил; что она поэтому тем более вынуждена оставаться при себе и собираться, тогда как излучается; что, следовательно, существо и жизнь чувства имеют более плотное, при себе пребывающее, стянутое и собранное воедино строение. Уже из этого преобладающего пребывания в себе следует, что его движения остаются в неразличенности света, а потому чувствам свойственны лишь потемки света, светотень. К этому добавляется, что основная сила чувства по отношению к средоточию духа лежит не над ним, не выше духовного Я, а под Я, — ведь чувство содержит таинственную туманную атмосферу еще не поляризованного субъективного, над которой лишь и может проявиться строгое разделение субъективной ясности. Если же чувство стоит в организме души ниже Я, то отсюда следует, что

оно по существу изъято и из-под самодеятельного воздействия Я. Поэтому ему недостает не только резкого просвечивания лучом Я, но и произвольного владычества и управления Я; и действительно, вздымающееся чувство души никогда нельзя обуздать непосредственно властью Я, а лишь постепенным отводом, когда Я напрягает свои периферические силы — твердое мышление и воление — и их деятельностью поглощает возбуждение души.

Итак, способность чувства в душе в противоположность строго поляризованной природе познания и воления имеет по существу пластическую природу, потому что она движется, постоянно удерживаемая в себе, собранная и неотделенная от силы Я, в слиянии жизни; и ее непосредственный свет сознания не поднимается выше общего ощущения, перед которым всякое различие особенного становится неузнаваемым и расплывается в туман. Если же с засыпанием наступает общее пластическое переобразование сознательной жизни, то ясно, что жизнь чувства, раз она сама по себе носит пластическую природу, в пластическом переобразовании не нуждается и потому в этой своей сущности переходит в сон без изменения. Тем самым одновременно переходят в жизнь сновидения неумаленными определенные движения ощущений, которыми было занято душевное чувство бодрствующей личности, и сильнейшие, как и нежнейшие и тончайшие душевные ощущения бодрствования способны во сне заново заявить о себе: они непрерывно пронизывают трепетом шар сновидения и вызывают здесь и там из царства образов то одно, то другое, что отвечает ощущению. И так как с *определенными* ощущениями находятся в непрерывной связи и предметы, то вместе с ощущениями переносятся в сон и их реальные связи с людьми или предметами, и живая любовь,

благожелательство и т. д. остаются и во сне в связи с другом, братом и т. д. На этом по большей части и покоится возможность тех вещих сновидений, которые дают непосредственное знание о неизвестных, как раз совершающихся или будущих судьбах близких и далеких любимых людей.

Напротив, в меру своей связи с Я чувство должно разделять последствия децентрализации с прочими силами. Чувство как таковое имеет свою сферу разума, в которой оно в высшей степени проявляет себя вместе с периферически-средоточными силами духа; разнообразные чувства разума суть субстанциализованные формы его разумной деятельности. Если же с децентрализацией шара сновидения, которая есть прекращение самодеятельности Я вообще, прекращается разумная деятельность в области мышления и воления, то вместе с тем погружается в бездействие и такая же энергия чувства, поставленного между ними обоими; а замкнутая от внешнего мира шар сновидения к тому же препятствует и его возбуждению и оживлению со стороны реального вообще. Поэтому великое воодушевление истиной, красотой, добротой, любовью и религией жизнь чувства во сне не способна породить из себя; а если бы оно в ней и забило ключом, то напрасно, так как для его восприятия недоставало бы самодеятельной энергии мышления и действия. Отсутствия разумной деятельности чувства в жизни сна собственно и не замечают, так как ей вообще недостает действенной силы в действительном мире, через которую развиваются великие противоположности высшего чувства. Но там, где внутри шара сновидения даже чувственность выступает пышно и никакое высшее ощущение ей не противится, там отсутствие разумного чувства становится бросающимся в глаза и ощутимым. Это относится особенно к нравственному чувству,

поскольку оно касается пола. По весьма естественным причинам, которые мы подробнее разовьем в следующем отделе, говоря о сновидениях полового раздражения, образы нагого и сладострастного встречаются в сновидениях очень часто, как в тончайшем символическом покрове, так и в более открытом показе, — и в женских снах так же, как в мужских, сколь бы целомудренна ни была личность в бодрствовании. Человек видит, как он сам и другие открыто справляют естественные нужды тела, которые бодрствующий человек старательно скрывает; очень часто видящий сон видит себя в беседе с нежными дамами в таких местах, мимо которых все обитатели дома постоянно проходят по нужде, и эта непристойность его не поражает. Мужчине часто встречается обнаженная женщина, женщине — нагой мужчина, купающийся в воде, или лежащий в ней мертвым, или гонящийся по улице за перепуганной; или видящая сон видит себя раздетой перед мужчинами и делает им в одной рубашке те же светские поклоны, какие обычно делает наяву. Чаще всего нравственное чувство при всем этом вовсе не шевелится или появляется лишь задним числом, после полного развертывания сцены, как мимолетная прибавка, и тотчас исчезает со следующим образом, который ассоциация или фантазия выводит на созерцание. И чувства религии во сне не живы, поскольку мы говорим лишь о том, что изначально принадлежит сну, а не перезвучивает в него из дневной жизни. Это видно, например, в таких снах, где человеку кажется, будто он наслаждается пивной и винной пирушкой на хорах церкви или вообще в церкви, с пением и звоном кубков, в то время как рядом благоговейно идет богослужение; уже одна ассоциация веселого пения и торжественного пения способна вызвать такие образы сна, причем видящему сон противоречие таких сцен не приходит на

ум. И подобное встречается во всех тех областях, где мы в бодрствовании обычно соблюдаем благоговейную робость.

Тем сильнее, однако, завладевают возвышенные чувства дня теми пустотами, которые сон сам не в силах заполнить возвышенным. Кто религиозен — будь он честный благочестивец, добродушный мечтатель или пылкий ревнитель — и действительно предавался такому чувству прежде, в бодрствовании, тому сон разыгрывает его так же, и перед ним встают сцены молитвы, часто небесные образы ангелов или личины дьявола, смотря по роду бодрственного ощущения. Равным образом возвышенные чувства внутреннего мира (или их противоположности) входят в сон, даря счастье, и все, что любовью, тоской, блаженством и т. д. оживляло сердце в бодрствовании, выступает снова, часто украшенным или усиленным; и даже очень тихие и мягкие чувства, если они, сколь бы мимолетной ни была их природа, действительно проявлялись в бодрствовании, имеют силу снова заявить о себе — часто они оживают как раз там, где только что отшумел тяжело шествующий сон аффекта. Тем легче всплывают в ночной жизни все деятельные воодушевления души, так как в них постоянная природа душевного колебания соединена с брызжущей силой жизни.

Если же вследствие децентрализации жизнь чувства в шаре сновидения отступила из высших областей, то, отступая в низшие, она должна была тем сильнее их усилить и возбудить. Душевное ощущение средней сферы и лежащее еще ниже чувственное ощущение и представляют поэтому энергию чувства в шаре сновидения. С избытком же источает сон такие образования, которые, задевая созерцание, вместе с тем являют вполне определенные отношения к чувству, возбуждают его самого и

разнообразнейшим образом вовлекают в сострадание. Как бесчисленны сны, в которых господствует странное, чудесное, чудовищное; как часто они приносят печаль, отчаяние, страх, ужас, скорбь и огорчение всякого рода; как часто — удовольствие, радость, веселость, восторг; как часто в них внезапная помеха, горькое и сладкое разом или одно за другим, трагическое и комическое, ужас и радость; и все меньшие и большие контрасты соперничают друг с другом. И всему этому чувствующая душа беззащитно подвержена. Ее непрерывно гонит из одного тона душевного движения в другой; без перехода прорывается милое в страшное, прекрасное в безобразное и наоборот, и по всем прихотям случайных ассоциаций и произвола фантазии преломляется само душевное колебание. Насколько свобода жизни чувства в бодрствовании отступала перед спокойно-твердыми энергиями мышления и воления, настолько выше поднимается она во сне над всеми оковами, и не только над оковами вне себя, но и в себе, поскольку прекращается здесь ее подчинение другим основным силам духа и высшим чувствам в самом чувстве. В бодрствовании все средние душевные возбуждения имели упорядочивающую основу в бодрости чувств разума: печаль, боль, скорбь разбивали свою силу о крепость религиозности, о внутренний мир души в самой себе и т. д. К тому же все возбуждающие и потрясающие события дня вызывали вместе с тем против себя рассудительность мыслящей силы, которая точно их проверяла, разлагала, постигала в их естественных причинах и тем отнимала у них увлекающую власть над душой, а вызванные душевные колебания охлаждала и притупляла. Во сне же у жизни чувства нет внутренней опоры в ее собственной разумности, как нет и критики мыслящей силы; одно душевное чувство судит теперь, и его ныне живые сферы —

единственное мерило для самих себя. Все, что попадает в созерцание сна, падает непосредственно на душевное чувство, и то, как оно отозвалось в нем — мрачно или светло, пугающе или отрадно, — вот критика для всякого мимолетного предмета сна. Каждое же мгновение меняется строение сна, а значит, каждое мгновение и тон душевного настроения, и все чувство души колеблется в постоянно меняющихся ладах жизни. — Таким же подъемом силы, как средняя сфера чувства, пользуется и его чувственная сторона. В бодрствовании, как и в сновидении, по всей душе действует общий закон: чем слабее бьется жизнь в духовных областях, тем с большей напряженностью прорывается она в чувственных, и наоборот. Здесь, в шаре сновидения, где с децентрализацией духовная жизнь чувства отступила, она непосредственно выступила тем резче в своей чувственной противоположности. Если в бодрствовании чувственное чувство ограничивается тем, что ощущает весьма определенно выраженные побуждения боли, удовольствия, приятности или влечения, то во сне его ощущающая сила обостряется теперь настолько, что оно становится восприимчиво к тишайшим побуждениям всякого рода в организме тела. Поэтому во сне ощущаются дальше не только боли, перешедшие из дневной жизни или возникшие во сне, но и все прочие, обычно незаметные легкие недомогания или мягкие переполнения жизни тела внутри и снаружи; и уже не только сколь угодно мягкие состояния перевозбуждения тела, но и все нормально протекающие процессы движения самой внутренней жизни. Поэтому во сне мы очень часто находим сопутствующие ощущения движения легких, растущей жизни в зрительных нервах, жизненного движения, непрерывно длящегося в дыхательном горле и гортани от постоянного прохождения воздуха, перистальтических движений

во внутренностях и множества других: во всем этом чувственное чувство принимает конкретное колебание. Тем легче ощущает оно тишайшие возбуждения, похожие на боль, хотя в бодрствовании совершенно незаметные: крошечный прыщик от жара, нежнейшее давление двух лежащих друг на друге членов во сне уже способны возбудить его самым живым образом; совсем незначительное скопление мочи в пузыре ничтожным давлением воды на соответствующие нервы вызывает уже сильные ощущения; гораздо сильнее действует более полный пузырь, а переполненный — настоящие экзальтации чувственного чувства. В той же мере живо действуют на чувство сна жажда и голод: воображаемые напитки или кушанья, которыми, как кажется, наслаждаешься, пробуждают совершеннейшее ощущение удовольствия от утоленной жажды или голода; и всякая действительная боль тела, имеющаяся во сне, выражается самым отчетливым образом. Да и где во сне искать границу для всех более нежных впечатлений ощущения, если лежащее тело и то так, то этак поворачиваемые члены постоянно подвержены давлению и взаимным касаниям, отчего непосредственно возникают раздражения силы ощущения, — и если плодотворный приток раздражений непрерывно поддерживается всеми живыми внутренними процессами тела! — Очень отчетливо выражается в ощущении сна степень напряженности раздражения, его более тихое, более сильное, неистовое волнение, одновременно с определенной формой возбуждения: сосредоточено ли оно в себе, ограничено ли одной точкой или господствует над более широким объемом тела, роет ли оно, покалывает, колет и т. д. Вместе с тем выражается и принадлежащее раздражению определенное место тела, и, опираясь на это, развивается дальше своеобразное всеобщее созерцание сна, которое рисует

пораженные возбуждением члены или внутренние органы в очертаниях их формы.

§ 15. Упадок воли вследствие децентрализации

Зевс — метатель молний; Я есть Зевс, молния есть воля; исчезает Зевс — исчезает и молния, и без Я нет воли. Ни одна из сил духа в шаре сновидения не являет столь безотрадного зрелища, как воля.

Способность воли по природе имеет иное строение, чем сила познания, организованная вместе с ней периферически-средоточно, или мыслящее познание. Познание есть то субстанциальное движение духа, которое постоянно совершается от окружности к средоточию духа, к Я; воление же — та энергия, которая постоянно несет и движет жизнь душевной субстанции изнутри вовне, от средоточия к окружности. Поэтому первое есть центростремительная энергия, второе — центробежная. Так как центростремительная энергия познания начинается от окружности, чтобы двигаться к средоточию, центробежная же энергия воли, наоборот, непосредственно исходит из Я, чтобы затем изливаться от него к окружности, то познание, хотя как энергия Я оно имеет в самом Я общий с волей центр тяжести, все же по своему внешнему происхождению гораздо независимее от Я, чем воление; энергия же воления по своему внутреннему происхождению предполагает для своего самопроявления гораздо больше энергии Я, чем познание. Однако и при этом перевесе происхождения из Я на стороне воления познание встречается с волением: оно нагружается энергией воления и заряжается до центробежной энергии внутри центростремительной энергии познания, то есть до

самодеятельного мышления. И наоборот, центробежная энергия воления получает от ставшего центробежным познания, то есть от мышления, свое постоянное центростремительное обратное движение в себя: воление заряжается и проясняется мыслями, планами, намерениями и разумно рассчитанными средствами действия, отчего воление по ясности так близко родственно мышлению. Однако ни та впитанная центробежность познания, благодаря которой оно стало мышлением, не упраздняет центростремительной природы познания, ни впитанная центростремительность мысли в волении не упраздняет центробежной природы воления. Напротив, познание остается как самостная основная сила души центростремительным, или восприимчивым, воление же как столь же самостная основная сила — центробежным, или самодеятельным; поэтому за волением остается его изначальное происхождение из средоточия Я, за познанием — его врожденный исход от окружности субъективности.

Если же с засыпанием наступает упразднение самодеятельной власти Я, или децентрализация шара сновидения, то вместе с тем необходимо возникает гораздо большее ослабление воления, чем центростремительного познания: ведь у воления вместе со средоточием Я угас его собственный исход, тогда как познание имело свой исход преимущественно в окружности. К тому же воление, двигаясь центробежно вперед, всякий раз прежде разжигало себя до энергии в Я, чтобы осуществиться как власть воли; центростремительное же познание, чтобы ожить, возбуждалось преимущественно на окружности, или на предметности извне. Если, следовательно, Я пластической властью сна омертвело в своей самодеятельности, то вместе с тем у воления омертвела и возможность его первоисхода из власти

средоточия, и возможность заряда силы, чьи молниеносные искры противостоят предметным раздражениям на окружности познания, для всякого осуществления из себя самого. Поэтому децентрализованную энергию воли, или воление шара сновидения, следует рассматривать как силу воли, упраздненную по существу и в действии. — Было и вполне естественно, что субъективность бодрствования, сплавляясь в сон, с отдачей сну своей самостоятельной власти больше всего обратилась в слабость именно там, где она была в бодрствовании сильнее всего. Ибо при всей остроте и сосредоточенности субъективной жизни в Я власть Я сильнее всего не там, где она пребывает в собранном состоянии силы при себе, а там, где удерживаемую при себе власть она принуждающе и сокрушительно мечет против противостоящего ей иного. Поэтому в субъективности бодрствования энергия воления (действия) была высшим выражением власти Я, и потому центробежное воление во время утраченной власти Я, то есть в состоянии сна, есть высшее выражение слабости Я; поэтому волевая сторона шара сновидения есть слабейшая сторона всей жизни сновидения вообще. Сверху ей больше не приходит никакого оживления: нет ни самодеятельного Я, чтобы заряжать ее, ни сама она уже не есть исходящая из Я власть, чтобы воспринимать от Я; поэтому хотение Я, или хотение из самодеятельного побуждения разума или рассудка, во сне вообще не происходит. И точно так же воля в направлении к окружности мышечной системы (эта окружность у центробежного воления лежит в тылу основной силы, у центростремительного познания — в виде органов чувств на ее переднем плане) совершенно омертвела. Ведь вся жизнь мышц лежит распростертой и расслабленной, и даже наличная самодеятельность Я во сне не повелевала бы ни одной

полуспящей группой мышц, — в соответствии с познавательной способностью в ее роде, у которой никогда вполне не угасающий слух еще поддерживает во сне некую периферическую возбудимость в общении с внешним миром.

Что же касается простых переворотов тела во сне, совершаемых жизнью мышц, то правит здесь мышцей в большинстве случаев не воля и вообще не субъективность, а бессознательное раздражение нервной системы, которое приводит спинной мозг или родственные ему части у мозга в соответствующее встречное раздражение и тем вызывает переворот, соразмерный толчку, так что процесс совершается одной телесной органикой воли. Впрочем, и простой беспорядочный переворот тела во сне может быть действием духовного, или сознательного, отталкивания, недостаточного для осуществления. — Напротив, во сне встречается множество упорядоченных мышечных движений, даже полные подъемы и шествующие действия тела, при которых, кажется, правит воля души. Таковы вскрики при тревожных снах как мышечные движения органа голоса; затем похожие на полет движения рук во сне о полете; затем (не говоря о других), например, плавательные движения рук и ног и всего лежащего туловища в снах об опасностях на воде, которые возникают одной жизнью сна или вследствие произвольного нашептывания бодрствующих сочувствующих лиц; затем действительные полные действия всего шагающего тела у лунатиков. Легко решить, как производятся эти явления. При вскриках в тревожных снах лишь аффект, или лежащий в его основе образ сна, так сильно возбудил спящий дух, что тот выпустил из себя соответствующее насильственному раздражению встречное проявление. Весь процесс — не что иное, как вызванный в самой душе ударом

потрясения ответный удар потрясения, а значит, сам по себе совершенно невольное действие духа, хоть и произведенное в области произвола, причем органы, от природы назначенные выражать испуг, непосредственно увлекаются в движение, — ведь из душевного вырвалась, насильственно вытолкнутая, сила, за которой как таковой необходимо должно следовать органически связанное с ней телесное. — При похожем на полет действительном движении рук, когда сновидец думает, что рассекает воздух подобно птицам, причиной также не является самодеятельность воли, тем более что при неприспособленном к полетам устройстве человека в духовном вовсе не может лежать побуждение так пользоваться телом. В основе этого процесса лежит особое, или принадлежащее особому органу тела, повышение нервной жизни, по которому складывается образ полета в фантазии; вследствие этого раздражающая сила нерва с образом обостряется и производит тем более сильное впечатление на душу, которая снова отвечает в содержании полученного впечатления, то есть отскакивает в форме образа полета, и тем приводит в движение те телесные, или мышечные, органы, которые хоть как-то выдерживают сходство с органами полета животного. По существу, следовательно, движение рук при полете — не что иное, как невольный перевод полученного впечатления в его противодействие, причем о хотении Я нет и речи, как бы фантазия ни изображала его действительным истечением воли, — ведь и все призрачные образы сна она принимает лишь за действительное. — При плавательных движениях и многих других, которые возникают вследствие произвольного нашептывания бодрствующих сочувствующих лиц, в основе всегда лежит нашептанная сцена опасности. Она как таковая сильно возбуждает аффект и посредством него побуждает

душу к противодействию, соразмерному воздействию, которое непосредственно воплощается в соответствующей мышце; поэтому и этот процесс совершается одним механизмом воли, а не внутренним самоопределением. И если нашептывающий кричит самому сновидцу: «Спасайся вплавь!» — то волевой толчок к движению мышц, исходящий затем действительно изнутри сновидца, порожден и возбужден как раз не энергией воли спящего, а энергией воздействующего бодрствующего. Вообще же в основе такой восприимчивости сна к реальным нашептываниям лежит, с одной стороны, сочувственная связь обоих лиц, с другой — очень возбудимая и пышная, а потому и во сне не снижаемая до нормальной меры нервная жизнь, так что в самой нервной жизни содержится двигательное начало действия во сне. — Эта слишком обильно заряженная, а потому и во время сна еще подвижная иннервация мышц, взятая на стадии своего дальнейшего и высшего развития, и вызывает своеобразное, кажущееся совершенно бодрым движение ночного хождения и ночного действия. В каждом ночном хождении и действии прежде всего *сон* диктует со стороны субъекта план и мысль исполняемого действия, как и энергичный толчок к действию. Всегда сон лунатика содержит намерение сильного или ловкого движения, лежащее в определенном содержании мысли, — подъема, лазания, верховой езды, сильного орудования, подвижного проворства и т. д.; и часто к этому содержанию мысли в начале прибавлен еще особый побудительный толчок к движению: например, тот, кто должен подниматься, получает на то поручение от своего господина и повелителя, студент, который должен скакать верхом, — приказ своих родителей и т. д. В этих тесных границах содержания сна лунатик и движется, не выходя из них; поэтому ему понятно из слов обращающихся к нему действительных лиц

лишь то, что касается самого содержания сна, а все прочее им не слышится и не понимается. Высказанное в содержании сна намерение *сильного* или *ловкого* движения тела вместе с еще разжигающим толчком приказа поразительно прекрасно показывает, как произвол действия во сне возникает из мышечной сферы тела, или из насильственного побуждения жизни в нервной системе, принадлежащей мышечному движению. Итак, из иннервации приходит порыв к восходящему движению; тотчас фантазия переводит его из бессознательного процесса в соответственно оформленное сознательное намерение и приказ определенного движения; и через мощное давление сверхупругой иннервации на общее чувство, как и через силовое раздражение сознания намерением и приказом на душевное чувство и аффект, спящая энергия души претерпевает такое возбуждение в себе, что, вскипая, поднимается, по схемам образа фантазии приходит в деятельность и приводит с собой всю мышечную систему в живое движение, соразмерное сну. Естественно, что при столь мощном возбуждении внутри душа и по средоточию, и по окружности получает значительный жизненный толчок, отчего в своеобразном видении лунатика возникает род пластически-субъективного восприятия и вместе с тем род плененной в пластике деятельности Я по мышлению и волению. Но эту жизнь Я, или хотение Я, нельзя сравнивать с бодрственной. Как в бодрствовании всякая субъективная деятельность, взятая порознь и в целом, висит лишь на силе тяжести Я и от него получает определение, так здесь, во сне, вся энергия Я вместе с мышлением и волением Я висит на ласточкином гнезде сна лунатика как на ставшей теперь силе тяжести и определяется во всех сторонах побуждения ночного действия и помысла лишь из этого сна, а не из себя самого.

Следовательно, Я не вернулось ни в волении, ни в мышлении к исконной самосиле и самостоятельности: оно поднялось спящим силою тяги сна, посланного иннервацией, и, стоя теперь будто бодрствуя, являло лишь пластическое бессилие самого себя в насильственной встряске. Оно поднялось в себе лишь до известной степени произвольного движения, которая гораздо больше была свойственна *форме* Я, чем *силе* Я; ибо собственная энергия ночного действия лежала в нервах произвола и в самой мышце. Таким образом, всякая подобная более совершенная или менее значительная мышечная деятельность во сне производится по существу чувственно-душевным приводом *механизма* воли, без того чтобы в счет шла при этом величественная сила *духовной* воли, — и шар сновидения, несмотря на все такие строптивые опыты мышц, остается как воля парализованной и замкнутой; к тому же действующее здесь первично нервное переполнение по существу принадлежит к аномалиям сна. — Если же брать нормальную природу сна, то воля движется лишь под досаждениями аффекта внутри самого мира образов. Что фантазия рисует созерцанию сна, тому ужасается или радуется Я: оно пытается в страхе бежать прочь или блаженно спешит насладиться, мучается, собирая плоды, которые фантазия рисует ему в смеющемся саду, или взбирается на воображаемые горы, или ищет выход в лабиринтоподобных зданиях, или жалобно взывает к помощникам и спасителям, когда ледоход и водяная волна будто бы угрожают жизни. Всегда при этом живопись сна будит аффект, аффект вызывает отдачу воли души без внутреннего решения, одним внешним раздражением, так что проявление произвола выглядит скорее простым трепетом заодно, чем центробежной вспышкой. И часто фантазия метко и ясно передает дух в такой слабости: она ставит его неподвижно

прикованным к земле посреди грозной опасности, без всякой защиты; или в сценах радости и удовольствия внезапно преграждает или отодвигает вдаль предмет горячего желания, который вот-вот был досягаем.

Итак, от столь мощной в бодрствовании энергии воления в шаре сновидения, после того как она совершенно лишилась своей средоточной и периферической силы, осталась лишь безразличная середина; с безразличием же в себе воление осело в пластическое слияние в себе. Слабость теперь его характер, лишенный бытия образ в шаре сновидения — предмет, против которого оно обращается. Игрушкой аффектов, оживлением сцен образов, подстрекательством вечно творческой фантазии — а ко всему этому необычайная упругость этой основной силы, раз она лишена своей полярности, дает превосходную склонность, — колеблется оно как подчиненная сила в шаре сновидения.

§ 16. Жизнь представлений вследствие децентрализации и тесного ограничения шара сновидения

Как только власть Я ускользает из субъективности, это тотчас повышает силу жизни образов в душе. С самодеятельностью средоточия Я спадает с образов узда всевластной силы: рассудок и разум уже не властны рассекать их порознь, растаскивать и разделять, связывать по неестественным и противным им (образам) схемам и ковать в периоды; прекращается принуждение двигаться по путеводным нитям категорий разума и рассудка в правильном суждении и умозаключении; одним словом, жизнь образов сбрасывает все наложенные на нее Я оковы и становится свободной! Со свободой же она тотчас обретает собственную силу, возобновляет свое взаимное слияние, которое днем постоянно

стеснялось действиями рассудка; со слиянием же — свою свежесть выражения, свою упругость напряжения, свою силу роста и движения из себя и против других; и чем энергичнее складывается ее собственная сила, тем больше она переходит в состояние, противоположное целям мышления. К этому присоединяется выигрыш в силе, который доставила ей строгая замкнутость шара сновидения от своей окружности, или от реального внешнего мира. Никакие световые впечатления извне больше не вливаются; присущая им резкость больше не проникает, оглушая и прогоняя, в природу впечатлений, уже прежде утонченную и смягченную лучом духа. Шумы уха, если они еще проникают через несовершенно закрытые лабиринты слуха, достигают мира образов внутри не иначе как пройдя через пластическое затемнение слуховой нервной силы во сне, а потому с самого начала так мягко, тихо и кротко, как вестники столь же эфирного, призрачного мира; фантазия, тотчас употребляя их для пластических построек, свидетельствует об их сонном равноправии. Действия обоняния и вкуса покоятся вовсе; осязание со своей пассивной стороны, поскольку оно вообще испытывает причиненное ему раздражение, вводит его в душу так таинственно, темно и нежно, что оно ощутимо лишь для фантазии и ее вытянутых нежных щупалец. В целом, следовательно, шар сновидения покоится совершенно замкнутой в себе; поэтому свободный мир образов внутри живет беспрепятственно и невозмутимо и в сторону своей внешней стороны. Через свободное напряжение внутри, как и через твердое ограничение извне, упругость жизни в образах развивается собранной, плотной и сильной — и каждый образ представляет собой в себе предельно заряженную жизненную массу и ее полнокровную подвижность из себя самой.

Отсюда и происходит, что звуки во сне, все равно, родились ли они во внутреннем воображении или в сонном восприятии извне, образуют гораздо более долгий, полный и мелодичный отзвук; даже резкие свистки ночного сторожа кажутся звоном колоколов, долгим, милым, широким и полным. Вкусовые ощущения воображения, возбужденные во время сна сколь угодно ничтожным телесным раздражением жажды, дают такую полноту сладкого ощущения, какой бодрствование обычно вовсе не знает: во сне пьешь бесконечно сладкими долгими глотками и поистине радуешься наслаждению. Если снится, что пьешь на вокзале, а поезд, которым хочешь ехать, как раз трогается, это ничуть не нарушает блаженства утоления жажды: пьешь и пьешь, и пусть поезд себе уходит; ничто не нарушает удовольствия просветленного сном чувства — ни забота, ни горе, ни дело духа, ни мир; вкушаешь лишь гармонии вина, порожденного фантазией. — Сильнее же и полнее всего сияют во сне зрительные образы. Они представляют не картины, а живые фигуры; их формы выступают в ясном очертании и в приподнятом выражении; прелести слияния их красок нежнее, тоньше, словно дохнуты; волшебным мерцанием греются на солнце долины, утонченная лазурь восходит в воздухе; никакой художник не может этого написать — так говорит еще упоенный сновидец уже наяву. Больше всего сон ткет в зрительных образах. Из-за напряженности световых впечатлений, как и из-за отчетливейше обозначенных в них различий и моментов, и их последующий образ внутри выходит самым резким и энергичным и пробуждается быстрее и ярче всего; к тому же мы каждый день гораздо реже слышим, чем видим, а потому уже изначально световых образов, внесенных из вселенной, больше всего. Гораздо реже встречается во сне звуковой образ, лишь изредка, здесь и

там, как бы рассыпанный для разнообразия, потому что уже в бодрствовании у звуковых впечатлений слишком много слияния, слишком мало различия, а потому слишком мало отчетливой силы впечатления. Фантазия сна охотно изображает угрожающий характер крика в форме пугающих жестов, а не в звуках, даже когда поводом служит действительный звук во время сна, например человек, кричащий под окном; и очень часто она, вместо того чтобы изобразить людей говорящими вслух, заставляет то, что они должны сказать, выступить в форме пергамента, письма, надписи. Фантазия любит зрительные образы, потому что каждый из них сам по себе содержит вполне выраженную в себе, а потому пригодную для изображения форму. Реже звуковых образов — вкусовые; гораздо реже — образы прочих чувств.

Но уже изначально каждый образ, как он возникал из раздражения нерва и мозга, с одной стороны, и из ощущения духа, с другой, был конкретно замкнутым в себе, всякий раз особо устроенным колебанием и движением. Свою динамическую субстанцию он получил от невесомого эфира мозга, и тонкость ее еще значительно возросла оттого, что дух, воспринимая образ при его первоначальном возникновении, посылал в него самодеятельный луч внимания и посредством этого луча вплетал и принимал его в свое воспринимающее сияние, отчего он (образ) тем окрыленнее снова становился достоянием мозга. Поэтому каждый образ представления есть конкретная субстанция колебания, ставшая внутренней, обращенная в дух и как таковая снова выставленная в самостоятельном бытии. И каждый образ, удерживаясь в мозгу, парит в нем как в силу собственной субстанции колебания, так и в силу нематериальной лучистой нити, которой он словно привязан к самому духовному. Этим

объясняется способность духа, несмотря на постоянный натиск живых впечатлений, находить как бы уже исчезнувшие снова, если на них ищуще направится произвольный луч духа, — то, что мы называем воспоминанием; этим объясняется и то, что при малейшем движении в образах оно не может совершиться без ведома духа. Поэтому и во сне движение образа само тотчас возбуждает его касательную притяжения к духовному, и возбуждение образа в нем самом становится одновременно совершающимся в духовном, то есть сознательным. — Так как Я во сне как самодеятельная, или самосильно вмешивающаяся в жизнь образов, властная сила упразднено и существует лишь как вялая точка одной восприимчивости, то есть пассивно, то *эта* сохранившаяся деятельность Я — простое осознавание во сне — тем меньше раздражает свободу образов, что она ведь лишь сововлечена деятельностью самих образов, а такой род духовного совозбуждения уже обоснован и положен в изначальной самосущности образа как неотъемлемая часть его существования. Если же образы в глубоком сне сплавляются со всеми прочими сторонами, или основными сторонами, субъективности в столь пластическое безразличие, что как будто теряют в своем течении обособленность в себе, то вместе с тем и их живое отношение к Я сплавляется до безразличия; уже поэтому непосредственно никакое осознание этих состояний образов невозможно, хотя, с другой стороны, сознательной жизни препятствует и пластическое сослияние обособленности Я как средоточной восприимчивости. — Таковы, следовательно, образы воображения: сами по себе тончайше окрыленные динамические движения. Их непосредственная связь с высшей подвижностью духовного начала в себе (чья почти граничащая с абсолютностью быстрота и дальнодействие в одно мгновение не даны никакому

иному бытию космоса), равно как и их обособленность, проистекающая уже из динамического эфира колебаний нервов, придают им то постоянное беспокойство, подвижность, мимолетность и вечную смену движения, которые во все времена отличают их жизнь. Если же во сне сначала отступает стесняющая их самодеятельная власть Я, так что они становятся свободными в себе; если они защищены от всякого натиска еще не преломленных грубых внешних впечатлений и в тесных границах шара сновидения усилены и сгущены в себе энергией; если же по непосредственной своей природе они изначально обладают полетом, легкостью, порывом движения самого по себе, — то при всех этих прибавляющихся рычагах их пружинистой упругости они должны явить во сне гораздо более мощную, гибкую, переменчивую, пеструю и величественную жизнь полета и свободы. Поэтому жизнь движения во сне являет мощь, сравнимую с бурной стихийной жизнью природы, хотя она, разумеется, бьет лишь из теней образов и потому является таковой и постижима лишь для духа, созданного еще гораздо тоньше и чутче. Мы уже описывали ассоциативную жизнь образов с различных точек зрения, поэтому здесь достаточно кратко наметить внутренние процессы развития:

Как все стихийное и периферическое в государстве и природе, едва лишается всепроникающей организующей власти единства, начинает само строиться по закону окружности, так и жизнь образов сна, вполне освобожденная от своей средоточной власти. Прежде всего из плотно раздутого в себе набухания каждого конкретного колебания образа источается возросшее электрическое влечение связаться с соседним; электрические, так сказать, искры одухотворенного эфирного образа перескакивают из одного в другой, и образ за образом атомистически

связывается, возбужденный и подброшенный касанием притяжения. Часто связываются не соседние, а совсем далекие: скрытые во вселенском хаосе образов выскакивают из других на электрический зов, возбужденные той же жаждой связи, — и вся вселенная тем сильнее приходит в движение от пробегающих сквозь нее и выбегающих притянутых, с которыми скрещивается упругое встречное движение притягивающих. Далее, двое, соединившиеся вместе, по какому-нибудь новому влечению притяжения, вылетающему из их сплава, притягивают снова еще один и многие и т. д., привязывая все новые атомистические массы, как в ткани вышивальщицы стежок за стежком атомистически ложится справа, слева и со всех сторон; всегда спеша и силою спешного притяжения сотрясая и двигая другие. Среди приведенных в движение естественно выдвигаются вперед образы, уже обозначенные нами среди прочих образов как силы сосредоточения, то есть те образы, содержание которых уже при первоначальном чувственном восприятии сильнее действовало на душу, а потому получило более сильный отзвук среди прочих, причем эта внутренняя степень силы должна была к тому же идти в ногу с общим вольным ростом энергий в шаре сновидения. Эти *преобладающие* впечатления и выступают прежде всех других из взволнованного водоворота образов и в силу присущей им притягательной мощи либо вызывают к связи лишь равносильные им отдельные энергии образов, либо одновременно сплавляют в себе множество меньших сил образов, которые вместе держат ту же степень напряженности. Из этих соединений каждого большого образа с множеством малых образов, в совокупности равных ему по силе, складываются особые олигархии образов — мысли сна, каждая с общим средоточием слияния. Из особо связанных друг с другом *многих*

больших образов — через отдельную силу притяжения каждого или через совокупно сплетенную мощь притяжения всех, за которыми к присоединению следует опять-таки целое войско более слабых, — образуются великие республики образов, как бы системы мыслей сна, хотя, само собой, по нелогическому закону. Между тем притянутые силой массы образов малой напряженности сами завязывают между собой новые особые связи, возникают новые членистые сплавы, из них проступают иные отношения притяжения и притянутости по отношению к главным силам, связь олигархий начинает распадаться, по мере того как боковые образы достигают каждый для себя более сильных сплавов. Наконец исчезает сила притяжения первичных образов, связи малых образов перевешивают по силе притяжения, основа всей республики распадается, и эти последние начинают образовывать для себя сложное средоточие для других, подлежащих притяжению, и еще гораздо более сложное объединение притянутых других. И так жизнь образов в шаре сновидения являет вечное движение притягивающего и притягиваемого, и притягиваемых между собой, и вновь притягивающего для себя притянутого по отношению к первопритягивающему, а значит, вечное бегство и смену движения в связывании и развязывании — как в мощном целом как таковом, так и в каждом отдельном его члене; так что вселенная образов сна в своем вечном движении нескончаемого взаимного сплетения подобна клубку бесчисленных червей. — Еще иные притяжения образуются, когда рычагами притяжения становятся больше *внутренние* сходства образов. Это делается возможным лишь тогда, когда хаос образов выдохнул и притупил свое буйное жизненное электричество в бесчисленных движениях притяжения внешнего (случайного) рода, благодаря чему

внутреннему совокупному выражению образа обеспечивается выдающаяся действенная сила. Но и в этой форме движение является более или менее того же рода, что описанное, хотя гораздо менее живым и переменчивым, так как бесчисленные случайные различия отступают, а выступает более однообразная внутренняя сторона, — причем, однако, о сквозной внутренней связи по типу строгого объединения понятий думать не приходится. Всегда это лишь совсем общая и свободная, так сказать либеральная, схема понятия, которая образует общую основу совместного; и разнородные части связываются между собой с принадлежащим им целым или с другим целым лишь сходного, или лишь отдаленно сходного рода, одновременно с постоянным притоком внешних ассоциаций самого случайного рода. — Вся же постройка образов претерпевает полный переворот, когда какое-либо действительное нервное раздражение тела, которым так богата жизнь сна, отзываясь в общем чувстве, оживляет саму фантазию к несравненно более высокому творчеству. Всякое нервное раздражение, совершаясь в сфере действительного и касаясь восприимчивой жизни Я со сравнительно большого удаления телесного, отличается при своем падении на ощущающее Я гораздо более выразительной энергией, чем та, которую содержит жизнь образов, уже утонченная до духа и смягченная, к тому же кружащая непосредственно перед ощущением. В этом оно похоже на падающий извне резкий луч света бодрствования; и если оно далеко не так резко, как он, то по сравнению с мягкими раздражениями Я со стороны внутренних образов падает на созерцание гораздо энергичнее их, так что тотчас превращает все только что складывающиеся, сколь угодно богатые постройки образов в разлетающиеся туманы и дуновения. Этим

разрушительным действием на постройки образов оно тотчас прокладывает путь к разрядке силе фантазии, прежде отступившей перед порождающей силой образов; зеркальный луч, вызванный нервным раздражением в силе ощущения непосредственно при его падении, тотчас дает фантазии определенный материал для живописного движения; и *длительность* нервного раздражения в самом теле непрерывно поддерживает его падение на силу ощущения, а тем самым и длительность живописи фантазии в определенном материале. Если же фантазия так выступает над развалинами построек образов как творящая богиня, то это сразу дает совсем новое движение жизни образов, которое является произведенным уже не самосилой образов, а исходящими от фантазии пластическими вдохновениями. Возникшие так произведения образов несут поэтому тотчас печать более единого совокупного действия, в котором они, правда, еще сами производят притяжение или распадаются, но постоянно управляются уздой фантазии, лежащей над ними и господствующей сквозь них. Поэтому все сны нервного раздражения представляют как бы среднее жизненное движение между деятельностью фантазии, хотя и преобладающей, и действенностью, исходящей от самих образов; и жизнь образов в них, так как фантазия — пластическая сила, вполне родственная веществу образов, достигает на собственной почве высшего пластического просветления, за пределами которого уже начинается резко ответвляющееся от пластического, отличное от него творение рассудка. — Если же нервное раздражение было не быстро возникающим и проходящим мгновенным, и содержало не просто незначительное местное возбуждение какой-либо точки нервной системы, а возникло из более сильного местного или из возбуждения,

охватывающего всю область нервной жизни, то по силе и объему напряженности оно уже вполне походило на могучий аффект, а само уже было таковым на пластически-телесной почве душевной жизни. Аффект же, какого бы рода он ни был, действует на силу ощущения сознания так энергично и с такой мощной продолжительностью и непрерывным возбуждением, что намного превышает раздражение, необходимое для оживления фантазии, а потому намного перенапрягает образующую силу фантазии и разбрызгивает и разгоняет ее в неправильные волны насилия. Вследствие этого пластическое единство отступает перед натиском многого, свободная ассоциативная жизнь образов, хоть и удерживаемая основным тоном аффекта, снова перевешивает, но теперь, в противоположность прежним мягко-мимолетным играм, вскипает и бушует в своих самых мощных стихиях, то есть сплошь в потрясающих впечатлениях, распространяя в душе страстное наслаждение, веселье, страх, ужас, тревогу и отчаяние. Поэтому жизнь образов во время аффекта являет себя самым величественным образом, и долго еще за пределами сна и пробуждения действуют ее ужасы в ощущении сновидца, как если бы грозная небесная туча вытесняла утреннюю зарю дня и ее светлое мерцание.

§ 17. Новое появление разума в шаре сновидения в пластическом преобразовании

С засыпанием спонтанность «я» была упразднена, но его восприимчивость осталась, и оно постоянно проявляет себя восприимчиво-живым, созерцая проходящие перед ним образы сновидения. А если сохранилась восприимчивость «я» вообще, то вместе с ней сохранилась и способность созерцать вообще, как это

заложено в природе «я»; следовательно, у него остался способ всеобщего созерцания, который мы называем способом идеи, или разума, и способ созерцания различий, то есть способ рассудка; иначе говоря, у него осталось созерцание всеобщего как такового и в его особом облике. Итак, в шаре сновидения есть познавательная сила разума — постольку, поскольку под этим разумеется восприимчивость. Да и вообще восприимчивая сторона разума тем более должна была быть пощажена пришедшей к власти телесно-пластической силой и остаться неизменной, что восприимчивость сама по себе выражает гибчайшую сущность встречной склонности и отзывчивости, а значит, сама по себе содержит податливость требованиям пластической жизни. И раз с засыпанием разум утратил спонтанную сторону силы, в которой выражалась непримиримая противоположность поляризации слиянной жизни, то уже тем самым познающий разум был переведен в пластическое состояние сна; и лишенная всякой спонтанности, не возбуждающая сама себя, а лишь возбудимая и возбужденная восприимчивость разума и есть пластическая форма разумности во сне. Поэтому, когда разум во сне вновь оживает, он лишен самоопределения, недвижим изнутри духа из-за отсутствия всякой спонтанности «я», не может заявить о себе никаким видом воли и совершенно безволен и бессилен. Как чистая восприимчивость разум становится силой, весьма похожей на пассивное чувство, сливается с ним, равен ему по непосредственной силе ощущения, но отличается от него отчетливостью схватывания, чем и доказывает, что произошел от познания. Но раз разум остался разумом, то ему как таковому присущи всеобщность созерцания и вместе с тем внутренняя точка сбора восприимчивости в себе самой, то есть деятельность

«я», сама восприимчивая, а потому лишь сопровождающая, а не правящая; без того и другого он уже не был бы знанием разума. Однако присущая разуму всеобщность созерцания не может проявиться здесь в форме внутренней понятийности мышления: при отсутствии спонтанности «я» разуму недостает способности направляться во внутреннюю сущность вещей и углубляться в нее; скорее он должен заявить о себе на сущности, уже выступившей или выступающей вовне, на образующихся и предобразующихся превращениях и процессах жизни. Всеобщность же выступающих превращений жизни выражается величиной кругов времени или пространства; величина кругов времени ближе проявляется во всеобщем охвате прошедшего и будущего из средоточия настоящего, величина кругов пространства — в широте удаленности по всем измерениям рядоположности. Следовательно, восприимчивость разума, всеобще действуя на всеобщих процессах жизни, должна, созерцая, простираться в даль пространства и времени. — Но так как разуму как простой восприимчивости недостает способности двигаться туда или сюда в направлении дали, к которому зовет всеобщность, то при всяком действии всеобщего восприятия он должен быть подхвачен и донесен до предмета восприятия каким-то поддерживающим моментом, который есть его активное движение или заменяет его. К такой *несущей* энергии сразу же оказывается способной пластическая телесная жизнь вообще: с одной стороны, она заключает в себе грандиозный процесс собирания и слияния всех своих царств, а значит, мощную жизненность; с другой — как начало, определяющее по себе всю субъективность во время сна и властное над превращениями, она обладает живой силой воздействия и на восприимчивость разума, которую должна нести с собой. Далее, способность к такой

двигательной силе представляет психическое чувство, то есть душевное чувство. Оно не только само по себе обладает двигательной природой, всегда собранной в себе и потому всегда склонной к электрическому рывку за свои пределы, но и постоянно гонит перед собой, близко и далеко, свои колебательные волны в форме неизменного томления и влечения, то есть во всяком роде теплой и задушевной любви, вслед за пребывающим вблизи или вдали предметом любви; поэтому эти колебательные волны сами по себе обладают силой нести вдаль; кроме того, чистая отзывчивость восприимчивости разума, приблизившаяся к чувству, обусловливает тесную связь обоих. Наконец, вся объективность духа во время сна, уступив силе тяжести пластической жизни, отступила от стремления разбегаться в бесконечном обособлении и вошла в себя для слияния, став всеобще слитым процессом сознательной жизни и мощным размахом сделавшейся пластической духовной жизни; поэтому восприимчивый разум получает в этой своей субъективной совокупной основе новую двигательную несущую силу. — Если же восприимчивость разума, чтобы сознательно овладеть предметом своего созерцания, переносится к нему не сама собой, а присоединяющимся к ней двигательным деятелем, то и *цель* движения, то есть созерцаемый объект, необходимо определяется не по разуму, а по движущей силе, то есть по тому, куда она несет и куда сама по себе вынуждена нести. Поэтому разум, смотря по тому, какой несущей силе он достанется, будет перенесен к тому или иному предмету — смотря по тому, как его держит и определяет та или иная двигательная сила. Таким образом, в восприимчивом движении разума во сне разовьются три больших направления, соответственно трем названным двигательным силам. Во-первых, разуму, которого ведет за руку

телесно-пластическая жизнь, будет дано невольное и непосредственное прозрение в совокупные процессы развития телесной жизни, — и притом вообще в любом ее направлении, поскольку оно выражает совокупное развитие большего или меньшего рода. Далее, если смотреть из средоточия настоящего, где пребывает созерцание, созерцаемые процессы предстанут лежащими позади настоящего или впереди него, то есть прошедшими или будущими; поэтому восприимчивый разум движется при этом в созерцании собственной жизни и к пройденному прошлому, и к будущему, которое еще предстоит пройти. Отсюда, со стороны прошлого, возникают те образования сновидений, в которых видящий сон, будь он уже и старик, словно волшебной силой и потому к великому своему изумлению обозревает всю пройденную жизнь со всеми ее частностями, давно забытыми для бодрствования, или же большие круги пройденной нити жизни, проведенные лишь по отдельным направлениям. Если же восприимчивость движется к будущим превращениям телесной жизни, нынешнее состояние которой уже содержит корни будущего вообще, а в частности — уже определенные отметины его дальнейшего выступления и, в свою очередь, новые побуждения еще более далекого будущего, образующиеся в едва предобразованном моменте, — то отсюда возникают сны-видения о будущем телесной жизни видящего сон, множество которых указывает нам психологическое наблюдение. Ближе они делятся на прямо или косвенно определенные предвидения того или иного местного недомогания, или более тяжелой, или смертельной болезни; часто образ сновидения, нарисованный фантазией, с точной определенностью называет число дней, остающихся до наступления смерти, а значит, и само время ее наступления, и т. д. И если, обращаясь к прошлому,

процесс созерцания должен был проходить преимущественно через отмеченные моменты прошедшего, потому что в них сильнее всего сосредоточилась отзвучивающая энергия прошедшей действительности, то и при созерцаниях будущего, где поток жизни еще в далекой *цели* имеет свой высший центр тяжести, восприимчивость разума должна направляться преимущественно на будущее, лежащее далеко или еще дальше, — и, как правило, созерцанию достаются в качестве целевых точек уже определенно предстоящие, более или менее мощные кризисы телесной жизни, то есть ее решающие схватки в будущем. — Если же восприимчивость разума достается несущей силе чувства любви, то есть душевного чувства, то пробужденные таким образом созерцания простираются далеко вслед за колебаниями чувства — к ближним или далеким друзьям, любимым или родственникам. Отсюда возникают весьма многочисленные видения во сне, где человек совершенно неожиданно для бодрствования непосредственно видит дорогих сердцу людей в значительных, чаще всего опасных или печальных положениях жизни; и потому кажется, что достаточной силой впечатления на восприимчивость разума обладают лишь значительные потрясения у целевого полюса колебаний чувства видящего сон. Еще любопытнее эти созерцания, когда далекие состояния, увиденные *одним* видящим сон, через лучи колебаний чувства, которые связывают между собой нескольких любящих друг друга родственников или братьев и сестер, непосредственно сообщаются им самим, так что один и тот же, совершенно или по существу одинаковый сон-предчувствие о далеком снится в одно и то же время нескольким людям. — Если же, наконец, восприимчивость разума погружается в жизненное движение самой лежащей в ее основе совокупной субъективности, ставшей

пластической, в том или ином ее направлении, то отсюда вырастает предвидение свободных действий будущего, которые предстоит совершить самому, — или, вернее, не столько их самих, сколько в особенности идущих им наперекор, то есть вредно в них вмешивающихся, совершенно не предугаданных бодрствованием будущих побочных действий других людей или случайно вмешивающихся событий природы, из которых для предстоящих предприятий вырастают ущерб и опасность. Задуманные собственные действия легко постижимы при тонко податливой и чуткой природе разума во сне, даже если дневное намерение находилось еще только в начальной или переходной стадии развития: однажды принятые, или только еще чаемые, или лишь предугаданные дневные планы уже должны были в известной мере произвести определенные предварительные формы расширения духовной жизненной силы, и восприимчивости разума остается лишь, созерцая, пробежать эти, пусть сколь угодно нежно-идеальные, линии предварительного развития. Напротив, труднее объяснить совершенно непредсказуемые для бодрствующей духовной жизни, наступающие лишь через несколько дней, да еще в далеком месте, мешающие будущему видящего сон природные влияния или волевые акты чужих людей, которые предчувствие сна предвидит заранее вместе с собственной судьбой видящего сон. Тем не менее весьма многочисленные и в этом отношении факты сновидений все же должны иметь естественное происхождение. В этих случаях подвергающимся опасности или устрашенным будущим предметом такого предчувствия во сне является сам видящий сон; поэтому направление деятельности или стремления, более или менее отчетливо обозначенное заранее в его волевой субъективности, образует основную, то есть главную, линию

поступательного движения будущего, в которую присоединяющиеся события природы или волевые влияния других как бы побочно впадают, так что из взаимной связи того и другого возникают сочетания, грозящие опасностью. Значит, и эти совместные видения вмешивающегося сбоку побочного будущего, по-видимому, возникают лишь через поступательное движение разума по линии намерения, более или менее потенциально предначертанной бодрствующей волей: пробегая ее, восприимчивость разума вместе с тем схватывает и все врывающиеся в нее потенциальные боковые касательные, а значит, и потенциальную линию воли самого видящего сон в вызванных этим более точных определениях. Еще сложнее те предчувствия во сне, когда кто-нибудь заранее видит во сне несчастье, постигающее не его, а его друга; здесь тот же процесс восприимчивости разума происходит на линии намерения другого посредством колебательных волн любящего душевного чувства, которые связывают друга и видящего сон. — Наконец, следует отметить тот род восприимчивой деятельности разума, когда не сам видящий сон своим восприятием совершает движение вперед к далекому человеку, а серьезно принятая бодрствующая воля или невыразимое томление далекого — или уже приближающегося издалека — человека производит на разум сновидения, открытый далям, впечатление спонтанное или действующее подобно спонтанному, по которому соответственно и складывается содержание предчувствия. И здесь фактов много; более того, даже желание и воля умерших, теснейшим образом связанных с душевным чувством видящего сон, способны вызывать подобные духовные впечатления, то есть непосредственные созерцания во сне; при точном их исследовании легко решить, обладают ли они по существу

одинаковой природой с остальными, а значит, может ли наука признать их реально возможными или нет.

Ко всем этим движениям разума вдаль примыкают еще те любопытные восприятия, которые берут предметом непосредственно близкую и настоящую телесность и ее органические постройки и в форме уже не раз обсуждавшихся снов от раздражения нервов дают метчайшие непосредственные созерцания внутреннего устройства тела. Именно: если какое-нибудь раздражение нерва задевает во сне общее чувство, то оно, исходя из определенной точки тела, возбуждает как восприимчивость «я» вообще, так и ее разумную сторону в особенности. Верная своей всеобщей природе, восприимчивость разума тотчас перескакивает через конкретное раздражение и схватывает выражающееся через него и вокруг него всеобщее, то есть окружающие его и относящиеся к нему постройки форм тела, созерцая их в целом. Поэтому с каждым особым раздражением нервов, по которому складывается соответствующий род сновидения, в сон втекают и архитектонические изображения той области тела, к которой принадлежит раздражение, и у фантазии бывает чрезвычайно много дела, чтобы только расписать соответствующей символикой все притекающие к ней очертания форм. Если раздражение нерва исходит от органа зрения, как это так часто бывает перед пробуждением, то в сон наглядно входят строения сетчатки; если же раздражение принадлежит желудку и кишкам, то изумляешься плодовитости, с какой фантазия, следуя непосредственному восприятию, наперебой изображает большие и малые объемы этих органов, их извивы и продольный ход; если раздражение исходило от жизни сердца или легких, радует отчетливость, с какой вырисовываются очертания этих органических движений; если это раздражения мочевые, то

повсюду встречается ясное созерцание, то есть символическое воспроизведение формы пузыря; если это половые раздражения, которые обычно выступают в связи с раздражениями мочевого органа, то это дает символическое созерцание всего полового аппарата, внутреннего и наружного, и мужской, как и женский, половой сон полон таких рисунков. Более того, восприятие здесь так точно и проницательно, что вместе с рисунком наружных половых частей оно отчетливейшим образом отражает через символику фантазии и лишенный нервов рост волос на лобке в его конкретном облике; и нередко простодушная рассказчица сна выдает знатоку символики сновидений всю свою тайну. — Внутренняя ткань телесной пластики, которая днем, несмотря на свою полярную силу, ускользала от сознания, открывается так непосредственно восприятию разума; и в этом видно, что субъективность сновидения проникла и продвинулась в пластическую силу столь же глубоко, сколь глубоко она с наступлением сна опустилась в нее и с ней слилась.

§ 18. Фантазия в шаре сновидения

Вместе со спонтанностью «я» при засыпании падает сила мышления, а значит, и живая энергия категорий мышления; фантазия же как сила сама по себе пластическая, субъективная и дружественная слиянной жизни сохраняется. Если наяву фантазия должна была действовать в том направлении, то есть в той объективности, куда ее напрягал и посылал произвол «я», то теперь она освобождается от этих определений «я». Если далее наяву, как это бывает при всяком сочинительстве и творчестве, она должна была сливаться с периодическими формами мышления и его строго обособленными лучами, так что со своей

стороны вкладывала пластическое течение, убранство и живость в периодическое продольное развитие, — то теперь, с падением мышления, она избавлена и от принуждения к движению в таких растянутых в длину периодах. И, наконец, с падением категорий мышления она освобождается от всех рассудочно-правильных мер движения в самой себе и становится сама себе законом движения. Но раз с падением «я» она стала неопределимой из средоточия, то подпадает определениям того в шаре сновидения, что живет теперь вокруг средоточия «я» и на периферии; поэтому она тем сильнее подпадает движениям чувства и душевного чувства, настроениям и аффектам, затем всем раздражениям нервов и каким бы то ни было телесным возбуждениям шара сновидения и, наконец, в особенности и прежде всего — набегающим колебаниям мира образов внутри. Далее, если вместе с движением мысли она утратила периодическую силу растяжения, простирающуюся далеко в длину, то теперь она действует в более сжатых, более свежих жизнью и более переменчивых превращениях; и если вместе с категориями от нее ушли строгие меры, то теперь через ее творчество господствуют безмерное, чудовищное, несоразмерное в смысле бодрствования, противоречивое и несовместимое, — хотя в смысле пластики самой по себе, то есть пластики, не определяемой рассудком, в ее творениях повсюду обнаруживаются внутреннее равновесие, развитие и последовательность. Со всем же этим освобождением от мышления вообще она вновь обрела полную гибкость, проворство, беспрепятственность и охоту к поворотам — как в своих творческих превращениях, так и в нежно-чуткой встречной отзывчивости к разнообразнейшим образам и впечатлениям, на которой основываются ее слияния с ними. — К этому присоединяются влияния тесной ограниченности шара

сновидения. Если наяву она, неся размах в духовности, блуждала по миру, природе и государству и тем более по всем областям искусств, то с бездействием «я» и чувств у нее опадает всякая величественная и реальная внешняя мощь, и она становится движительницей в коротких периферии шара сновидения. Но когда она так втягивает в себя самое дальние дуги своего космического внешнего излучения, то в ней самой тем плотнее нарастает напряжение, и, полная плодороднейшего возбуждения в себе, она ждет стучащихся раздражений, чтобы излить силу. Нежному раздражению настроения в душевном чувстве она высылает навстречу для приема тончайше растяжимую и чуткую восприимчивость; крепкое раздражение нерва сильно поражает ее, вызывая выразительный отзвук в духовности; бурлящий аффект — еще бурнее и с большей охотой сбросить оковы, чем он сам; а бесчисленным впечатлениям образов, выражение силы которых в равной мере выросло с замкнутостью шара сновидения, она противопоставляет электрический огонь любви, прикосновения и всякой склонности, вливающейся в слияние, — и в неутомимых сменах сила испытывает себя: притягивать и сливаться и из слияния вновь изливаться на всеединящей основе пластической власти. —

Выдающийся подъем силы и значения фантазия получает благодаря энергии «я», опустившейся до слияния. Ни одна сила бодрствующего духа не исчезает во сне; поэтому не исчезает во сне и пропавшая спонтанность «я», но она приходит в слияние в себе, теряет полярность через уравнивание полюсов, и это безразличное состояние делает так, что она кажется бездеятельной, то есть исчезнувшей. Если же энергия, бывшая в полярной спонтанности «я», вообще продолжает существовать как таковая и в уравненности и как связанная сила уже не может

выступать в шаре сновидения сама по себе, то она необходимо достается для внутреннего усиления другой силе, которая содержит в себе всю подвижность освобожденной жизни. Самая же живая субъективная сила в шаре сновидения — фантазия. Уже сама по себе она в субъективности стоит впереди всех прочих сил духа как самая творческая; будучи по своей природе пластической, она перешла в жизнь сновидения неуменьшенной, а сбрасывание всех полярных оков сделало ее еще свежее и подвижнее. Сама же по себе она наяву была связана и сближена с в высшей степени полярной духовностью, ибо связывала в текучее и окрыляла ее тончайше расщепленное излучение; тем легче достается ей уравненная энергия «я», после того как с отказом от полярности периферия и средоточие спонтанности «я» растворились в единое, отчего высшая энергия духовности получила такое строение, которое по существу стало родственно фантазии, всегда действующей в слиянии единого и многого. Вместо стеснительных категорий мышления, как это было наяву, освобожденная фантазия получает теперь еще и силу «я», превращенную по ее подобию, и усиливается ее набуханием; а так как эта воспринятая ею сила была высшей и мощнейшей во всей субъективной жизни вообще, то тем самым и сама фантазия поднимается до высшей власти в субъективности сновидения и становится владычицей в сознательной жизни шара сновидения. Соответственно воплощенной в ней власти она тотчас оказывается самым живым и оживляющим, вечно изначально деятельным в сменах творения началом сновидения; поэтому она уже a priori представляется подобной движущему началу всей субъективной жизни в бодрствовании — «я», чью власть она впитала. Неся же в себе энергию спонтанности «я», она необходимо присоединяет к себе как принадлежащий ей орган

сбора восприятий ту слабую и неподвижную восприимчивость «я», что осталась еще от бодрствования и повсюду сопровождает знание во сне, — и вся восприимчивость сознания, выступающая во сне, служит органом фантазии. Поэтому она так часто втягивает в себя непосредственное восприятие разума и делает его определенным мотивом своей осмысленной живописи. Оттого и все раздражения нервов, исходящие во время сна из телесной жизни, тотчас возбуждают фантазию как властвующую силу сновидения; оттого и набегающие на нее впечатления тотчас получают от нее символическое живое выражение в воплощении созерцания, как бы заново оформленные и положенные пластическим хотением фантазии. Точно так же к ней взывают все чувственные влечения, выступающие во время сна в телесной жизни, как к той власти, которая должна их удовлетворить; и только она одна способна удовлетворить их на *свой* лад. Жаждущему во сне она тотчас ставит полный бокал, а вокруг — веселых собутыльников, и жаждущий радуется полными глотками утоленному влечению, и восхитителен для него воображаемый нектар. Если перед пробуждением окрепшую силу зрения внутри глаза тянет к деятельности, фантазия рисует высоко в воздухе едва видимую птицу, и видящий сон с величайшим напряжением думает смотреть туда, пока охота смотреть у него не притупится, — или она велит ему собирать в темноте плоды в высокой траве и тому подобное, что наяву требует острого напряжения зрения. Чтобы унять более мягкий стук (мужского) полового влечения во сне, она тотчас рисует общество женщин без явного отношения к половому и старается успокоить и рассеять его сменой невинных женских образов; если же влечение выступает сильнее, она показывает ему формы природной жизни, так или иначе связанные с зачатием,

выражающие то, что за ним следует или ему предшествует, — или же являет ему женщину, девушку в каком-нибудь неожиданном положении, забывшую прикрыть наготу, и т. д. — Точно так же к ней обращаются все душевные и духовные побуждения, влечения и все, что в субъективной жизни положено лишь наполовину и потому еще требует восполнения недостающего; или же через нее ищет отзвучать то, что слишком полно жизнью в себе. Так она успокаивает настроения, отзвучивающие еще от бодрствования через душевное чувство: возбужденная их мягким побуждением, она выводит на сцену созерцания целые картины, выражающие тот же тон настроения, и тем выводит внутреннюю жизнь настроения из нее самой наружу. Точно так же она удовлетворяет деятельное, подобное аффекту продолжающееся биение душевного чувства — тем же образом, превращая внутреннюю жизнь во внешнюю, отчего внутреннее возбуждение души изливается и угасает. Если это прерванные засыпанием мыслительные процессы, то есть живые незавершенности ставшей конкретной энергии мышления, которые требуют завершения в себе, то есть успокоения через завершение, то это совершает теперь вместо «я» фантазия: всеобщим проникновением ощущения во весь мыслительный материал, находящийся в незавершенности и стремящийся к завершению, она становится способной и побуждаемой положить свое ответное действие в форме другой половины незавершенного, чем и успокаивается внутренний закон равновесия ее пластики. Поэтому творчество сновидения может рассказать так много о решенных философских, математических, поэтических и вообще духовных задачах. — И даже всякое движение области воли во сне пользуется для своего осуществления властью фантазии и никогда не осуществляется без фантазии: при всяком действии

лунатика действительное движение становилось возможным лишь потому, что фантазия порождала действительное волевое намерение в форме определенной, подстегнутой побуждением мысли о цели и затем приводила мышечную область в соответствующее движение. Более того, даже при кризисах больной телесной жизни, которые так охотно наступают при собранной во сне жизненной силе, фантазии достаточно часто приходится предобразовать соответствующие сцены образов, чтобы вызвать те действия во сне, которые нужны для разрешения того или иного созревшего для решения недуга.

Однако фантазия сновидения не довольствуется тем, чтобы лишь отвечать на подступающие к ней раздражения, то есть не довольствуется ответным действием, соразмерно отмеренным полученному впечатлению и потому в этом смысле нетворческим; она пробуждает при этом к многообразной жизни сознательные силы души — отчасти из побуждений, лежащих в ней самой, отчасти из поводов, данных лишь скрыто и в возможности в раздражениях извне. Так она приводит заложенную в ее сосредоточенно-пластической власти склонность, бурно, то есть аффектно, приходить в движение, собственной силой к осуществлению — тем, что порождает множество сцен из образов, противоречащих друг другу и самому созерцанию сна; так напор аффекта получает богатый толчок к многообразному проявлению. А через осуществленный аффект она, в свою очередь, пробуждает погруженную в забытье рефлексию рассудка к мимолетной вспышке, хотя беглый отблеск ума, как и аффект, тотчас снова достается лишь ей, господствующей силе шара сновидения, чтобы она заново его раздула и украсила. — Если же в фантазии отзывается радостное настроение души, она не довольствуется тем, чтобы соразмерно ему наколдовать веселые

и милые образы. Она берет еще и аккорд колебаний, заключенный во всяком благом настроении души, или, что то же, нервов, как особый толчок и выводит сами веселые образы опять-таки в свободно-гармонических аккордах, то есть развертывает законы прекрасного через все отдельные образы и сцены. Так она становится творящей прекрасное — благодаря толчку к пластической гармонии в ней самой, который она получила опосредованно. По существу то же, что и гармоническое настроение душевного чувства, производит в ней впечатление выпуклого, то есть сильного и напряженного, отдельного образа шара сновидения, если при первоначальном возникновении этого образа принадлежащее ему действительное произвело на душу радующее, вообще благотворное впечатление. Поэтому и образ, оставшийся от действительного, теперь сам собою пробуждает в фантазии творчество прекрасного; только здесь гармоническое настроение лишь ненадолго привязано к одной-единственной точке (образу), и потому эстетическое творение фантазии проступает лишь на самом этом образе: сам образ является в великолепнейшем веянии прекрасного, словно омытый сгущенным эфиром прелести. Когда же толчок к творчеству прекрасного дало настроение душевного чувства, полноте и длительности гармонического колебания отвечают очень богатые декорации фантазии. И далее: как мышление «я» наяву, получив для рассмотрения какое-либо впечатление — пришло ли оно из природы или из глубины самого духа, — разряжает на этом предмете свою свободную деятельность во все шире охватывающих и все глубже проникающих логических развертываниях, так и нервное раздражение или раздражение настроения, долго отзывающееся в фантазии, становится живым предметом, или, иначе, объективным толчком к пластическому

развертыванию фантазии, которое все дальше и дальше свободно исходит из нее самой; в нем она являет въявь свою свободную силу и ее вечно изобретательные, неистощимо богатые лады. Однако для этого меньше годятся нервные раздражения, несущие в себе слишком отчетливо выраженное предметное содержание, чем более или менее неопределенные, то есть оторванные от своего предмета, колебания душевного чувства или нервов. В первом случае впечатление содержит слишком определенный набросок для деятельности фантазии, и она опускается скорее до шаблонного его воспроизведения, как бы ни приходилось при этом дивиться ее тонкому чутью; во втором же случае раздражение дает ее творчеству лишь общий мотив, так что она, подобно музыке в определенной основной тональности, может свободно развертывать на нем все новую череду творческих модуляций. Стоит лишь присмотреться к любому сну об опасности — а ими жизнь сновидения так богата, — и равно изумишься как пышному изобилию все новых встающих угроз, так и их совершенно своеобразной, недостижимой для бодрствования самобытности. — Наконец, на всю эту свою власть в шаре сновидения, на весь мир образов сна, на всякое раздражение сна и на «я», которое посреди всего этого еще воспринимающе дышит, фантазия изливает свое непосредственное дыхание жизни, словно набухающую силой волшебную атмосферу. В ней беглые тени образов принимают живой облик и говорящее выражение действительного, как в ту пору, когда они еще не были отделены от действительного, которое отображали; все чувства, все раздражения и отражения вырастают в живых людей и действия, — и даже последний призрачный отблеск «я» поднимается до лично действующего средоточия всех пластических действий на сцене созерцания сна.

§ 19. Символический способ изображения у фантазии сновидения в его общей форме

Самые разнообразные раздражения отзываются в фантазии сновидения и вынуждают ее выйти из себя, и она это делает, придавая проносящимся сквозь нее впечатлениям соответствующее выражение из своей образотворящей власти. Поэтому фантазия сновидения очень часто оживает в пластическом высказывании, и именно это высказывание мы понимаем под символическим изображением у фантазии. Дневное мышление говорит понятием; при этом оно обычно не берется особо выставлять отдельные признаки, отчего внимание рассеивалось бы и схватывание стало бы затруднительнее, — оно скорее берет понятие лишь как совокупную определенность и тем самым быстрейшим, легчайшим и ловчайшим образом обозначает в одно мгновение реальное и целые его последовательности. Но предоставленной самой себе силе фантазии во сне недостает языка понятий: она лишена созерцания объектов из внутреннего понятия и потому схватывает свои объекты из внешней формы созерцания, а так как эта форма избегает ослабления через выделение внутреннего, — то из полноты, силы и величины формы созерцания. Фантазия говорит впечатлениями созерцания, образами, и так как они предстают в своей неослабленной изначальной природе, — всем объемом того, что содержит действительное, лежащее в основе впечатления, а по нему и само впечатление. Поэтому там, где бодрствующий человек произносит понятие «дом», фантазия прямо рисует действительный дом в его естественной форме и величине; вместо понятия «улица» она ставит всю череду действительных домов, тянущихся направо и налево; вместо понятия «я» — живого человека, который говорит

и пишет, и так далее. Поэтому ее язык уже в целом очень пространен и растянут, а ее выражение, если в отдельном оно сверхотчетливо и ясно, то в обобщении неповоротливо и затруднено; особенно это выступает, когда фантазии приходится выражать более сложные отношения пластической мысли, — хотя затрудненность отчетливости существует и кажется таковой вовсе не для мышления фантазии, а лишь в сравнении с дневным мышлением «я». — Дальнейшее прибавление чудовищности язык фантазии получает от неопределенности мер, которыми она символизирует понятия измерений и вообще определения, принадлежащие пространственному как таковому. Фантазии недостает строго взвешивающей силы рассудка; поэтому понятие высокого для одного и того же объекта она так же охотно выражает высотой башни, как высотой дома или отдельной комнаты в нем; вместо понятия того, что торчит прямо, она так же охотно ставит прямо поднятую башню, как и лежащую на улице палку, — и чаще всего ей важно при этом лишь основное обозначение понятия, а не количественные отношения. Поэтому, если она во сне рисует, например, въездной пандус замка, напрасно удивляются, почему он вздымается до третьего этажа, откуда отъезжают экипажи: она хотела выразить лишь высоту пандуса, а высота остается высотой, независимо от того, более или менее высоко находится возвышенный предмет. — Далее же затрудненность отчетливости этого языка возрастает от своеобразного нежелания фантазии выражать объект через него самого, то есть через его конкретный образ действительности. Тогда как наяву мышление обозначает свои объекты принадлежащими им понятиями, всегда творческая и образотворящая фантазия выбирает вместо естественного образа всегда чужой, если только этот чужой способен выразить тот

момент объекта, изображение которого ей важно, и вторичным образом говорит содержание первичного. Но стоит только узнать этот закон, и первичный смысл языкового образа легко угадать; а так как фантазия при часто повторяющихся однородных раздражениях охотно выбирает одни и те же символы, то и здесь символическая темнота языка проясняется в смысле рассудка. Так, например, образ кошки постоянно выражает досадное расстройство душевного чувства; образ булки и вообще светлой и гладкой выпечки, то есть пекарской лавки вообще, — наготу тела; образ кустарниковой поросли чрезвычайно часто в мужских и женских снах — волосы на лобке, и т. д.; и вместе с тем исчезает удивление, как, казалось бы, совершенно неуместные образы вдруг появляются в круге созерцания. — Своеобразные символические трудности языка порождает далее аффект. Странными сочетаниями своих образов, которые вместе с тем направляются необузданными, не упорядоченными рассудком законами ассоциации, фантазия пробуждает множество аффектов: удивление, изумление, страх, ужас, тревогу и т. д. Каждый же аффект дает фантазии новый импульс, то есть усиливает ее пластическую деятельность, как это видно уже днем по молве, которая аффектом, возбуждаемым при рассказывании и пересказывании, делает из мухи слона. Если это так отчетливо выступает уже днем, когда рассудок держит фантазию в узде, то совершенно освобожденная фантазия сновидения должна проявлять это тем более. Каждый аффект дает фантазии новый разбег силы, а значит, гораздо более усиленную энергию для продолжения символического образования. Если последний образ, который своим собственным содержанием или своим отношением к предыдущему в каком-либо отношении возбудил аффект, выражал конкретную форму продольной протяженности,

например дорогу или бороду, то вследствие аффекта дорога чудовищно удлиняется, а борода ниспадает с подбородка на целые локти. Если это был короткий, замкнутый в себе предмет или много таких, например несколько воробьев или голубей, деньги и т. д., то из этого получается неизмеримая стая птиц или нескончаемая череда дукатов; а если видящая сон хозяйка как раз любуется рыбой в ручье, то рыба вдруг колоссально увеличивается, или вокруг нее в воде играет целая стая других. Если это был образ, действовавший больше своей внутренней напряженностью и ее выраженным содержанием, чем внешними размерами, то из него образуется еще гораздо более полный и странный зрительный образ: так, если во сне любуешься великолепными конями, на которых едешь в экипаже, конь легко превращается в диковинное существо совсем иного, необычного звериного облика; или же напряженность выражается усиливающей прибавкой к неизменному первому образу, например молнией, бурей, громом и т. д. при образах из жизни природы, и это усиление вдруг, словно по волшебству, выступает вследствие возбуждения душевного чувства. Итак, символический язык становится от этого еще пространнее и труднее: не только отдельные символические формы выражения сверх меры увеличиваются или умножаются, но и, особенно при внутреннем усилении образов, в изображение вводятся совсем иные символические мотивы, чем изначально заключалось в смысле изображаемого содержания. — Далее, фантазия, столь сильно окрыленная в жизни сновидения, не довольствуется тем, чтобы выразить предмет лишь одним простым символическим образом, а обычно прибавляет к нему еще другой образ, изображающий живое отношение предмета к ощущению души, и притом совершенно самостоятельно, хотя оба образа самым

естественным образом сливаются со всей сценой. Поэтому она ставит символическое выражение сразу дважды, всякий раз по-разному, и тем мешает внешней беглости изображения, хотя, с другой стороны, именно этим хочет тем сильнее выделить и прояснить внутреннее значение дела. Так, например, в часто встречающемся сне от раздражения внутренностей содержимое внутренностей является в виде толстого слоя нечистот на улице, через которые едва можно пробраться вброд; отвратительное же свойство содержимого внутренностей, то есть исходящее от него неприятное отношение к душевному ощущению, фантазия тотчас выражает еще и неприятным нам человеком, который вдруг идет рядом с нами по грязной улице, или нам приходится проходить мимо покойника и т. д. — Наконец, никогда вполне не сдерживаемые ассоциативные действия образов, родственных символическому изображению, через боковое притяжение вводят в символику множество образов, связанных с собственным мысленным содержанием сна лишь самым внешним образом, так что первичный смысл сна часто как бы подавлен таким назойливым украшением и словно прячет свое настоящее лицо. Однако если рассматривать изнутри строя сна и его развития, то и это можно ясно разрешить, ибо от основной мысли сна легко обозреть, что к ней существенно принадлежит, а что нет. — Если же думать, что фантазия, символически воспроизводя какую-либо объективную форму тела или духа, хочет в своей невольности исчерпывающе изобразить все содержание дела, наподобие, скажем, описания наяву, то это было бы полным заблуждением. Напротив, от всякой ставшей ей ощутимой объективности она схватывает лишь пластический очерк, то есть впечатление по главным его моментам, и разрабатывает этот очерк формы совершенно свободно, сообразно порыву и закону своей

творческой силы; поэтому и ее символические картины кажутся столь художественно-легкими и словно гениально набросанными одним дыханием. С другой же стороны, в беглом снятии очерка с предмета опять-таки заключается существенный момент отчетливости: ведь преобладающие моменты предмета при всеобщем снятии очерка запечатлеваются преимущественно, а потому и в фантазии выражаются сильнее всего; и символическое перенесение тоже должно выставить их сильнее всего, отчего главная сущность предмета явно проясняется для понимания. Символическое же выделение главных моментов фантазия совершает в мере, хотя и не равной усилению от аффекта, но все же сходной с ним: изображая отмеченный момент, она либо дольше всего на нем задерживается, либо выделяет его перед другими по напряженности или количеству; поэтому мы очень часто находим во сне увеличения сверх обычных мер. — Что же, наконец, касается большей или меньшей отчетливости символического изображения во сне вообще, то она зависит отчасти от степени энергии усвоенного внутрь впечатления, а та, в свою очередь, — от степени живого возбуждения в объективном поводе, доставляющем впечатление; отчасти же она определяется общим жизненным состоянием фантазии, и оно благоприятнее всего, когда фантазия держит середину между восприимчивой склонностью и спонтанной охотой к образованию.

§ 20. Оживление символического изображения действием фантазии

Действие фантазии — неотъемлемый момент самого символического языка: это момент движения, исполняющий и развивающий язык, то есть сам движущийся вперед язык

фантазии. Образотворящая фантазия не может говорить иначе, как живым созерцанием, и опять-таки не может изобразить говорящее в нем начало иначе, как наглядно и живо; поэтому и исходящий отсюда поток речи не может выразиться иначе, как через наглядное, то есть живое, действие. Точнее же действие фантазии складывается следующим образом.

Ко всякому проявлению жизни фантазии принадлежит подступающий к ней импульс, который дает ей и определенный материал для деятельности, и возбуждение к ее выступлению. Следовательно, при всяком движении фантазии друг другу противостоят внешнее побуждение как возбуждающее и сама фантазия как возбужденное или подлежащее возбуждению, и всякое возникающее отсюда действие фантазии необходимо заключает оба эти момента. Фантазия же тотчас схватывает стучащееся к ней раздражение под символическим образом, то есть представляет его себе в форме наглядного живого или вообще действительного предмета и ставит его перед собой. Но раз задевающее ее раздражение явилось ей живым объектом, то и она сама, живо задетая и возбужденная им, должна так же явиться наглядной и живой; и она тотчас осуществляет это, соединяя свою собственную спонтанную власть с еще наличной восприимчивостью «я» воедино и выражая обе вместе в наглядно и живо выступающем лице самого видящего сон. Итак, теперь друг другу противостоят живой (действительный) предмет и живое лицо видящего сон. Но оживляющее раздражение изначально находилось вне фантазии и подступило к ней извне; поэтому фантазия, символизируя его, должна вместе с тем символизировать и его бытие вне ее, и она делает это, ставя его отдельно от себя, то есть свободно перед собой. А так как между раздражением, происходящим вне ее, и ею самой была идеальная

ширь, расстояние, то она образует при внешнем предмете вместе с тем свободное место, сцену созерцания, на которой он стоит и словно бы охвачен и несом принадлежащей ему более широкой атмосферой. А так как внешнее раздражение отозвалось в фантазии и вошло в нее, то есть прошло сквозь нее, отчего и получило свое символическое выражение, то сама фантазия оказалась в живой связи с ним и, так сказать, обвита им. Поэтому, если наглядно представленный предмет является в свободной атмосфере, то есть на сцене сна, то и сплетенное с ним «я» фантазии, то есть живое лицо видящего сон, должно одновременно присутствовать на той же сцене, и вот лицо видящего сон стоит у реального объекта, перед ним или рядом с ним, на той же сцене. Фантазия же, задетая побуждением, сама была возбуждена к жизни, и вызванное этим жизненное движение в ней держится за побуждение и движется по нему и в него как по неотъемлемому конкретному материалу движения; поэтому и оживленное «я» фантазии, или лицо видящего сон, выступая на сцене вместе с объектом созерцания, должно быть в живой деятельности направлено на объект, то есть само действовать в нем или на нем. Это происходит прежде всего и непосредственнее всего так, что лицо видящего сон живо смотрит на свой объект и разглядывает его; и внимательное смотрение и разглядывание действительно уже было деятельностью, хотя деятельностью, осуществляющейся лишь в восприятии, а значит, своего рода немым, или пассивным, действием. Но и само простое смотрение как таковое поднимается до действительной, то есть выступающей вовне, деятельности, когда фантазия, как, например, в снах от раздражения зрения, рисует птиц в воздухе так высоко и так мелко, что во сне изо всех сил стараешься их разглядеть и удержать взглядом; здесь, следовательно, действие

лица во сне совершается через выступающую вовне энергию взгляда. Далее же действие образуется через мнимое движение собственно членов тела следующим образом. Объект стоит хотя и рядом, но все же вне лица во сне; когда лицо созерцает его, он вступает во взаимодействие с душевным ощущением и является ему приятным и притягательным или неприятным и отталкивающим. Приятное ощущение пробуждает желание обладать предметом, и так как желающее существо — само живое лицо во сне, то фантазия тотчас выводит это его желание на сцену через него самого и заставляет его подойти к предмету, то есть двигать ногами и телом, хватать предмет, схватывать его и т. д., чем произвольное действие в воображении уже положено. Если же объект лежит на земле, как, например, когда мы находим деньги, то лицо во сне наклоняется к нему, собирает монеты, кладет их в карман, радуется им и спешит прочь, чтобы спрятать их дома, и т. д., так что из первичного действия развивается целая череда других; а если объект фантазии был положен сперва как то, что еще предстоит искать, то всем этим действиям предшествует напряженное движение высматривания и внимания вместе с движением тела вперед ради нахождения. Если же, напротив, объект созерцания действовал на внутреннее ощущение души отталкивающе, то соответственно наступают движения лица во сне назад, удаляющие его от объекта, или же лицо во сне старается удалить объект от себя, то есть обезвредить его. От преследователя видящая сон бежит; она не только бежит, но и зовет на помощь, или, если знает, что уже достаточно удалилась, старается спрятаться, вдруг выходит на совсем другую улицу и т. д.; или мальчик, которому грозит крестьянин, у которого он лакомился горохом, перепрыгивает через забор и живые изгороди, через воду и все препятствия со всей горячностью

бодрствующего действия. Если отталкивающий объект — змея, которая вот-вот укусит, то стараешься спастись внезапным прыжком на высокий камень или тому подобное; если это гадкое насекомое, севшее на ногу или руку, то с испугом стряхиваешь его; если же объект и впечатление были слишком страшного рода, то цепенеешь и бываешь парализован, желая бежать или защищаться, или падаешь без сил, — и действие осуществляется через судорожное потрясение в самом себе. Если фантазия рисует как объекты других, особенно любимых людей, и их постигает опасность или испуг, то действующее лицо видящего сон приходит в движение к ним и ради них: оно помогает упавшему в глубокую яму выбраться и тянет изо всех сил, мечется в отчаянной спешке по берегу, когда ребенок погрузился в воду, или отвязывает лодку, само прыгает в воду и т. д.

Но если оказалось, что действие фантазии возбуждалось и определялось любыми объектами созерцания и их отношением к лицу во сне (лицу видящего сон), то могло бы показаться, будто действие тем самым теряет всякий смысл для языка, выходит из служения его развитию и прояснению и тешится лишь случайной игрой. Однако это не так. Не только всякий символический объект, положенный фантазией, образован точно для лежащего в его основе раздражения и соответственно ему, — но фантазия вместе с раздражающей способностью объекта созерцания действовать на ощущение души выражает и жизнь возбуждения в самом лежащем в основе раздражении, а определенным родом воздействия объекта созерцания на ощущение души — ближайшее свойство, то есть особую определенность возбуждения в самом лежащем в основе внешнем раздражении. Следовательно, всякое действие фантазии, вызванное таким воздействием объекта созерцания на ощущение, возникает и

исходит из содержания самого дела, которое предстоит изложить символически, и действие лишь осуществляет и оживляет исконный смысл и содержание раздражения и его изображение через символический язык. Например, во сне от раздражения зрения фантазия рисует на улице золотые монеты: световым блеском их она обозначает вновь раздутую световую жизнь в зрительном нерве, притягательной силой золота для души — энергию зрительного раздражения в самой себе, а вытекающими отсюда действиями — подбиранием, собиранием, уходом с собранным — порыв к деятельности в самом органе зрения. Вместо сияющего объекта она при том же сне от раздражения нерва так же охотно ставит движущийся, чтобы уже в первом зародыше символического изложения воплотить внутреннее движение раздражения: например, она заставляет летать маленьких, или парящих очень высоко и потому маленьких, птиц, что раздражает силу зрения и ее деятельное проявление; или являет предмет, подброшенный в воздух, который затем трепещет на ветру и постепенно, медленно падает вниз, — и на этом деятельность фантазии в смотрении долго развивается и утомляется. Если же возбуждение, содержащееся в самом внешнем побуждении какого бы то ни было рода, очень сосредоточенное или резко выраженное, — все равно, выражается ли оно болезненно или без боли, — то фантазия тотчас и выступающий для него символический объект ставит с усиленной деятельной природой, то есть так, что он уже не только через воздействие на созерцание души побуждает лицо во сне к действию, но уже сам a priori содержит деятельный натиск на лицо во сне и потому уже сам по себе вызывает мощное начало весьма возбужденного действия лица во сне. Так, например, когда во сне ноги скрещены одна на другой, отчего при долгом таком

положении в точке соприкосновения скрещенных членов возникает выраженное давление, — сжатие обеих ног выражается острым давлением зубов собаки, то есть собакой, которая вгрызается в ногу; видящий сон пугается, думает, что его укусила бешеная собака, приходит врач, производит операции и т. д.; или при так называемом кошмаре вместо органического внутреннего давления тела является дух и бросается на тело, чтобы тем самым образно изобразить сущность органического давления. Живее и обширнее всего действие фантазии выражается телесным образом, когда вновь вздымающийся жизненный порыв органов, предназначенных для произвольного движения, то есть всей мускулатуры тела, отзывается в фантазии как возбуждающее раздражение, как это часто бывает в утренних снах. Тогда она тотчас переводит внутреннее волнение движения в действия, уже находящиеся в течении, и всевозможные телесные движения, выражающие силу, ловкость, проворство тела, — плавание, бег, беготня наперегонки с другими и т. д. — становятся тогда неутомимым занятием сна, причем кажется, будто перенесся в дни веселой юности. Очень часто раздражения мускулатуры и других органов действуют на фантазию одновременно, и отсюда развиваются символические действия, выражающие слияние нескольких раздражений; например, при соединении зрительного раздражения с мышечным раздражением руки во сне бросаешь камни в совсем маленькие дупла в дереве, в ласточкино гнездо, причем зрительное раздражение дало цель бросания, а мышечное — движение руки при броске; и так во многих других случаях, где особенно часто встречаются соединения полового раздражения со зрительным и мочевого со зрительным. — Если же фантазию сновидения возбуждают душевные впечатления возбуждения, особенно отзвучивающие от бодрствующей жизни, то она

символизирует принадлежащий им объект, а при нем и вместе с ним, в связи, — и содержащееся в нем a priori движение. Уже сама по себе всякая душевная (духовная) деятельность бодрствования содержит принадлежащий ей объект, то есть выступает как живая деятельность между ним и духом, и этот характер остается при ней и тогда, когда она отзвучивает в жизни сновидения; поэтому всякое символическое действие, возникающее вследствие таких душевных побуждений, должно быть положено фантазией уже как непосредственно живо происходящее, то есть уже находящееся в течении. Эта склонность к течению значительно усиливается, если душевное побуждение само выражает особое стремление души к принадлежащему ему объекту, и соответственно возрастает деятельность действия фантазии. Так бывает главным образом при всех раздражениях томления. Если мать наяву была полна томления, хотя и неосуществимого, увидеть своего далекого ребенка, и оно живо сохраняется во сне, то фантазия разворачивается в богатейшем волшебстве действий и все вновь разжигающих моментов действия. Она изображает при этом мать ищущей, а ребенка — находящимся в большом лесу; матери приходится бороться с кустарником, повсюду преграждающим путь; наконец она замечает просеку, свободную дорогу и уже надеется дойти до дома в лесу, где находится ребенок. Но в неосуществимом томлении дня, а значит, в такой же мере и в томлении сна, заключалась его недостижимость; поэтому фантазия тотчас сажает перед уже обрадованной надеждой матерью новые деревья на дороге, или ставит грозящего разбойника, который снова гонит ее в лесную глушь, или, наконец, реку, на другом берегу которой она видит своего ребенка, не имея возможности переправиться и дойти до него, и т. д. Очень часто подобные сны бывают у сомнамбул, хотя и с

возвышениями и утончениями, свойственными этому состоянию, когда томление больной по еще далекому выздоровлению побуждает фантазию к символическому действию. Фантазия символизирует радостную цель выздоровления в виде смеющейся вершины высокой горы, на которую надо подняться; перед ней она кладет образ глубокого ущелья, чтобы показать даль между нынешним днем и выздоровлением; по другую сторону она ставит на жутких скалах воплощение «я» сна, то есть сомнамбулу во плоти, и вот на почве томления по выздоровлению разворачивается пышнейшее развитие действия. Сомнамбула со своей скалы пытается преодолеть ущелье и достичь высокой вершины напротив, сулящей исцеление; при этом то здесь, то там открывается узкая тропа и повергает взволнованную путницу в тревожную неуверенность, какая же из них верная; то появляются утешающие или неприветливые гении, дающие ей дальнейшие указания о достижении цели, и т. д.; благодаря этому фантазия постоянно получает новый импульс к развитию. — Если же духовное побуждение исходило из области мышления, которая еще от бодрствования оставалась в определенном возбуждении и напряжении, то фантазия — например, после предшествовавших неисполненных мыслительных процессов — охотно символизирует сам предмет мысли, вызвавший напряжение мышления, в форме живого лица рядом с лицом видящего сон; и между обоими развиваются действия беседы, спора, состязания в одном и том же мыслительном деле. Часто же с каким-нибудь мыслительным раздражением соединяется мышечное, то есть зрительное, раздражение, и тогда завязывается действие из всех трех: так, во сне видишь, как ты сам и кто-то другой, или несколько других, на глазах у «я» сна наперегонки стреляют, например, из лука или ружья в определенную маленькую цель; и

при этом каждый из соревнующихся всегда отстаивает свое мнение, примыкающее к соответствующему чувственному действию, хвалит свой меткий выстрел, свое искусство прицела перед искусством другого и поддразнивает другого и т. д. Точка прицела и напряженное всматривание вызваны здесь зрительным раздражением, обращение с оружием — мышечным раздражением, охота спорить — мыслительным раздражением, и все это сливается в действии фантазии воедино. — Сильнее же всего, наконец, побуждает фантазию к действию мощный аффект, перенесенный из бодрствования в сон, например действительный гнев, негодование и всякое очень беспокойное внутреннее движение. Но его внутреннее волнение слишком бурно, чтобы оставаться в спокойной размеренности потока; поэтому и действие фантазии постоянно вскипает разорванными сценами, каждая из которых отличается либо странными, чудовищными и грозными образами, либо потрясающей, тревожащей, смущающей или вообще всячески возбуждающей силой воздействия на душу, — так что и здесь лишь действие высказывает внутреннее дело и приводит символический язык в исполнение.

§ 21. Основное символическое образование для телесных раздражений (раздражений нервов)

Под телесными раздражениями мы понимаем те, которые приходят к фантазии во время сна изнутри тела; по существу это раздражения нервов, и они выступают ощутимыми, образуясь в равной мере как из тех нервов, которые наяву служат сознанию, так и из тех, которые, не касаясь сознания бодрствования, работают лишь над вещественным поддержанием тела. Благодаря слиянию субъективной жизни с телесно-пластической, на

котором основана своеобразная сущность жизни сновидения, уже создается та чувствительность субъективности и для областей тела, вообще недоступных сознанию, — не говоря о ближе складывающихся отсюда частных видах восприимчивости ощущения, о которых мы уже достаточно говорили. А то, что в жизни сновидения телесная жизнь души обладает господствующей силой над духовной, дает нам право уделить особое внимание и ее символике; и раз она — господствующая сила во сне, то она необходимо больше всего будет занимать и символическое искусство фантазии, и для разрешения всех возникающих отсюда фактов сновидения тем более понадобится ближе войти в ее основные символические понятия. Здесь сразу выступают следующие общие точки зрения.

Всякое раздражение нерва происходит в теле или на теле, тело — его общая основа; соответственно и символика фантазии должна в снах от раздражения нервов выставить основной образ для тела вообще. Далее: всякое раздражение нерва происходит либо внутри тела, либо на его наружной стороне; поэтому и это должно быть символически обозначено на основном образе телесности. Далее: так как внутренние или внешние поражения телесности происходят то в нижней, то в верхней части столпа тела, то есть на той или иной высоте тела, то и символическое воспроизведение должно соответственно выражать каждый раз особое положение по высоте. Кроме того, все раздражения нервов происходят не только в теле вообще, но всегда в определенных его органах; следовательно, символика фантазии должна стараться обозначить и каждый затронутый особый орган тела; а так как каждый орган тела, как правило, перерабатывает или производит особое вещество тела, то и оно должно быть обозначено в символике органа. Все же раздражения нервов уже

непосредственно как таковые суть возбуждения, процессы движения; следовательно, фантазия должна воспроизводить их в соответствующих действиях. И так как возбуждение раздражения нерва имеет свою непосредственную субстанцию в теле, то есть в его органах, то и действие фантазии, обозначающее движение нерва, должно соответственно находить свою символическую субстанцию, то есть объект своего проявления, в тех символических образах, которые изображают каждый раз затронутый орган тела и то, что с ним связано; на них действие и развивается известным образом. Наконец, в жизни сновидения жива и восприимчивость разума, а с ее всеобщим схватыванием — и различающее схватывание, поскольку оно выражает лишь восприимчивость; и фантазия как всемогущее начало всякой субъективности во сне пользуется, как восприимчивостью «я» вообще, так и всякой разумной, рассудочной и чувственной (данной в общем чувстве) восприимчивостью как своим собственным органом восприятия. Поэтому и в отношении телесных раздражений фантазия должна получать для символического изображения различенные — и в очерке, и в частностях — впечатления ощущения от телесности, ее органов и движений; а значит, и сами символические воспроизведения должны иметь непосредственную склонность совершаться в определенно схваченных, различенно упорядоченных отпечатках действительной телесности. Поэтому, символически изображая все названные выше стороны телесного, фантазия выскажет и их определенную долю в форме тела и в различиях ее очертаний, и основные понятия этой символики будут в целом их выражать.

Общее обозначение фантазией человеческого тела вообще — здание, возведенное из стен, кирпича и балок, то есть, в целом, то, что мы называем «домом». Ясно, что фантазия, избирая этот

символ для тела, метко обозначает им органическое здание тела, которое, подобно зданию из стен и кирпича, обладает своей архитектоникой и имеет с ним общее множество внутренних полостей и помещений. Кроме того, в этом обозначении, по-видимому, проявляется созерцание разума, что душа живет в теле, как в своем доме; и, наконец, к непосредственному избранию этого символа могло способствовать непосредственное сознание того, что все действительное в мире действование и все хлопоты человека так же связаны с домом и очагом, как всякая внутренняя деятельность души непосредственно совершается при здании тела и в нем и выступает слитой с ним. Так как тело — прямо стоящее и стремящееся в высоту строение, то фантазия соответственно избирает для него высокий, состоящий из нескольких этажей один над другим, высоко вздымающийся дом; во многих же случаях она берет предметом особо *стройную* высоту тела и ставит тогда вместо нее столь же стройное строение из кирпича и раствора, то есть башню. Но так как фантазия не знает строгого понятийного порядка и различения (ибо не обладает спонтанностью рассудка), а потому не способна и соблюдать строгую последовательность в различении, то она часто довольствуется тем, что, оставаясь при символическом главном образе, ставит вместо всего тела и отдельную его часть, если только та способна выразить высоту и простор тела. Поэтому для обозначения тела самого по себе часто выступает образ простой комнаты, или прихожей, или чердака, — и во всех этих частичных образах находят выражение высота и простор телесного. Более того, иногда фантазия выбирает для обозначения тела, даже независимо от образа дома, мост через воду, но удерживает связь с основным образом тем, что обычно рисует поблизости человеческие жилища, то есть дома; с другой

же стороны, ясно, что балочное строение моста или его каменная кладка уже сами по себе способны представлять общий образ здания, тем более что своим возвышением над рекой и образующейся между ним и рекой пустотой мост так же делает наглядными высоту и простор дома и тела. — Как же фантазия выражает отдельные органы тела? Если образом фантазии для тела вообще было действительное здание, то и символика для отдельного органа тела должна оставаться при этом основном образе, хотя и выражаться в иных его отношениях; и в самом деле поражает, с какой последовательностью фантазия держится здесь основного образа. Если для обозначения всего тела фантазия охотно ставила и отдельную часть дома вместо целого, то теперь, наоборот, она очень охотно делает весь дом символом отдельного органа тела, и еще гораздо охотнее — весь дом во множестве, то есть целые ряды домов. Поэтому, если фантазия хочет выразить раздражение нерва, исходящее из желудка, то есть сам орган желудка, она очень часто выбирает просторную деревенскую или городскую площадь, окруженную домами, то есть ими образованную, и придает ей вместе с тем, соответственно продолговатому очертанию желудка, удлиненную форму; точно так же раздражение сердца, то есть форма сердца, обозначается просторной продолговатой площадью, окруженной домами. В снах от полового раздражения для обозначения тесноты пространства, которую сомкнутые бедра образуют у туловища своим соприкосновением по ширине, встречается архитектоническое строение узкой продольной площади, со всех сторон образованной и замкнутой домами; к этому затем примыкают символы половых органов. При раздражениях внутренностей длина кишок изображается очень длинными улицами домов, толстая кишка — очень широкими и длинными,

тонкая — очень узкими и длинными; поэтому в последнем случае это всегда неприглядный переулок, и образующие его дома справа и слева опускаются до неприглядных деревенских хижин; часто к тому же заборы справа и слева указывают на тесную ограниченность внутреннего органа. Видящего сон при этом часто удивляет, что он видит лишь совсем полые, то есть лишенные окон, повсюду пустые и сквозные дома: этим фантазия особо подчеркивает символическое выражение полой природы внутренностей. Как желудок выражается просторной площадью среди домов, а внутренности (в более узком смысле) — длинными улицами домов, так переход желудка в кишечник выражается улицей, впадающей в большую площадь, то есть выходящей из нее. Но точно так же фантазия символизирует отдельный орган тела еще соразмернее — частью дома. Так, для обозначения желудка она выбирает отдельное продолговатое помещение дома, замкнутое стенами, то есть примерно то, что в очертании обозначает «комната»; но эта комната совершенно пуста, в ней лишь открытые оконные проемы и двери, чем выражается полость желудка; для впадения пищевода, с одной стороны, и для выхода желудка в кишку, с другой, фантазия ставит внизу на двух противоположных стенах отверстия, через которые входит и выходит желоб, тянущийся по длине комнаты. Если при недомогании кишечника выпьешь перед сном спиртного, то недомогание охотно вызывает сон от раздражения внутренностей, а вследствие выпитого спиртного фантазия обозначает комнату, выражающую желудок, соответственно принятому и еще действующему напитку: ее стены облеплены веществами винокурни, а канал, проходящий через комнату, подводит и отводит отходы винокурни. — Если дело идет об изображении внутренней полости рта, как это бывает особенно в

снах от зубного раздражения, где воспроизведению подлежит все окружение, то фантазия выбирает преимущественно сводчатые помещения дома, например высоко сводчатую прихожую или кладовую, и часто рисует рядом со сводчатой прихожей лестницу в погреб, чтобы намекнуть на спуск глотки. Если же раздражение касается зрительного нерва, то она выбирает преимущественно кровельные балки дома, чтобы показать членение, то есть волокнистое строение возбужденной сетчатки, и т. д. — Как же далее выражается раздражение как таковое, то есть его возбуждение, или движение? Раздражение есть движение, поэтому его символом может быть лишь образ подвижного: либо это движение символизируется в лишь наглядно поставленном образе, который находится в состоянии движения, либо действием фантазии, связанным с наглядным образом; часто оба способа обозначения сливаются в одно. Образы движения таковы: ярко взвивающееся пламя — при зрительном раздражении, то есть при раздражении сетчатки; шумящий поток воздуха или пламя, с треском уносящееся вместе с ним, — для раздражения дыхания, то есть легких; пенящаяся волна, поток наводнения — для раздражений мочевого пузыря; порхающая птица в самых разнообразных сочетаниях — для зрительных и половых раздражений, а в последнем отношении у женщин очень часто милая канарейка и голубь; для раздражений давления и разного рода болевых раздражений — кусающая собака, бушующий бык, грозящий медведь и тому подобное. Если же возбуждение раздражения выражается больше живостью действия фантазии, то действие фантазии либо примыкает к наглядному образу, который сам по себе причастен природе движения, либо само вносит движение в неподвижный символ. Если наглядный образ уже сам выражает движение, например летящая птица, то

фантазия довольствуется тем, чтобы зорко следить за ней взглядом, как в снах от зрительного раздражения; или, если это ручная птица, порхающая по комнате, видящая сон ловит ее, кладет в колыбель и обращается с ней совсем как с маленьким ребенком, за которым нужен уход, — как это бывает в женских половых снах; мужчина в том же случае гоняет по комнате множество диких птиц, и гоняет неутомимо. При сне от мочевого раздражения чаще всего смотришь на опасные потоки воды и происходящие на них сцены ужаса; часто же и сам оказываешься вовлечен в действие, находясь в лодке, которую волны отрывают и уносят с собой. Если символ неподвижен, как, например, в снах от раздражения внутренностей просторная рыночная площадь или длинная улица, то одно лишь действие фантазии должно создать движение, и видящий сон идет и шагает по площади и улице, и шагает и странствует очень долгие пути; часто движение шагания обостряется присоединением экипажа, запряженного конями: два, четыре коня мчат галопом; и с экипажа соскакиваешь словно окрыленным прыжком и т. д. — Наглядные образы, уже сами по себе положенные в подвижности, вместе с возбуждением раздражения часто выражают уже и вещественное содержание соответствующего органа, которое принимает деятельное участие в возбуждении раздражения или представлено вместе с ним: так, образ пламени при зрительном раздражении показывает возбуждающую световую жидкость самой внутренней силы зрения (перед пробуждением); шумящий поток воздуха и трескучее пламя в сне от раздражения легких — воздух дыхания и процесс горения в самих легких; пенящийся поток воды — напирающую воду в мочевом пузыре. В сне от раздражения внутренностей то же содержимое самих внутренностей представляют бесконечно обильно наложенные на

улице нечистоты, через которые приходится брести, или кучи навоза от животных, которые часто встречаются так густо одна возле другой, что при всей осторожности ноги все же приходится в них ступать. —

Если же фантазия особыми архитектоническими воспроизведениями выразила особое строение затронутых раздражением отдельных органов тела, то теперь она ближе обозначает особое положение отдельного органа во всем строении тела, то есть его большую высоту или глубину на столпе тела. Она делает это так: символ для возбуждения раздражения как такового, принадлежащего отдельному органу, она изображает на той высоте здания из стен и кирпича, которая соответствует относительной высоте самого тела, то есть того места на нем, где происходит раздражение; или же изображение особой местности вместо этого, самостоятельно или в дополнение, берет на себя действие фантазии, и фантазия тогда вводит действие, особенно характерное именно для соответствующего органа тела. Таким же образом фантазия обозначает затем внутреннее или наружное положение раздраженного органа — соответственно естественному положению по высоте, но внутри или снаружи здания из стен и камня, то есть определенным по этому действием фантазии. Если действительное раздражение сидит в голени (например, болевое раздражение), то какой-нибудь выражающий его образ является в первом (верхнем) этаже дома; если оно во рту, например при скоплении слюны во рту во время сна, то оказываешься в комнате третьего этажа и плюешь из ее окна, причем оконный проем заменяет здесь проем рта. Если раздражение нерва в глазу, то высоту глаза заменяет верхний, то есть кровельный, ярус дома. Если же вместо дома для всей высоты тела стоит образ башни, то

такое же соотношение высот является и на ней. Если страдаешь простудой груди, то кажется, будто поднимаешься на башню до самого высокого яруса собственно кладки; наверху обходишь кругом по венцу вокруг стены, и так как болезненное раздражение груди — внутреннее и скрытое, то наверху напрасно стараешься с венца заглянуть внутрь кладки, на которой закрытые люки, хотя при этом думаешь, будто знаешь, что внутри опасный зверь или тому подобное, — чем изображается болезненная, то есть вредная, природа раздражения. Очень отчетливо фантазия обозначает наружное или внутреннее положение раздражения на теле. Если это наружное раздражение, например потничка на ноге, то фантазия ставит вместо этого на соответствующей по высоте точке наружной стороны дома порхающую птицу в клетке, висящей на доме; если же это внутреннее, например раздражение внутренней сетчатки, то фантазия прямо снимает с дома, который показывает, крышу, и является лишь голый кровельный каркас, то есть внутренность крыши, — для внутреннего положения и высоты сетчатки. Если дом горит на самом верхнем этаже ярким пламенем, это воспроизводит мощный процесс дыхания; если дом горит — а чаще всего пламя во сне удивительной красоты красок — через все этажи и вырывается из всех окон и дверей всех этажей, то это выражает живую свежесть тела через все слои внутренних нервов, которые стремятся изнутри наружу к деятельности; и этот последний символический образ — то же самое в пассивной форме, что в активной изображают неутомимая погоня, лазание, плавание, игра в прятки и вообще всякое проворное телесное упражнение. Так же ясно фантазия обозначает затронутый раздражением член тела символическим действием: например, при болевом или вообще каком-либо раздражении в ноге она не

только заставляет видящего сон гулять и странствовать, но рисует гору, с которой ему приходится бодро спускаться, чтобы этим обострением ходьбы особо выделить ногу как затронутое место тела; для мощного жизненного движения легких часто сильно движется рука. — Если же для обозначения тела стоит отдельная комната, что фантазия особенно любит при болевых раздражениях головы, то потолок комнаты заменяет головную высоту тела, и болезненное раздражение головы изображается в форме внушающих ужас пауков или какого-нибудь грозного чудища на потолке комнаты или посредством него. — Если же телесные раздражения выражаются домами, во множестве стоящими рядом и друг за другом, то есть образованными из них площадями и улицами, так что вся тенденция символической живописи идет в горизонтальном направлении, то никаких обозначений высоты для особого положения органа на вертикальном столпе тела не появляется. Совершенно своеобразное обозначение высоты органа образует, напротив, раздражение мочевого пузыря, как и само его архитектоническое изображение совершенно своеобразно. Так как мочевое раздражение вызывается напором воды в пузыре, символика берет саму воду субстанцией символического движения, изображая беспокойство возбуждения раздражения волнами, шумом и пеной водного потока. Общий же символ тела — сухое строение — не имеет ни малейшей склонности служить символом мокрого; поэтому фантазия ставит водный поток совсем вне строения; но чтобы все же удержать связь с основным образом тела, она ставит дома на берегу потока или заставляет видящего сон вступить на мост над водой, так что мост тогда заменяет образ строения. Удивительно, как ловко фантазия и тогда еще умеет изобразить высоту телесного раздражения: она заставляет

воду под мостом подниматься и вздыматься так высоко, что от моста ее отделяет лишь примерно столько, сколько составляет высота от подошвы до брюшной полости, то есть до мочевого пузыря тела; если человек шагает по берегу потоков сна, то так же недостает лишь примерно такой высоты, чтобы поток достиг берега. Сон пользуется и рядами домов для изображения формы пузыря, хотя с необходимым привлечением действия фантазии: тогда стоишь у самого берега и поворачиваешься (без всякого повода), словно чтобы насладиться круговым видом, вокруг себя по кругу и обозреваешь так округлое пространство, которое изображается окрестными домами по кругу, — соответственно округлости мочевого пузыря.

Таковы основные понятия *архитектонической* символики телесных раздражений, которую мы назовем изначальной и неизменной. Кроме того, фантазия очень часто примешивает к архитектоническим символам множество других, выбранных случайно, поскольку они имеют форму и облик, сходные с теми особыми органами тела, которые задело раздражение; поэтому через эти случайные символы она выражает еще и строение органов самих по себе, причем особенно заостренно. Так, например, в снах от мочевого раздражения мы видим плавающие на воде надутые мешки и тому подобное, или оказываемся у воды в саду, чьи великолепные тыквы нас радуют; тыква и мешок поставлены при этом вместо формы мочевого пузыря. Хорошо насытившийся желудок выражается, например, сходной с ним по форме продолговато-круглой коробкой, содержимое которой — пироги — кажется так тесно сдавленным, что образует как бы лишь *одну* слившуюся массу. И то же самое встречается в разных сменах образов при всех видах снов от раздражения нервов; все

это мы лучше всего рассмотрим при подробном разборе снов от раздражения нервов (в следующем отделе).

§ 22. Основное символическое образование для духовных раздражений

Под «духовными раздражениями» мы понимаем те раздражения, которые, в противоположность телесному, исходят из духовной области, то есть из мыслящей и невещественной области души вообще. Духовные же раздражения, подлежащие символическому изображению фантазии, — это преимущественно возбуждения мышления, внутреннего чувства и жизни представлений вообще, которые отзвучивают из дневной жизни и потому выступают с продолжающей действовать силой действительного. Если раздражение нерва было связано с формой тела, закрепленной материей и потому ставшей в ней покоящейся, то и его символика должна была двигаться преимущественно в выражении ставшего твердым строения; напротив, духовное само по себе представляет начало вечно подвижное и в движении неудержимое для материи. Поэтому всякое духовное раздражение вносит в фантазию природу подвижного и форму, текуче выражающуюся в подвижности, — и сообразно этому символическое обозначение фантазии для него должно так же принимать сущность и форму подвижного.

Движущей же силой всякого жизненного движения во сне была фантазия, к которой для единого усиления присоединилась восприимчивость «я», и все возбуждения, происходящие в духовной жизни, должны встречать фантазию «я» как свое общее средоточие; поэтому с каждым живым побуждением духовной области должно символизировать себя «я» фантазии, и это

происходит повсюду одинаковым образом — в наглядно выступающем живом лице и облике видящего сон. За задетым побуждением «я» фантазии необходимо следует внутреннее возбуждение, а значит, символическое движение лица во сне; каждое же духовное раздражение есть подвижность духовного самого по себе; поэтому и символическое движение лица во сне должно являться как подвижность сама по себе, то есть, согласно движущей силовой природе фантазии, как непосредственно движущее: лицо во сне непосредственно выступает действующим на сцену сна, и его действие носит наглядный характер деятельности. Однако в основе всякого духовного раздражения лежит невещественная подвижная сущность мысленного; поэтому оно необходимо и в форме фантазии должно стремиться выразить себя как можно больше через подвижное, приближенное к невещественному, то есть как можно меньше через образ малоподвижного и тяжеловесного вещественного; поэтому и действие фантазии, выступающее для возбуждения духовного раздражения, может проявиться лишь в таком роде наглядности, который как можно меньше несет на себе природу вещественного. Живое же духовное раздражение есть внутреннее жизненное движение духа во внутреннем представлении, а значит, внутренняя речь духа из себя и своего представления; поэтому и символизирующее его действие фантазии должно выражать движение мысленной речи. Наименее же овеществленная форма, в которой внутреннее движение мысли может стать наглядным, — это речь, ставшая чувственно слышимой; поэтому наглядно выступающая, то есть слышимо являющаяся, речь лица во сне и есть само символическое действие, и лицо во сне должно быть поставлено на сцену непосредственно говорящим. Но если действие речи должно

достичь полного выражения жизненности, чего ведь требует сама по себе подвижная сущность духовного раздражения, то говорящему лицу во сне должно быть противопоставлено еще второе, к которому тянется и напрягается речь первого и от которого, в свою очередь, исходит новый импульс для дальнейшего развития речи. И фантазия символизирует предмет представления, принадлежащий живому мысленному раздражению, в форме второго лица, которое, смотря по различию предмета представления, принимает особый облик и соответственно налагает особую форму на происходящее действие речи. Если же предмет духовного раздражения вместе с происходящим в нем внутренним возбуждением был процессом движения, непосредственно слитым воедино, то и лицо-объект должно находиться в живейшей связи с речью лица-субъекта и, поставленное наравне с ним, не только принимать речь, но и само вести речь и отвечать, тем более что сама по себе подвижная природа духовного раздражения требует полнейшего выражения движения. И так как возбуждение раздражения и предмет раздражения выступают непосредственно в одном, на сцену сна должен быть a priori поставлен разговор двух лиц, то есть диалог, и оба лица должны чувствовать себя побуждаемыми вести разговор, подобно тому как одно лицо речью или поведением необходимо находится в соразмерном отношении к другому. — Итак, символическое действие духовного раздражения вообще выражается живым диалогом, и живой диалог есть основная символическая форма для изображения духовных раздражений.

Живой характер диалога принимает, однако, особый склад в зависимости от того, раздражение какой духовной сферы он символизирует. Если духовное раздражение есть раздражение религиозного чувства, то фантазия должна прежде всего

олицетворить абсолютный предмет чувства, то есть представление о божестве в понимании «я» сновидения; иначе говоря, она должна изобразить недосягаемое величие божества в форме человечески-личного, а значит, низвести его. Но так как божественное само по себе стоит так высоко над человеческим, она должна и его очеловеченному облику придать еще возвышенность божественного; и это она делает, ставя на место божественного необычайно прекрасные образы юношей или женщин (гениев) или крылатые образы, чьи крылья метко выражают высоту божественного над человеческим. Такая возвышенная личность, стоя перед простой человеческой личностью «я» сновидения, должна и в диалоге выражать тон возвышенного, повелевающего и возвышенно поучающего, другая же — держаться с выражением благоговейного приятия. То и другое вместе образует «форму откровения» диалога.

Иной род беседы возникает из раздражений собственно мыслительной сферы, где речь идет о каком-либо решении вопроса мысли, перешедшего в жизнь сновидения как незавершенный момент. Здесь это обыкновенно лишь голые свойства мысли, а именно частичные свойства предметов или лиц, составляющих предмет движения, — то есть материалы, стоящие ниже наглядной личности сновидения, касательно которых совершается движение мысли. Поэтому фантазия, чтобы создать живость действия, должна сперва возвысить предмет до лица (тогда как при религиозных раздражениях его приходилось низводить до лица), чтобы установить равновесие действующих полюсов. Олицетворяет же она голую тень представления тем, что вкладывает его в уста какому-нибудь носящемуся перед ней образу лица, отчего само представление становится говорящим. Но так как этот образ лица, будучи чисто человеческим,

заключает в себе лишь равное «я» сновидения (лицу сновидца), то и разговор обоих должен выражать лишь человеческое, поставленное друг против друга на равных; поэтому здесь говорит равный авторитет за и против, и складывающаяся отсюда форма беседы есть «форма диспута». Если же сновидец не взрослый, а юноша или мальчик, еще не самостоятельный духом, фантазия уже заранее присоединяет к собеседникам авторитетное сопровождающее лицо, например к ученикам — учителя, который ведет нить речи и держит ее в единстве.

Третий род символической беседы возникает от сильных потрясений психической жизненной силы, то есть образующей тело энергии души. Она сама по себе есть психическая деятельность и, хотя действует бессознательно, творит все же вполне сообразно целям сознания и в нематериальности форм, то есть в пластическом мышлении, — как бы ни было пластическое богатство форм изображено и несомо самим материальным. При сильных же изменениях психической жизненной силы такому же потрясению подвергается и ее тончайшее чувственное воплощение — сама нервная жизнь. Когда наступает такое потрясение жизненной силы, как это обыкновенно случается перед тяжелыми болезнями, перед приближающейся смертью или вообще при сильных расстройствах жизненных превращений внутри, фантазия тотчас символизирует живое потрясение жизненной силы, то есть саму потрясенную жизненную силу, в виде лица и ставит ее говорящей напротив лица сновидца, которое представляет живое «я» фантазии. И так как лицо-объект есть лишь сама символизированная жизненная сила, оно должно являться в той степени жизненной энергии, какую содержит более юный или более преклонный возраст сновидца, то есть в соответствующей ему особой окраске. Если сновидица — девушка,

явление принимает свежесть женской юности и прелести; у юноши — свежесть юноши, так что выступает и говорит цветущий мужской образ, похожий на ангела; у пожилых мужчин это лишь совсем простые, незатейливые мужские фигуры, на которые фантазия надевает еще и самую обыденную одежду, чтобы тем резче выставить увядшее состояние давно идущей жизненной силы. И это так постоянно, что даже поэту, одаренному полетом воображения, когда он в стареющих годах, образ жизненной силы является в самой трезвой форме. Но так как жизненная сила в своем символическом лице изображает лишь саму себя, она, становясь говорящей, может высказать только то, что лежит в ней самой, то есть наличное именно теперь потрясение жизни и его последствия. Поэтому такие лица выступают по существу как вестники болезни, ее продолжительности или скоро предстоящей смерти, — и все это лишь перевод внутреннего состояния в наглядную речь. Лицо сновидца в ответ внимает как бы с благоговением и испуганным изумлением, и ответная речь сновидца принимает формы скромности: «я» сновидения, к которому обращаются, скорее ждет ободрения и повеления ответить, чем чувствует себя вправе вставить слово само. То и другое вместе составляет «форму возвещения» диалога.

Четвертый род, наконец, образуется от очень живых, только что полученных чувственных впечатлений дня, которые живо отзвучали в жизнь сновидения, то есть от реальных предметов, особенно возбудивших накануне днем наш внутренний интерес. Фантазия берет тогда сильное действие предмета на душу мотивом для его личного изображения, и так из чисто предметных действительностей вырастают во сне личные отголоски, которые принимают свойства характера,

соответствующие лежащему в их основе действительному. Сообразно этому между лицом-объектом и лицом сновидца развивается какая-либо свободно определяемая фантазией, продолжительная или лишь вкрапленная беседа, которую мы называем «разговорной формой» диалога.

§ 23. Возникновение веры в действительность образов сновидения

Все вещи, которые рисует нам сновидение, мы принимаем за реальности, и даже при сильнейших потрясениях душевного чувства, которые пробуждают в нас образы опасности, нам не удается собраться с духом и убедиться, что все это лишь видимость: мы вскрикиваем, беспокойно ворочаемся, женщины и дети хнычут, плачут, обливаясь слезами, и так далее — оттого, что принимают все за правду. Как возникает этот обман сновидения?

Так как шар сновидения замкнут в себе, внутренние впечатления выступают перед душой окрепшими и освеженными и не тревожимыми никаким внешним впечатлением; поэтому они как внутренние должны действовать на созерцание и на душу вообще несравненно сильнее, чем в бодрствовании, и уже одним этим в душе непосредственно должно складываться ощущение, будто перед ней носится и волнует ее нечто вроде действительного (потому что энергичного). Далее, вместе с исчезнувшей во сне жизнью мышления и понятий исчезла и всякая склонность образов показываться с отвлеченной стороны; их понятийность совершенно отступила, их чувственная наглядность выступает тем живее и энергичнее. А так как их наглядная сущность больше не ослабляется и не умерщвляется изнутри никаким стяжением в понятие, они должны являться в

первозданно сильном облике своей наглядной сущности и вместе с ним принимать свою исконную величину в пространственном протяжении, которую дал им сам реальный предмет. Потому-то созерцание сновидения и видит перед собою не что иное, как действительные величины, и каждая из них предстает со всей свежестью живого облика; наделенные характером действительности, предметы бросаются в глаза созерцанию, и потому созерцающая душа принимает их за действительные. Реальным же явлениям предметов фантазия ставит венец тем, что рисует тут же и самого созерцающего субъекта в его естественно-наглядном телесном облике и движении: вещи действительной величины и силы снуют теперь перед созерцанием, и живое средоточие их, само «я», выступает среди них в своем видимом человеческом облике, обращается и действует с ними как с живым и все делает само, как живой человек. Как же созерцанию не принимать все за действительное? и как живому сочувствию души не отзываться и не трепетать при этом, как при действительном?! — И все же пышная видимость действительного рассеялась бы, если бы вмешалась самопроизвольная критика рассудка и если бы к впечатлениям внутреннего мира присоединились впечатления действительности от внешнего мира и предоставили рассудку материал для различения действительного и кажущегося. Но и самопроизвольные действия рассудка, и энергичные впечатления внешнего мира одинаково исключены из жизни сновидения: первые — упадком всякой самодеятельности «я», вторые — замкнутостью шара сновидения от внешнего мира. Вспыхивающие же в жизни сновидения молнии рефлексии при недостатке всякой стойкой силы тотчас снова достаются игре фантазии и видимостям, а звуки действительности,

проникающие, может быть, через не совсем закрытый слух, доходят до души не иначе как в форме впечатления, уже сплавленного с прочим, то есть как видимости сновидения. Итак, остается внутренний мир сновидения, не тревожимый критикой и противоположностями, — единственный, равный себе мир, выступающий в силе, выражении, жизни и величине действительного; и внутреннее созерцание, имея перед собой только этот один мир и получая от него живое воздействие и впечатления в форме естественно происходящего действительного, воспринимает их как впечатления действительного и тем самым убеждено в их объективной действительности.

§ 24. Причина быстрого забвения образов сновидения

Мы каждодневно убеждаемся на опыте, что все обычные образования сновидения, не вызвавшие в душе никакого волнения, бывают забыты уже при пробуждении; те же, которые сопровождались возбуждениями душевного чувства, хотя при пробуждении еще оставались в памяти, в течение дня или следующего за ним постигает та же участь, если только мы при пробуждении произвольно не переведем их в бодрствующее воспоминание и не закрепим в нем. Столь постоянная забывчивость не может быть случайной, и спрашивается: на чем основано это столь быстрое улетучивание? Объяснение его в следующем.

Все образы созерцания сновидения выступают лишь в форме первоначального чувственного впечатления, то есть в нераздельности его отдельных моментов, а следовательно, в сплавленности конкретной цельности; выражение созерцания,

следовательно, непосредственно едино; то, что в нем различно, предстает не само по себе, а как сплавленное с целым и служащее лишь изображению целого. Поэтому созерцательные образы сновидения сами по себе очень гладкой природы, они лишены всякого острого выступания отдельного момента и как таковые ускользают от созерцания гораздо быстрее, чем образы, резко повернутые к нему своими различными моментами. Ту же гладкость перед восприятием разделяют и образы, слитые в комплексы мыслей сновидения, потому что пластическая мысль сновидения имеет основой не резко различенную череду моментов, как рассудочная мысль бодрствования, а всеобщее совместное бытие образов в неразделенном состоянии, то есть в выражении слияния. — Если, таким образом, образования сновидения представляют для схватывания сознанием массы созерцания, выразительные и захватывающие лишь *в целом*, а в частностях очень мало уловимые, то к этому присоединяется еще и то, что сама схватывающая сила, будучи лишена самодеятельности «я» и способная лишь к пассивному приему того, что к ней подплывает, не может послать им навстречу никакого остро напряженного луча внимания, чтобы они стали осознанными. Поэтому и со стороны начала сознания недостает силы, которая по своей напряженной природе направлялась бы на заостренное различие в общем выражении и тем связывала бы образ вместе с его общим выражением с сознанием сразу во многих отдельных точках, а значит, резче и прочнее; и еще гораздо меньше обладает восприимчивость сознания во сне глубже врезающимся вниманием рассудка, которое силою категориальных точек зрения выворачивало бы обособленное в общем выражении во всю его глубину, притягивало бы его к сознанию и прикрепляло к нему. Поэтому как гладко и замкнуто в

себе подплывают образы к созерцанию, так же гладко отскакивающие впечатления оставляют они в нем; и так как им не выходит навстречу и внутренняя острота внимания, которая совершила бы более тесное сплавление, то впечатление сновидения, естественно, и в созерцании непрочно и по существу держится не дольше, чем пока оно происходит и пока набегающее новое впечатление не потребует для себя такого же права на мгновенную длительность. А образы неутомимо гонятся друг за другом в шаре сновидения, и все новые смены штурмуют созерцание; едва одно коснулось восприимчивости сознания, как другое уже замазывает его своим собственным впечатлением, а сотня других — и это, и следующие. Так что у образов, даже если бы они выступали резче, не было бы времени для отчетливых и стойких впечатлений, а у созерцания, даже будь оно внимательнее, не было бы времени для отчетливого и стойкого запечатления; и все это тем менее, что движущее начало сновидения, фантазия, поддерживает отталкивание образов от созерцания, ибо в ее вечно творческом существе лежит — всегда выгонять из себя новое и тем менее его задерживать и удерживать. — Лишь те образы сновидения, которые взбудораживают душу аффектами, пробуждают соответственное встречное напряжение восприимчивости сознания; поэтому их и разглядывают тогда внимательнее и с изумлением, они оставляют более сильные впечатления и переживают пробуждение, то есть наступающие с ним толчки действительного мира о сознание. Но и тогда, когда впечатления сновидения возбуждали напряженный интерес или потрясение, они заостряются и выделяются лишь на поверхности и в случайной точке соприкосновения с ощущением душевного чувства; суммарная же сущность постройки мыслей сновидения

остается пластической, связанной лишь очень неразличенными моментами слияния, поэтому сама общая связь очень нежна, слаба и рыхла и беззащитна перед резким противодействием. — Поэтому, когда наступает самопроизвольное мышление бодрствования, а с ним повсюду распространяющееся острое излучение рассудка, уже одной вызванной им резкой ясности сознания достаточно для разложения образований сновидения; с другой стороны, восприимчивость сознания, привыкшая теперь лишь к резко врезающимся впечатлениям, становится нечувствительной и слепой к тупым остаточным образам сновидения и потому со своей стороны тоже способствует улетучиванию. Но и сны, произвольно перенесенные в бодрствующее воспоминание и закрепленные в нем, очень легко теряют свою раздражающую силу для памяти, потому что по большей части обладают содержанием, непригодным для бодрствующих чувств и мышления, ведь оно произведено без их мотивов и вопреки им; поэтому они мало или вовсе не могут соприкасаться и ассоциироваться с образованиями бодрствующего мышления, а значит, не получают освежения и, ограниченные собственной нежной напряженностью, должны быстро бледнеть.

Итак, процесс быстрого улетучивания образов сновидения вполне закономерен и естествен. И весьма мудро было это закономерное устройство учреждено для хозяйства души; ибо если бы образования сновидения обладали такой же сильной силой впечатления, как образования бодрствования, то они, подобно бодрствующим воспоминаниям предыдущего дня и даже больше, чем они, потому что лежат ближе, врывались бы при пробуждении и в действительное мышление, смешивали бы его со случайным и запутывали, и делали бы невозможными всякую

ясность и твердость суждения, а также систематический порядок. Тогда как при нежной связи пластической постройки мыслей ночью образуется нечто совершенно безвредное для бодрствования, а происходящая при этом вечная смена и свободное движение образов приносят мышлению необходимое обновление и освежение материала представлений.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. ЖИЗНЬ СНОВИДЕНИЯ ПО БОГАТСТВУ ЕЕ ЗАКОНОМЕРНЫХ ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ В РОДЕ И ВИДЕ

✦

§ 25. Наблюдение и рассмотрение образований сновидения

Как и все, что хотят основательно исследовать, образования сновидения тоже нужно черпать и наблюдать у их непосредственного источника, то есть пока они совершаются ночью. Но так как самодеятельный дух во время сна бездействует, нужно уже из бодрствования принимать искусственные меры, чтобы удерживать его деятельным и ночью настолько, чтобы он мог воспринимать совершающиеся образования сновидения и удерживать их в их исконно своеобразной определенности. Это достигается произвольным напряжением бодрствующего наблюдающего духа по направлению ко сну и сквозь него, так что бодрствующий луч внимания заранее принужден искать цели и удовлетворения во сне. Этим достигается прежде всего гораздо более обостренная чувствительность ко всем процессам сновидения, и то, что от обычного сновидца иначе ускользало совершенно незамеченным, ясно встает так перед исследователем для наблюдения. Богатое цветение сновидений при засыпании и вместе с ним, и еще более пышное перед пробуждением, а порой, когда сон не вполне спокоен, и образования глубокого сна выступают перед созерцанием светлее, и их можно схватить и удержать. Итак, исследователь души и в самом деле должен и во время сна бодрствуя лежать здесь в засаде; и если он, как это

безусловно необходимо, долго ведет такое наблюдение, дух в конце концов привыкает к этому и обостряет свою исследующую чувствительность к тому, что в него ударяет. Для натур вялых, правда, такое скрещение сна с бодрствованием, тем более что сон при этом теряет в покое и сладостном ощущении, — слишком тяжкий труд; восторженному же исследователю наслаждение духа представляется высшим, и гнаться за ним даже там, где обычно врата знания закрываются, и вырывать у препятствия плоды науки он считает прекрасным и отрадным. Больше же всего заостряется исследующая ночью сила, когда ее уже из бодрствования направляют на совершенно определенные роды сновидений, ближайшее наблюдение которых необходимо; ибо не во власти исследователя вызывать желаемые образования сновидения по произволу: он должен ждать, пока их произведет перед созерцанием сама жизнь сновидения или какой-нибудь сам собой наступающий повод. Тогда отзвучивающий дух бодрствования, живо паря над нивой сновидения, подобен орлу в воздухе, который стремится высмотреть и схватить то, что движется под ним. Часто исследователь невольно просыпается при появлении желанного образа сновидения настолько, что может обозреть веселую ткань фантазии независимо от нее и получить о ней ясное созерцание для своих целей. Правда, это требует немедленного усилия духа — сделаться во время самого сновидения по возможности еще бодрее, чтобы с известным произволом еще раз повторить себе увиденное и запечатлеть его; но довольно часто дух при этом обманывается, воображая, что действительно знает сон или записал его черным по белому, тогда как на деле фантазия лишь успокоила и обманула его такими миражами; ведь она позволяет себе при этом даже насмешку, внушая ему, будто он записывает то, что видит и знает, на черной

бумаге или на темном шейном галстуке, и тому подобное. Вообще же такие наблюдения, заостренно направленные на совершенно определенные явления сновидения, удаются не раньше, чем достаточная сноровка во сне будет добыта горьким опытом. Ибо, как правило, внезапно возникающее изумление спящего перед только что увиденным, которое так давно хотели рассмотреть, и есть та форма, в которой дух просыпается к мимолетной рефлексии над ним; но это изумление — уже слишком сильное движение духа, чтобы не разрушить или не спугнуть крайне мягкий образ сновидения, так что наблюдение становится невозможным. Итак, наученный повторными неудачами, нужно сперва научиться отлагать и во сне возбудимость удивления, то есть само удивление, а затем вообще вплетать луч рассудка лишь так тихо, как это выносит пластическая нежность образования сновидения; этому научаешься частым упражнением и привычкой, так что в конце концов у духа во сне появляется способность экспериментировать в любом направлении.

Пышнее же всего разрастается поросль сновидений к утру, во время подготовительных и нарастающих стадий пробуждения; поэтому сюда преимущественно и должно направляться внимательное наблюдение исследователя, чтобы добыть богатство материала сновидений. И, к счастью, свойственное этой стадии сна состояние сознания тоже благоприятствует светлому наблюдению и запечатлению, без того чтобы существо сновидения потерпело от этого ущерб. Когда начинаешь ощущать первые смутные шевеления вновь поднимающейся самодеятельности «я», которая пробивается очень тихо и постепенно, образы сновидения еще продолжают свое ненарушенное пластическое течение, и своеобразная атмошар сновидения господствует еще так сильно, что, если направить дух

на уже приснившиеся прежде образы, они являются еще в своем исконном, неподдельном облике. С другой же стороны, самодеятельный дух уже настолько способен к движению, что, если бы захотел, был бы уже в состоянии воспринимать реальные звуковые впечатления извне, какие приносит с собой обычный уклад жизни; и все же его царство сознания еще настолько окутано пластическими туманами, что он может по-прежнему спокойно пребывать в нем спящим, если только, тихо желая, склоняется к состоянию сна и велит своему более светлому движению растекаться в непроизвольных процессах образования внутри. Охотно следует за этим длящийся сон в сумерках духа, и еще охотнее — неутомимое образование и разрастание сновидений. В таком состоянии духовной светлости в себе самом и вместе с тем погруженности в пластические дуновения сновидения первую силу легко направить на вторую, и ночная поросль отражается в мягкой светлости бодрствования; здесь исследователь может ясно видеть, что происходит, рассматривать по желанию, повторять вслух, запечатлевать. Но запоминать нелегко, ибо сновидение слишком нежно и мало или вовсе не поддается схватыванию и запечатлению по законам бодрствования; по большей части его приходится лишь механически повторять, твердить про себя, совершенно как мальчик, который заучивает свою главу, без конца повторяя ее себе; ибо если встать поспешно, не сделав этого, чтобы его записать, его разрушает уже первый яркий луч света, падающий в открытый глаз, и его уже нет, прежде чем возьмешься за перо. Если же образования сновидения удержаны настолько, что их можно уверенно вспомнить, их следует теперь тщательно записать в их несдвинутом облике. Ничего не должен наблюдатель изменять в них по законам бодрствования, но

должен оставить все так, как оно пластически сложилось; ибо только так это закономерно, верно и истинно по законам сновидения, и только так оно может дать понимание природы жизни сновидения в отличие от природы бодрствования. Поэтому кто отважился бы привести поначалу неразрешимые сны в, как ему кажется, более понятные формы, тот, придя позднее к лучшему познанию законов сновидения, видит потом, к своему сожалению, что разрушил и испортил с трудом добытые явления. Сны же женщин и мужчин сразу различаются как вышедшие из женской или мужской души: первые гораздо больше дают простора *смене* воображения, вторые — гораздо больше *тонкости* сочетаний воображения, не говоря уже о том, что сны тех и других движутся лишь в областях созерцания и действия, свойственных каждому полу; и точно так же сны девочек и мальчиков дают легко заметные приметы для немедленного различения. Но прежде чем исследователь души решится судить о чужих снах, он должен сперва в точном наблюдении над самим собой уверенно постичь различные законы и способы творчества жизни сновидения; ибо только так он обеспечивает себе неподдельный материал и неослабленное выступление законов, и тогда он в состоянии любой чужой мужской или женский сон, даже если тот содержит вымышленные добавки из бодрствующего изложения, тотчас разобрать в его естественном возникновении и свести к его исконному пластическому облику. Ибо как бы противоречивым ни казалось бодрствующему рассудку образование сновидения по большей части, оно в себе все же всегда гармонически упорядочено и полно связи образования, и требуется лишь глубже вникнуть в его пластическое развитие, чтобы отыскать внутренний порядок. Но даже ученые мужи, от которых мы получили предания о снах,

легко впадают в ту ошибку, что, когда образование сновидения кажется им чудесным или предсказывающим, они приводят его в еще более точное согласие с фактом бодрствования, который оно, казалось, возвещало, распространяют его и делают пророчество, уже кажущееся им таковым, еще более говорящим и захватывающим, — без всякого намерения обмана, а из живо выступающей веры внутреннего воодушевления, которая стремится продолжиться и в других. Но знаток жизни сновидения, едва увидит такое произведение, тотчас замечает тяжеловесные добавки и неумелую работу бодрствования рядом с нежной, мягко-пластической работой ночи, с искусством которой (в своем роде) бодрствующий дух никак не может равняться, так как у него во всем слишком резко проникающий и различающий, а потому слишком жесткий образ мысли. Итак, повсюду исследователь прежде всего обращен к собственным снам, прежде чем вправе принимать во внимание чужие. Затем присоединяется еще то, что из переданных нам фактов сновидения записаны лишь такие, которые содержат какую-либо чудесность, предчувствие или странную диковинку. Но они составляют лишь малую долю различных родов образования сновидений; поэтому для всех прочих, более обширных областей жизни сновидения нужно сперва искать, отбирать и собирать на себе самом и, так сказать, самому создать себе материал для исследования, поскольку речь идет об исконном его свойстве. Когда же жизнь сновидения достаточно познана на себе самом, тогда время вступить в сношение со своим окружением, с более близкими и более дальними знакомыми разного возраста и пола, собирать их сны, проверять их и обогащаться как можно более многообразным материалом. Поэтому если обычно друга и подругу спрашивают утром: «Как ты спал?» — то исследователь со своей стороны

задает постоянный вопрос: «Что тебе снилось?» — и с острым вниманием прослеживает вместе с тем ближайшие обстоятельства сновидца, предшествовавшие сну, и читает по еще сохранившимся утром выражениям лица и настроениям души, какого рода были порождающие мотивы сна, и сравнивает с этим услышанное и подмеченное; часто он читает в душе сновидца глубже, чем, казалось, говорил сон самому рассказчику, и вся тайна внутреннего открывается через безвольно созданные образы сновидения ночи. Но чтобы добраться до основы отмеченных образов сновидения, которые по большей части служат прочим образам сна как несущие столпы, и понять их истинное положение и свойство, необходимо очень точное знание индивидуальных обстоятельств сновидца; ибо главные образы сна определяются большей частью пережитыми накануне интересами сновидца и их реальными воплощениями. Больше же всего самонаблюдение в начале необходимо там, где дело идет о разгадке снов аффекта, снов настроения, снов раздражения и так далее; ибо лишь через очень точное сравнение игр сновидения с действительными состояниями души и тела, которые ведь вполне можно наблюдать только на себе самом, постепенно приходишь к изумляющему познанию того, какие теснейшие связи господствуют между реальными состояниями и призрачной жизнью сновидения, как одно проглядывает из другого и ищет себя истолковать. А однажды овладев так ключами разгадки этих образований, находишь тайну разгадки и для чужих снов, и тогда становится легко находить в многообразнейшей пестроте услышанного одинаковые по существу составные части и группировать соответственно связанное в определенные категории.

§ 26. Понятие и деление образований сновидения

Тогда как каждое отдельное представление как таковое, то есть каждый атом-образ сновидения, взятый сам по себе, представляет лишь часть материала сновидения, подлежащего соединению, многие образы сновидения, висящие друг на друге, сплетенные друг в друге или друг под другом в *одну* общую ткань, составляют то, что мы понимаем под «образованием сновидения», или под мыслью сновидения, которая, опять же подобно периоду мысли в бодрствовании, может расширяться до множества ответвлений. Поэтому умноженная мысль сновидения, или развитой период сновидения, и есть то, что содержит «образование сновидения в полном смысле». В жизни же сновидения действует очень много психических сил, и так как при отсутствии самодеятельности «я» во сне каждая выступает как своя собственная власть, каждая является деятельной на свой особый лад, и соответственно особо положенные ими образования сновидения представляют особо действующую в них силу; поэтому возникает множество разнородных образований сновидения. Каждое из них вместе со своей определенной причиной удерживает и свой определенный характер явления, и так как действующие силы сновидения остаются равны себе, характер явления становится типическим. Лежащая же в основе каждого типа сновидения сущность построения и закона есть «форма образования» образования сновидения. Если же имеется много форм образования, покоящихся каждая на особых причинах, а значит, самостоятельных, то они стоят в координированном отношении друг к другу, и из этого складываются различные роды формирования сновидений, или, короче, главные группы снов; из существенных же обособлений формирования внутри рода

сновидений — особые виды, или подчиненные порядки, их. Все царство образований сновидения распадается поэтому на множество родов и участвующих в них видов, и спрашивается теперь: в каком порядке следует расположить различные роды? Основанием для установления рода сновидений служила особо действующая в нем образующая сила, которая, смотря по тому, представляла ли она высшую или низшую силу духа или вообще психическую силу (в самом широком смысле), несла в себе большее или меньшее совершенство. Сообразно этому и сами образования сновидения делятся на высшие и низшие, смотря по более или менее духовной ценности действующей в них силы; поэтому их придется группировать в восходящем порядке от низшего к высшему. Но этого нельзя провести безусловно, потому что некоторые образующие силы, низшие по духовной ценности, связаны с очень совершенным способом изображения в образовании сновидения, а потому оспаривают идеальную ценность действующей образующей силы своим совершенством формы и тем уравновешивают ее. Поэтому, хотя восходящий порядок от низшей к высшей ценности образующей силы в существенном будет соблюдаться, вместе с тем должно будет наступать видоизменение в смысле совершенства формы. Кроме того, при разнородных образованиях сновидения нас встречает та трудность, что многообразные психические силы сновидения, лишенные самодеятельной связующей силы «я», стремятся все вместе прокрасться и в каждый вид образования сновидения и принять участие в деятельности, насколько у них есть энергия; поэтому в большинстве снов мы находим смешение деятельностей разных образующих сил. Тем не менее во всех случаях заранее действующую, то есть существенную, образующую силу легко отличить от прочих, лишь несущественно

присоединяющихся и вносящих украшения, а потому нетрудно определить и ее место в восходящей классификации. Где же, несмотря на решительный отпечаток заранее действующей образующей силы, другая или даже третья присоединяется к деятельности в такой мере, что возникающее отсюда образование сновидения представляет по существу одновременно характер обеих или трех, там ради ясности будет необходимо рассматривать образование сновидения с точки зрения каждой из двух или всех трех образующих сил по отдельности и признавать один и тот же вид сновидения за несколькими различными основными силами. — Наконец, все роды сновидений должны получить обозначающую их номенклатуру, и так как таковой до сих пор нет, ее надо создать; но никакое имя не есть имя, если оно не выражает характерную сущность самого дела; поэтому названия видов сновидений нужно выбирать по их характерному содержанию, то есть по существенным моментам, которые выражают характер вида сновидения всего сжатее.

§ 27. Первая главная группа (род): сны-шаблоны

Они охотно сопровождают засыпание, особенно после предшествовавшего занятия мыслью, и снова появляются в преддверии пробуждения. При засыпании вместе с самодеятельностью «я» исчезло управление образами со стороны разума, рассудка, категорий; но непосредственно после погружения «я» в самих образах еще оставались живыми навязанные им за весь день способы связи, наподобие форм суждения и логических периодов. И вот эти-то формы мышления, без самодеятельной мыслительной силы в них, и берут на себя при засыпании на собственный страх дальнейшее наполнение

образов, порождая из себя подлежащее, дополнение, сказуемое, главные и придаточные предложения. Но так как при этом недостает всякого руководства рассудка и разума, а значит, объединяющего и просвечивающего понятия, то возникающие так связи суждений и мыслей складываются всецело лишь по мерке жизни представлений самой по себе, то есть на место подлежащего, дополнения и сказуемого становятся совершенно произвольные, внутренне вовсе не связанные друг с другом образы и представления самого различного содержания, и так образуются предложения, которые не разделяют с разумным мышлением ничего, кроме внешней формы суждения, то есть шаблона мысли; почему мы и назвали эти образования сновидения «снами-шаблонами». Как правило, определенным первым поводом таких образований служит последняя бодрствующая мысль, которой был занят засыпающий, но они тотчас превращают этот повод в свойственную им бессмыслицу. Если хотеть иметь для этого рода снов аналогию в бодрствовании, то соответствующей аналогией был бы образ мысли душевнобольного, поскольку он нанизывает слова на слова (произнесенные образы) без разумного смысла; более того, мыслительное поведение того и другого, так как оно равным образом основано на бессилии разума, по существу одинаково с этим поведением сновидения, и мы могли бы поэтому с тем же правом назвать сны-шаблоны «безумными». — Смотря по тому, появляется ли сон-шаблон при засыпании или перед пробуждением, он носит форму изображения, особо соответствующую каждому из этих двух состояний. Вечерний сон-шаблон, так как он исходит еще из окончания бодрствующего внутреннего мышления, сохраняет пристрастие к движению во внутренне остающемся представлении; поэтому он

представляется мышлением (хотя и своего рода) внутри души. Утренний же сон-шаблон, напротив, берет свое начало, в противоположность отвлеченному занятию, из расцветающей во сне образной деятельности фантазии; поэтому ему ненавистна и более отвлеченная форма размышления, он любит размышлять в зримом и слышимом и потому постоянно являет себя как мнимое чтение или произнесение того, что он содержит; а кроме того, постоянно деятельное перед пробуждением раздражение зрительного нерва часто побуждает к благодушному упорству в чтении. — В вечернем сне кажется, будто движешься в неисчерпаемо разрастающихся внутренних мыслях; мнимые мысли и философемы гонятся друг за другом без конца; так бешено быстро проносятся мнимые суждения и все новые выступают на их место, что «я» сновидения, хотя и замечает их перед собой, едва в состоянии получить от них впечатление. Тем выше поднимается его самомнение, ибо сновидцу при этом кажется, что он движется в высшей мудрости; он изумляется себе самому в своем искусстве — быть столь философским и столь неисчерпаемым в философской комедии, кажущейся ему действительным мышлением; он сладко радуется своей сноровке, и сладость самочувствия усиливает в нем смутное сладкое чувство сна. Как быстрое бегство мнимых мыслей, так и изумление мнимой мудрости сновидца объясняются легко. Быстрое бегство возникло от упразднения самодеятельности «я» для образов, отчего они лишились притяжения тяжести и узды; лестное же самолюбование имело причиной недостаток силы рассудка, то есть недостаток всякого внутреннего содержания рассудочной способности суждения, отчего, естественно, внутреннее состояние слабости «я» сновидения само становилось мерилом того, что происходит в нем и перед ним; поэтому и

оценка должна была выйти столь хвалебной, льстивой и услаждающей себя — примерно так, как бодрствующим детям или наивным взрослым их поступки и мысли кажутся очень умными. — При утренних снах-шаблонах, напротив, это огромная беглость речи и чтения, которая непрестанно происходит в сновидце и до крайности возбуждает его самолюбование. Кажется, будто читаешь по-немецки, по-английски, по-латыни, по-гречески, по-древнееврейски или на каком угодно языке, на котором вообще что-либо видел и слышал, и проворно листаешь страницу за страницей, декламируешь прочитанное, думаешь, что произносишь его с ораторским ударением, и так далее. Еще выше поднимается удовольствие, когда кажется, что, обходясь без всяких вспомогательных средств, свободно говоришь от себя на чужом языке; наслаждаешься мнимой сноровкой, удивляешься быстроте способности речи, развивающейся без участия воли, равно как и неисчерпаемому богатству речевого материала. И здесь, само собой разумеется, высокое самолюбование основано на подавленной способности суждения «я», хотя, с другой стороны, волшебная деятельность фантазии невольно возбуждает удивление, — и в этом красноречии фантазии уже видны зародыши тех высших явлений сомнамбулизма, когда сомнамбула обнаруживает удивительный дар речи на языках, которые уже позабыл или вообще мало изучал. Если бы захотели получить мерило для быстроты внутренне совершающейся речи, то часто слышимая нами речь сновидцев в ее неистовстве, доходящем до полной невнятности, дала бы нам все же лишь весьма приблизительное понятие о быстроте потока представлений внутри души, потому что там образы свободно утекают лишь как нематериальные колебания, а не задерживаются и не останавливаются тяжеловесным балластом

органов речи. При этом слышимая нами речь сновидцев в ее бессвязной невнятице бросает свет на внутреннюю извращенность образований сновидения в форме шаблона.

Мне оставалось бы еще представить для наглядности несколько фактов сновидений этого рода; но как я ни старался добыть нужный материал и в этом роде сновидений, мне удалось удержать в памяти их запутанное содержание лишь в немногих обрывках, как ни часто подобные сны разыгрываются перед созерцанием. Содержание этих снов столь бессмысленно и сбито, что почти не дает никаких точек опоры для запоминания бодрствующим мышлением, а к этому препятствием присоединяются еще необычайная нежность и склонность образов сновидения улетучиваться. Однажды мне удалось удержать самое начало такого сплетения сновидения, причем я, повторяя его, вскочил обеими ногами с кровати и в совершенно темной ночи записал на приготовленной бумаге. Я незадолго перед тем проснулся ночью и как раз думал о бале, устроенном в Париже, и о примененных на нем искусствах привлекательности, о чем читал в газете. С этим я заснул, и, пока я засыпал, сон-шаблон дословно зажужжал так: «Под величайшими видоизменениями хитрого жилетного кармана скрывает он — —». Тут я как раз проснулся, чтобы записать. Это, однако, несмотря на уже по существу бессмысленное содержание, еще разумное начало сна, потому что это тот его конец, который вышел непосредственно из предшествовавшего бодрствующего мышления, а значит, был определен бодрствованием; и отсюда можно сделать верный вывод о бессмысленности этих снов на дальнейшей стадии их свободного развития. В другой раз я вскочил с кровати со следующим обрывком: «Так долго уже вода о вонь может руки тереть» — на этом я проснулся, и мне лишь

совсем смутно помнилось, что непосредственно перед тем, казалось, шла речь о поваре и кухне. — В третий раз сон-шаблон начался словами: «да, да, ломают воробьиные проблемы». — Зато однажды при чтении во сне, за которым я давно охотился, мне удалось сделать несколько других интересных наблюдений. В том, что я как раз читал, недалеко от начала первого предложения стояло, как мне думалось, слово «философия»; не нарушая сна, то есть во время самого сна, я внимательно поразмыслил о том, как же написано это слово и прочие. Слово «философия» я видел отчетливо, но оно вовсе не имело упорядоченного написания бодрствования, а содержало столь курьезное сочетание слогов, как, например, — это пришло мне в голову во время самого сна — слово «Попокатепетль». Отсюда я усмотрел, что при образованиях-шаблонах не только члены предложения становятся в самые произвольные отношения друг к другу, но и слоги отдельного слова — к другим слогам; и равным образом меня удивило, что и отдельные буквы стояли не все вверх, а некоторые вниз, то есть перевернутыми. Весь же шрифт выглядел скорее пожелтевшим, чем черным, и совсем расплывчатым, как бывает, когда на свеженаписанное слово падает капля воды или сухое письмо совершенно промокло. Все это явление бросает, как мне кажется, очень характерный свет на пластическое состояние жизни воображения во время сновидения и отмечает своеобразное свойство деятельности мозга и души в состоянии сна.

§ 28. Вторая главная группа: сны-ассоциации

Они получают свое имя от обычного для связей представлений между собой обозначения, так называемой ассоциации идей; и так как эта ассоциация производится самими образами, равно как

ассоциирующиеся образы сами доставляют для нее подлежащий соединению материал, то имя «сон-ассоциация» по праву обозначит полную сущность дела. Пока ассоциации совершаются во сне, «я» сновидения созерцает нанизанные ими друг на друга, действительно являющиеся предметы, присоединяется к ним как видимый самому себе или лишь как идеальный зритель, и из живого взаимоотношения «я» с предметами созерцания завязывается сон-ассоциация. Если же ассоциации более резкого, интересного, чудесного рода и так далее, «я» не довольствуется праздной ролью зрителя, а вводится фантазией как соучастник для усиления и украшения образований ассоциации. Сны-ассоциации сами по себе часто составляют чистые, самостоятельные явления, в которых сущность исходящих от самих образов связей выступает как заранее действующее и господствующее; но так как ассоциативные деятельности образов подчинены фантазии как посредствующие рычаги пластического продвижения, а значит, вместе с тем движутся на службе фантазии, то естественно, что их формы связи часто отказываются от своей самостоятельности и являются во всех родах образований сновидения в подчиненной роли. Если же они выступают свободно сами по себе, то образуют часто очень протяженные, большей частью атомистически нанизанные друг на друга цепи снов и тянутся словно исполинскими хвостами через зрелищный театр сновидения; поэтому они доставляют очень богатый материал для созерцания сновидения, а так как оно при недостатке силы и остроты рассудка дает случайности широчайший простор, — материал очень многообразный и богатый сменами. Поэтому о таком роде образований сновидения мы и говорим обычно, что они заводят нас от сотого к тысячному. Для понимания положения дел достаточно уже рассмотреть

попарные связи образов, так как дальнейшее развитие таких снов лишь снова повторяет парное соединение, то есть возобновляет одну и ту же сущность в измененных образах. — Если все образования сновидения, основанные на ассоциативной деятельности образов, соединяются в род снов-ассоциаций вообще, то различные способы ассоциации обосновывают различные виды, или подчиненные порядки, этого рода, и мы теперь рассмотрим отдельные виды каждый особо, насколько богатый круг фактов сновидения действительно содержит их и требует принять их во внимание.

Первый порядок (вид): сны-ассоциации случайного рода

Их закон таков: предметы представления, сходные друг с другом в случайных моментах, связываются в цепи сновидения и образуют развитые формы связи посредством «я» сновидения, которое является при этом соучастником, созерцая или действуя. Они распадаются на два подчиненных порядка — правильные и неправильные, а эти, в свою очередь, на разновидности.

А. Правильные

Они дают обоим образам, которые вместе образуют одну ассоциацию, то есть отдельное звено ассоциации целой цепи, выступать рядом друг с другом ясно выраженными.

а. Правильно связанные с одним моментом ассоциации:

Например: «Мальчику снится, будто он лезет на дерево, чтобы разорить сорочье гнездо, а старые сороки угрожающе летают вокруг его головы; тотчас он видит себя в классе, где учитель грозит ему палкой над головой за плохо выученную главу». (Момент ассоциации: опасное парение над головой и т. п.)

Например: «Даме снится, что, пока она качает маленького ребенка, ей отдают на такое же попечение канарейку». (Миловидное свойство и т. п.)

Например: «Хольтей („Силезские стихотворения“) видит во сне на пастбище стадо овец со светлым шерстяным руном, а сразу затем — белокурых девушек». (Светлое руно и белокурые волосы.)

Например: «Даме снится, что она стоит в лодке, лодка отрывается от берега, но наконец ей удается снова достичь с ней берега, и она привязывает ее канат к великолепной косе очень нарядной девушки, стоящей на берегу». (Канат и коса.) Здесь было очень интересно заметить, как прекрасно фантазия совершила ассоциацию обоих образов через действие.

Например: «Женщине снится, что она нашла на улице (как она выражается) чудесную картофелину и поспешила с ней к часовщику, чтобы ей сделали из нее часы». (Округлость картофелины и часов.) Ассоциация круглого с круглым здесь совершенно нормальна, наивный же смысл сна был произведен вмешательством цели рассудка.

б. Правильно связанные с двумя моментами ассоциации:

Например: «Моему сапожнику снилось, будто он видит, как по улице с музыкой марширует полк солдат; сразу за ними шагало большое множество венгерских волов со своим погонщиком и так далее». (Шагание и шагание — острия штыков и длинные рога.)

Например: «Мне снилось, будто я иду по одной из здешних улиц и мимо меня медленно проезжает большая повозка с грудой пустых бочек; сразу затем я вижу, что задержался на тротуаре, потому что множество дам в очень широких платьях (кринолинах) выходит из двери дома справа и попадается мне на пути». (Большой объем и большое число бочек и женских платьев.)

Б. Неправильные, или сны-обманки

Они произвольно подставляют друг вместо друга два ассоциативных образа, принадлежащих друг другу: вместо образа, который имело в виду «я» сновидения, вдруг выставляют другой, ассоциируемый с ним, как выражение первого; или сочетают два образа, каждый сам по себе самостоятельный, в один-единственный, снова самостоятельный; или, наконец, дают одному из двух образов совсем исчезнуть и переносят его свойство или деятельность на другой, ассоциируемый с ним. Эта операция очень похожа на действие фокусника, когда он вынимал из чаши-обманки совсем иные вещи, чем положил в нее; поэтому я выбрал имя «сны-обманки», и они образуют весьма забавный род.

а. С подстановкой образов.

Например: «Мальчику снилось, что он должен отнести к портному свои штаны, на которых дыра; он думает, что так и делает, но, придя, видит к великому своему стыду, что отнес их к своему сапожнику вместо портного». (Сапожник вместо портного, оба ассоциированы по случайности привычки.)

Например: «Даме снится, что она идет навестить больную — пожилую даму из своих действительных знакомых, которая от действительной затяжной болезни была близка к смерти; придя, она немало изумляется, найдя ее в родильной постели, и, глядя на возраст больной и на стоящего рядом взрослого сына, никак не может этого понять». (Здесь моментом ассоциации служит лежание в постели при умирании и при родах.)

б. В форме сочетания.

Например: «Мне снилось, будто я стою в саду перед моими окнами и смотрю вверх на орешник, нет ли на нем еще орехов; и тут, к великому своему удивлению, замечаю, что на одной ветке висит

еще связка орехов, но они — гнездо зяблика и вырастают из него как его составные части». (Связка орехов, образуемая срастанием нескольких орехов, и внешне очень сходный вид птичьего гнезда здесь сплавлены в одно.)

Например, весьма часто: «Снится, будто путешествуешь и стоишь на знакомом холме, но при этом видишь не принадлежащую ему, тоже знакомую долину, а долину совсем другой, тоже знакомой местности, так что две различные местности сочетаются в одну-единственную». Как правило, это сочетание вызывает случайность так или иначе стоящих отдельных деревьев или домов, в чем обе долины имеют неприметное родство. То же часто бывает с различными комнатами или местами, где чувствуешь себя как дома или часто бывал. Женщины при таких снах обычно говорят неопределенно: мне было так, будто я в этом месте, и все же казалось, будто я и в том.

в. С поглощением первого образа и перенесением его свойства или деятельности на другой.

Например: «Близкой мне даме снится, что ее служанка полощет белье в Одере, но стоит при этом на доске для раскатки теста». (Доска для теста вместо плота.)

Например: «Другой снится: она пеленает маленького ребенка обычным для младенцев способом, но пеленает его не в полотно, а в белую бумагу, как это обычно делают со свертками». (Случайное назначение бумаги вместо случайно сходного назначения полотна.)

Например: «Первой из названных снится, что ее брат, офицер, застрелился; трое офицеров, его товарищи, входят в комнату и сообщают ей о смерти. Затем она идет в лазарет, чтобы взглянуть на умершего. У входа ей навстречу выходит служительница лазарета и кричит ей: „Посмотрите, вот болванка (вкладыш от

утюга), которой он застрелился“». (Здесь роль пули превращена в роль вкладыша от утюга, поскольку последний тоже лежит в полом орудии и, нередко с шумом выпадая, имеет сходство с выстрелом.)

К этой последней разновидности сна я должен заметить, что, хотя собрал сотни фактов сновидения людей разного возраста и обоих полов, нашел ее только у женщин. Для женского воображения при этом характерна большая свобода в различении образов, так как ему не свойственна резкая различительность мужского духа, — и это отношение между мужским и женским мышлением сохраняется и во сне.

Второй порядок: сны-ассоциации внутреннего рода

Их закон таков: сущностно родственные предметы представления вступают в связь друг с другом и при посредничестве «я» сновидения образуют цепь сновидения. Но о сочетании понятий строго одинакового сущностного содержания во сне не может быть и речи, потому что во сне недостает строгости и остроты рассудочного различения; поэтому сущностное равенство сводится во сне к более или менее широкому сущностному родству, а часто и оно улетучивается до простого внутреннего сходства. Далее, предметами сновидения бывают не чистые понятия, а скорее конкретные вещи, более или менее подпадающие под одно и то же понятие; и часто на место второго образа, то есть вместо самостоятельного другого образа, выступает лишь символ первого. Если в образование сновидения связываются два сущностно родственных, каждый *самостоятельный* образ, мы называем это *чистыми* снами-ассоциациями этого внутреннего рода; если же на место второго

выступает лишь символ первого, образуется *нечистый*, или символически смешанный, вид.

А. Чистый вид

Например: «Мне снилось, будто я гуляю по цветущим садам и лугам и встречаю при этом молодого цветущего человека, садовника из моих действительных знакомых, в обществе которого иду дальше; вскоре присоединяется другой молодой человек, лесничий, тоже мне знакомый, и сцена сновидения развивается при обоих сразу». — Здесь, очевидно, общим связующим средством между садовником и лесничим служит понятие «молодого человека, занятого среди свежей природы».

Например: «Мне снилось, будто я нашел в поле выбеленный череп животного; сразу затем я вижу себя в доме моего детства, и развивается живая сцена между мной и моим давно умершим отцом». Здесь общий связующий момент — понятие умершего, или мертвого.

Например: «Если снится, что нужно на железную дорогу, чтобы кого-то встретить или уехать самому, то часто видишь, как садишься на коня и со всей поспешностью мчишься туда. Я, хотя совершенно не умею ездить верхом, во сне неоднократно пользуюсь буйным конем, когда мне нужно на вокзал». Здесь, очевидно, быстро подвижная природа железного вагона вызывает как можно более соответствующее ей — быструю и дикую скачку, и элементарная ассоциация идеализируется вступающим вместо нее действием «я».

Например: «Мне снилось однажды, будто я иду по одной из здешних улиц, где, по-видимому, проходило шествие ряженых; при этом за моей спиной раздался гулкий, меланхолический звук, как из охотничьего рога, — тотчас я увидел перед собой трех мясников, которые вели на длинных веревках трех очень больших

черно-бурых свиней, похожих на диких». Здесь связующее — понятие охоты.

Повсюду во сне встречаются нам подобные образования ассоциации; очень обычно выходить из сада и сажать садовые растения на пустынной городской площади, где связь вызывает «огороженный простор», общий обоим понятиям. Женщины, когда им снятся цветы, оказываются перед парфюмерной лавкой или подшучивают над идущими впереди них другими, пахнущими помадой; запах цветка для женского ощущения — существенный признак цветка, и потому он становится и вызывающим существенным понятием во сне.

Б. Нечистый, или символически смешанный, вид

Например: «Даме снилось, что она сидит за столом в веселой беседе со многими другими; при этом ей особенно бросается в глаза ослепительно белая кошечка хозяйки с алой лентой, и она много с ней возится». Здесь алый цвет как символ предшествовавшей веселости вступил в связь с самой этой сценой.

Очень часты символические связи девушки и цветов, девы и розы: если во сне видишь, как идет красивая девушка, то недалеко цветник или окно с цветами, или девушка срывает розу, или роза приколота букетом у нее на груди, или видишь цветущую женщину за пяльцами, где вышитый букет отражает свою создательницу; во всех этих формах господствует одна и та же связь цветущей женщины и ее символа. Часто вместо нарядной женщины или многих таких во сне встречается кричаще-яркий цветок и целые его грядки. Постоянные символы в снах нервного раздражения и других основаны также на этом роде внутренней

связи. Так, весьма любопытно слушать сны раздражительных, склонных к ссорам женщин, в которых они рассказывают целые сцены с собой вместе с многообразным вплетением угрожающих им кошек: образ кошки, то есть их множество, есть символический отголосок исходного образа самого сварливого лица сновидения. Постоянно к образу телесно нагого присоединяется образ гладкой нагой булки или хлеба в его цельности и внешней гладкости, и в символическом отголоске предстает существенно равное понятие нагой поверхности. К образу человеческого телесного строения постоянно присоединяется действительный дом; часто в комнатах, по которым, как кажется, блуждаешь, встречаешь пластическую фигуру из гипса или мрамора, которая посреди символа дома вновь заявляет исходный образ человеческого тела. — Сомнамбулы, когда во сне им являются мрачно одетые строгие гении, бывают ими ведомы в скалистые, мрачные местности и жуткие ущелья, причем мрачный пейзаж образует символическое сопутствующее понятие к строгому существу гения.

Третий порядок: сны-ассоциации силою аффекта

Если предметы представления первого порядка соединялись через *случайное*, второго порядка — через *сущностное* родство своего содержания, то предметы этого третьего порядка соединяются через равенство раздражающего действия на душу, выступающего вместе с ними. Их правило: два или несколько образов взаимно вызывают друг друга и соединяются в связки сновидения, если вызывают в душе по существу одинаковые движения ощущения. Так ассоциируются друг с другом предметы представления, производящие *приятные* впечатления на ощущение; и точно так же — образы, обладающие неприятной

раздражающей силой для души. При этом вещные и личные предметы без различия становятся в ряд, лишь бы они были равны по характеру раздражения. Но предметы представления, выражающие *чувственно* неприятное или приятное, охотно чередуются с такими, которые содержат *духовно* неприятное или приятное, потому что в ощущении души чувственно приятное само по себе пробуждает и соответствующую меру высшей, независимой от чувств психической веселости, так же как, наоборот, внутренняя душевная веселость влечет за собой подъем чувственного ощущения жизни.

> Например: «Если снится, что занимаешься навозом или со всей осторожностью переступаешь через испражнения животных, то в тот же миг появляется лицо, бывшее нам неприятным в действительности, и помогает нам в неприятном деле или разделяет ту же осторожность на скверной дороге».
>
> Например, наоборот: «Мне снилось однажды, после того как накануне вечером я слушал рассказ о сбежавшем почтовом растратчике, что он умер и я вместе с другими провожаю его тело на погребение, но нам приходится брести по такой густой грязи, что мы почти застреваем и в конце концов в нетерпении обращаемся в бегство». Здесь похоронное шествие — символический вымысел для нравственной омертвелости провинившегося, и с этим образом противного духу соединяется образ непреодолимой уличной грязи.

Подобные ассоциации встречаются во всех областях приятного и неприятного.

Четвертый порядок: сны-ассоциации в форме совместного в пространстве и одновременного

Их закон таков: вещи, которые в действительности видели или пережили в одном и том же месте (совместно в пространстве) или в одно и то же время (в одни моменты, в одни периоды времени и так далее), взаимно вызывают друг друга в связки как предметы представления сновидения. Эти образования ассоциации имеют большое значение для жизни сновидения, так как разом вводят в созерцание сновидения очень многосторонний материал представлений. Тогда как ассоциативная жизнь внутреннего и случайного рода производит тянущиеся в длину цепи представлений, сновидение посредством *этих* ассоциаций распространяется массами во все стороны сразу и, так сказать, во всех измерениях.

А. Ассоциация в форме совместного в пространстве

Например: «Снится (как это, например, очень часто бывает при сопутствующем раздражении зрения), что видишь летящих галок, голубей и т. д.; тотчас с образом галочьей стаи соединяется привычный образ башни на родине, дома вокруг, поднимающийся клубами дым, горы вдали и так далее, а посредством этой главной массы образов — чрезвычайно многообразное богатство связанных с ней побочных представлений, отчего в одно мгновение перед созерцанием вырастает маленький мир».

Например: «Мне снилось, после того как незадолго перед тем я провел время в веселом винном настроении с почтенным старым другом, пастором, и несколькими другими, будто я у этого пастора в церкви, поднимаюсь на органные хоры, где поет кантор, и, к своему изумлению, нахожу позади них несколько просторных винных комнат, где усердно пируют и поют, пока пастор

проповедует, со всеми принадлежностями винного погреба: так что все место винного погреба соединилось с образом пастора, то есть с представляющей его вместе с тем церковью».

Б. Ассоциация в форме одновременного

Их связи образов основаны, как у предыдущих по пространству, так по времени — на основе случайно или по привычке вместе пережитого.

Так, например, если в действительности совершил путешествие, возбудившее наш интерес, во сне вместе с показом одного дорожного переживания тотчас является и другое или многие, все равно, пережиты ли они в один день или вообще за время путешествия.

Например: если во сне выступает близко знакомая или любимая личность, вместе с ней являются и образы всех ее дел и поступков в то время, когда мы были вместе с ней.

Например: постоянные образования сновидения этого рода — переживания одного и того же возраста. Если воображение сновидения рисует нам переживание из отроческих лет, оно тотчас продолжает другим, тоже из юности, и сплавляет оба в развитые сцены. Но сновидение при этом вовсе не держится строгого разграничения отдельных лет юности или годовых кругов, а вообще снова сводит волшебством вместе то, что происходило во всю эпоху юности от мальчика до мужа, и выбирает из этого по произволу для соединения сцены мальчика и юноши или наслаждается переживаниями мальчика или юноши по отдельности. Жизнь сновидения каждого человека дает тому многочисленные свидетельства.

Пятый порядок: сны-ассоциации в форме категориальной взаимосвязи

Их закон таков: предметы представления, которые по лежащей в их основе действительности были связаны в форме взаимопринадлежности причины и действия, цели и средства, пробуждают друг друга к взаимной связи и во сне, так что с образом, обычно выражающим действие другого, является и тот, другой, — причинный, и точно так же с предметом представления, выражающим средство к определенной цели, следует совместное изображение цели, с чем соединяется мнимое действие «я» сновидения. Но связи этого рода, как и связи четвертого порядка, основаны по существу на привычке дневного мышления, хотя, с другой стороны, и в чисто пластических движениях фантазии сновидения, по-видимому, заложена непосредственная склонность к целесообразному и прочему, поскольку оно совершается без рефлексии и вопреки ей.

А. В форме причины и действия

Если во сне видишь сорванные плоды, лежащие в корзинах, тачках и т. д., то тотчас за этим следует образ садовника, срывающего их на дереве, и дальнейшее развитие сна следует обоим образам. Исходный образ (действие), следовательно, продолжается при этом в свою причинную сторону. Если во сне видишь собаку, идущую по следу, за ней вскоре выходит из кустов охотник как причинный образ посланной вперед собаки; с охотником — полная картина охоты. Но не всегда сновидение соблюдает столь правильное отношение причины и действия. Я не раз видел во сне, как совсем ручные домашние животные обращались в бегство перед моей фигурой во сне, прежде чем с моей стороны произошла соответствующая причина —

спугивание. В другой раз мне снилось, будто я вижу издали, как заяц перепрыгивает через забор из огороженного места и быстро удирает в зеленеющие за ним всходы, и только там вдруг рядом с зайцем всплывает образ преследующей лисы, и лиса хватает его и уносит. В таких случаях, следовательно, действие очевидно выступает сперва вне всякого отношения к определенной причине, а позднее (вполне сообразно природе ассоциации) к нему как бы случайно присоединяется определенное причинное представление.

Б. В форме средства и цели

Например, если снится, что нашел топор, то недалеко образ дровосека на улице вместе с поленницей и спотыкающимися о нее прохожими; или видишь строящееся здание, на которое плотники ставят стропила; или (менее выразительно) встречаешь человека, которого в действительной жизни знаешь как плотника и привык видеть. Очень обычны у хозяек ассоциации белья в лохани или миске, с одной стороны, и образа реки — с другой, которые фантазия выражает в форме деятельности — относя белье к реке, чтобы полоскать. И кто не замечал во сне, что когда он находит что-либо такого рода, что обыкновенно дарит тому или иному лицу из своего окружения (детям, девушкам и т. д.), образ сновидения такого соответствующего лица тотчас связывается с найденным и ставится как его цель. Если же, например, долго смотришь во сне на дым трубы, то из дома выскакивает привычный образ трубочиста, поскольку трубочист стоит в определенной связи цели с дымоходом.

Шестой порядок: сны-ассоциации в форме связи по контрасту

Их закон таков: контрастирующие образы взаимно вызывают друг друга к сплавлению и к проистекающим отсюда действиям сна. Все резкие противоположности в жизни стремятся соединиться друг с другом, потому что в них сущее или живущее разведено резче всего, а потому и обратное напряжение к совместному бытию должно быть в них острее всего. Сновидение же, поскольку оно содержит отголоски действительной жизни, разделяет ее стремления к контрасту, а поскольку не получило их от бодрствования, производит их собственной живой силой.

А. По цвету

Прежде всего во сне охотно связываются контрасты черного и белого, часто также и других резко отличающихся тонов. Без всякого заметного повода появляются оба образующих контраст цвета, часто так, что это совершенно противоречит бодрствованию. Так, мальчику снилось, что ему подарили пару черных штанов, но при этом он с удивлением заметил, что на одну штанину вставлено большое белое пятно. Собаки и кошки встречаются во сне часто в очень яркой окраске; в женских снах представителями контраста служат наряды и ленты.

Б. По объему пространства

Как резко противоположное в цвете, так в отношении величины предметов охотно противопоставляется очень малое очень большому.

Например: «Даме снилось, что она перенесена в дом своей юности, где, по общему народному преданию, будто бы водились привидения. Она видит себя в комнатах этого дома; каменщики

обновляли стены и как раз разломали одну из них. С ужасом сновидица замечает, как из возникшего от этого большого отверстия в стене торчат две большие, живо движущиеся рыцарские ноги в сапогах и шпорах; в тот же миг она видит рядом пару совсем маленьких миловидных солдатиков на коне, которые, величиной с игрушечных кукол, непрестанно объезжают ширину отверстия в стене и исполинские ноги рыцаря старины». Маленькие всадники здесь, очевидно, присоединены к рыцарю лишь путем контраста.

B. По внутреннему понятию

Сюда относятся очень интересные непосредственные сочетания состояний, содержащих величайшую радость жизни, с состояниями величайшей печали или смерти. Образы свадьбы и болезни или смерти сватаются друг к другу во сне так же весело, как юноша к деве в бодрствовании; без всяких прочих особых мотивов эти противоположности сочетаются лишь из удовольствия от пронзительного созвучия, к которому фантазия, пожалуй, питает сильный интерес, так как из резко развернутой противоположности тем живее брызжут ее творческие развороты. Я с особым удовольствием прослеживал этот род образований сновидения на себе и на других и хочу теперь показать их подробнее.

a. В простом сопоставлении образов контраста.

Например: «Мне снилось, что меня навещают близко знакомые мне жених и невеста; затем в широкой зале я вижу, как они пьют вино и танцуют; при этом я случайно гляжу в окно зала — и вот как раз движется торжественная похоронная процессия к видному неподалеку кладбищу».

Например: «Даме снится, что знакомая ей в действительности, незадолго перед тем обвенчанная супружеская пара как раз выходит из дома невесты, чтобы ехать в церковь к венчанию. Перед домом четыре разных лица держат веселые речи, но большинство ораторов сбивается. Между тем сновидица вдруг замечает перед этим домом два больших желтых гроба, в которых лежат (в действительности) умершие родители жениха, чтобы принять участие в свадебном торжестве».

б. Со сплавлением образов контраста в одно действие.

Например: «Я в действительности часто навещаю весьма почтенную даму преклонных лет, которую постигло несчастье — удар, и которая вследствие этого, хотя и излечилась, сохранила стойкую слабость и при этом недуге вынуждена вести тихую уединенную жизнь в своей комнате. Несмотря на это, мне однажды приснилось: я пошел ее навестить, и уже на лестнице мне встречаются высоко поставленные цветочные вазы с благоухающими букетами, затем дверь, увитая венком; и когда я вхожу в дверь и говорю с дамой, приходят два празднично украшенных свадебных приглашателя, произносят свое приглашение, она принимает его с веселым видом юной счастливой девушки и лезет в стоящий рядом секретер, чтобы порадовать каждого из приглашателей приличной монетой».

Например: «Даме снится, что она в отъезде у своей кузины, которая в действительности невеста, на свадьбе; она видит оживленную свадебную суету на кухне и в доме и при этом с удивлением замечает, как мать невесты, умершая уже более десяти лет назад, дельно хозяйничает на кухне, как это обычно делает хозяйка дома на свадьбе».

Например: «Даме снится, что почтенный господин (ученый), парализованный уже более десяти лет, как раз собирается идти на

бал в офицерском мундире, украшенном так пестро, как только можно вообразить».

в. Со сплавлением образов контраста в один-единственный образ.

По моим собственным и по чужим снам, которые лежат передо мной для наблюдения, я часто замечал, что когда снится какая-нибудь естественная жизненная сцена с лицом, уже умершим, это лицо всегда является чрезмерно, гораздо больше, чем обычно при жизни, украшенным и нарядным. Так, например, мне часто встречается во сне образ давно умершей старой женщины, доставлявшей мне при жизни немало огорчений своей ворчливостью, в чрезмерном убранстве и нарядной одежде, совершенно вопреки ее действительной скромной привычке. Здесь, следовательно, контраст жизни и смерти непосредственно сплавлен в одно, и кажется, что мертвое, как только оно выступает на жизненный театр сновидения, склонно представляться не иначе, как в маске радости жизни. — Наконец, мне бросилось в глаза в снах об умерших, что эти лица всегда выступают связанными с местом действия, выражающим сущность цветущей свежести; так, цветущий или отягощенный плодами сад, смеющийся луг и т. д. — постоянные спутники воскресающих во сне.

§ 29. Третья главная группа: отмеченные сны

Они, подобно снам-ассоциациям, принадлежат самой жизни образов, ибо по существу образованы самими образами. Но состоят они по существу из таких образов, которые обладают выдающейся силой впечатления, отчего изначально относятся в шаре образов к бесчисленному множеству прочих, слабых моментов образа, как князья или как могущественный

аристократический род. Они родились такими сильными благодаря мощному впечатлению, которое лежащая в их основе действительность произвела на воспринимающую или чувствующую душу тем или иным родом интереса. Соответственно, они сами по себе обладают гораздо большей энергией, чтобы шевелиться в шаре сновидения: они проводят свои ассоциации вопреки ассоциациям прочих бесчисленных масс образов и оттесняют все более слабые связи на задний план; и в силу заключенной в них силы они способны привлекать множество более слабых образов себе на службу, то есть к побочным ассоциациям. По этой их *выдающейся* перед прочими образами напряженности я называю эти образы «отмеченными», а происходящие из них образования сновидения — «отмеченными» снами. Если бы захотели назвать сильную силу впечатления, то есть образ от нее, «впечатлением» по преимуществу, то с равным правом можно было бы выбрать для них имя «сны впечатления»; но прежнее имя предпочтительнее ради более точного различения. Если же сравнить отмеченные сны с обычными снами-ассоциациями, то оказывается:

1. Они обладают содержанием, гораздо больше занимающим душу и потому резче отпечатывающимся в созерцании, чем сны-ассоциации.

2. Тогда как сны-ассоциации содержат лишь протяжения в длину неопределенного облика или лишь протяжения в ширину во все стороны без резко выраженных средоточий, отмеченные сны выступают с очень резко обозначенными главными точками, по которым более мелкие моменты образов выстраиваются в более органическую группировку; главные, или средоточные, точки — это сами отмеченные образы, прочее же — материал, притянутый ими и направленный с известной правильностью.

Отмеченные же сны, выступающие в своем самом непосредственном облике, являются сотканными лишь из отмеченных впечатлений, как бы в остове их возможного дальнейшего развития.

3. Тогда как сны ассоциации при своей меньшей силе слишком легко становятся по отношению к властной образующей энергии фантазии лишь служебным подвижным механизмом пластического продвижения, отмеченные образования сновидения, напротив, весьма часто диктуют фантазии ход ее пластического движения: они либо определяют ей твердый основной материал, на котором и в который она должна излиться, либо ставят ей твердую цель, к которой должно направиться ее пластическое искусство. В первом отношении отсюда возникают описывающие, то есть упорядоченно живописующие, сны фантазии, так как фантазия вынуждена свободно-творчески двигаться правильными линиями на определенно данном материале.

4. В отличие от остальных снов ассоциации (за единственным исключением родственной им ассоциации аффекта) отмеченные образования имеют во всем своеобразный род связи: связующий момент дает лишь заложенная в их образах степень силы впечатления и ее характер по отношению к душевному ощущению. А именно, по существу связываются образы равной силы с такими же, причем неприятные с неприятными, приятные с приятными или, по контрасту, неприятные с приятными той же степени.

5. Все отмеченные образы и образования сновидения из-за заложенной в них сильной напряженности склонны соединяться с возбужденными настроениями души; поэтому они часто образуют материал, то есть относительно самостоятельно вступающие

эпохи образования снов аффекта, тогда как слабые впечатления и связи снов ассоциации против этого не выдерживают.

Но так как отмеченное впечатление и его образование сновидения по природе столь полны силы, то отмеченный сон, как правило, сильно подстрекает фантазию к творческому излиянию и чаще всего сливается с ее образованиями воедино, растворяясь в высших формах сновидения. Поэтому самостоятельному существованию отмеченного сна всегда угрожает большая власть единообразно творящей фантазии, и редко ему дано удержаться в чистоте. Между тем фактов сновидения достаточно, и они способны наглядно показать существенный отпечаток этого образования сновидения; некоторые из них мы теперь и приведем для рассмотрения, опуская побочные ассоциации.

> Например: «Одному молодому человеку снилось, что тетка удивила его подарком, и когда он его раскрыл, это оказались, к его изумлению, четыре пары коротких купальных штанов, какие носят при плавании, все разного цвета: одна пара белая, одна красная, одна желтая, одна синяя».

Кто сумел бы разгадать этот сон, не зная лежащих в его основе отмеченных впечатлений по их действительному происхождению? И все же это лишь очень простой отмеченный сон. Видящий сон, именно, в действительности ожидал подарка от тетки, о чем ему сообщило третье лицо; за день до сна он был в здешней ратуше, которую к приезду высоких особ украсили множеством пестрых флагов; кроме того, он был отличным пловцом и ежедневно с большим удовольствием упражнялся в своем искусстве. Это и есть те три отмеченных момента, из которых составился сон: ожидаемый подарок тетки, флаги

ратуши, купальные штаны. Из этих трех очень мило сплелось отмеченное образование: сон взял исходной точкой сильнейший мотив, ожидание подарка, заставил его продолжиться в пестрых флагах, а их в свою очередь — преобразиться в окрашенные по ним купальные штаны.

> Например, одной даме из моего ближайшего окружения снилось следующее: «Она стоит на одном из здешних мостов; в сильно вздувшейся реке под ним борется с волнами лошадь с экипажем, стремясь достичь другого берега. Странным образом господский экипаж выглядит совсем закрытым, так что вода, казалось, не может в него проникнуть, между тем как находившихся в нем невидимых людей было слышно. Наконец лошадь с экипажем достигает берега и изо всех сил старается попасть под нечто вроде навеса, у которого, однако, не двускатная крыша, а лишь плоский дощатый настил наподобие верхней части обычного ящика. Но отверстие под этим навесом слишком мало, чтобы лошадь могла туда пройти; поэтому должны прийти мужчины с топорами и слесарными инструментами, чтобы открыть большую дверь навеса, и это им удается, когда они вытаскивают гвозди и винты из заколоченных ворот, после чего лошадь и экипаж спасаются внутрь».

Кто сумел бы и здесь сразу вычитать господствующий отмеченный образ? Сама видящая сон удивлялась этой «чудной путанице», меня же очень обрадовала просвечивающая сквозь нее внутренняя ясность. Эта дама, именно, накануне получила ящик с дичью, адресованный мне, и я сам взял на себя дело вытащить глубоко вошедшие штифты и гвозди и тем открыть содержимое обрадованной хозяйке. Весьма естественно, что хозяйка, когда ей вдруг улыбнется такой запас, радуется ему так же, как мыслитель, которому пришла превосходная мысль. И вот этот образ

закрытого ящика проводится в плотно закрытом экипаже и еще прямее — в плоско перекрытом навесе; острее же всего сон изобразил его в отпирании заколоченных ворот, соответственно вскрытию заколоченного ящика. Здесь видно, как увлекательны часто бывают такие задачи для исследователя души, но вместе с тем и как необходимо делать первые исследования фактов сновидения на себе самом или на ближайшем окружении, чтобы получить знание особых обстоятельств действительности, необходимое для разгадки. Но стоит только однажды узнать, как содержание отмеченного сна относится к предшествующей действительности, — и уже легко по отмеченным образованиям сновидений других людей делать выводы о лежащей в их основе действительности и расспрашивать видящих сон о подробностях.

> Например: «Мне снилось, что со стороны моста, лежащего напротив моей квартиры, подъезжает король; сильным шагом кони и экипаж направляются к моей квартире, но сворачивают в сторону, чтобы повернуть назад, как мне показалось. Сразу затем я вижу по другую сторону дома, впереди на площади, круглый, суживающийся кверху шатер из черной шелковой материи, раскинутый и украшенный черными шелковыми блестящими кистями и позументом; а в этом шатре, как говорят, покоится больной король».

Действительные обстоятельства таковы: незадолго перед тем я прочел в газетах, что недуг больного короля, его величества, усилился и опасаются скорой кончины. Вечером накануне сна ко мне в экипаже с Берлинского вокзала приехал редкий у меня и очень дорогой мне гость, и притом нездоровым, так что вскоре отправился на покой; наконец, накануне утром я рассматривал только что пришедший из красильни пакет черной шелковой материи для одной дамы вместе с окрашенной заодно отделкой,

причем мне понравилась ее изящная выделка. Из этих многих представлений — болезни короля, приехавшего больного гостя, его подъезда к моей квартире, окрашенной шелковой материи и ее отделки, то есть ее назначения для женского платья, — и составился весь сон. Шатер, именно, из-за последнего названного отмеченного образа является из черного шелка и украшенным такими же кистями, и он принимает округлую, кверху заостряющуюся форму из-за того, что материя в действительности предназначена для одежды женщины, то есть из-за сходной, суживающейся снизу вверх округлости женского платья.

> Например: «Мне снилось, что я присутствую на охоте, причем недалеко от меня стреляют; наконец охотники выходят из кустов, и я спрашиваю: что вы подстрелили? Один говорит: „Вот эту собаку мы подстрелили“, — и в петлях ягдташа висел хорошенький маленький аффенпинчер, так, как обычно подвешивают пернатую дичь».

Как сюда попадает аффенпинчер в петле? Объясняется это так. Накануне я проходил мимо лавки гипсовых изделий и рассматривал выставленные в витрине статуэтки; при этом мне показалось очень забавным сочетание античной богини с современным пинчером, выраставшим из того же пьедестала, — отсюда и происходит пинчер в петле. Из этого видно, с какой упругостью такие отмеченные образы выскакивают во сне, где только представится какой-нибудь повод.

§ 30. Четвертая главная группа: сны от раздражения нервов

Они образуют богато оформленный род своеобразной красоты, выступающий с необычайной изменчивостью, и я не колеблюсь

назвать их блестящей вершиной жизни сновидения. Правда, они происходят не из высшей психической жизни, как рефлексивные сны и другие, а из жизни нервов тела во время сна; но в их изображении, исходный мотив которого определяет раздражение нерва, соединяется высшее созерцание разума сновидения, бросающее непосредственные взгляды в органические состояния тела, с полнейшей и яснейшей деятельностью символической фантазии. Они показывают нам величие жизни сновидения в ее преимущественной власти — прозревать все скрытые внутренние сферы тела и делать их через изображение осязаемыми, тогда как в бодрствующей жизни человеческий дух этой способностью не обладает; и сон своим непосредственным взглядом в живое далеко превосходит проникающую любознательность анатома, который способен заглянуть внутрь лишь на мертвом и лишь насильственным разрушением органических построек. Нельзя отрицать, что здесь во время сна у каждого человека без различия происходит своего рода сомнамбулическое созерцание своего нутра; и жизнь сновидения, будучи жизнью субъективности во время сна, с самого начала обнаруживает свое родство с ясновидящим сном сомнамбулизма. Если же прозревающая сила этих снов и их прекрасное изображение фантазией преимущественно привлекают интерес психолога, то выступающее через это раскрытие живой организации тела и ее скрытых состояний в равной мере притязает на внимание физиолога. Более того, если практикующие врачи захотят отдаться точному изучению этой группы снов, то в большинстве тех случаев, где нет уверенности в том, где сидят внутренние недуги, они придут к ней через разбор снов больного; ибо всякое, даже самое нежное, здоровое раздражение нерва внутри тела во время сна, не говоря уже о болезненном и остром, возбуждает

соответствующее ему образование сновидения и отражает в нем свое место в теле, свойство затронутых членов и определенный род их поражения; к тому же больные при плохом сне в страдающем состоянии преимущественно окружены роем снов и способны отчетливо их схватить. Что же касается знания того, как возводить эти сны к их органическим причинам, и практического прозрения их символики, то особый разбор следующих, обильно собранных и точно наблюденных фактов сновидения даст его в такой мере, что и врач может получить отсюда основательное начало для своих особых целей. — И, наконец, словно в шутку, сны от раздражения нервов, по-видимому, захватывают и область зоолога, так как обязаны своим возникновением и особым отпечатком различным насекомым, которые во время сна досаждают телесной жизни раздражениями.

Так как раздражение нерва — возбуждающее начало этой группы снов, то и ее подразделение следует подразделению различных раздражений нервов; а они по существу четырех родов: простые раздражения напряжения, принадлежащие здоровой жизни, или болезненные, то есть болевые, раздражения, далее судорожные раздражения и, наконец, раздражения кризиса, движущиеся от болезни к здоровью. По ним и называются четыре разряда. Некоторые из них содержат великое множество постоянно возвращающихся особых раздражений, так что сформированные по ним особые образования сновидения образуют столь же многочисленные подвиды. Чтобы показать, как прекрасно и ясно символика фантазии отражает место и органы каждого данного раздражения, то есть переводит их в созерцание, мы должны при этой группе снов везде прибегать к особому разбору. Тяжеловесное название «сон от раздражения нервов» мы заменяем более коротким — «сон от раздражения»,

что нам тем более позволительно, что снам, основанным на духовных раздражениях, мы даем названия по соответствующей силе души; при особом обозначении мы присоединяем к общему обозначению «сон от раздражения» особое название соответствующего органа тела или особой органической деятельности.

Разряд первый: сны от раздражения напряжения

1. Сон от раздражения вытягивания

Он простейший из всех снов от раздражения и изображает непроизвольное вытягивание или подергивание ноги, часто наступающее при засыпании. Но, несмотря на свою простоту, символика его метка. Все его содержание выражается в образе падения с башни, причем падающий — сам видящий сон; так же внезапно, как наступает и проходит непроизвольное раздражение вытягивания в ноге, возникает и сон, и так же молниеносно он проносится мимо. Особое устройство его символики таково. Раздражение вытягивания обычно наступает лишь тогда, когда ноги находятся в согнутом в колене, а потому приподнятом в колене положении; когда же следует непроизвольное вытягивание, оно всегда принимает направление распрямления ноги в горизонталь, а значит, уменьшения высоты в колене. Соответственно опусканию высоты колена фантазия рисует видящего сон падающим с высоты; движение же ноги изображается как падение сверху вниз, потому что нога в действительности при этом теряла под собой прежнюю опору, вытягиваясь вперед. Для очень незначительного в действительности расстояния, которое дергающаяся нога проходит вниз, фантазия на своем языке, не размеренном

рассудком, ставит очень обширный образ размаха движения — именно от верха башни до земли; для приподнятого положения колена вообще она выбирает образ башни, потому что башня выразительнее всего выражает высоту и всем привычна для созерцания. — По этому сну от раздражения можно при случае составить себе понятие о быстроте символического выражения фантазии, так как образование сна возникает и проходит непосредственно вместе с подергиванием вытягивающейся ноги.

2. Сон от раздражения легких

Причина его возникновения — окрепшее во сне движение легочных крыльев; его символический образ — всем нам известный, сопровождаемый столь прекрасным ощущением «полет». Так как легкие поднимаются и опускаются двумя крыльями одновременно, то и фантазия соответственно ставит два органа полета; она остро показывает, из какой области тела исходит возбуждающее раздражение полета во сне, ибо приводит в воображаемое движение полета те органы, которые, сдвоенные и подвижные, лежат по сторонам легких, то есть руки. Но она должна выбрать движение полета, то есть поставить движение рук и тела *в воздухе*, потому что именно воздух есть то, на чем легкие движутся, поднимаясь и опускаясь. Еще острее она копирует в полете движение легких, рисуя всякий полет во сне лишь всегда раздельными отдельными отрезками, и притом отрезками, каждый из которых представляется подъемом и спуском: каждый раз в полете поднимаешься, паришь некоторое расстояние в вышине и снова плавно опускаешься, так что все вместе описывает дугу от земли и к земле; затем снова свежо поднимаешься и опускаешься, и снова сначала. Этот подъем и спуск короткими отрезками метко символизирует

совершающееся отрезками движение легочных крыльев вверх и вниз при дыхании; и расстояние, которое видящий сон думает пролететь в *одном* поднимающемся и опускающемся отрезке полета, дает в руки мерило того, с какой затратой пространства фантазия сна обозначает столь короткие органические отрезки движения; и отсюда можно уверенно вывести, в каком отношении меры действительности стоят к мерам сна. Однако при этом надо принять во внимание, что при долгих вдохах, которые, по моему наблюдению, обычно делают, лежа на спине, фантазия должна ставить и тем большие расстояния полета; поэтому растянутый, долго длящийся подъем дыхания влечет за собой долгое парение фантазии в воздухе, как бы ни старался видящий сон, когда им овладевает тревога, слететь вниз; и забавно видеть, как тщетно мучаешься иногда спуститься, пока наконец быстрое опускание, следующее за долгим подъемом дыхания, то есть второе, тем более короткое дыхательное движение, сразу не сделает это возможным: достигаешь древесного ствола или окна дома, за которые держишься и спускаешься. Но, несмотря на долгое парение вверху, мнимым полетом никогда не достигаешь более чем средней высоты дерева, так что фантазия не превышает определенной границы подъема для короткого растяжения легочных крыльев. — Наконец, во всех символических образованиях сна, исходящих от определенного раздражения нерва, фантазия соблюдает общеобязательный закон: в начале сна она рисует объект раздражения лишь в самых далеких и свободных намеках, в конце же, когда живописное излияние исчерпало себя, ставит в наготе само раздражение, то есть соответствующий орган или его функцию, и этим сон, обозначая свой органический повод, достигает конца; и посредством этого закона можно самым непосредственным образом доказать, что

легкие — возбудитель «полета во сне». Так, открыв уже этот закон на других снах, я после долгих тщетных стараний доискаться органического повода полета (причем менее всего думал о легких) обнаружил, к своему великому удивлению, следующее: когда я однажды после долгих отрезков полета на прогулке во сне близ Шейтнига, здесь в окрестностях, хотел в конце еще перелететь через Одер, мне помешал наступивший образ сна — сильный кашель и кровавая мокрота (при полном здоровье) вследствие напряженного полета. Теперь я знал, что легкие — возбуждающий момент полета, и это открытие так меня обрадовало, что я тотчас от этого проснулся и, с удовольствием сравнивая все моменты полета во сне с моментами дыхания, нашел подтверждение. Этот самый закон дает нам и в других привычных снах поразительнейшие разъяснения, чему сейчас же следует подтверждение в следующем сне от раздражения.

3. Сон от раздражения зубов

Этот сон — не что иное, как тот столь пугающий для видящих сон женщин вестник выпадения зубов. Но выпадение зубов — не собственно сон, а лишь обнаженный заключительный образ его (по только что рассмотренному закону), и его гораздо более прекрасная половина, незамеченная видящими сон мужчинами и женщинами, предшествует выпадению. Телесный повод, вызывающий это образование сна, состоит именно в непроизвольно производимом во сне жевательными мышцами сжимании и новом размыкании зубов, то есть всех челюстей во рту, — процессе, который, как известно, у некоторых спящих мужчин и женщин усиливается до неприятного скрежета зубами; сам я, впрочем, этим не страдаю, что должен отметить, так как относящиеся сюда факты сновидения взял у самого себя.

Удивительно видеть, как фантазия символически рисует это сжимание и расхождение рядов зубов. В одном из прекраснейших снов этого рода я видел два ряда прекрасных мальчиков, белокурых, с нежным цветом лица: они стояли друг против друга с охотой к борьбе, шли друг на друга, хватали друг друга, снова отпускали, занимали прежнее положение и повторяли все сначала, пока я наконец, устав смотреть, не сел на лестницу и без всякого повода не вытащил длинный зуб из своей челюсти. Борьба же происходила у выхода улицы с домами, у входа на мост с перилами, всю ширину которого занимали оба ряда мальчиков, стоящих друг против друга; лестница, на которую я сел, находилась сбоку сразу у моста и вела к руслу реки. Вход на мост, ограниченный перилами, ясно обозначает ограниченный вход рта, дома непосредственно перед ним — в общем виде принадлежность происходящего к организму тела; противостояние мальчиков рядами — противостояние двух рядов зубов, равно как схождение мальчиков друг на друга и их новое расхождение — смыкание и новое размыкание рядов зубов. Мальчики все белокуры и с нежным цветом лица, потому что цвет зубов светлый и нежный. Мальчики выбраны, чтобы безбородыми лицами указать на гладкость обнаженных зубов. Этот символ белокурого человека с нежным лицом для зуба постоянен и столь же часто стоит за обнаженную гладкость зуба, как образ голого гладкого хлеба или булки — за гладкость нагого тела. Наконец, сцена происходит на высоком месте, здесь — на мосту, чтобы намекнуть на высокое положение зубов в постройке тела; лестница у моста (первая постоянна в этих снах от раздражения) осязаемо выражает спуск глотки во рту, полое пространство между мостом и руслом реки — полость внутреннего пространства рта.

Хочу особо привести еще второй пример, чтобы показать то же и на менее правильной игре фантазии. «Мне снилось, что вор (бывший, впрочем, очень дорогим мне родственником), крупного и сильного телосложения, с гладким полным лицом и светло-темными волосами, вламывается в дом моего отца, и я сбрасываю его прямо вниз по лестнице в погреб; сразу затем я вижу себя в сводчатом помещении этого дома, где сижу с мнимым вором и еще несколькими господами за полным столом и ем; наконец, уходя из-за стола, я рассматриваю три больших коренных зуба, которые без всякого посредствующего действия вдруг оказались у меня в руке и которые вышли из моих челюстей». В этом сне видна та же сущность символики, что содержалась в предыдущем, только выполненная свободнее. Белокурым вором случайно выбран мой родственник, потому что свойство его лица и цвет волос соответствуют названному свойству зуба. Вор является не во многих маленьких лицах, чтобы выразить множество зубов, а в одном лице; но его толщина и величина выступают приблизительным эквивалентом множества маленьких; поэтому против вора как символ другого ряда зубов равным образом выступает одно взрослое лицо (я сна); смыкание зубов фантазия изображает нападением видящего сон на вора и сбрасыванием его вниз; лестница в погреб в той же мере, что и названная выше лестница, служит изображению спуска глотки. Далее фантазия приглашает вора к столу, чтобы показать, что он призван жевать, то есть сам есть жующий зуб; и она присоединяет к нему еще нескольких гостей, чтобы уже точнее обозначить множество зубов. Еда и жевание происходят в сводчатом помещении дома, потому что зубы находятся в своде ротовой полости; наконец, три выпавших зуба — нагой объект раздражения, изображенный во множестве. — Пусть читатель для сравнения со сказанным здесь

обратит внимание на собственные сны о выпадении зубов, которые так часто бывают.

4. Сон от раздражения сердца

Этим именем я обозначаю символическое образование сновидения для движения крови в сердце и от сердца в связи с процессами дыхания. Следующий сон, точно записанный мною, пусть даст более определенную опору. «Мне снилось, что я вижу продолговатую городскую площадь, со всех сторон окруженную домами, в верхней части шире, в нижней уже. Сбоку справа, из угла верхней части, где видно впадение улицы, я вижу, как подъезжает множество запряженных телег с решетчатыми бортами, все выкрашенные в кроваво-красный цвет; они останавливаются на площади; на телегах лежит множество корзин и подобных ящикам (полых) вещей, впереди на каждой телеге стоит празднично украшенный парень. Перед телегами вереницей шагает вниз по площади множество так же празднично наряженных деревенских девушек, каждая с пустой корзиной на спине, и они исчезают в нижней, более узкой части площади в круто сворачивающем маленьком переулке слева, расположенном почти диаметрально напротив названной выше впадающей улицы. Сразу затем я вижу, без всякого посредствующего действия, комнатную печь, в которой горит с сильной тягой, то есть громко гудя; рядом — толстый полый древесный ствол, в нем приблизительно в двух локтях от земли — продолговатая прорезь, сквозь которую виднеется ярко пылающее в стволе пламя. Я хочу заткнуть огонь в дереве, то есть продолговатую дыру, но вместо этого затыкаю *себе самому* рот, а внезапно стоящему тут человеку, который в действительности ежедневно топит у меня комнатную печь, затыкаю нос бумажными

пробками; этому комическому действию я очень удивляюсь и просыпаюсь».

Не говоря уже о небрежном способе развития сна, в котором отражается привычная для жизни сновидения беззаботная сущность фантазии, особый разбор дает следующие очень четко определенные символические моменты.

Сама площадь в своей продолговатости, вверху шире, внизу уже, дает свободное воспроизведение формы сердца, мыслимой как плоскость; окружающие дома, которые ее образуют, — привычное архитектоническое изображение постройки тела, то есть органа тела, о котором идет речь. Улица и переулок, из которых одна, судя по направлению подъехавших телег, впадает, а другой выходит, — очевидно, изображения кровеносных каналов; они стоят по разные стороны, одна шире, другой узок, — что во всяком случае могло бы найти объяснение при сравнении с анатомией и физиологией сердца; но я далек от того, чтобы сравнивать слишком педантично, дабы не казалось, будто я налагаю бодрствующей рефлексией принуждение на беззаботную фантазию сна. Подъезд запряженных телег энергично выражает совершающееся движение сердца; тут же должен заметить, что едущий экипаж — очень постоянный символ всех внутренних органических движений: в сне от раздражения внутренностей экипаж, заносимый дугами вправо и влево, или экипаж, едущий в гору в постоянных изгибах дороги, — обычнейший образ перистальтических движений кишок. То, что запряженные телеги в полном снаряжении, с конем и возницей, останавливаются на площади, выражает мгновенную задержку крови, вливающейся в сердце и подчиненной сокращениям сердечной мышцы. Кроваво-красная окраска телег кричаще говорит, что движение, выраженное телегами, принадлежит жизни крови. В празднично

украшенных парнях же и в так же наряженных носильщицах корзин отчетливо представлено сердце как телесный носитель психического настроения, то есть радостного настроения; соединение психических и телесных аффектов одного тона, то есть их образов, привычно для жизни сновидения: сон от раздражения внутренностей, например, всегда соединяет с образом нечистот неприятных душе лиц из действительного знакомства и т. д. Очень красиво далее обозначена полая сущность сердца в полых предметах, ящиках и корзинах, лежащих на телегах, и так же — в носильщицах полых корзин; а то, что украшенные девушки, каждая с пустой корзиной, идут друг за другом, выражает длину полости, то, что они проворно шагают вперед и исчезают, — движение кровообращения в его полостях. — Далее, образы гудящей пламенем печи и полого ствола показывают не что иное, как органически связанные с жизнью сердца процессы дыхания в легких; наполненная пламенем печь, особенно с ее подобным воздуху гулом, показывает дыхание в его очаге, то есть в легких; так же горящий внутри полый ствол ясно выражает продвижение дыхания в дыхательном горле, то есть полый поднимающийся ствол выражает само дыхательное горло в его трубчатой естественной форме; продолговато-широкое отверстие на названной высоте ствола — продолжение дыхательного горла к голосовой щели, то есть ее саму; а видимый сквозь отверстие гул пламени — истечение воздуха через голосовую щель. Все это само по себе слишком ясно, чтобы нуждаться в дальнейших доказательствах; кому же это все-таки не покажется вполне убедительным, того тотчас наставляет сама фантазия: в конце сна, где она заставляет заткнуть рот и нос у двух разных лиц, она прямо ставит крайние точки дыхательных путей, то есть рот и нос, причем метко изображает затыканием

рта и носа вместо дыры в дереве связь дыхательного горла (дерева) с обоими его выходами на действительном теле. Уже приведенный выше закон, по которому истощившаяся фантазия заключает нагим органом нервного раздражения, применяется, стало быть, и здесь; далее читатель узнает в тяжеловесном сочетании образов, которое содержит весь этот сон, описанную в предыдущем отделе тяжеловесность языка фантазии, которая вынуждена выражать внутреннюю связь через отдельные, поставленные рядом вещи. К изображению легких печью — образу для этого органа очень частому — должен заметить, что иногда с удивлением замечаешь и более особые воспроизведения легочного органа. Так, мне однажды снилось, что очень дорогая родственница приехала ко мне зимой в гости и я хочу развести огонь в печи; когда я открываю печь и заглядываю в нее, то, к своему удивлению, замечаю сзади, в одном ее углу, группу стоящих друг возле друга широких древесных грибов, а кроме того, через полость печи тянулось странное, очень обильно развернутое ярко-белое сплетение корней, — последнее встречалось мне во сне и помимо этого. Очевидно, образ стоящих друг возле друга широких древесных грибов — очень красивый и чистый образ для формы легочных крыльев, а расстилание светлого сплетения корней по печи — столь же прекрасное изображение богатого разветвления дыхательного горла в легких. Здесь снова видна тяжеловесность языка фантазии, вызванная постановкой образов рядом; с другими изображениями дыхательного горла мы встретимся и позже. — Что касается, наконец, пламени в печи и в дереве, то в его гуле осязаемо выражена сущность воздухообразного, не говоря уже о том, что привычнейший образ пламени сам по себе и его связь с образом печи находят яснейшее обоснование в процессах горения

в легких. Бесчисленное множество раз повторяется образ пламени в снах о сердце. Все сны, в которых есть езда в экипаже с друзьями, родственниками и вообще любимыми людьми или которые выражают радость видящего сон от езды в одиночестве, — это психически символизированные сны от раздражения сердца. Видения светлых, часто восхитительно прекрасных, сияющих, словно в пурпуре вечерней зари, пожаров и пламени, которые очень часто появляются при таких увеселительных поездках или посещениях дружественного места, всегда указывают на процесс дыхания, связанный с жизнью сердца; органическая жизнь сердца выражается при этом психически через дружественный характер горящего места — во сне думаешь, что в горящем доме живут родственники, друзья; жизнь легких — через пламя, его трепет и гул. Характерно в приведенном выше сне, где я хочу развести огонь, что я делаю это ради приезда дорогой родственницы (то есть ради психически выраженного раздражения сердца). Далее же образы пламени, принадлежащие раздражению сердца, сразу обнаруживают себя тем, что появляются на той относительной высоте, то есть на том этаже горящего дома, который соответствует положению сердца по высоте тела; и эти архитектонические изображения высоты слишком часто бывают поразительно красивы и точны. Поэтому пламя, вырывающееся из верхнего этажа дома, — всегда символ жизни сердца; пламя же на крышах и фронтонах — столь же постоянный символ светового раздражения в глазу перед пробуждением, о чем подробнее при снах от раздражения зрения. Любопытно еще отметить в снах от раздражения сердца у женщин, что с образами бушующего в печи пламени они чаще всего соединяют чрезвычайно взволнованные сердечные сцены с горячо любимыми людьми, братьями, родителями и т. п., которые приезжают издалека и внезапно

являются в гости, — что соответствует восторженности женского душевного чувства; поэтому женщины и утром еще отчетливо помнят эти сны и умеют их рассказать. Бросается в глаза и милая особенность: эти люди являются им необычайно веселыми и благополучными, мужчины — с солидными брюшками (как выражение веселого благополучия), чему видящая сон обычно не может надивиться, так как это изображение чаще всего далеко превосходит действительность того, о ком идет речь. Очевидно, во всем этом органическое раздражение сердца лишь выступает психически в форме ощущения, свойственной женщине.

5. Сон от раздражения жажды

Его символика несравненно проще, чем у большинства других снов от раздражения, ибо его влечение (раздражение) пассивно: оно стремится не отдать что-то от себя, а получить. И так как раздражение жажды ничего не несет в себе, а все — лишь вне себя, в объекте, которого требует для своего удовлетворения, то и фантазия сновидения должна просто броситься на этот объект; а так как этот объект в свою очередь содержит лишь простое конкретное содержание утоляющего жажду напитка, то и изображение фантазии вследствие этого будет очень простым.

Все наблюдавшиеся мною сны этого рода заостряются на изображении утоляющего жажду напитка, к которому фантазия по своему невольному усмотрению рисует обстановку. Присницевского воодушевления питьем воды фантазия, однако, не разделяет, потому что его классическое спокойствие и трезвость не способны вдохновить ее на творчество; она гораздо охотнее выбирает пиво и вино, а вместе с ними и веселый образ пивного или винного общества. При раздражениях жажды во сне оказываешься в такой обстановке сна: сидишь в погребах,

общественных залах, вокзальных буфетах и тому подобном, где подают огненный напиток. Метко умеет фантазия обставить оживляющее живым: в ресторанах сна встречаешь преимущественно лишь пылких почитателей напитка, свежих жизнерадостных юношей или мужчин из действительного знакомства, о которых знаешь, что они делают смелый глоток и делают его с воодушевлением; очевидно, такие мужчины, если только они не предаются неумеренности, благороднее тех благодушных любителей плотно поесть, чье эстетическое чувство целиком растворяется в поглощении полных блюд и в этом находит свой мир. Если по роду занятий общаешься со студентами, как это бывает у меня, то, как бы редко ни встречался с ними в местах, где дело идет о подкрепляющем напитке, фантазия все равно переносит сцены жажды во сне в круг веселых юношей; и кто стал бы ее за это упрекать, когда с искрящимся жизненным огнем академической молодежи смешивается идеальное воодушевление? Более того, она так страстно следует за ними, что раскидывает пирушку везде, где только обычно бывает академическая молодежь, будь то в погребе или в аудитории. Так, мне снилось среди прочего, будто я сижу за полной пирушкой в строго-торжественных залах здешней университетской библиотеки, окруженный студентами в пестрых шапках и мантиях разного рода, хотя мое действительное искусство пить может тягаться лишь с самыми неискусными. Как здесь пестрые мантии были поставлены к пестрым шапкам по ассоциации, так в одном недавнем сне со мной случилось, что, когда я хотел приложиться к кружке, только что нацеженной из бочки, мне попалось на глаза множество круглых черных камешков, которые наперегонки плавали сверху вместе с пивной пеной, — они попали туда по ассоциации случайного сходства,

поскольку пузыри пены и круглые камешки сходятся в моменте округлости. Вместе с тем в этом ресторане сна я, еще не войдя в него, заметил из окна сеней очень резвого, хотя и добродушного мальчика (из моих действительных знакомых) в качестве единственного гостя, в котором, стало быть, фантазия по только что названному своему пристрастию поставила представителя юношески огненной стихии.

Однако и эта столь бедная символика жажды содержит несколько любопытных моментов; они касаются усиления символического выражения для меньших или больших степеней жажды, действительно наступающей во сне, которая ведь часто следует за той или иной съеденной пищей. Именно: если раздражение жажды мягкое, то во сне обычно сидишь при легком напитке или при более крепком, но в одиночестве; вместе с тем вкусовое ощущение фантазии при мнимом утолении жажды скорее безразлично, чем приятно. Если жажда сильная, то пьешь огненный напиток полными глотками, с истинным подкреплением и среди богато выраженной общительной жизни вокруг пьющего видящего сон; если же какое-нибудь отчетливое представление заставляет фантазию держаться его, то она никогда не затрудняется посредством самого этого представления выделить обостренную степень раздражения жажды. Так, мне однажды снилось (когда я за несколько дней перед тем проводил одного из родных на вокзал), что я как раз на этом вокзале, чтобы уехать с отходящим поездом; но я держу у рта высокий пивной стакан и пью; уже свистит поезд к отправлению, уже он катится, а я пью и пью полными сладкими глотками и никак не даю отправлению себя потревожить; и когда я при этом просыпаюсь, то еще чувствую в действительности превосходный привкус пива

на языке — ощущение, которое во сне так же, как и наяву, возникает при живом представлении предмета.

6. Сон от раздражения внутренностей

Под ним я понимаю тот сон от раздражения, который так часто появляется вследствие жизненного движения в кишечном канале во время сна: большей частью он исходит от органа пищеварения, а сверх того блуждает по длинам внутренностей в неутомимых путешествиях и поездках. Желудок, еще обильно нагруженный или занятый во время сна пищеварением, — счастливейшее условие жизни для сна от раздражения внутренностей; самый же прекрасный из них я мог испытать на себе в расслабляющее время года, когда у сидячего ученого пищеварение и жизнь внутренностей легко застаиваются. Его символика весьма многообразна, и лучше всего мы обозрим ее, если я положу в основу главное содержание, то есть связь одного отдельного вполне выраженного сна от раздражения внутренностей, а при соответствующих отдельных его частях приму во внимание многоразличные способы символического выражения, как они встречаются в разных снах этого рода.

Вполне развитый сон от раздражения внутренностей расширяет свой предмет, раздражение кишечника, насколько возможно, и потому охватывает всю жизнь внутренностей от рта до конца прямой кишки. Соответственно этому описание сна обычно начинается со сцены, где едят или пьют; определенным исходным пунктом служат преимущественно отчетливые образы действительной трапезы или пирушки; если это была пирушка, то думаешь, будто как раз возвращаешься с празднования новогодней ночи, или дня рождения, или чего-нибудь подобного. Весело шагаешь домой; стоит (соответственно темноте внутри

тела) темная ночь, только громкая песня путника освещает ее; или идешь молча через темный лес и слышишь, как издали доносятся торжественные песнопения, как при религиозных процессиях. Без перехода сцена меняется: внезапно выходишь из ночи и лесной темноты и посреди дня оказываешься на большой открытой городской площади, образованной домами, которая всегда показывает продолговатую форму, сообразную желудку, а вверху и внизу — узко впадающую и выходящую улицу, соответственно верхнему и нижнему отверстию желудка. Фантазия не упускает добавить к архитектоническому обозначению желудка еще особые символы: на открытой площади видящему сон встречается булочная — для обозначения наготы, то есть телесной принадлежности изображаемого органа; точно так же на площади или в нижнем ее продолжении, в узком переулке, внезапно является образ покойника, гроба в открытых сенях дома — для обозначения процессов разложения, происходящих в желудке. Вместо просторной городской площади столь же охотно ставится для желудка отдельное продолговатое помещение дома; если накануне вечером для возбуждения вялой жизни кишечника выпил спиртного, то помещение предстает со всеми признаками комнаты, принадлежащей к винокурне. Но как фантазия нарисовала желудок большой городской площадью, окруженной большими домами, или просторной комнатой, замкнутой высокими стенами (величина домов или стен соответствует подчеркнутой величине желудка), так столь же осмысленно она ведет дальше более тонкие и узкие пространства кишки — образами тесных улиц, то есть шагания по ним, — и ставит по обеим сторонам уменьшенные, то есть маленькие, дома; поэтому с этого места оказываешься постоянно странствующим по деревне, только среди невзрачных хижин; и поразительно

видеть, как от открытой городской площади дома быстро уменьшаются по нисходящей и становятся деревенскими хижинами; если по пути куда-нибудь заходишь, то это сельский староста, управляющий и т. д. деревни, и затем шагаешь с ним дальше опять лишь по деревенским улицам. Именно на этой стадии сна появляются запряженный конями экипаж и быстрая езда экипажа, в котором сидишь, — как символический образ перистальтических движений кишечной жизни; крайне знаменательны для складок кишок улицы, изогнутые вкривь и вкось, по которым едешь; но для совершающегося движения внутренностей столь же знаменательны постоянные заносы быстро едущего экипажа то влево, то вправо, наподобие заносящихся саней зимой; очень привлекателен часто встречающийся образ непрерывной езды экипажа по кругу вверх на холм. Встревоженные постоянными заносами, ездоки выходят из экипажа, и снова начинается шагание пешком. Когда дамы, как приходится часто слышать, видят себя во сне на длинных улицах — возвращающимися от посещения больных или ведущими немощных людей, идущими по скользкой, как лед, тропе, причем у них самих постоянно разъезжаются ноги и затем приходится поворачивать и сгибать тело, — или видят, что им угрожает экипаж, едущий рядом по улице и все время заносимый в сторону идущих, — то они находятся как раз на описанной стадии сна от раздражения внутренностей; вплетенные моменты больного и т. д. — психические символы органического процесса разложения в кишке. — Чрезвычайно любопытно далее заметить, как выразительно фантазия изображает длину кишечного канала: ей недостаточно обозначить продольное протяжение кишок беспрерывным странствием от улицы к улице, недостаточно и усилить странствие в длину конем, экипажем и быстрой ездой;

она еще особо делает и без того едущий экипаж выражением длины, запрягая — чему во сне дивишься — тянущих экипаж коней не рядом, а одного перед другим (так в моих собственных снах), так что из этого получается гораздо более длинная линия; далее тем, что не довольствуется одним экипажем, а берет несколько так же запряженных; или же (по сну одного мальчика) она удлиняет экипаж назад, заставляя тащиться сзади жердь, какую кладут сверху на воз при жатве, или что-то подобное, и свободно мотаться туда-сюда (вместо названного выше заноса), так что бегущий сзади мальчик (видящий сон) постоянно в опасности быть ударенным и отброшенным в сторону.

Но как только образ экипажа исчезает с выходом из него от страха, так самым выразительным образом начинается ходьба пешком в форме бредения по бездонно густой грязи на узкой деревенской улице. Очевидно, что здесь начинается область прямой кишки или близких к ней частей кишечника. Если уже бредение по густой грязи, так что едва можно продвигаться (причем лица, ехавшие перед тем вместе, тоже бредут), дает выразительное изобразительное понятие сформировавшихся испражнений в прямой кишке и их количества, то фантазия обостряет это еще и психически — внезапным появлением неприятных нам лиц из действительного знакомства, и мы должны брести рядом с ними дальше по узкому грязному переулку, мучимые их докучливым разговором. Кроме того, фантазия чрезвычайно часто нагромождает к этому образы тесно лежащих друг возле друга куч человеческого или звериного кала, через которые изо всех сил стараешься перешагнуть, но из-за их тесноты неизбежно приходится в них ступать. К ступанию ногой в нечистоты примыкают различные другие образы грязи, например людей, у которых столько грязи на босых ногах, что каждый палец

особо сидит словно в маленькой плотно запекшейся туфельке из грязи, подобно пальцам восковой перчатки. К этому присоединяется психическое усиление: например, один влюбленный, пробредя во сне через кучи звериного навоза, нашел свою юную невесту сидящей в саду в большом обществе; но ее юное лицо покрылось такими старыми морщинами и было так обезображено старинными искусственными локонами и широкой бахромой чепца на манер старых матушек, что видящего сон это задело самым неприятным образом. Сюда принадлежат сны женщин, когда им кажется, что они берут навоз, чтобы удобрить свои комнатные цветы, и т. п., причем им встречаются всякие неприятности. Одной образованной даме снилось еще гораздо выразительнее: будто она расчищает жидкие нечистоты выгребной ямы отхожего места, то есть вычерпывает их, причем испытывает такое пронзительное зловоние и отвращение, что весь следующий день наяву не может отделаться от содрогания при мысли об этом отвратительном занятии. Наконец, очень часты у женщин и мужчин относящиеся сюда образы людей с паршивыми головами, вместе со вшами или без них; у женщин — вместе с психическими побочными сценами: замечаешь на себе вошь, в ужасе стряхиваешь ее на землю, а затем пребываешь в страшной тревоге, что она не раздавлена, а ползает вокруг и снова попадет на платье, и тому подобное, как это бывает в женских снах. — Бредение по грязи узкого переулка, окруженного заборами и домами, продолжается, пока переулок не кончается, — и с удивлением не находишь выхода, ибо множество высоких и толстых древесных ветвей, проросших друг сквозь друга, преграждают улицу (преграждающие ветви узкого хода — символы замыкающих мышечных волокон выхода кишки). Отсюда начинается последняя и прекраснейшая эпоха сна от

раздражения внутренностей. Чтобы выбраться из запертого переулка, пришлось перепрыгнуть вбок через забор, и вот уже видишь сбоку манящую сверкающе-белую, высоко лежащую большую дорогу, на которую теперь и вступаешь. Внезапным изображением высоко лежащей сухой дороги фантазия намекает, что хочет подняться из низменной области кишечного нутра.

Отсюда начинается бросающееся в глаза свободное движение фантазии на импульсах раздражения внутренностей; оно относится к прежнему изображению отвлеченно, поскольку фантазия теперь отвлекается от конкретного содержимого внутренностей (кала, неприятного) и равным образом от обособления его органических форм (желудка, тонкой кишки и т. д.) и лишь длину, сводчатую форму постройки внутренностей, их полость и неосвещенную тьму рисует поистине великолепно — пышнейшим волшебством прекрасных зданий, причем образ здания есть исконное выражение организма тела. Невольно приходится признать здесь гораздо более высокую форму творчества фантазии, чем та, которая трудилась и унижала себя над изображением нечистот внутренностей; здесь фантазия — зодчий, охваченный прекрасным творческим дыханием; то, что она здесь воздвигает, подобно прекраснейшим произведениям действительного зодчества, и образы прекрасных зданий вырастают друг за другом или друг с другом так пышно и быстро, что едва находишь время рассмотреть созданную красоту.

Именно: когда символика сна от раздражения внутренностей оставила содержимое кишечного канала, к чему ее вынудил достигнутый конец самой кишки, то начинается вечное путешествие по открытой и свободной дороге, все равно, пешком или в экипаже, и без всякого выделения экипажа, ибо теперь все это опускается до незначительного средства. Но путник всегда

движется по краям, полным богатой смены холмов и долин (соответственно подъемам и изгибам внутренностей); и лишь такую местность фантазия способна сделать ареной своей свободно-творческой деятельности. Неописуемо прекрасно меняется теперь ландшафт: всюду деревня и город с лесом и лугами, долиной и горами, свободно сотканные и слитые в одну картину. С изумлением видит видящий сон невзрачные местности, которые знает в действительности, возвышенными до великолепнейших художественных ландшафтов: дворянская усадьба лежит в долине с мельницами и садами, пышными парками и садовыми домиками, светлые ручьи отграничивают ее от холма; наверху маленькое местечко (которое думаешь знать по действительности) возвышено до больших улиц и площадей, чьи дома повсюду красуются в пышнейшей зелени плодовых деревьев и садов. Церкви, богатые башнями, великолепной постройки, возвышаются, как мечети, над всем селением; по другую сторону холма опять течет большая светлая река и т. д. Так представляет себя *свободная* пластика фантазии в сне от раздражения внутренностей, когда она все строение организма внутренностей с его полнотой изгибов, высот и низин, больших и меньших органов во всей его всеобщности свободно-творчески приводит к созерцанию посредством архитектонической символики; в самом деле, в основе фантазии здесь лежит лишь освобожденная идея частного организма. Напротив, символическое воспроизведение выстраивается в длину, когда описание фантазии следует продольному строению внутренностей. Так, мне снилось: я еду с горной высоты по ослепительно белой дороге в пору приближающегося вечера, по-видимому, к знакомому мне городу (ослепительно белая дорога — постоянный сопутствующий образ этой свободной символики — стоит за беловато-светлый цвет

кишки самой по себе, ибо как фантазия изображает содержимое кишки, так и цвет кишки; наступающий вечер — символ тьмы внутреннего органа тела, так же как и часто излюбленный при этом мрачный лес). Слева от дороги, на холмистых полях под открытым небом, я видел замок за замком, дворцы, всегда стоящие свободно, и лишь далеко позади — мрачный лес (свободное стояние дворцов — для обозначения нагого, телесного). Все дворцы и замки смотрели мрачно, все глядели на меня открытыми оконными проемами, сквозь которые виднелась пустота внутренних помещений (мрачный, пустой, полый — символические обозначения полости, пустоты и мрачности внутренностей, то есть внутренностей, схваченных лишь в их полом строении, а не по вещественному содержимому). Дальше справа я вижу высоко над несколькими деревенскими домами величественные готические церковные здания — их двери стоят открытыми, видна внутренняя мгла; я подхожу, впереди меня приковывает гранитный портал, рядом в стене — колоссальный горельеф дородной фигуры монаха из гранита; глаза, которые я внимательно рассматриваю, очень занимают меня: они так велики и имеют толсто выступающую форму, совсем как прессованные колбасы, более толстым концом обращенные к переносице. Дальше я еду через нескончаемую деревню: повсюду вижу жилые дома, затем большие и малые фабричные здания вперемежку с великолепными летними домиками в садах, — но все здания без окон и дают полный взгляд во внутреннюю полость. Наконец я (без всякого перехода) в доме моего детства, наверху на чердаке, и спускаю из открытого слухового окна чердака на длинной веревке дорогому человеку, который внизу во дворе занят развешиванием белья, большой пакет пирогов, неожиданно привезенный мною из путешествия, и

получательница очень приветливо улыбается; на этом сон кончается. Надо признать, что настойчивость фантазии в изображении полости внутренностей полыми зданиями достойна удивления; даже последний образ, дом моего детства, участвует своим полым пространством — чердаком. Слуховым окном, из которого подают пироги, обычным образом обозначается относительная высота рта на столпе тела. Внезапно оказавшиеся пироги говорят еще в конце, что дело здесь в нервных раздражениях пищеварительного и питательного каналов, а приветливая улыбка получательницы достаточно тонко обозначает психическим образом рот как альфу, откуда берет начало жизнь внутренностей.

7. Сон от раздражения зрения

Он возникает от живого движения силы зрения в сетчатке, после того как во сне жизнь нервов и здесь вновь собралась и окрепла. Весьма знаменательно, что засыпание начинается преимущественно с расслабления и смыкания силы зрения, и уже это позволяет заключить, что и пробуждение в свою очередь вызывается преимущественно новым движением силы зрения, когда внутреннее раздражение нерва снова открывает закрытый глаз; и в самом деле, при всех снах зрения, все равно, складывались ли они в полной темноте ночи или ясным утром, я замечал, что за ними непосредственно следует пробуждение. Каждый сон от раздражения зрения необходимо выступает с характером видения, потому что фантазия получает мотив и импульс своего творчества от самой силы зрения; за острым же внутренним движением силы зрения после совершившейся во сне новой зарядки необходимо должны следовать и образы сновидения, содержание которых — обостренное всматривание;

эту остроту зрения во сне изобретательная сила фантазии выражает различно.

Первая форма: фантазия рисует какое-нибудь затемнение и заставляет видящего сон искать в нем какие-нибудь маленькие предметы, требующие острого внимания. Кажется, будто в сумерках находишься в лесу, в поле и т. д. и ищешь и находишь землянику, ежевику и т. п.; находишь какие-нибудь предметы ночью на улице. Или стоит светлый день, но предмет, который ищешь, оказывается спрятанным и скрытым. Так, сюда принадлежат все сны о сборе плодов, отряхивании их, подбирании их в высокой траве под деревом, когда приходится напрягать силу зрения; поэтому все сны о сборе плодов — сны от раздражения зрения. Или фантазия заставляет видящего сон находить и читать очень занимательные, побуждающие своим содержанием к чтению письма, бумаги, карты и т. п., которые от слишком частого употребления уже очень замызганы и потому разбираются лишь с напряжением. В возвышенном сне сомнамбулы это возвещающие исцеление пергаменты, надписи на храмах и т. д., которые являются так неотчетливо или стерто, что видящая сон может разобрать их лишь наполовину или вовсе не может; или приоткрыта лишь узкая щель двери, через которую думаешь увидеть надпись в храме, так что недостаточное отверстие для смотрения заступает место темноты. Соответственно затемнениям фантазия заставляет и предметы зрения являться *вблизи*, чтобы острое стремление зрения вообще могло осуществиться во сне.

Вторая форма: фантазия рисует светлый день, но широкие и высокие свободные воздушные пространства, в далеких кругах которых является предмет, который предстоит увидеть; здесь фантазия выражает остроту стремления зрения удалением цели

от глаза. Сюда принадлежат все столь многочисленные явления сна, где думаешь, что стоишь в открытом поле, на площади или холме, и видишь, как высоко в воздухе носятся дикие утки, куропатки, голуби и т. д., так высоко и так мелко, что едва их замечаешь и со всем напряжением взгляда следишь за ними, чтобы различить, та это или иная птица. Или смотришь на шпили башен далеких церквей и местностей; или бросаешь камни в очень маленькие высоко расположенные цели, например в маленькие слуховые люки или во входные отверстия высоких ласточкиных гнезд; и всегда получаешь при этом удовольствие сразу попасть в цель, — мнимое искусство, основанное просто на том, что фантазия тотчас объективно воспроизводит то, что выступает как внутреннее стремление духа, а потому за желанием, возникающим во сне, должно следовать немедленное исполнение.

Но если всем этим фантазия символизировала лишь остроту стремления зрения во внутреннем глазу, то далее она символизирует действительный свет, a priori присущий силе зрения органа зрения. Именно, она чрезвычайно часто заставляет видящего сон видеть и рассматривать *белый* и *светлый* предмет. Получаешь (все равно, мужчина или женщина) в подарок белое полотно, которое рассматриваешь; или ты его купил; женские сны создают при этом целые вариации белого полотняного товара, который предстоит рассмотреть. Мужчина часто видит себя купающимся в сумерки в водах реки, и рядом очень светло блестит разложенное на берегу белье; часто во сне по той же причине встречается образ одетых в белое поваров, иногда видишь, как они толпой шагают по улице. Или другая весьма обычная форма: думаешь, что ночью находишься в очень светлой, освещенной луной или лампой комнате, спишь, просыпаешься,

действуешь; или думаешь, что видишь, как падают по небу звезды ясного белого света, или видишь, как ярко-белые широкие световые хвосты быстро сверкают над крышей горящего дома. Весьма примечательно, что ярко-белый, подобный лунному свет так часто встречается во сне, и едва ли ошибешься, если предположишь, что фантазия отражает здесь присущий нервам животно-магнетический свет, существование которого и пригодность его для произвольного зрения тысячекратно подтверждают факты сомнамбулизма, а впрочем, уже и огонь здорового взгляда у каждого человека. Кроме того, фантазия в снах зрения достаточно часто пользуется окрашенным светом. Не только при поиске в темноте находишь чаще всего окрашенные предметы (плоды и т. п.) или фантазия с самого начала рисует цветные сцены, маскарадные шествия, военные парады, чтобы приковать взгляд во сне; мало того, что, остро всматриваясь в высоту или в ровную даль, всегда видишь светло окрашенных или пестрых птиц, а при приближении птицы из дали с изумлением думаешь увидеть переливающегося красками павлина или нечто подобное, всегда свободно и фантастически преобразованную птицу; мало того, что ловишь с земли ярко сверкающее серебро или золото, — но фантазия столь же охотно рисует внутреннее волнение нервного света в закрытом глазу горящим пламенем, и притом, смотря по степени напряжения света во внутреннем глазу, — то едва прорывающимся, образующимся и окутанным дымом, то уже ясно вырывающимся языками и ярко горящим пламенем. Но пламя тогда всегда является на крыше, фронтоне, коньке, а не в нижнем этаже дома, как при раздражении сердца и легких, потому что лишь высота крыши на здании соответствует высоте органов зрения на теле. Но как дом есть архитектонический символ тела, крыша — верхних органов тела,

то есть органов зрения, так эта символика проводится и дальше для глаза, различая его внутреннее и внешнее: мы во сне очень часто видим горящими не «крытые» крыши, а лишь сложнейшие балочные каркасы, предназначенные нести собственно крышу; именно самые высокие дома, башнеподобно возвышающиеся постройки, чей непокрытый кровельный каркас стоит в ярком пламени, так что видишь все его продольные и поперечные балки и пламя, светящееся между ними. Освобожденная здесь от собственного покрова кровля дома показывает, что дело идет об изображении *внутреннего* телесного раздражения, то есть раздражения зрения; пламенеющие же продольные и поперечные балки выразительно символизируют мерцающие светом разветвления сетчатки, то есть само ее органическое строение. Далее я с изумлением обнаружил во сне, что когда при нарисованных сценах пожара ночью думаешь, что смотришь на сигнальный фонарь привычной башни, то сам фонарь видишь неосвещенным, а стену башни позади него — ярко светящейся. Очевидно, это столь же тонкая, сколь и острая символика фантазии: она отличает неосвещенную камеру глаза (ибо за нее стоит образ фонаря) от лежащего позади нее заряженного светом и возбужденного нерва (стены позади фонаря), и притом вопреки всякому закону бодрствования, ибо в бодрствовании фонарь освещает стену, а не стена фонарь, — чем фантазия вместе с тем дает непосредственное доказательство того, что сама сетчатка содержит свет и светится. — И чего бы, наконец, не мог прозреть в глазу непосредственный взгляд сна и чего не могло бы обозначить символическое искусство фантазии! Если сон от раздражения зрения рисует, например, свободно возвышающуюся голубятню, чья голова на столбе обозначает высоту человеческой головы, а летные отверстия — высоту и полость глаз, тогда как

пестро переливающиеся голуби притягивают к себе взгляд, — то рядом с летными отверстиями с изумлением замечаешь свободно парящие прозрачные стеклянные пластинки, висящие на шестах как бы для украшения голубятни: прозрачная пластинка стоит здесь за проницаемое для света свойство глаза. В другой раз я нашел в церковном зале, построенном целиком из гранита и из него же низко сведенном, маленькое стеклышко в столь же изящной рамке, величиной со стекло очков или с миниатюрные портретики, которые женщины носят на груди; и мне сказали, что если смотреть сквозь это стеклышко на свет, то увидишь внутри маленький портрет, и именно портрет князя, чей дворец я перед тем видел во сне; я очень старался смотреть через стеклышко в рамке и увидеть портрет, но там оставалось пусто и пусто, и я ничего не видел. Очевидно, стеклышко в круглой рамке стоит здесь за глаз, а тщетное смотрение насквозь — за лишенный образов, то есть не отражающий никакого образа, закрытый глаз ночью; низкий же церковный зал, сводчатый и построенный из гранита, — за перекрытую костью глазную впадину головы. — Стремление глаза открыться, чтобы видеть (перед пробуждением), обозначается очень мило, когда, например, снится, будто видишь в саду огромный лист сорняка, покрывающий нежные цветы, и стараешься поднять и убрать его, чтобы дать им выйти: большой лежащий сверху лист стоит здесь за лежащие над глазом поверхности век. — Даже внутренний механизм глаза встречается в символическом образе сна от раздражения зрения: например, мне снилось, что на прогулке в парке (лесу) я нахожу роговой лорнет; но каждое его стекло сидело в полом круглом роговом яблоке, внутри которого, казалось, была сложная машинерия из жестяных пластинок, гремевшая, когда лорнет двигали рукой. Вместе с тем я нашел

совсем мягкую щетку и рассматривал то один, то другой из этих двух предметов. Здесь безошибочно двойное роговое яблоко стоит за двойное глазное яблоко, сложное, состоящее из пластинок нутро его — за разнородные оболочки глаза; мягкая щетка — за брови, так же как уже a priori парк, то есть деревья, стоит за волосы глаза. Так же как здесь мягкая щетка стоит за брови, то есть ресницы, в половых снах встречается мех за волосы на лобке вместо обычных в других случаях древесных ветвей. — Очень милый символ показывает нам далее фантазия для стремления света во внутреннем глазу излучаться: чрезвычайно часто именно сон от раздражения зрения рисует высоко летящую птицу в воздухе, на которую мы смотрим со всем напряжением. Если мне казалось, что я вижу вверху в воздухе летящую дикую утку, то меня удивлял при этом длинный тянущийся за ней хвост; часто я видел павлина в воздухе или птицу вроде райской, то есть сплошь птиц с длинными или расходящимися хвостами. С тех пор как я видел летящих уток, которых фантазия волей-неволей тоже наделяла длинным хвостом, мне стало ясно, что в основе такого поведения фантазии должен лежать твердо определенный мотив, и я нашел его уже в большей частью чрезвычайно блестящем оперении птиц, когда они садились. Блестящее оперение представляет живой свет в закрытой внутренности глаза, далеко простертый хвост птицы — стремление света внутри излучиться наружу; крайне кстати было мне услышать от одного доброго друга, которого я застал как раз просыпающимся от послеобеденного сна, что ему снилось, будто он видит летящую птицу с длинным изогнутым хвостом; и из него на лету выпадали отдельные перья, которые тотчас превращались в огненные искры и гасли в воздухе. Здесь фантазия, стало быть, заставила жадное к излучению световое раздражение внутри глаза прямо

выйти из перьев длинного хвоста и тем самым выразительнейшим образом объяснила символ хвоста. — Наконец же, во множестве снов зрения поразительнейшим образом встречается парность увиденного или найденного предмета как соответствующий символический эквивалент парности органа зрения. Если во сне видишь маленький кровельный или слуховой люк, в который бросаешь, то тотчас рядом видишь ласточкино гнездо с маленьким летным отверстием (причем, кроме того, округлость в обоих стоит за округлость глаза); если во сне смотришь на стенные часы, цифру на которых ясно видишь, то тотчас рядом появляются другие часы, показывающие то же число. Если при образах пожаров видишь, как над ними падает падучая звезда, то тотчас за ней следует вторая, но не третья; вообще двойное число обычно появляется, если то, что видишь или находишь, есть нечто бросающееся в глаза. Однажды, наконец, мне снилось, что я вижу горящую крышу, на которую пожарные направляли рукава и разряжали их; вместе с тем сон нарисовал мне необъяснимую мысль, над которой я ломал голову уже во сне, — будто вместе с этим огнем горит еще другой, невидимый, на другой, далекой улице и будто с тушением этого первого огня погашен будет и другой, далекий. Невозможно было бы найти этому объяснение, если бы не знать уже, что парность органа зрения способна дать естественнейший повод к такой странной двойственности, тем более что при огне на крыше архитектоническая высота глаза уже обозначена.

8. Сон от мочевого раздражения

Он — одно из обычнейших образований сна ночью, постоянно сопровождает скопление мочи в мочевом пузыре и дает для него

символические образы. Самые развитые формы этого сна дают женщины — отчасти из-за их легко возбудимой фантазии, отчасти потому, что женский пузырь благоприятствует скоплению мочи. Большинство рассказов женщин о снах полны символических изображений этого органического раздражения, хотя при прежнем незнании жизни сновидения они не сознают его естественной причины. Возьмем за исходную точку развитую форму женского мочевого сна.

Самый общий символ этого сна — вода, соответственно органической жидкости мочевого пузыря. Но так как мочевой пузырь в состоянии большего или меньшего позыва содержит *много* мочи, то этому непосредственно соответствует всем известный образ большого количества воды в потоках, реках, прудах, при наводнениях и т. п., причем видящая сон является заинтересованной зрительницей и т. д. Так как нервы, на которые действует давление воды в мочевом пузыре, находятся в возбуждении, а также потому, что они склонны заставить скопившуюся мочу излиться, то чаще всего видящей сон кажется, что она видит образ бушующей, бьющей волнами, высоко поднявшейся воды, стремящейся выйти из берегов. И так как, наконец, сильный позыв к мочеиспусканию приводит соответствующие нервы в мучительное и неприятное возбуждение, то живопись высоко поднявшейся воды постоянно сопровождается сценами опасности: видящая сон стоит на берегу реки или на мосту и видит, как люди и животные борются в ней с волнами, отчего ее душа испытывает сильнейший страх; или кто-нибудь из любимых ею людей падает в воду, у матерей (постоянная форма) — ребенок, который играет на берегу и падает в воду или которого сталкивают туда грубые люди; у незамужних — брат, возлюбленный, родственник и т. д., которых

поглощает поток. Часто эти сцены ужаса проходят при раздирающей сердце живописи руки упавшего, тщетно тянущейся вверх за спасением (безнадежная гибель положена фантазией соответственно очень настоятельной потребности помочиться и соразмерно сильному возбуждению нервов); или с берега спрыгивает друг и спасает того, кого считали погибшим, или сама волна подбрасывает ребенка к матери и к берегу (счастливый исход соответствует меньшему мочевому раздражению). Очень излюбленная форма этого сновидческого изображения у домовитых женщин — далее полоскание белья на воде: канат плота, на котором они, полоща белье, стоят над водой, вдруг рвется от силы волны, или его разбивает буря, или напирающая льдина; туда и сюда гонит их поток вместе с лодкой, пока испуганной не удастся достичь крепкого кола в воде или берега и снова привязать судно.

Судя о снах от мочевого раздражения обоих полов в целом, можно по всякий раз особому свойству водной сцены — смотря по тому, выражает ли она безобидное, неприятное или опасное, — точно заключать о лежащей в основе силе мочевого раздражения, то есть о давящем количестве мочи. Более мягкий позыв вызывает лишь столь же мягкие образы. Идешь под сильным дождем, или льет как из ведра, и при этом ты защищен от дождя или нет; купаешься или бредешь в мелкой воде, погружаясь телом в поток лишь настолько, какова высота положения пузыря в человеческом теле. Женщины и девушки обычно стоят на мосту и смотрят вниз на играющих в воде рыб; все сцены сна, где смотришь на играющих в воде рыб, — сны от мочевого раздражения. Играющая в воде рыба изображает колебание возбуждения нерва, затронутого мочой, — как здесь подвижную рыбу, так при других раздражениях фантазия выбирает

порхающую птицу или другое животное для обозначения возбужденности раздражением. Круглые лужи, в которых видишь, как играют рыбы в обмелевшем русле реки, — символические очертания округлости мочевого пузыря, так же как вода луж стоит за мочу в пузыре. Мужчинам и мальчикам снится, что они или другие удят рыбу; сильно тянет на удочке клюющая рыба; когда рыбак вытягивает ее, дивишься величине пойманной рыбы (величина рыбы стоит символически за тяжесть давления в пузыре). Если снится, что видишь сельдей или получаешь их в посылке, то и это принадлежит сну от мочевого раздражения (сельдь, рыба, вода). — Частота снов от мочевого раздражения приводит к тому, что фантазия развертывает в этой области великое многообразие изображения. Часто мы видим во сне, как собака перебегает площадь; ее разбег от угла забора ясно показывает ее символическое значение; или холостяку (дословно по факту сна) снится, что ему вдруг принесли маленького спеленутого ребенка, он кладет его вместе со всякой прочей ненужной утварью на печь; регулярно приходит служанка, чтобы его кормить; она это делает, между тем с младенцем случается самое естественное, и струя попадает в видящего сон, а служанка опрокидывает стакан с молоком, и оно вытекает. (Все это — свободная символика мочевого раздражения: убежавшее молоко, как и мочеиспускание ребенка, говорит само за себя слишком ясно; даже спеленутый ребенок в его продолговатой полноте формы символически говорит за форму полного мочевого пузыря; то, что струя мочи попадает в видящего сон, в переводе с языка фантазии означает: «видящий сон — тот, кого теснит моча».) Или видишь, как стадо овец плывет далеко по воде, а неизбежная собака бежит рядом по берегу (множество овец выражает, как выше большая рыба, тяжелое давление мочи в пузыре, хотя оно и

не может быть мучительным, так как фантазия ничего об этом не говорит). При более докучливом позыве кажется, что идешь по льду, лед проламывается, проваливаешься до бедер (соответственно высоте пузыря в теле), но легко удается достичь берега (поэтому мучительность позыва могла быть лишь незначительной). — Если видящие сон лишь зрительницы при сценах опасности, это указывает на меньшее мучительное давление потребности, чем когда фантазия рисует их самих находящимися в опасности; сильнейшее же давление мочи обозначается гибелью того, кто оказался в опасности на воде, будь то сам видящий сон или очень любимое им существо, и, очевидно, в снах матери об опасности угрожаемый ребенок равен по силе собственной опасности матери. У мужчин более сильный позыв всегда переходит в раздражение половой сферы и ее символические образы; но и у женщин встречается подобное — из-за непосредственной связи мочевых и половых органов как у мужчины, так и у женщины.

Кроме того, фантазия во множестве радуется символическим воспроизведениям формы мочевого пузыря; ей вовсе не важна педантичная аккуратность, а важно сходное очертание вообще, хотя встречаются и метчайшие образы. Обычно очень часто встречается продолговато-круглый, заполненный по всем измерениям предмет или же угловатый продолговатый — как символ мочевого пузыря. Если во сне думаешь, что бежишь в рубашке по улице с чемоданом в руке, встречая на улице женщин и т. д., то чемодан — символ пузыря, его тяжесть — тяжесть полного пузыря, видящий сон обозначает себя ношением чемодана как носителя своего пузыря; встречные женщины, от которых пристыженно убегаешь, обозначают тесную связь половой сферы с мочевым раздражением; бег в рубашке — наготу

тела, то есть само тело и принадлежность к нему чемодана (пузыря). Или при давлении мочи снится, что покупаешь сундук (ларь) (сундук — за пузырь); или видишь, как в открытом поле вдруг стоят закрытые шкафы, а рядом течет придорожная канава (шкаф — за пузырь, его закрытость — за закрытость пузыря, придорожная канава — за мочеиспускательный канал); или идешь вдоль больших речных каналов (образ мочеиспускательного канала). Очень часто при мочевом раздражении снится посадка в продолговатую почтовую карету и вообще в закрытый экипаж, причем непосредственно у дороги, по которой едешь, течет река; по той же причине часто видишь продолговатый крытый экипаж, вроде омнибуса или почтовой кареты, в опасностях речных волн (во всем этом экипаж из-за округлой длины своего верхнего кузова стоит за полую форму пузыря; движение колес экипажа изображает при этом — так же как разлив воды в реках — живость раздражения в полном пузыре). Видишь рыбу в круглой луже — округлость лужи выражает округлость пузыря. Или архитектонически: находишься на округлой городской площади незадолго до, после или в тот самый момент, когда справляешь малую нужду. Или думаешь, что стоишь на берегу реки близ города и, поворачиваясь вокруг себя, обозреваешь круговой вид города и местности: при этом действие фантазии — поворот у воды — произвело образ округлости для округлости пузыря. Или мочевое раздражение переносит нас прямо в княжеский дворцовый двор, где фонтан и его круглый водяной бассейн приковывают наше внимание (круглый бассейн — за пузырь, бьющая вода — за опорожнение пузыря). — Столь же часты такие символические обозначения, которые по форме или величине выставляют напоказ отчетливейшее приближение к органу мочевого пузыря: так, например, при сценах сна об

ужении и удивлении пойманной великолепной рыбой встречается внезапно падающий с воздуха воздушный шар как соответствующий образ пузыря. Женщины в снах о воде часто видят, будто случайно, как подплывают маленькие предметы, имеющие отчетливейшее родство с формой пузыря, например наполненный мешочек для вязания, круглые надутые сумки приблизительно величины мочевого пузыря; не раз я находил на улице по той же причине маленькие полые предметы, наполненные водой или другими жидкостями, — или видел себя в темном погребе, где как раз откупорили полную пивную бочку и она текла. Очень любима в женских снах круглая тыква в саду, у которого непосредственно течет река и где движется видящая сон, — для обозначения мочевого пузыря; и видящая сон тогда с удовольствием любуется красотой тяжелого плода — к этому примыкают сцены, характерные для полового раздражения. Привлекателен следующий вымысел сна: «Мне снилось, что я вижу из своей комнаты, как подъезжают дрожки; затем я подхожу к окну и, выглянув, замечаю, что дрожки стоят у верхнего этажа дома, где я живу, то есть прямо передо мной у окна этого верхнего этажа. Извозчик подает мне бумажный кулек с табаком, в который табак, однако, был насыпан так обильно и рыхло, что грозил высыпаться: чтобы я сжал, то есть примял, табак; я это сделал». Разбор сна таков: я видел, как подъезжают дрожки; дрожки построены полыми, наподобие брюха, — фантазия ставит их за пузырь; дрожки останавливаются наверху у первого (верхнего) этажа на высоте окна; дом, где я живу, имеет нижний этаж, верхний этаж и высокую крышу, так что каждая из этих трех частей представляет треть высоты дома; поэтому, если дрожки подъезжают к окну верхнего этажа, они попадают на середину высоты дома, и фантазия тем самым высказывает: «мочевой

пузырь (дрожки) лежит посередине высоты тела», — и ради этого высказывания экипаж волей-неволей должен был занять столь странное положение по высоте. Кулек с табаком далее отчетливее представляет мочевой пузырь, его рыхлое содержимое — податливую природу жидкости в мочевом пузыре, содержимое, готовое высыпаться, — ту же склонность в мочевом пузыре. — Из подобных образований сна, что касается сущности символики, было взято большинство приведенных выше символических обозначений сна от мочевого раздражения; было бы невозможно показать множество относящихся сюда фактов во всем их развитии, ибо этот сон от раздражения растет ночью пышно, как грибы; но пусть в заключение найдет здесь место еще сон одной пожилой дамы. Ей снится, что она видит реку сильно разлившейся, и уже волны начинают выходить на берега; она ищет свою маленькую дочь (которая, кстати, числится среди взрослых), чтобы забрать ее с улицы, которой угрожает наводнение. Она находит ее, поднимает и несет ее между обеими ладонями (все дословно по рассказу) в комнату; но когда она хочет там посадить ребенка, у нее между руками вместо ребенка лишь немного жидкости, чему она очень удивляется; и все же у нее при этом чувство радости, как будто она действительно спасла своего ребенка. Разбор: окончательное растворение ребенка «в воду» — это уже рассмотренная выше заключительная обнаженная объективация действующего нервного раздражения и того, что с ним связано, — здесь, стало быть, воды в пузыре. То, что ребенок тает до такой малости, что его можно нести между ладонями, есть приближение образа к малому объему мочевого пузыря; ношение же между полыми ладонями ясно выражает полость несомого, то есть обозначенного им пузыря.

9. Сон от полового раздражения

Он получает свое имя от нервного раздражения половых, или детородных, органов, выступающего во время сна. Одинаково свойственный спящему мужчине и спящей женщине, он появляется отчасти самостоятельно, то есть вследствие самопроизвольно вызванного возбуждения полных сил половых органов, отчасти же, и притом чаще всего, связанным с мочевыми раздражениями и их образованиями сна, потому что оба органа тела находятся в теснейшей связи друг с другом; именно поэтому сон от мочевого раздражения часто бывает вместе с тем и представителем полового сна. Все же половые раздражения, выступающие во сне, и их образования сна нравственно совершенно безразличны; фантазия берет при этом мотивом лишь половую жизненность, данную в организме тела, и изображает ее символически; целомудреннейшая девушка, как и почтенная матрона, религиозный человек, отрекающийся от земного, и философ, позволяющий влечению лишь меру и цель, предписанные нравственностью, — все одинаково видят сны в половом раздражении, без всякого произвола. Мужчину же, как по всему его существу, так и по его половой сфере, характеризует огонь силы и наступательная энергия. Женщину, напротив, как во всем ее существе — восприимчивость, так в половой сфере — выжидающая жизнь возбудимости. Поэтому и мужской половой сон должен выставлять напоказ гораздо больше энергии половой символики, чем женский, и этим оба различаются; кроме того, различное половое устройство обоих полов и соответственно различно устроенная символика для органов обоих разделяет мужские и женские половые сны, и мы должны рассмотреть оба по отдельности.

А. Мужской половой сон

Он символизирует половое раздражение в трех различных формах, которые выступают то самостоятельно, то в смешении друг с другом и по существу означают лишь три ступени одного и того же раздражения.

Первая форма: половое раздражение проявляется через образы сновидения, которые так или иначе прямо или прикровенно выражают наготу сновидца. Самые ходовые здесь — сны о беготне в одной рубашке вместе со встречей с женщинами; внезапно поражающее сновидца появление самого себя без штанов или без какой-нибудь менее значимой части одежды; далее сны о купании с полным обнажением, далее об отхожих местах, где ежедневно отправляют неотложную нужду, то есть где приходится обнажаться; вместо самого этого места часто являются лишь предметы, хлам и тому подобное, что находится вблизи этого повседневного места и мимо чего ежедневно проходишь; часто это лишь внезапно найденный ключ, выражающий это место, а при более сильном половом раздражении — целая связка ключей как символическое усиление напряженности влечения. Или, наконец, фантазия рисует сновидца прямо в процессе удовлетворения нужды и обнажения. Как и повсюду, фантазия сновидения рисует и здесь самыми разнообразными способами и всегда с полнейшей естественностью, так как закон нравственности, уснувший вместе с самодеятельностью «я», не ставит ей никаких преград; эту наивность нужно узнать, чтобы постичь исконный характер жизни сновидения в его чистоте; для этого довольно следующего примера. Одному человеку снилось, будто он по нужде бежит во двор княжеского дворца; на его вопрос ему указывают место позади. Но как же ему пришлось смеяться, когда он нашел там просторное место, огороженное

лишь легким штакетником, а потому совершенно сквозное, где рядом друг с другом, каждый на отдельном ночном стуле, сидели трое молодых поваров с обнаженными задами. (Образ поваров фантазия выбрала здесь по поводу зрительного раздражения, которое любит блестящий цвет, — ведь глазу и приходилось напрягать взгляд, потому что он искал место. Место находится в княжеском дворце, то есть выбрано странно, чтобы подчеркнуто обозначить силу раздражения; по той же причине и повара выступают во множественном числе. Само же это место окружено сквозным штакетником, чтобы вполне обнаружить характер наготы.) — Если же энергичное движение проявляется через ходовой для всякого нервного раздражения образ порхающей птицы, за которой гоняешься и которую стараешься поймать (часто это много птиц), то наконец пойманная птица, едва ее схватишь, вдруг оказывается ощипанной и лишенной всех перьев, то есть голой, и так фантазия с силой выводит вперед символ наготы.

Вторая форма: половое возбуждение проявляется через представление женских лиц, а значит, через представление желанного противоположного полового полюса. Повсюду здесь выступает образ женщины — то в связи с только что разобранной формой, то с приметами мочевого раздражения, то с изображением наготы на самом женском: например, стоишь в продолговатом дворе, образованном с обеих сторон домами (узость двора — архитектурное выражение для непосредственно прилегающей к половым органам тесноты промежности), и болтаешь с дамами; между тем жильцы дома беспрестанно проходят мимо беседующих, чтобы войти в место отправления нужды. Или идешь по улице, находишь какой-нибудь наполненный водой предмет (вместо мочевого пузыря),

неподалеку стоят девушки и хихикают над нашедшим. Или, еще выразительнее, идешь через дом, мимоходом видишь в кухне или комнате девушку, занятую делом, в неосторожной позе, — а непосредственно перед тем, как это увидеть, поднялся по небольшой лестнице, высота которой соответствует высоте полового органа на теле. Или, что бывает крайне часто, снится, что справляешь малую нужду, и в тот же миг приближается женская особа и прогоняет нас; или мы гуляли с дамами, нужда заставляет нас уйти вперед, чтобы ее справить, но отставшие женщины быстро приближаются, мешают и пугают нас. Или в усиленной символике: вдруг видишь себя у пекаря, девушки с голыми руками идут к нам, неся в руках булки и подобную гладкую выпечку (гладкая выпечка — усиливающий символ наготы тела). Или, наконец, видишь более или менее обнаженную женщину: вдруг оказываешься в комнате, где женщины или девушки одеваются, то есть стоят обнаженными; или неожиданно застаешь их за неизбежными отправлениями; или проходишь мимо статуй, изображающих нагую женщину; или в прикровенной, но тем не менее крайне выразительной форме: видишь, как навстречу или мимо идут женщины на сносях; или в связи со зрительным сном: кажется, что листаешь записные книжки, куда женщины записывали заметки о беременности, — и подобные вольные вымыслы фантазии, принимающие при каждом новом случае раздражения все иные формы. Но совершенно ошибся бы тот, кто подумал бы, что фантазия сновидения по поводу полового влечения охотно пускается в непристойные картины; напротив, я должен заверить читателя, что она питает удивительное отвращение к бесстыдному обнажению, при котором уже нечего скрывать, и явно избегает вполне обнаженного образа живой женщины; почти всегда сон

показывает женщину открытой лишь на шее, груди или, при легком приподнятии платья, на ноге, и это сон охотно берет на свою собственную вину, давая женщине быть застигнутой врасплох неожиданно, без ее участия. Эта странная черта фантазии объясняется просто тем, что с полным раскрытием тайны исчезает всякий дальнейший толчок к творчеству и изображению, и фантазия непосредственно избегает такого ослабления своей образующей силы, что уже по природе заложено в непроизвольном законе ее жизни; сверх того, читатель уже знает из рассмотренного выше закона сновидения, что символика фантазии выступает с нагим образом объективного лишь в самом конце, где изображение непосредственно замыкается, то есть где ее живописная сила уже истощилась; там же, где она в цвету, как это бывает при всяком живом нервном раздражении, фантазия по природе должна проявлять себя деятельной в символическом, то есть в прикровенном, потому что выражение объективного в образной форме и есть ее собственная, подлиннейшая жизнь; отсюда эта робость перед непосредственным, отсюда как бы намеренное избегание откровенности даже в тех случаях, где, казалось бы, следует ожидать самого прямого обнажения. Например, однажды я рассматривал в витрине здешней лавки картин выставленные гравюры, и среди них мне особенно бросилось в глаза своей красотой изображение Деяниры; фигура была, за исключением груди, совершенно закрыта, грудь изображена без всякой пышности, в духе нежной, тонкой красоты, и эта тонкость форм в соразмерности с таким же лицом приковала мое внимание. Вскоре после того мне приснилось: я стою на том же месте улицы, но смотрю не в это окно, а в окно напротив, на противоположной стороне улицы, и вижу при незанавешенном окне и ярком свете в комнате совершенно раздетую женщину со

спины, как она в пышнейших формах тела как раз подходит к окну и исчезает, — и этим кончается сам сон. Очевидно же, этот сон — лишь сильное расширение образа, действительно увиденного в витрине, и надо спросить: почему фантазия сновидения не раскрыла образ женщины от груди (прямо обозначенной в витрине) вниз и далее за лоно, чего ведь следовало ожидать? почему она даже поступила прямо противоположно, показав лишь спину, шею и бедра до самых ног в полнейшей пышности? почему она отступила перед самым красноречивым обнажением, раз уж хотела обнажать так пышно и обнажала? Ответ на это лежит в только что сказанном, и другой причины найти нельзя. — Избегая же трезвой действительности, фантазия сохраняет в себе способность поэтического творчества, и тем проворнее текут у нее образы покрова. Например, мне снилось однажды, что я в пивной и пью свой стакан (действие питья пива часто означает мочевое раздражение, поскольку за питьем пива обычно следует эта нужда); за соседним столом сидели крепкий молодой человек и гораздо более изящная дама. Когда она захотела выйти со скамьи из-за стола, парень велел ей пройти между ним и столом, причем он слегка откинулся назад; но нежная девушка отказалась от этого, чтобы избежать телесного прикосновения, и вместо того перешагнула через спинку скамьи, причем, однако, неизбежно обнажила ногу. Итак, фантазия здесь как раз обходом прямоты достигла живого выражения для полового раздражения. Символика полового раздражения при этом несомненна.

Третья форма: половое возбуждение символизирует себя в форме подобий самого возбужденного органа или в образах и действиях фантазии, которые выражают возбужденное стремление к половому удовлетворению. Но и здесь господствует прикровенное творчество, которое поддерживает живописную

силу фантазии. Например, на улице того места, где как раз идешь, находишь верхнюю часть кларнета, рядом такую же часть курительной трубки, а рядом опять же меховую шкурку (верхние части кларнета и трубки несомненно изображают приблизительную форму выступающего вперед мужского члена, трубчатое свойство найденного — сквозную трубку полового органа; найденные же предметы поставлены вдвойне по побуждению парного зрения, которое существенно занято при созерцании найденного. Наконец, шерстистый мех стоит вместо волос лобка, так же как для бровей и ресниц встречается щетка вместо обычных, более символических ветвей; все три образа, найденные рядом, означают совокупность выраженного ими). Или находишь в связи с мочевым раздражением совсем курьезно съежившуюся короткую табачную или сигарную трубку, чем символизируется общий очерк мужского устройства. Резче же выраженной является символика при напряженном состоянии половой сферы, которое обыкновенно следует за мочевым раздражением, — и более резкое символическое выражение соответствует более резкому раздражению. Например, смотришь сквозь ветви деревьев, под которыми стоишь, на высоко вздымающуюся башню местности; на этой (знакомой по действительности) башне замечаешь с удивлением, что ее верхний шпиль принял притупленный вид, и, пока рассматриваешь круглый купол под ним, думаешь, что, должно быть, упал второй шар (которого в действительности никогда не было); во время же этого внимательного созерцания видишь себя среди женщин, или они проходят мимо (высоко вздымающаяся башня означает напряженность деятельного органа, шпиль башни является притупленным сообразно верхнему строению органа; фантазия насильно ищет два купола там, где есть только

один, чтобы выразить парность нижнего органа; она заставляет сновидца смотреть из-под ветвей на вздымающуюся башню, потому что деятельный орган поставлен выступающим из окружающих волос лобка (ветвей). Башня, шпиль, двойной купол, ветви деревьев выражают же все вместе лишь одно связное понятие, потому что фантазия посредством действия зрения, которое идет из ветвей к цели взгляда, сплавляет все образы в одно). Неисчерпаема фантазия в новых и новых изобретениях для всякого возобновления раздражения влечения; отсюда постоянная смена и многообразие образного выражения для одного и того же. Например, в смешении с символикой мочевого раздражения: одному мужчине снилось, будто он блуждает по большому зданию из комнаты в комнату (вместо тела и устройства органов) и ищет свою круглую фетровую шляпу (вместо мочевого пузыря); тут он неожиданно вышел в узкий длинный коридор, в сени (архитектурно — вместо соседней с половым органом тесноты промежности; часть дома стоит здесь вместо площади, образованной многими домами, как это часто бывает и для прочих органов), и в конце коридора стоял, выпрямившись во весь рост, очень высокий мужчина (вместо напряженного состояния деятельного полового члена); затем он пошел дальше, снова вошел в комнату, открыл там дверь, и это оказалась уборная (вместо нагой телесности); шагая дальше, он вошел в комнату, где опять стоял выпрямившись очень высокий мужчина, уже другой (в названном выше значении). При этом сновидец вместе с несколькими другими присутствующими в комнате видит, что с неба падают совсем особенные маленькие точечки; и, подняв глаза, они смотрят глубоко в высь неба, сероватый цвет которого вызван множеством падающих точечек, ничуть не похожих на снежные хлопья. Все удивляются странному

явлению; тогда высокий мужчина берет подзорную трубу, которая втрое выше его, направляет ее, как это делают астрономы, к небу и рассматривает явление (высокая труба стоит здесь, как выше башня; ее положение у мужчины, вызванное поднятием вверх, выражает направление органа на теле; образ высокого мужчины отступает здесь на задний план перед более отчетливым образом трубы); сновидец же протянул руку, чтобы поймать такие падающие точечки, и они, длиной в дюйм и узкие (момент вытянутой длины все еще мотивирован половым органом), упали ему на руку, по цвету похожие на ледяные кристаллы, и тотчас превратились в воду (вода — объективное замыкание символики для исконного возбудителя сна, которым было мочевое раздражение). — Например, снится, что ты в саду, бушует буря, видишь поваленную оранжерею и очень удивляешься длине и толщине поваленных апельсиновых деревьев, чьи стволы по обхвату равны полости сосуда, в котором они сидят, так что над ними выступает лишь тонкий край кадки, — и дивишься множеству таких же стволов, лежащих рядом на земле (в длинно вытянутом свойстве ствола, равного по обхвату полости кадки, снова выражается напряженный орган; в крае кадки на конце, который образует со стволом почти одну плоскость, — крайняя плоть; в буре же, от которой произошло вытянутое положение деревьев, — сильное раздражение влечения как причина напряжения, так же как во множестве лежащих стволов — сила осуществленного напряжения). — Как символ же влечения, стремящегося проникнуть вперед ради полового удовлетворения, во сне часто встречается образ ножа — из-за его проникающего характера. Если снится, что справляешь малую нужду, то непосредственно при этом или вслед за тем находишь на улице нож (нож в связи с мочеиспусканием означает: проникающее

половое стремление произошло из мочевого раздражения). Часто находишь два ножа сразу по поводу зрительного раздражения, действующего при созерцании; в этих нередко очень своеобразных ножах иногда поражает удивительно резная рукоять, на боках которой, словно для украшения, видно множество округлых углублений резьбы, — не без умысла фантазии в отношении желанного противоположного органа. Или сильнее: видишь сцену, где режущий нож в действии; по этой причине нередко встречается во сне сцена в саду, где садовник занят подрезкой растений, между тем как парень поливает из лейки или дальше сквозь ветви деревьев видна водная гладь (поливание из лейки и вода вообще — вместо мочевого раздражения). Или видящий сон мужчина видит, как маршируют прямо выпрямленные солдаты, а наверху — сверкающее колющее оружие (последнее в значении ножа). — Наконец, встречаются такие образования сновидения, которые прикровенно отражают сущность акта зачатия, то есть противоположного органа; например, видишь себя вблизи пруда в поле, выступает плотина, отделяющая воду от равнины; порхающие птицы ищут корм и несут его в клюве, чтобы кормить выводок; видишь, как они влетают в круглое отверстие плотины, где скрыты гнездо и выводок. (Здесь уже образ порхающей птицы представляет пылающее раздражение, кормление выводка — порожденное, то есть зачатие, о котором идет речь; округлый вход в гнездо и его продольный ход — желанный противоположный орган, движение птицы, влетающей через него, — само действие зачатия; вода же поблизости — первопричинное мочевое раздражение.) Свободнее же и с могучим рисунком совершающегося отправления выражает себя огненное стремление в образах сновидения, где сновидец едет на покрытых пеной конях, которые беспрестанно мчатся с

холма на холм, между тем как идущая обочиной женщина с изумлением смотрит вслед едущим. — Или сновидец видит мчащегося коня с повозкой, дышло которой далеко выдается вперед перед конем. Изо всех сил старается кучер, проезжая по узкому проулку, сбоку которого тянется решетчатый забор, повернуть коня и дышло за угол забора; но дышло все время въезжает в щели между планками забора. — Но столь же нежна, сколь здесь смела, фантазия, когда она внезапно проводит мужественного сновидца мимо места, где, очевидно, сидела девушка; ибо еще стоит только что оставленный стол со всеми принадлежностями шитья и тканями для шитья; но прежде всего бросаются в глаза проходящему лежащие сверху острые ножницы (нож) и наперсток рядом (углубление).

Б. Женский половой сон

Он тоже символизирует себя в трех различных формах, которые по существу содержат три ступени лежащего в основе раздражения.

Первая форма: половое возбуждение символизирует себя через представление маленьких детей и связанные с этим действия фантазии. Очевидно, что обращение с младенцами в большой мере выражает душевную жизнь женщины; но столь же мало можно отрицать, что именно в образе младенца выражается его родственное отношение к лону, из которого он едва вышел, то есть к половой природе женщины. Уже в снах женщины об опасности от воды весьма примечательно, что сновидица, хотя она уже пожилая и дети ее взрослые, все же большей частью видит подвергнутого опасности сына или дочь *маленьким* ребенком и старается его спасти. Этот процесс имеет следующее естественное происхождение: сон об опасности от воды и о

подвергнутом опасности существе образуется вследствие раздражения в мочевых органах; они соседствуют с половыми органами, приводят их в сопутствующее возбуждение, и вот подвергнутое опасности лицо возникает сообразно сопутствующему определению со стороны полового устройства, то есть внутреннего устройства, соразмерно матке, а значит, в возможно малой, родственной матке величине, то есть как маленький ребенок. Это осуществляет уже сон мочевого раздражения, оставаясь в своей области и отбушевав в ней; тем отчетливее должен обнаружить это сон, непосредственно возникший от полового раздражения. Например, «одной незамужней даме снилось, что она занята у колыбели, должна качать и нянчить маленького мальчика; тотчас она видит рядом с первым в колыбели еще одного знакомого ей маленького ребенка; когда же она рассматривает его ближе, это оказывается миловидная канарейка; и наконец она должна взять на попечение еще третьего малыша, который, однако, как выясняется из наступившего затем во сне расспроса, должен еще только родиться, и для того ожидаются роды». Как выдает себя этот сон! Тройным числом детских существ раскрывается плодовитая природа лежащего в основе раздражения; превращением второго ребенка в живое существо — птицу — отражается возбужденное раздражение; превращением ребенка в птицу, кроме того, — приближение плода (птица вместо ребенка) по величине к замкнутому органу плода у девы; наконец, с третьим ребенком, которого фантазия отчетливейшим образом обозначает как еще не рожденного, то есть еще объемлемого маткой, символика объективно переносится непосредственно в орган, которым была возбуждена, и обозначает внутренний половой орган женщины как прямого возбудителя сна. — Такие и подобные игры

сновидения женщин и дев с детьми крайне часты и составляют, по-видимому, самое безобидное занятие во сне, как бы ни было оно значимо. Столь же охотно выступают птицы и вообще миловидные и кроткие животные как предметы нежности.

Вторая форма: половое раздражение символизирует себя через представление мужских лиц, к которым приковывается созерцание сновидения; ребенок ли это или взрослый мужчина, по существу при этом все равно.

Уже удивляешься, слыша в рассказах женщин (девушек) о снах, что, когда они шли по мосту, под которым шумели бурные потоки реки, рядом с ними шел красивый юноша или любезный кавалер. Если деве снится нежный уход за маленькими детьми, то ласки получают мальчики; если девушкам во сне кажется, что они купают своих маленьких братьев и сестер, то это происходит с маленьким братом; если хозяйке снится полоскание белья, то ей или прачке в воду прыгает мальчик, его поглощает вода или его спасают; да, так далеко заходит устремленность женской фантазии к мужскому в половом сне, что, когда женщине снятся коровы (очень часто — вместо плодовитости полового возбуждения) и она видит себя перенесенной в их хлев, за коровами ухаживает и смотрит не скотница, а мужчина, — очевидно, весьма *определенно* мотивированная черта языка фантазии, так как она противоречит привычному повседневному опыту. — Наконец, женщинам часто является нагое тело мужчины или нагой мужчина как преследователь, причем фантазия крайне тонко и прикровенно вкладывает половое раздражение сновидицы в устремляющуюся вслед неистовость мужчины. Даже почтенную старицу еще занимает сон о нагом мужчине. Одной даме этого возраста снилось, что она стоит на мосту, смотрит с него вниз в реку и замечает в омуте (мочевой пузырь) мужское

тело, вокруг которого играют очень красивые рыбы (дословно по рассказу); тут она не может удержаться, чтобы не спуститься вниз — не поймает ли она рыбу; но вдруг она замечает, что мужчина лежит под водой живой, чтобы ловить рыб, и он поднимается и кричит ей, так что она в испуге убегает. Символика в целом показывает слияние мочевого и полового раздражения; особенно же интересно, помимо живого изображения мочевого раздражения рыбами и омутом, обозначение пробуждения полового раздражения из мочевого тем, что мужчина лежит *под* водой (в охвате символа мочи), и символизация полового раздражения, все больше перерастающего мочевое, тем, что нагой мужчина (половое раздражение) хочет поймать играющих рыб (живое мочевое раздражение). Наконец, такие образования сновидения, которые показывают половую сферу старицы еще столь же живой, как сферу юности, могли бы привлечь внимание физиолога.

Третья форма: половое раздражение символизирует себя через изображение строения половых органов. Для пояснения этой формы я выбираю образования сновидения четырех разных женщин и дев, нравственный облик которых мне вполне известен; вместе с тем сны подобраны так, чтобы изображать по возможности различные стороны женского полового устройства.

> Например, незамужней даме снится: у нее в руке письмо, она должна отнести его господину, на которого ей указали; чтобы попасть туда, она должна пройти через сени дома, а оттуда через очень длинный, довольно узкий, продолговато-четырехугольный двор, со всех сторон окруженный домами; посередине этого двора ведет очень узкая тропинка, почва которой так скользко-мягка, что подается при каждом шаге; по обе стороны тропинки вдоль всего двора тянется зеленый кустарник; она идет по тропинке.

Анализ: «Она несет в руке письмо, чтобы передать его господину» — отнесением «письма» фантазия говорит, что сновидица выдает, отдает от себя тайну; тайна касается той, кто несет ее символ, письмо, а значит, это женская тайна; женская тайна прямо обращена к мужчине, то есть к противоположному половому полюсу, — это тайна пола. Непосредственно с отнесением письма тайна уже раскрывается. Длинный, со всех сторон окруженный зданиями двор — постоянный архитектурный символ тесноты промежности, которую образуют смыкающиеся бедра человеческого тела; через этот двор идет женщина, следовательно, фантазия говорит о тесноте промежности женщины. Посередине двора тянется узкая тропа, то есть половая щель женщины, проходящая между бедрами; мягкость тропы представляет то же свойство этого органа. По обе стороны тропы тянется кустарник, то есть волосы лобка окружают орган, — кустарник как постоянный символ волос.

> Например, замужней женщине снилось, что она видит холм на открытом месте, а сбоку от него деревню; на холм поднимается прямой линией рядом друг с другом множество тучнейших коров, наверху они все разом ложатся на колени (передние ноги). Пока сновидица удивляется этому, неожиданно из деревни у подножия горы выезжает верхом на сильно шерстистом баране серый, сплошь по-звериному обросший человечек и исчезает по другую сторону горы.

Анализ: что касается чудесной стороны образа сновидения, то для естественного объяснения мы должны сослаться на «возведенные в степень» сны, о которых речь пойдет ниже; здесь нас касаются лишь отношения к полу: образ плодовитой коровы — постоянный символ женской плодовитости, множество коров — усиленное выражение. Образу женской плодовитости (половой природы)

противостоит образ мужской силы в усиленном облике: прибегающий баран со свойственным ему порывистым характером производящей силы и в связи с ним едущий верхом мужчина — сплавленный с бараном и вместе с тем в звериной обросшести — с силой представляют желанный противоположный полюс пола. Если понять холм из этих образов женской и мужской половой силы, которые приурочены к нему, то он не что иное, как холм женской лобковой кости; поднимающиеся прямой линией рядом друг с другом коровы свидетельствуют о его ширине, их опускание на колени — о его верхнем скате.

> Например, незамужней даме снится, что она стоит у очень большой воды (вместо мочевого раздражения), поток несет с собой множество плывущих предметов. Больше всего приковывает ее среди них плывущий мешочек, (по словам сновидицы) величиной примерно с крупную детскую голову и надутый, как маленький воздушный шар. Теперь ей любопытно, что же в мешочке, там могли бы быть сокровища; но она боится, что в нем может быть спрятан маленький ребенок, и это удерживает ее от того, чтобы рассмотреть его ближе. Наконец любопытство побеждает, она заглядывает внутрь и находит кучку сухого белья.

Анализ: в высшей степени примечательно, как фантазия сновидицы решительно отскакивает от образа сокровища в мешочке и выставленным предположением, что там мог бы быть маленький ребенок, обозначает мешочек как плодоносящий орган женщины, то есть как символ матки у девственной сновидицы.

> Например, той же самой снится, что она находится в каком-то сарае или хлеву; в хлеву мужчина занят теленком, и тут сверху в

ярости низвергается старая корова по лестнице, ведущей с чердака в хлев, и бросается на мужчину.

Анализ: образ плодовитости (корова), молодой теленок как рожденное, мужчина как контрастирующий полюс женского достаточно обозначают половую природу этого сна; несущаяся вниз корова — половое возбуждение, образ спускающейся вниз лестницы — спускающийся вниз орган влагалища (в снах зубного раздражения «лестница» постоянно означает спуск глотки к пищеводу); падение коровы вниз по лестнице — наличие полового возбуждения в этом органе женщины, предназначенном для принятия мужского.

Совершенно сходное значение имеют часто встречающиеся у женщин сны о кладбищах и погружении в могилы; им снится, что они попадают в обвалившуюся могилу и опускаются в ней все глубже; при этом они обычно держат на руках ребенка, который тонет вместе с ними и из-за которого они испытывают величайший страх, пока не удастся подать ребенка наверх из ямы, и наконец сама сновидица снова выбирается.

Анализ: «женщина падает вниз в яму» равнозначно: яма опускается в женщине вниз, — так же, например, «бегущий человек в рубашке несет тяжелый чемодан» означает: тяжелый чемодан (мочевой пузырь) отягощает человека. Уже сам по себе образ могилы обозначает, далее, полость, в которой покоится человеческое, — отсюда женское лоно; еще сильнее отмечает сущность воспринимающего органа женщины образ ребенка, падающего вместе с ней, о возвращении которого на поверхность сновидица в страхе прилагает все старания. — Тот же орган обозначают, далее, сны дев о сплошь убранных цветами могилах, в которые им надо сойти, и тому подобное, причем украшение изображения привнесено поэзией юного чувства. —

Завершим сном почтенной пожилой женщины. Ей снится: она находится на плотине, возвышающейся на несколько футов над текущей мимо рекой, к плотине примыкает сад; в нем она любуется отменно красивыми, рано созревшими (был май) плодами тыквы, которые очень ее приковывают (тыква — вместо мочевого пузыря; перед тем вода — вместо мочи, высота плотины над водой — вместо высоты пузыря в теле). Затем сновидица находится в своем далеком родном городе и в доме мужчины, которому она хочет продать свой дом («дом» архитектурно — вместо телесного, «продать» — вместо «избавиться», хотеть продать дом — вместо «хотеть избавиться от телесной нужды». Вместе с тем предложение продать дом «мужчине» обозначает пробуждающееся половое раздражение). Пока она ведет с ним переговоры, она замечает, что разделась до рубашки и так говорит с ним («быть в рубашке перед мужчиной» — вместо наготы, половой природы); в смущении она старается одеться, а между тем оказывается в большой портновской мастерской, где на высоком помосте полукругом сидят до двадцати шьющих портных (полукруг — вместо округлости пузыря; образ множества мужских фигур, орудующих проникающими инструментами, иглами, стоит вместо проникающей половой функции мужчины, соответствующей действующему раздражению; «игла» стоит при этом, как в мужских половых снах образ режущего ножа, солдата, вооруженного штыком, или самой иглы; в изображении же женского полового раздражения через мужское выражается выжидающая восприимчивость женской половой природы). Сновидица еще стоит неодетой перед множеством людей, как вдруг выходит молодая особа женского пола, тоже в рубашке, и говорит: «Видите ли, это новейший род поклонов, какие теперь делают», — и при этом все время

кланяется очень низко, держа над спиной и шеей, словно платок, тяжело набитую подушку (постельную) (появление молодой раздетой особы — очевидно, усиление женского раздражения, ее поклоны выражают встречную склонность, тяжело набитая подушка на спине, наконец, стоит вместо полного мочевого пузыря и обозначает в заключение еще мочевое раздражение как безобидного изобретателя всего полового образования сновидения).

Второй порядок: сны болевого раздражения

Они вызываются болезненными раздражениями, сообразно которым движется живопись фантазии. Если сны напряжения были возбуждены нормальными органическими процессами, которые, особенно при их постоянном возвращении во сне и при их всеобщем появлении в человеческом сне, имели постоянный характер, то сны болевого раздражения возбуждают ненормальные, то есть случайные органические процессы; и принадлежащие им образования сновидения разделяют характер случайного. Однако для наглядного показа, как и для установления видов, я выбрал по возможности ходовые виды болевого раздражения, или же при выборе соопределяющим моментом был и прекрасный способ изображения для особого раздражения. Естественно, однако, что я мог показать лишь такие болевые раздражения, для которых нашел представляющие их факты сновидения, сверх которых может быть бесчисленное множество других, наблюдать которые у меня не было случая. Наконец, мне пришлось рассмотреть здесь и такие факты сновидения, которые содержат скорее кажущееся, чем действительное болевое раздражение, потому что они случайной природы, а значит, не принадлежат к постоянным явлениям

предыдущего порядка; так же как, наоборот, постоянный сон раздражения мучительного рода, как, например, сон мочевого раздражения, из-за его постоянства и нормальности в мучении пришлось поставить в предыдущий порядок.

1. Сон головной боли

> «Одной даме при сильной головной боли снилось, что она в комнате знакомого ей дома; весь потолок комнаты покрыт паутиной, в которой множество пауков такой величины и такого отталкивающего вида, как жабы; они сидели особенно в углах потолка густыми кучами и все время бегали туда и сюда по стене».

Анализ: одна лишь часть здания, комната, выступает здесь как архитектурный символ телесного организма; поэтому и верхняя часть комнаты, потолок, должна представлять «голову» сновидицы. Паутина наверху на потолке — символическое подобие внутренних извилин мозга в голове; постоянно движущиеся пауки показывают возбужденность мозга; величина пауков и их множество — силу возбуждения; в отталкивающем свойстве животных отражается неприятность болевого раздражения. То, что пауки сидели кучами именно в углах потолка, показывает местонахождение болевого раздражения именно в изгибах головы над висками.

2. Сон давления на голову

Он возникает, когда во сне голову давят слишком высоко или слишком тесно положенные одна на другую подушки, что, однако, предполагает известную чувствительность головы, какая свойственна страдающим нервами или выздоравливающим от таких болезней. Из такого повода возник следующий сон — при голове, в бодрствовании совершенно здоровой и не знавшей боли.

«Мне снилось: я на вокзале с младшим знакомым, который хочет уехать; он поднимается на паровоз, отцепляет его и уезжает на нем; но паровоз попадает в воду, и я с ужасом вижу, что мой друг сам упал в воду и только голова его еще торчит над ней, так что я уже готовлюсь спасти его своим умением плавать. Тут вдруг (без всякого перехода) я вижу себя в доме моего детства и со страхом замечаю, что потолок комнаты надо мной сильно прогибается вниз; мне становится ясно, что локомотив стоит над комнатой на чердаке дома и давит там на потолок, на что я, впрочем, несколько успокаиваюсь мыслью о крепких балках, положенных на чердаке над комнатой. Тут я вдруг снова в зале гимназии, где получил школьное образование, и с ужасом вижу, что паровоз над потолком уже глубоко в него вдавился, потому что уже видны выступившие четыре колеса. Наконец я здесь же в знакомом мне дворце, где часто бываю, и вижу в его сенях на потолке опять колеса паровоза, и притом уже до осей прошедшие сквозь потолок, так что смотритель дворца тотчас велит телеграфировать своему господину в отъезде и посылает за полицией, — тем временем стучат в дверь моей комнаты и будят меня».

Анализ: паровоз — отмеченное представление действительности по поводу друга, которого я незадолго перед тем проводил на железную дорогу; тем охотнее избирает фантазия такую повозку для выражения тупой боли, что в ней есть нечто чудовищное и опасное. Великолепна дальнейшая символика для головы как пораженной болью части тела. Уже то, что друг попадает в опасность утонуть, отчего я прихожу в ужас, — психический символ болевого раздражения; а то, что он головой выступает из воды, отчетливейшим образом свидетельствует о голове как страдающей части; опасность от воды фантазия приводит лишь для того, чтобы выразить на ней выступающую голову. Во всех трех дальнейших сценах, где паровоз стоит над потолком, высота

головы на теле обозначается самой высокой частью комнаты или сеней; то, что повозка в трех различных степенях проникает сквозь потолок все глубже внутрь, показывает возрастающую силу болевого поражения, проникающего снаружи внутрь. Выразительно изображение причины боли, то есть «давления», через образ *тяжелой* железной повозки, которая давит грузом на соответствующую высоте головы часть комнаты. Три места действия в разных домах приведены простой ассоциацией родственного, причем все дома — отмеченные образы.

Для сравнения еще один сон давления на голову. Мне снилось, что я поднимаюсь на высокую башню, уже миновал колокола и как раз хочу лезть к шпилю (высота башни — вместо высоты тела, шпиль башни — вместо высоты головы); тут одно из сопровождающих меня лиц падает с лестницы, отчего я в тревоге снова спускаюсь вниз, — большая собака все прыгает на это лицо, так что я боюсь, что оно снова упадет (вся эта тревога души — психическое выражение болевого раздражения). Затем я внизу на улице, прохожу мимо дома, на котором голубятня, и вижу на шестах голубятни во фронтоне двух очень странных птиц, которых я рассматриваю (странных птиц фантазия рисует у голубятни затем, чтобы этим сильно выделить высоту головы, которую выражает положение голубятни во фронтоне; птиц поставлено *две* вследствие парного органа зрения, который при этом приходит в напряжение). Затем я снова иду по улице, а именно к почтовому ящику, в который хочу бросить письмо; но, подойдя, нахожу ящик прикрепленным к дому так высоко, как достает моя голова, и должен изнутри дома встать на ступеньку, чтобы отправить письмо в ящик (высота почтового ящика — естественная высота вместо высоты головы). Наконец, я хочу навестить в одном доме друга и ищу его в квартирах нижнего

этажа — но приходят несколько женщин, смеются надо мной и говорят, что он ведь живет наверху (поиски «внизу» фантазия поставила лишь для того, чтобы рядом выделить противоположность высоты, то есть высоты головы; осмеяние — психическое выражение того, что боль мучит).

3. Сон боли в спине

Одной даме, которая в дурное время года обычно страдает нервной болью в спине, по этому поводу снилось:

> «Мадам N., дружная с нею превосходная женщина, у которой с юности искривлена спина, будто бы подарила ей чудовищных животных, похожих на жаб, и они с нею в постели, заползают в постель и под простыню. Затем как раз эта женщина приезжает в гости, но сходит с экипажа не так, как другие люди, а перелезает как бы с заднего сиденья через спину (верх) экипажа и через козлы вниз».

Анализ: кто имеет чувство для тонкостей психического, тот должен восхититься классической символикой и своеобразием, с каким рисует здесь фантазия и как умеет рисовать только свободная фантазия сновидения. Сновидица страдает от болей, поэтому она видит вокруг себя символы неприятности боли — жаб; пораженная болью часть — спина, а спина во сне оказывается лежащей внизу, то есть этим положением как бы скрыта: соответственно, жабы заползают в постель и под простыню. Жаб страдающей спиной дарит мадам N., потому что у мадам N. искривленная спина (как своеобразно!). Мадам N. выходит из экипажа не как положено, а сзади через всю спину экипажа, потому что у нее самой согнутая спина, а сновидица страдает спиной. — И такие последовательно исполненные

своеобразные рисунки по определенно наличным мотивам раздражения очень обычны для фантазии сновидения.

4. Сон о прыщике

Органический повод — крошечный прыщик от жары на одном из моих бедер, которого я в бодрствовании ничуть не замечал; но едва мне приснился следующий сон, я легко узнал из его символики, что какой-то такой повод должен быть на ноге, и это тотчас подтвердилось. Не в моей власти было бы перенести органическую точку раздражения на место тела, которое, может быть, показалось бы читателю более приятным, потому что символика сна тотчас обнаружила бы ложь.

> Мне снилось: «я занимаюсь канарейками, из которых четыре-пять летали в просторной комнате, где я находился; когда я ловил одну из них, она укусила меня за палец — так же безобидно, как обычно делают маленькие птицы, когда их ловят (это вступление, так сказать, предпосылка сна). Затем я стоял перед угловым домом одной из здешних улиц; по лестницам вверх по дому поднимались несколько каменщиков, которые снаружи, как казалось, ради новой штукатурки, взрывали и царапали стены дома. В угловом окне второго этажа этого дома висела в клетке порхающая канарейка; я искал лестницу, чтобы взобраться наверх и снять клетку с птицей; но у нескольких лестниц, стоявших у дома, было очень много пропусков в перекладинах, у самой же высокой, за которую я наконец ухватился, перекладин вовсе не было, и она была устроена и скреплена наверху шарниром — примерно как стоящий торчком очень длинный циркуль. Тогда я огляделся кругом вдаль, где можно было бы достать годную лестницу, и увидел такую больше чем за восьмую часть мили, в одном любимом месте прогулок под Бреслау, где она стояла, прислоненная к маленькому домику (то, что во сне свободно

смотришь вдаль, невзирая на стоящие впереди дома, — общеобычное явление фантазии, освобожденной от рассудка, — ведь подобные явления уже не раз приводились). Я тотчас бегу туда, не спуская глаз с лестницы, и на последнем поле перед указанным домом места прогулок вижу на зеленых всходах высоко поднявшуюся львицу, запачканную кровью, а рядом с ней кучкой — по-видимому, только что рожденных детенышей. Льва, как я при этом будто бы знал, незадолго перед тем застрелили на охоте на зайцев. Собаки проходящих по дороге гуляющих смело подбегали к львице и обнюхивали ее и детенышей, а она ничего им не делала; я сам, хотя прошел у самого поля львицы, тоже не боялся. Когда же я дошел до лестницы, сон кончился».

Анализ: порхающие птицы, появляющиеся уже во вступлении сна, — известный символ возбуждения раздражения; то, что птица укусила меня, показывает болезненное возбуждение, безопасный же укус — незначительную природу болевого раздражения. После этого начинается собственно сон и отчетливая символика: дом — постоянный символ строения тела; клетка висит в окне второго этажа, соответственно параллельной высоте прыщика на бедре; выбрано угловое окно второго этажа, чтобы обозначить положение раздражения на ноге сбоку. Птица порхает соответственно нервному покалыванию и жжению в прыщике; птица порхает в закрытой клетке соответственно сосредоточению нервного раздражения в крошечной точке прыщика; каменщики заняты соскребанием штукатурки дома, чтобы обозначить положение раздражения *под* кожей. Лестницы у дома с недостающими перекладинами — символические переходные ступени фантазии, чтобы построить подобие ног; этого она достигает в последней, самой высокой лестнице, у которой уже нет никаких перекладин, а есть гладко свисающие ножки, наверху

сомкнутые наподобие шарнира, — несомненно, этот символический маневр в высшей степени примечателен. Шарнирное смыкание ножек лестницы наверху соответствует смыканию бедер в человеческой промежности, как ножки лестницы — обеим ногам. То, что стоящий перед домом сновидец тотчас ищет лестницу, чтобы подняться к птице, то есть привести ноги в нарочитое движение, выделяет ногу как пораженную раздражением часть; подъем *вверх* ногами — *высоту* ноги как задетую часть; точно так же торопливый бег к лестнице, отстоящей на восьмую часть мили, и само это расстояние изо всех сил выражают *ногу*. Сочетанием лестницы и клетки вообще фантазия выражает связь ноги и нервного раздражения вообще. И здесь мы снова видим неповоротливость языка фантазии, вызываемую нагромождением особых образов для моментов одного и того же предмета. — Львица с клубком детенышей выражает то же, что и птица в закрытой клетке, то есть нервное раздражение, стесненное в малом пространстве; львица выбрана потому, что дело идет о чем-то противоестественном, странном; она стоит окровавленная, чтобы обозначить внутренний процесс соков при прыщике. Львица ручная по той же причине, по какой укус канарейки был безопасен, то есть чтобы означать безобидную болевую природу жгучей точечки. Та же безобидность проводится дальше в доверчивом обнюхивании львицы собаками, в бесстрашии гуляющего, во всплывшем рядом мнении, будто беспечные охотники на зайцев перед тем застрелили льва-самца.

5. Сон при давлении на ногу

Органический повод — давление на одну ногу внизу у лодыжки, вызванное тем, что другая нога долго лежала на этом

месте первой. И здесь символика сна, при котором я проснулся, привела меня к тотчас подтвердившейся причине; после указания повода и уже разобранных примеров читатель и сам разберется в языке сна.

> Мне снилось: «я спускаюсь ускоренным шагом по крутой горной тропе с ученым, но неприятным мне человеком. Мы проходим долиной, справа и слева хутора, — все место действия сна по существу соответствует знакомой мне местности. Вдруг я оказываюсь в каком-то зале на колоннах, без окружающих стен; в нем мирно прогуливаются рядом люди и быки. Я боюсь быков; тут на меня бросается маленькая черная собака и кусает меня в ногу у лодыжки. Присутствующий врач, тоже знакомый мне в действительности, укрепляет меня в опасении, что собака была бешеная, и тотчас ставит мне банки, чтобы предупредить вспышку бешенства. Я чувствую боль и вижу, как темная кровь течет в прилипшие стеклянные чашечки; но чем больше они наполняются, тем больше исчезает ощущение боли, и со снятием полных чашечек всякое опасение разрешено, и я весело смешиваюсь с присутствующими».

Анализ: фантазия с самого начала изображает сновидца идущим под крутую гору, то есть быстро шагающим, чтобы обозначить ногу как возбужденную часть. Неприятный ученый сопровождает меня как психический символ болевого раздражения. Зал на колоннах без стен — сочетание вольной природы и хлева, о чем позже, при снах-сочетаниях. Быки и люди в нем изображены шагающими, продолжая отметку ноги; быки пугают меня тем, что шагают рядом, — как психическое обозначение болевого раздражения; сильнее обозначает его бросающаяся на меня собака; ее укус в лодыжку с объективной отчетливостью помещает место раздражения в лодыжку. Вся следующая

операция и тревога — свободное исполнение фантазией символики боли; постепенное убывание ощущения боли при операции обозначает постепенное убывание мучительного в раздражении давления; веселый конец — безобидную природу лежащего в основе раздражения вообще; и в самом деле, когда я при пробуждении нашел ноги еще лежащими одна на другой, ощущение давления было совсем незначительным.

6. Сон при недомогании гортани во время насморка и кашля

> Мне снилось: «я стою на улице провинциального городка. Недалеко от меня я вижу двух инженеров в громком споре; один бьется об заклад с другим, что стоящий напротив нас дом на другой стороне улицы скоро обрушится. Я рассматриваю дом и вижу: у него высокий фронтон, как у старонемецких домов; от вершины же фронтона посередине вниз тянется трещина. В тот же миг высокое сухое дерево на улице валится на землю и, падая, задевает вдруг оказавшуюся рядом лань, кожу которой царапает ветка; при этом лань, удаляясь, становится к нам так, что в глаза бросается ее половая часть».

Анализ: инженеры спорят — это психическая неприятность вместо телесной; спор касается дома и имеет предметом его обрушение, то есть неприятное раздражение принадлежит строению тела и неприятно поражает тело. Причиной утверждаемого обрушения является трещина во фронтоне, то есть причина болевого раздражения лежит на параллельной высоте тела. Орган этой высоты тела тотчас ближе обозначается отвесным спуском трещины, идущей посредине фронтона, — это дыхательное горло, верхняя часть которого (гортань) отмечена началом трещины сверху. Тем не менее фантазия пользуется трещиной лишь как переходным понятием символики, потому что

тотчас дает упасть сухому дереву на улице. Падение дерева означает спускающееся вниз положение дыхательного горла в теле; дерево сухое, чтобы обозначить голое, обнаженное свойство органа; у сухого дерева есть ствол и ветви — потому что дыхательное горло тоже состоит из ствола и разветвлений. Дерево при падении царапает кожу лани, то есть производит символическое обозначение голосовой щели; трещина кожи возникла от ранения, значит, голосовая щель больна; это последнее еще подтверждает фантазия, выводя перед глазами половую часть лани, которая лишь ради своей расщепленной природы становится символом голосовой щели. Образ же лани вообще выбран ради высоко несущего голову облика, связанного с оленем-самцом, поскольку здесь носителем раздражения является место, относящееся к высоте головы человека. По той же причине у одного молодого человека, который вечером пил баварское пиво и разгорячил себе голову, возник сон, будто он видит перед собой живого оленя, которому как раз отрезают голову, — что сновидец наяву счел дурным предчувствием, а я его разубедил.

Ради обозначения першения в горле при подобной простуде характерен следующий сон. Мне снилось именно, что я стою высоко наверху в доме, на четвертом этаже, у окна и извергаю из окна вещество из сухих слипшихся отрубей, которое при прохождении через глотку очень неприятно меня раздражает, а стоящие внизу во дворе дома зрительницы насмехаются надо мной.

Анализ: высота четвертого этажа — высота рта; оконный проем, из которого происходит рвота (извержение), — отверстие рта; рвота выбрана для обозначения неприятного раздражения; сухое вещество из отрубей — чтобы подражать першению в горле;

насмешницы — психический символ неприятного раздражения. Здесь я должен заметить, что мой желудок вовсе не склонен к тошноте и никакой неумеренности в съеденном в основе не было, так что это комическое изображение есть своеобразие одной лишь фантазии сновидения.

7. Сон при укусе мухи

Я лежал в послеобеденном сне на диване, нижняя часть ноги была несколько обнажена из-за спущенного чулка; тут меня укусила муха, и мне снилось при этом: «Я вижу уток, плавающих на пруду, они хватают порхающую перед ними бабочку, ловят и съедают ее».

Существенный момент символики здесь — хватание, то есть угрожающее движение клюва, вместо колющего сосущего хоботка мухи.

8. Сон при укусе комара

Мне снилось, что я иду по улице у самого Одера, где ежедневно привык ходить. Тут внезапно поднявшийся порыв ветра срывает с меня шляпу и гонит ее по улице передо мной, так что я должен гнаться за ней, все время хватая ее рукой, пока не поймаю. Уличный мальчишка смеется при этом надо мной, и я замахиваюсь палкой, чтобы его стукнуть. Вскоре затем я в доме, молодая девушка (наподобие незадолго перед тем виденной картины «Утро») стоит передо мной с обнаженной шеей и в распахивающемся на груди утреннем платье; я касаюсь плеча девушки, совсем смущенной моим появлением, и во сне удивляюсь, что ее кожа на ощупь холодна и жестка, как пергамент. При пробуждении я чувствую боль и припухлость от укуса комара на руке.

Анализ: как выше при нервном раздражении в ноге фантазия отметила ногу как пораженную часть через ускоренный бег с горы, так здесь для раздражения в руке она приводит саму руку в живое движение. Как могла бы она сделать это искуснее, чем велев ветру укатить шляпу, а руке, преследующей ее, постоянно тянуться за ней, и затем еще создав насмешливую фигуру мальчика и заставив руку с палкой действовать против него! Боль же выражает неприятность обеих сцен, ее силу — насмешка смеющегося и торопливые движения рук. Наконец, никакая бодрствующая фантазия не сумела бы так своеобразно выразить «жжение боли» в руке, как здесь фантазия сновидения, протягивая пораженную руку к юной прелести девушки, то есть велев ей воспылать; вместе с тем лежащее в основе раздражение тотчас обнаруживает себя как не половое, так как тронутая кожа оказывается холодной и пергаментной; итак, фантазия молниеносно выхватила отмеченный образ девушки потому, что он показался ей хорошо пригодным для символического выражения болевого раздражения.

9. Сны при укусе клопа

Болезненный укус этого насекомого, которого в больших городах, если только не выстроил себе дом сам и не живешь в нем один, никогда вполне не избежать, возбуждает и соразмерно сильные образования сновидения. Болезненное раздражение так остро, что у фантазии нет времени предаться живописи покоящихся архитектурных форм; ее увлекает нервное возбуждение, и она истощается в пышно бьющем действии опасности; конечности, которым укус насекомого больше всего угрожает, — руки и ноги — поэтому и выставлены в картинах опасности больше всего действующими. Из-за силы бушующего в

нем нервного возбуждения такой сон болевого раздражения по неистовству сцен часто равен сну аффекта; и так как здесь преимущественно заявляет о себе динамическая энергия нерва самого по себе, этот сон раздражения преимущественно любит изображение через психические потрясения лица сновидения; наконец, тоже из-за сильного возбуждения ему очень свойственны отмеченные (сильно колеблющиеся) образы воспоминания, и притом, по его болезненной природе, неприятные впечатления воспоминания, и он самовластно, как аффект, перерывает массу образов шара сновидения. Многие люди, если исследуют тревожные сны жаркой летней поры, легко найдут их основание в болезненном укусе этого насекомого или же блохи. Из этого повода возникают следующие четыре факта.

а. «Мне снилось, что я еще в гимназии моей юности; я как раз в классе, и сознание того, что плохо подготовлен, приводит меня в сильнейший страх; и прежде чем приходит уже ожидаемый учитель, я принимаю отчаянное решение избежать беды, тайком уйдя из класса. Но, выйдя в коридор, я уже слышу, как в верхнем этаже идет учитель, я даже уже вижу его, но ускользаю еще незамеченным. Быстро я бегу по ходу вниз, к низко лежащему двору, причем (вопреки действительному устройству здания) мне приходится пробегать мимо кухни. Едва я на середине лестницы, мне навстречу выходит кухарка и поднимает такой неистовый крик, „что я прячусь здесь, чтобы прогулять школу“, что мне не остается ничего иного, как повернуть назад и попасть в руки учителю; но прежде чем это случается, я просыпаюсь от страха».

б. «Мне снилось (после того как накануне уехало близкое мне лицо), что я еду к очень любимому мною (давно уже умершему) дяде. Я как раз на открытой большой дороге; было уже к вечеру, и передо мной стоял густой лес, в который я как раз должен был вступить. Меня охватил страх перед разбойниками. Тогда я

вырвал себе на бобовом поле прямо у дороги перед лесом (а в действительности эта местность вовсе не пригодна для огородничества) добрую бобовую жердь, чтобы в случае нужды защищаться. Едва я вступаю в лес, ко мне присоединяется пожилой мужчина, довольно приветливый, но я ему не доверяю; наконец он показывает себя враждебным и хочет схватить меня, но я хватаю его, и мне удается его связать. Затем следует сцена у старосты соседней деревни, и я обнаруживаю перед собравшейся толпой деревенских жителей во дворе старосты, к своему удивлению, что сам староста и был разбойником».

Анализ обоих снов: оба сна содержат вольные создания фантазии об опасности, которые возбудило сильное болевое раздражение; в обоих болевое раздражение отражается преимущественно психически, примыкая к отмеченным представлениям, которые оно вырывает из шара образов за десятилетия назад. Сцена бегства от учителя показывает ногу как мучимую часть, еще резче же во втором сне выделена рука как болящий орган в обращении с бобовой жердью. По вольному вымыслу сцен оба сна можно было бы с тем же правом причислить к «свободным» снам фантазии, о которых речь пойдет позднее.

в. «Мне снилось, что я в городе, тоже знакомом мне с юности. Полицейский комиссар (того квартала, где я живу в Бреслау) хватает меня на улице близ цейхгауза и связывает мне руки и ноги так, что я должен стоять на одной ноге, а другая вместе с одной связанной с ней и высоко подтянутой рукой принужденно торчит в воздухе. Я совершенно не сознаю, почему это со мной происходит; сначала я совсем спокоен, но наконец думаю: „Что, если бы меня кто-нибудь так увидел, ведь я же доцент!“ — и тотчас затем проходят мимо несколько знакомых мне лиц и насмехаются надо мной (фантазия этим лишь осуществляет

только что бывшую мысль, почему вообще за возникающими во сне мыслями желания или страха обычно следует немедленное исполнение, равное живому изображению). Я вне себя, я спрашиваю комиссара, почему же он меня связывает? Он показывает мне записку, на которой было написано, что я кому-то должен три талера. На этом я проснулся».

Анализ: и здесь вольное изображение фантазии выступает в форме мучительного происшествия, чтобы изобразить болевое раздражение; но в совсем особом роде — тем, что у меня связаны нога и рука, — место боли в этих обоих членах выразительно выделено. Под вымышленной суммой долга в три талера очень легко может подразумеваться определенное число укусов насекомых, бывших как раз тогда, так как оно непосредственно выражается вместе с болевым раздражением. При пробуждении я нашел на одной ноге и одной руке отчетливые следы укуса насекомого.

г. «К этому я присоединяю для сравнения, как то же самое болевое раздражение символизируется в женской фантазии, следующий сон. Одной даме, которую разбудила та же боль, непосредственно перед тем снилось так: она укладывает платья в дорожный сундук и находит их все разорванными; затем она видит себя в дамском обществе за кофе, нечаянно опрокидывает чашку, обливает скатерть и свой воротник; тотчас затем она замечает, что платье, которое на ней в этом обществе, совсем разорвано, и тому подобное».

Анализ: видно, что фантазия нагромождает здесь сплошь такие сцены, которые до крайности оскорбляют женское чувство порядка и приличия, то есть перед лицом общества сильно задевают чувство чести. Разорванность платьев означает, кроме того, повреждение кожи укусами; деятельность руки при

укладывании обозначает руку как мучимую, многие хлопоты с платьями, по-видимому, означают то, что представляют платья, то есть тело вообще, как возбужденное болью.

Третий порядок: сны судорожного раздражения (кошмары)

Под этим я понимаю сны раздражения, которые образуются при так называемом кошмарном удушье. Лежащее в их основе раздражение — судорожное, сопровождаемое ощущением сжатия, из которого происходит ощущение давления. Поражение нервов давлением возникает от переполнения кровеносных сосудов, желудка, половых органов и т. д., вследствие чего наступает стеснение иннервации; но точно так же кошмар образует и слишком тяжело лежащая перина. Их символику мы хотим подытожить заранее, так как она во всех фактах сновидения остается по существу той же, ибо всегда основана на раздражении давления; она такова:

1. Судорожное раздражение совершается в нерве, есть динамическое колебание в нерве и распространяется в сфере нервов. Из процесса нервного раздражения в *человеческом* теле в фантазии сновидения образуется явление существа, сходного с человеческим обликом; но оно принимает, наподобие духов, теневую субстанцию, соответственно нечувственной иннервации, которая вызывает явление; и очертания облика принимают расплывающуюся форму, как у привидений, чтобы обозначить расходящееся стремление динамических колебаний в нерве. Теневой, выступающий с расплывчатыми очертаниями облик явления (ночной дух альп) — чистая символическая форма судорожного нервного раздражения; если этот символ соединяется с отмеченным образом богоподобного существа, альп

принимает его облик; если с отмеченным образом обычного человеческого лица, то это лицо и становится альпом.

2. Судорожное раздражение развивается постепенно; сначала оно вообще возникает, и в малой силе и объеме, затем растет в силе и все больше распространяется в более широкой сфере нервов. Первому возникновению раздражения соответствует появление призрачного облика; распространению судорожного раздражения от его исходной точки по более широкой сфере тела, отчего полагается пространственное протяжение, соответствует появление призрака на известном расстоянии от сновидца и прохождение этого расстояния к сновидцу. Призрак имеет облик, сходный с очертаниями человека, поэтому он должен являться идущим, приближаясь к сновидцу; а так как с судорожным раздражением связано тягостное ощущение давления, то призрак, приближаясь, должен и сам являться наделенным тяжеловесным свойством; и это происходит тем, что сновидице кажется, будто она слышит, как дух приближается в тяжело шлепающих туфлях.

3. Судорожное сжатие нервов сопровождается ощущением давления, словно пораженная часть тела находится под грузом; сновидец — придавленный судорогой, поэтому приближающийся дух должен броситься на него и, налегая своим обликом, давить и мучить его; и пока длится судорожное раздражение нервов, облик давит на сновидца.

После этого мы сможем ограничиться простым приведением фактов.

Например: «Одной знакомой мне даме снилось, что она слышит, как со стороны окна комнаты, где она спала, приближается дух, словно шлепая туфлями; он влез в окно и с явственным шумом туфель постепенно подходит к ее постели и

бросается на нее». Когда спящую повернули со спины на бок, судорога и призрак исчезли.

Например, другой снится: «длинный призрачный облик в неопределенных очертаниях, постепенно приближаясь, плывет к ней и бросается ей на грудь». В обоих приведенных снах представление об альпе подлинное, в смысле объясненного выше. Обеих сновидиц я спрашивал, ради более точной оценки, о ближайшем облике привидения, каким оно им явилось; но обе (разумные и образованные) дамы уверяли, что видели лишь неопределенного духа и ничего более определенного в нем, — значит, они видели подлинно рожденное фантазией привидение.

Например: «Замужняя дама, от жизни в довольстве и недостатка движения в работе склонная ко всяческим нервным припадкам, часто видит себя во сне преследуемой альпом. Однажды ей снилось: она видит, как ее горничная входит в дверь, торопливо бежит через комнату к ней и всей тяжестью юной силы бросается на нее». Здесь альп принимает облик горничной, каждое утро прислуживающей ей и потому ставшей отмеченным представлением.

> Например: «Ученый Саломон Маймонид („Журнал опытного душеведения“ Морица, т. X, ч. 1, с. 6–7) при кошмарном удушье видел во сне, что демоническая Лилит (по каббалистическому представлению — злокозненный женский дух, ищущий соблазнить юность) приближается к нему, прижимается к нему все теснее, пока наконец почти не задавливает его своими объятиями, так что он разражается при этом громким криком».

Маймонид сам говорит нам, что образ Лилит (отмеченный образ), в котором альп принял особенный облик, происходит от его занятий каббалистическими умозрениями; кроме того, он

объясняет, что кошмарная судорога имела причиной слишком обильную деятельность семенных сосудов. Но даже если бы он нам этого не сказал, изображение сладострастного женского демона фантазией сновидения и без того доказало бы участие полового раздражения.

> «В другой же раз, когда Маймонид заснул, занимаясь идеями святости и соединения с божеством, ему при кошмарном удушье явилась благородная богиня Шехина (по каббалистическому представлению — женское божество, которое рождает души благочестивых и после разлучения с телом снова принимает их, что, по этому мнению, должно происходить и при живом теле во сне), приблизилась к нему как кроткая любящая женщина и обняла его с милой приветливостью так, что это внушало благоговение и любовь, — что целомудренный сновидец позволил без сопротивления».

И здесь явление альпа, превращенное по идеям святости в благородную богиню, своими нежными объятиями все же показывает свое происхождение из полового раздражения.

Четвертый порядок: сны кризиса

Это те интересные сны раздражения, которые, наступая в состояниях кризиса больного тела, символизируют органические наклонности, в которых волнуется нервное раздражение, — наклонности, требуемые жизненной силой для выздоровления и уже предобразующиеся; они обратным действием разжигают их наглядным содержанием символики, заостряют в более определенную форму отправления и тем приводят к исполнению тот процесс, которого болезнь требует для выздоровления. Из-за этого своеобразного момента этих снов — что они выступают в интересах жизненной силы и становятся деятельными ради цели

ее выздоровления — мы были вынуждены поставить их в особый порядок; обоснование имени «сны кризиса» получается при этом само собой.

Один из интереснейших снов этого рода — тот, что передал Шуберт («Старое и новое из области душевной жизни», с. 126–129):

> «Почтенный проповедник при своем неутомимом рвении в исполнении пастырского призвания нажил воспалительную грудную болезнь, оставившую местное страдание в легком. По всем признакам образовался закрытый нарыв легкого. Болезнь все усиливалась, и больной мало-помалу ослабел так, что его голос и слова едва можно было расслышать. Тем не менее он, как это бывает у легочных больных, не разделял веры в близкую смертельную опасность. Тут однажды, в день, который казался его близким последним днем его жизни, он выражает жене желание как следует спокойно поспать и велит убрать ночник. Вскоре он засыпает, и ему живо снится: „певчие поют снаружи перед его дверью хорал «Надейся на Господа и не унывай»“. И, не сознавая своего телесного состояния, он во сне подхватывает и поет тем глубоким басом, каким привык петь в здоровые дни: „Надейся на Господа, надейся на Господа“. И от этого сотрясения нарыв прорывается. Глубокое басовое пение в этот миг так расширило дыхательное горло и так необычайно благоприятствовало всем благотворным здесь усилиям природы, что почти неизбежная в этом случае опасность удушья счастливо миновала. Больной выздоровел и прожил еще долгие годы».

Анализ: образ происходящей сцены пения символически стоит вместо пораженного органа — легкого, и живое пение развивается соответственно наличной в легком критической возбужденности. Певчие и названная песнь — отмеченные

представления. Очевидно, что сцена пения, поднявшаяся перед созерцанием сновидца, действовала посредством фантазии возбуждающе на жизненную силу, то есть на стремление легкого к прорыву; что сон дал этому критическому стремлению определенную форму отправления и заострение и, наконец, увлек самого сновидца к пению, то есть к тому органическому движению, которое произвело вскрытие нарыва, и вместе с тем придал голосовому пути такое состояние, что выведение гноя совершилось счастливо.

Из Макниша, «Philos. Transact.», т. 9:

> «Один человек, который уже несколько лет был немым, однажды, сильно опьянев, по дороге домой верхом три или четыре раза упал с лошади, пока наконец его не принял и не приютил сосед. Вскоре он заснул и видел теперь во сне, „что падает в чан, полный кипящего сусла. Это привело его в такой страх, что он, всячески напрягаясь, чтобы позвать на помощь, наконец действительно громко закричал и в тот же миг снова получил речь, какую имел прежде“».

Анализ: чан — символ округлого желудка, который был у сновидца в переполненном и перераздраженном состоянии; фантазия выбирает здесь «чан» символом желудка по выпитому «пиву», так же как (ср. выше) при употреблении спиртного желудок являлся помещением винокурни и с ее характерным обозначением. Движение падения в чан выражает внутреннюю нервную возбужденность; движение имеет форму «впадения», потому что желудок, как и его символ, полого устройства; так же падает видящая сон женщина при половом раздражении в обвалившуюся могилу (влагалище), или при сне раздражения внутренностей при каждом шаге глубоко погружаешься в уличную грязь (кишечные испражнения), по которой идешь. —

Что же касается соответствующего раздражения кризиса в этом сне, то ясно, что фантазия сновидения при столь опьяненном состоянии сновидца, когда вся нервная система тела горит и бушует в возбуждении, то есть по своей динамической природе должна сильнее всего испытать возбуждение опьянения, имела бы гораздо больше повода изобразить сновидца в бурных деятельных сценах, то есть там, где он, борясь, едучи, скача верхом и т. д., совершал бы самопроизвольное движение; тем не менее она держится сама и держит его на пассивной сцене опасности, и это позволяет заключить, что ее с самого начала побуждало стремление кризиса жизненной силы, которая в сильном возбуждении опьянения стала способна и возбуждена к разрешению немоты, и что ради целей этой силы она наколдовала сцену, которая теснотой опасности необходимо приводит к зову о помощи, с осуществлением которого наступает выздоровление. Образ чана фантазия могла тотчас взять от полости желудка, кипящее пивное сусло — от его огненного содержимого и возбужденности, а упасть в него сновидец должен был потому, что чан полый.

Из «Силезской газеты» от 6 января 1860 года. Из Домича близ Торгау в ней сообщается:

> «У сапожника по имени Грюль есть сын девятнадцати лет, который с десятого года своей жизни вследствие очень сильной простуды оставался немым, причем все средства против этого были безуспешны. В ночь после Сочельника немой юноша видит очень живой сон: он видит перед собой облик, подобный ангелу (верно по сообщению); тот требует от него говорить и велит ему завтра взять с собой в церковь сборник песнопений и громко петь по нему. Сновидец так пугается этого, что просыпается и в страхе прячется под перину; выступает сильный пот, и утром, когда

родители входят к нему, он заговаривает с ними, снова владеет речью, хотя несколько хрипло, и сам рассказывает им сон».

Анализ: сон опирается прежде всего на возбуждение душевного чувства, то есть на связанное с ним нервное возбуждение; по всей видимости, этот подъем был вызван религиозными размышлениями в Сочельник, пробужденными при этом скорбными чувствами немого о своем положении и полными доверия молитвами к Божеству; при полной незнакомости с этими лицами нельзя решить, не повысил ли, быть может, выпитый в Сочельник напиток особым образом нервную жизнь. Из подъема души и тела поднялось органическое стремление жизненной силы заново творчески распространиться по парализованным областям тела. Жизненная сила, включая нервную силу сновидца, олицетворяется в символике фантазии как человеческий облик; человеческий облик принимает возраст и пол юноши — точно по свойству жизненной силы в сновидце (при явлениях во сне пожилым мужчинам облик разделяет их преклонный возраст); являющийся облик юноши принимает возвышенность обоготворенного лица («подобный ангелу») сообразно религиозному подъему сновидца, из которого фантазия взяла мотив возвышенной, небесной красоты стоящего перед ним телесного человеческого лица; облик же ангела производит на сновидца такое мощное впечатление, как сама действительность, потому что он не просто воспроизведенная тень образа воображения (памяти), а имеет живого, существенного носителя в действующей в нем и прямо в нем отражающейся возбужденной жизненной силе сновидца (на том же основании покоится говорящая жизнь гениев, являющихся сомнамбулам). Возбужденная же жизненная сила сновидца имела в себе склонность распространиться, оживляя, по парализованным

органам речи; это фантазия выражает субъективно, заставляя являющийся облик сказать сновидцу: он должен говорить и завтра громко петь по сборнику песнопений. Сновидец пугается и не говорит; поэтому символическое образование сновидения не смогло привести его прямо к приносящему выздоровление делу; но вместо того произнесенное слово небесного облика и его явление вызывают в сновидце тревогу и страх, гонимый душевным страхом пот выступает из всех пор, — и косвенно образ кризиса во сне произвел выздоровление: сновидец заговорил.

§ 31. Пятая главная группа: сны органов чувств

Они называются так потому, что имеют основание своего возникновения в восприятиях органов чувств во время сна. Эти впечатления через чувства сами по себе темного рода, в этом непосредственно сообразны пластической природе шара сновидения, а потому тотчас переходят в пластическую обработку фантазии сновидения; и из этого развиваются сны органов чувств. По существу лишь впечатления слуха и кожного чувства дают повод к образованию развитых снов органов чувств; от впечатлений прочих чувств находятся почти лишь некоторые неясные следы, поэтому деление снов органов чувств должно ограничиться по существу снами слуха и снами кожного чувства. Но чтобы объективный возбудитель извне произвел на кожное чувство действие восприятия, он должен воздействовать на него с такой степенью силы, чтобы омраченное сном чувство действительно вынесло ощущение; и опять-таки внешнее воздействие должно быть лишь настолько сильным, чтобы не вызвать болезненного нервного раздражения, от которого возник бы простой сон нервного раздражения, а объективное содержание

восприятия потерялось бы. При слуховых впечатлениях по существу нужны довольно громкие звуки, чтобы вызвать объективные ощущения, причем предмет восприятия составляет сам звук со своим своеобразием сам по себе или вместе с несущим, то есть производящим его веществом. Для чуткого же слуха, который и во сне сравнительно отличается остротой, для восприятия во сне довольно уже тихих шумов; поэтому такой спящий при закрытых окнах комнаты слышит уже тихо плещущий снаружи дождь или тихий шелест листьев деревьев перед окнами; более тугой на ухо слушатель, напротив, — лишь полный ливень и бурю в деревьях. Если, однако, спящий накануне вечером в бодрствовании заранее напряг свое внимание на будущую погоду, так как на следующий день ему предстоит поездка и он желает хорошей погоды, или опасается материального ущерба от продолжительного дождя и тому подобное, то он и при обычном недостатке тонкого слуха слышит тишайший шум ветра и дождя. — Очень обычные звуки, заявляющие о себе во время сна, кроме бури, дождя, грозы, — свисток ночного сторожа, бой часов, звон утренних колоколов, крик под окнами, стук в дверь, трубящий почтальон, шум мельниц, у которых живешь, и т. д. О звуках во сне уже прежде было сказано и объяснено, что резкие свистки сторожей часто кажутся протяжно-гулкими и полными, как звуки колокола, звон же колоколов — бесконечно мягче, чем в действительности. Оставшийся лишь в памяти образ действительного звука может, выступая во сне, тоже заявить о себе как живо звучащий и раздающийся, так что фантазии он является как действительный. — Что касается формы, в которой изображается сон органов чувств, то при снах слуха и кожного чувства встречается объективно-нагая и символическая. В первом случае фантазия

сновидения довольствуется тем, чтобы снова представить то, что она восприняла извне, в его непосредственной природе, но при этом повсюду уклоняется в расширение или усиление объективного — по своему собственному, никогда не покоящемуся закону жизни: всегда разрастаться из себя и умножаться; или же объективное содержание созерцания показывает отдельные стремления к символизации. В другом же случае сон органов чувств развертывается во всей полноте и своеобразии символического искусства и вымысла. Однако в символике снов слуха и снов кожного чувства наступает существенное различие тем, что первые берут свой предмет, то есть звук, издалека, последние же имеют его при себе в непосредственном соприкосновении с ощущающей кожей, сообразно чему и символика должна складываться у каждых по-своему. И именно поэтому для сна слуха характерны представления сцен, которые начинаются с приближения издалека и развиваются из этого; для сна кожного чувства, напротив, — действия с уже непосредственно близким и наличным, то есть «я» сновидения само переносится в непосредственное соприкосновение с предметом изображения, вместо того чтобы велеть ему приблизиться к себе. — Наконец, оба подразделения различаются вообще частотой своего появления. Кожное чувство, так как при сне в закрытом пространстве комнаты на него лишь в редких случаях действует предмет, приводимый случаем, редко способно доставить объективный повод к образованиям сновидения, поэтому сны кожного чувства образуются лишь очень скудно; сны слуха, напротив, сравнительно очень часты, так как действующий звук очень легко проникает в замкнутые помещения спящего, а постоянная жизнь внешнего мира приносит с собой частое

возникновение звуков. — Обратимся после этого к самим фактам сновидения.

Первый порядок: сны слуха

а. В обнаженно-предметной форме изображения с неизбежным расширением, которое вносит фантазия.

Например, слыша шум ветра за окном, видишь во сне: поднимается бешеный ураган, грозит повалить деревья, распахнул створки окна в комнате, где спишь, — и встаешь, чтобы снова их закрыть, и т. д.

Например, слыша плеск дождя: великое наводнение разливается по улицам и площадям, поток собирается у дома перед окнами, и при этом видишь, как вырванные из земли цветы садика плывут в волнах, а забор ломается и его тоже уносит.

Например, при шуме воды у мельниц (я живу возле них): поднимается далеко раскатывающийся гром пушек, будто бы приближается неприятель, и охватывает страх, и т. д.

б. В простой символической форме.

Например, даме снится, что на улице к ней приближается пьяный, идет прямо на нее и осыпает ее той чрезмерной приветливостью и нежностями, какие свойственны добродушным пьяным.

Повод: на улице под окном спящей мужчина громко звал сторожа. Угрожающий характер мужского голоса символически отразился в пугающей назойливости пьяного; пьяный же нарисован веселым, потому что сновидица только что уснула и испытывала как раз ту сладость сна, которая обычно украшает его приход после дня деятельных хлопот.

Например, мне снилось, будто я сижу за роялем и только собираюсь начать играть; ударяю по клавишам, но, странным образом, механизм, кажется, поврежден, и они почти не издают звуков; веду рукой дальше вниз — и там та же беззвучность; наконец вижу даже, что выдвижная доска, по которой выдвигается клавиатура, совсем треснула.

Повод: плеск дождя за окнами. Так как падение капель с крыши производит *звуки*, фантазия поставила музыкальный инструмент; так как плеск дождя лишен звонкости, клавиатуре пришлось быть поврежденной, а звуку — словно безголосым; треснувшая выдвижная доска — свободное расширение фантазии в духе только что изложенного мотива. Будь сновидец поэтом, фантазия поставила бы разбитую лиру.

Например, мне снилось, будто я иду среди дневного шума по южной стороне Бреславльской рыночной площади и слышу при этом из далеко отстоящей от нее церкви святой Елизаветы великолепные хоралы со звуками тромбонов, словно это совсем рядом со мной.

Повод: трубящий ночью почтальон, который обыкновенно проезжает по мосту, хорошо видному из моих окон. Нарисованное сном расстояние между южной стороной рыночной площади и названной церковью такое же, как от моста до моей комнаты. Церковное пение было поставлено через ассоциацию тромбона (который обычно сопровождает церковный хорал) и трубы трубящего почтальона.

в. В полностью развитой свободной символической форме.

Например, мне снилось, что ко мне прямо из Англии приехали двое очень живых молодых англичан, братья, один из которых будто бы офицер флота; я их не знал. Офицер в особенности —

очень громкий молодой человек; они ложатся у меня спать, но разговор их становится все громче, наконец один начинает громко петь, другой подхватывает, и во всю силу голоса они поют свои песни. Но и этого мало: является слесарь и (все это вымысел сна) начинает громко стучать в дверь, вставляет снаружи вторую дверь в комнату — стеклянную — и укрепляет молотком замок на этой второй двери. На этом я просыпаюсь и громко слышу звук, вызвавший сон: это долгий, противно визжащий звук с мельницы, наискосок напротив моей квартиры, который время от времени повторяется.

Разбор: представьте себе мой чуткий слух, а к тому же по соседству — пронзительный визг приводного колеса на мельнице, который даже днем, когда я слышу его среди оживленного уличного шума, вызывает у меня очень неприятное ощущение; этот визг и породил сон. Во всяком случае, фантазия заметила звук лишь после частого его повторения; это побуждает ее поставить для звука и его прихода в мое ухо *две* прибывающие ко мне фигуры; оба — братья, потому что один звук как две капли воды похож на другой (это ведь тот же самый). Звук идет от мельницы, отстоящей от меня шагов на сорок, поэтому оба господина должны прийти издалека. Чужие — англичане, а один даже с флота, то есть от морской воды, потому что звук мельницы (по его происхождению известный мне уже наяву) идет от воды. Вместо мельницы у воды здесь выступает ассоциация страны у воды, то есть Англии, и эта случайная ассоциация возвышает символику далекого в увеличенном масштабе. А что у образованного человека, ежедневно занятого политикой, во сне легко может пробудиться отмеченный политический образ, само собой разумеется. Оба молодых человека очень живы в речи; естественно, ведь они — представители в фантазии того громкого

звука, что звучит в моем ухе; их разговор растет в громкости, потому что звук мельницы повторяется; он поднимается до громкого пения сперва одного, потом обоих, потому что вновь и вновь возвращающийся звук звучит в моем ухе все громче, или, вернее, будит все более отчетливые и противные ощущения, — отчего фантазия вынуждена наколдовывать вслед ему все более сильные образы громкости. И когда в обоих уже не остается никакого дальнейшего нарастания для продолжающих повторяться звуков, фантазия должна создать новый образ, который выразит изображаемый до сих пор звук еще действеннее; это слесарь, громко бьющий молотком в дверь. Слесарь вставляет дверь и замок, чтобы было по чему стучать; но вставляет дверь снаружи, потому что громкий звук идет *снаружи*; дверь, наконец, стеклянная, потому что звук приходит ко мне снаружи через мои окна, наискосок от которых стоит мельница.

Например, в другой раз мне снился сон вследствие долго повторявшегося петушиного крика. Представьте себе старого кохинхинского петуха с его почти блеющим и, мне по крайней мере, крайне противным голосом, представьте, что его поместили в двадцати пяти — тридцати шагах от окон, сбоку, во дворике, отделенном от открытой улицы лишь штакетником, а не стоящими впереди домами, которые задерживали бы звук, — и вы вполне поймете предметный повод следующего сна. Мне снилось: в сенях моей квартиры поднялся громкий крик, как от вскрикнувшего ребенка, и я посылаю посмотреть. Оказывается, молодой человек из чужого города приехал со всеми пожитками, чтобы переночевать у хозяйки дома; та же говорит, что не знает его, и не принимает; тогда он входит ко мне и ложится на пол. Я затем встаю (то есть мне это снится), потому что мне так неспокойно, и, к удивлению, вижу мои окна открытыми — это сделал молодой человек. Тогда я осматриваю сени и вижу: стоит

> огромный ящик, а на нем пара кочанов капусты; дальше вдоль пола вижу двух мертвых зайцев, а рядом лежит мертвый молодой лис, — все это принес чужой; наконец смотрю еще дальше, под самую лестницу, и замечаю: там сидит живой молодой петух. Иду назад через сени и вижу, что они сплошь усеяны куриным пометом; когда возвращаюсь в комнату, на постели оказались еще двое людей, принадлежавших к первому гостю.

Разбор: символика очень ясна. Сон начинается как крик в сенях, потому что вызывает его внешний крик. Приходит чужой и навязывается, потому что крик проникает издалека. Окно кажется открытым чужим, потому что крик звучит через окно, то есть входит словно через открытое. Чужой ложится на *пол*, потому что крик идет снизу. Забавно же, как фантазия добирается до изображения предметного повода, то есть петуха: сперва она рисует лишь пару кочанов капусты, потом животных, но мертвых — зайцев и лиса со шкурой и головой, и наконец на третьем шаге ей удается достичь живого петуха под лестницей; конечно, фантазия действует при этом по своим априорным законам. С петухом под лестницей предметный повод найден, и сон близок к концу. Мертвые животные, лис и зайцы (то есть трупы), стоят, чтобы обозначить противность крика; еще грубее делает это фантазия, изображая сени запачканными куриными испражнениями, — причем за психически противную сущность крика стоит помет, возбуждающий чувственное отвращение, так же как в снах раздражения кишок противные нам люди стоят за отталкивающее свойство содержимого внутренностей. Наконец фантазия заставляет явиться еще пару сотоварищей первого пришельца, чтобы обозначить частое повторение петушиного крика.

Например, мне снилось рано утром, когда стучали в мою дверь, чтобы разбудить меня: я вижу множество гусей и уток с их желтыми птенцами, которые, словно к кормежке, спешат к воротам замка, только что начинающим открываться изнутри. В тот же миг по улице мимо меня тянется длинный ряд одетых в мундиры городских стрелков с желтыми отворотами, среди них в строю около дюжины одетых в белое поваров, а последним — повар в женском платье.

Разбор: сбегание птицы к воротам замка стоит за натиск стучащей в дверь, начинающееся открывание ворот — за то же желание стучащей у двери. По поводу шагания и желтого цвета молодой домашней птицы выступают марширующие стрелки с желтыми отворотами (значит, это случайная ассоциация сразу по двум притягивающим моментам); с ними ассоциируются повара — по своему светлому цвету: по поводу зрения, возбужденного сценой зрелища; по своему поварскому ремеслу: чтобы выразить переход к предметной стучащей, которая наконец и является в образе повара в женском платье. Должен заметить, что стучавшая каждый день готовит и приносит мне завтрак.

Например, вследствие грома и молнии. Вместе с тем этот сон способен показать, как легко из фантазии сновидения возникает и самое чудесное. Мне снилось: надо мной поднимается страшный гром, я поднимаю взгляд к небу, облачное небо раскрывается в невиданном сиянии, оттуда вырываются молнии, они бьют в меня, и я чувствую, как они меня поражают и я, пораженный, опускаюсь на землю. Тогда сверху, из светового сияния, голос Иеговы взывает ко мне: «Подними руку и постучи ею в забор, у которого ты лежишь, чтобы тебе подана была помощь и ты вышел из худого положения». Тогда я шевельнул рукой, чтобы постучать, и, увидев, что могу ею шевелить, совсем поднялся. Затем я пошел

— было совсем темно — по мосткам над обильной дождевой водой рядом со мной. Потом мальчик с полной сумкой книг прошел по тому самому месту, где меня поразила молния, и нашел там серебряный предмет, вроде табакерки, металлический блеск которого ярко сверкнул. Дальше я встретил знакомую даму, которая со слезами рассказала мне, что провожала сестру в отъезд и что она и сестра так плакали, что все люди на вокзале плакали вместе с ними. Затем я прихожу в свою квартиру и, к своему изумлению, вижу, что там оказались три чужих ночлежника, так что квартира совсем переполнена. Наконец я беру в руку пакетик с кормом моей канарейки и радуюсь, как круглые зернышки перекатываются вверх и вниз. Проснувшись, я еще дрожал всем телом от перенесенного удара молнии. Я проснулся от грома настоящей грозы.

Разбор: сон сразу начинается с предметного образа того, что его возбуждает, то есть с образа грома, который услышал спящий слух; а также с предметного образа молнии, которую глаз ощутил сквозь свой закрытый покров. Но фантазия тотчас завладевает предметными образами, возвышает и символизирует их на свой лад и затем продолжает свободными подражаниями. Гром она возвышает до страшного, молнию — до невиданной красоты света. Сновидца она заставляет быть пораженным и поверженным молнией, потому что в самом деле луч молнии поразил глаз своим впечатлением и возбудил его. Иегова говорит из грома и молнии, потому что в этом явлении природы к глазу и уху спящего говорило возвышенное. Кроме того, образ Иеговы в громе и молнии — отмеченный образ воспоминания из религиозного созерцания. Любопытно, как фантазия повелением сновидцу стучать в забор лишь продолжает говорить образ грома как вариацию. Так же варьируется образ молнии в металлически

блестящем предмете, найденном на том самом месте, куда ударила молния. Набитая сумка мальчика символизирует полноту грома; так же образ перекатываемого вверх и вниз птичьего корма — обильное следование раскатов грома друг за другом. Многократное повторение грома вдали выражается тремя прибывшими чужими ночлежниками; образ обильной дождевой воды и очень милый образ потока слез дам на вокзале символизируют сильный грозовой дождь снаружи, который слышит спящий слух.

Второй порядок: сны кожного чувства

> Например, Мейер («Опыт объяснения лунатизма») рассказывает: однажды ему снилось, что на него напали разбойники, которые положили его во всю длину на спину на землю и вбили ему между большим и соседним пальцем ноги кол в землю. Проснувшись, он нашел соломинку между пальцами.

Разбор: символика совершенно чиста и ясна. Кол вбивается между пальцами, потому что предметная соломинка — длинный и острый предмет и, чтобы попасть между пальцами, должна принять вертикальное положение, как кол. Разбойники, то есть внушающие страх мужчины, вбивают кол, потому что щекочущее раздражение соломинки — очень противное ощущение. Разбойники кладут сновидца на землю, потому что во сне он в самом деле лежит. Чувственное же впечатление, лежащее в основе всего этого творчества фантазии, таково: «между двумя моими пальцами попал длинный, острый, мучительный предмет». Итак, фантазия символизировала действительное познавательное впечатление.

Например, Грегори сообщает, что однажды, ложась спать, положил к ногам бутылку с горячей водой и затем видел во сне, будто путешествует на вершину Этны, где нашел жар почвы почти невыносимым.

Разбор: и здесь символика ясна: вместо сужающейся кверху бутылки, которую ощущает касающаяся ее нога, поставлена гора; гора горяча, потому что горяч возбуждающий ее предмет, — огнедышащая гора Этна есть отмеченный образ воспоминания. Путешествовать на гору сновидцу пришлось потому, что бутылка касается нижней части ноги, которая ступает по земле; и, наконец, жар горы должен был быть почти невыносимым, потому что таков был жар бутылки. Определяющее же для символики познавательное, или воспринимательное, содержание кожного чувства таково: «моя подошва касается горячего предмета, который высок и образует вершину возвышения».

Приложение. Из снов остальных чувств мне, кроме нескольких смутных намеков, встретились лишь следующие два. Для зрения при закрытых во сне веках: «Мне снилось, что, стоя в своей комнате, я вижу на довольно большом расстоянии от себя дракона, то есть змея-линдворма в его обычном облике, и он весь пылает огнем; пока я смотрю на него вдаль, он вдруг, словно молния, прыгает издали на меня, и я едва успеваю уклониться в сторону с дороги чудовища, уже стоящего рядом со мной, — от этого испуга я просыпаюсь».

Разбор: моя кровать стоит в комнате так, что во сне я обращен лицом к окну, которое выходит на восток и через которое летом между пятью и шестью часами меня достигает прямой солнечный луч. Это и есть повод. Огненный дракон, как нетрудно угадать, стоит за ярко сияющее солнце; это чудовище, потому что солнце представляет собой нечто внушительное. Расстояние,

нарисованное сном между чудовищем и мною, в точности то самое, на каком видные из моего окна деревья сада при масонской ложе стоят от моей квартиры; прямо над этими деревьями, то есть на их действительном расстоянии, утреннее солнце видимо стоит напротив меня. Итак, явление дракона вообще поставлено за действительное чувственное впечатление, которое солнце производит на сетчатку через просвечивающие веки. Внезапный уход дракона с места поставлен за затмение солнца облаком; это подтвердила ориентировка при наступившем сразу вслед за тем пробуждении. Фантазия заставляет дракона прыгнуть не в сторону, а на сновидца, потому что это опасный зверь и потому должен, нападая, покинуть свое место. А сновидец, в свою очередь, отскакивает в сторону, чтобы уклониться от грозного чудовища.

Для вкуса во сне: «Мне снилось, что я в Гамбурге в гостях у друга и нахожусь с ним в трехэтажном доме, на верхнем этаже, у открытого окна, пока мой друг очень оживленно разговаривает с другим знакомым, который тоже здесь. Тут я чувствую потребность выплюнуть слюну и делаю это в то открытое окно, — но тем временем я одновременно сделал это и в действительности, просыпаюсь от связанного с этим действия мышц и, еще пробуждаясь, слышу, как слюна падает на землю, хотя наутро ее количество оказалось едва достойным упоминания».

Разбор: символика развивается из ощущения слюны языком, то есть из действительного ощущения и представления чувства вкуса. Крайне тонко ветвление символических отношений к слюне. Я нахожусь у друга в Гамбурге, потому что Гамбург характерен для морской торговли, а значит, для воды, а значит, для жидкости слюны. Представленный друг — мой

действительный друг, и во время Шлезвиг-Гольштейнской войны, в которой он участвовал, он не раз бывал в Гамбурге и рассказывал мне о нем немало веселых проделок, — поэтому все это отмеченное представление, хотя я уже лет десять не видал этого друга. — Сновидец находится на третьем этаже, то есть ради параллельной высоты места слюны на теле, или высоты рта; у открытого окна — чтобы обозначить отверстие рта, которое сновидческое действие плевка на улицу выговаривает еще прямее. В комнате рядом со мной идет очень оживленный разговор: ведь говорение — действие языка, язык — орган, ощущающий слюну, — значит, разговор стоит буквально за язык. Разговор происходит в комнате, окно которой представляет отверстие рта; следовательно, комната представляет саму полость рта, а оживленный разговор друзей — раздражение языка слюной. И так кажущееся самым незначительным оказалось связанным с внутренним понятием языка фантазии, смысл которого мы бодрствующим рассудком всегда можем схватить лишь рассекая и обособляя, тогда как пластическая фантазия изливает главный смысл и все его моменты разом, во взаимном сплавлении, — чему, однако, соответствует наш способ представления лишь во время самого сна.

§ 32. Шестая главная группа: сны настроения

Они основаны на тех возбуждениях души, которые мы обозначаем именем «настроения». Эти возбуждения принадлежат душевному чувству; само же душевное чувство есть сила, раскинувшаяся в самой глубине души и как бы окруженная обращенными вовне основными силами познания и воли. Из его замкнутости внутри, по которой оно и не сообщается с внешним миром прямо (а лишь

косвенно — через познание получает возбуждения извне и через волю выражает свое обратное действие на внешний мир), следует его собранность в себе, его пребывающая в себе упругость силы и длительная природа его колебания в себе, когда оно возбуждено; поэтому всякое внутреннее возбуждение душевного чувства длится так долго, прежде чем пройдет, и, смотря по тому, приятно оно или противно, постоянно радует сознание приятными образами или омрачает его печальными. И в том, каким образом можно помочь душевному чувству быстрее избыть свою упорную возбужденность, тоже сказывается его удерживаемая и замкнутая внутри души сущность; ибо никакое возбуждение душевного чувства нельзя разрядить властным словом воли, а только упорным напряжением познания, мышления, действенного труда, деятельного поступка, то есть напряжением обращенных вовне основных сил познания и воли: движение души сообщается им, будучи отнято у самого себя, перерабатывается вовне и так косвенно успокаивается. — Тот род движений душевного чувства, который лежит в основе снов настроения, — это мягкие возбуждения, или настроения. Они несут в себе кроткую сущность, кружащую лишь в пределах внутреннего мира душевного чувства, пассивны, не имеют в себе стремления выплескиваться за свои пределы и потрясать и увлекать за собой, как аффект. Тем не менее они как пассивная сторона так же принадлежат душевному чувству, как вечно беспокойный, волнующийся аффект образует его активную сторону; поэтому в них тоже должна открываться своеобразно упорная сущность упругости колебаний душевного чувства, и по ним ее должен показывать сам сон настроения.

Уже возникновение сна настроения основано на пребывающей жизненной упругости колебания душевного чувства; ибо сон

настроения завязывается на основе мягкого возбуждения душевного чувства, возникшего в бодрствовании и перенесенного в сон. Что во сне сами собой образуются и исконные настроения, не невозможно; однако, чтобы настроение могло произвести из себя развитые сны и нести их на себе, оно должно содержать в себе весьма определенный характер возбуждения, то есть вообще выраженную жизнь, чего способна достичь лишь действительная жизнь бодрствования, постоянно расходящаяся в резких противоположностях и вновь сливающаяся. — Еще больше выдает удержанную в себе, долгодыханную жизнь душевного чувства богатство образов, которыми отдельное настроение может выразиться во сне; все, что в воспоминании выражает тот же тон настроения, имеет отмеченное существование в шаре образов и родственно своим атомом длительной возбудимости долго колеблющейся волне душевного чувства, — все это теперь свежо всплывает и привязывается к волне, глубоко бьющей изнутри души, и цветение образов украшает порождающее его настроение, как цветочный убор природы — питающую землю. Но длительность настроения сказывается в образах не торопливо, как у аффекта, не вечно беспокойной, вечно сменяющейся суетой действия; она соответствует кроткой пассивности его непритязательного пребывания у себя — в созерцательности *одного* основного образа, к которому во все более оживленной декорации присоединяются все новые и новые образы или вырастающие из него зрелищные действия, расширяющие ту же мысль, подобно дереву, развивающемуся в богатстве своих ветвей, — и тон настроения неспешно растекается, как жизнь растительной души, все расширяющимися кругами, пока не замкнется весь цикл органического растекания. И только при тех настроениях душевного чувства, которые противного рода и

потому несут в себе колючую шпору возбуждения беспокойства, обнаруживается родственное проявлению аффекта блуждание образования сновидения от образов к образам, которые как будто освобождаются от лежащего в основе настроения и ведут себя ради самих себя, — причем, однако, пассивная сущность настроения сохраняется в том, что выступающие противные зрелищные действия являются скорее лишь встречающимися сновидцу и причиняемыми ему, нежели производимыми им самим. — Если хотят легко получить созерцание чистой сущности сна настроения непосредственно на себе самом, достаточно наблюдать образования сновидения, которые порождает столь частая у людей тоска по родине. Кого, как меня, удерживают городские стены, а в сердце он носит бессмертную любовь к родине гор и долин, того фантазия сновидения слишком охотно переносит на милый холм, с которого он обозревает еще более милую долину и горы. Так как милая тоска и вообще всякое приятное настроение несет в себе благозвучие души, фантазия изображает a priori эстетически и со всей роскошью тающей гармонии. Обозреваешь местность с холма, который, как обычно выбирает бодрствующий художник, лучше всего способен открыть милый вид. Постепенно богатство местности прорывается перед взорами сновидца во все более широких кругах развертывания; обозреваешь все это разом и с гораздо более сладостным наслаждением, чем в бодрствовании, потому что рассудок при этом не рассекает. Не обходится без выделения сельского дома, по которому тоскуешь, и ярко сверкает купол башни. То взгляд прикован к идиллическому жилищу земледельца и его привольному простору, то к его деятельным трудам в поле, и смотришь вслед пахарю, ведущему борозду, и его коням; то приковывает летящая стая галок и голубей над головой сновидца,

видишь, как поднимается выводок куропаток, — быстро сюда встраивается усиленный сон фантазии, и, пока любуешься великим числом птиц, оно вырастает так неизмеримо, что тянется вдоль всего неба, и фантазия тотчас удовлетворяет желанию сновидца, позволяя птицам падать здесь, и там, и повсюду рядом с ним и даваться ему в руки. Это ведет к сцене у уютного очага перед хлопочущей хозяйкой или матерью, к ней привязываются милые воспоминания юности и так далее, и так далее, пока набухший порыв душевного чувства постепенно не остынет и не иссякнет и не вступит в свои права свободная игра снов-ассоциаций. — Для ближайшей же характеристики пусть послужат следующие факты.

Сон о детском блаженстве. Десятилетнему мальчику в ночь после его дня рождения снилось: он стоит в комнате у печки и видит, как в изразцах печки открывается щель; из щели сыплется множество крупных зерен турецкой пшеницы (кукурузы), потом множество разноцветных бусин и наконец одни золотые, и все смешиваются на земле в кучу. Он усердно собирает пестрые бусины, тогда как взрослый рядом с ним подбирает золотые, которые ему не нравятся. В громкой радости он ликует над пестрыми сокровищами; мать в другой комнате, удивленная этими звуками, испуганно кричит: «Что такое! что такое!» — и от этого он просыпается.

Разбор: прекраснее, очевидно, фантазия не могла написать беззаботную детскую веселость, чем рассыпая ребенку бусины и давая ему тешиться пестрыми, тогда как на золотые, означающие полезную ценность и заботы жизни, он смотрит безучастно; тем энергичнее велит она взрослому их загребать. Символика сна идет, как легко угадать по предшествовавшему дню рождения, от печи, которая испекла съеденные сласти; пшеничное зерно

сыплется, чтобы обозначить материал пирога; его величина и множество стоят за обилие полученного.

Сон о желании сердца. Дневной повод был следующий: в обществе, в котором я был, вечером читали из «Бреславльской газеты», что принц Фридрих Вильгельм Прусский поехал в свое имение Бушфорверк на храмовый праздник. Эта естественная черта сердечности, особенно ощутимая для силезцев, развеселила все общество, и одна дама воскликнула, что не могла бы представить себе большей радости, чем однажды увидеть принцессу и ее маленького сына в их покоях. В ту же ночь ей снилось, будто она была приглашена к королевской принцессе в Бушфорверк на кофе, высокая дама сама сварила кофе и накрыла на стол; и вот ей снится дальше, как она никак не может вдоволь нарассказаться о своем восторге по поводу этого случая подругам и родственникам, к которым во сне она переносилась одна за другой и в разные места.

Разбор: с самого начала здоровая естественность сна показывает непосредственное происхождение лежащего в основе возбуждения из сердца; истинно женская же сцена ненасытного пересказывания радости — *силу* движения души. Сцена с кофе складывается сообразно праздничной привычке сновидицы; бодрствующее желание сновидицы фантазия исполняет тотчас, просто потому, что оно было живо в ее душевном чувстве; фантазия поступает при этом без всяких правил этикета, потому что во сне она простое дитя природы и действует и творит лишь так, как заложено в непосредственности душевного чувства, желающего высказаться; а для хитроумного соблюдения мер у спящего рассудка нет силы.

Сон о мужской любовной тоске. Кардан рассказывает в своем жизнеописании: «Я жил в Сакки и вел счастливейшую на свете

жизнь, когда однажды ночью оказался в приятном, совершенно прекрасном саду, полном цветов и плодов. Веял тихий ветерок, так что ни один художник, ни один поэт, ни одна человеческая мысль не смогли бы произвести ничего приятнее. Я находился у входа в сад, дверь была открыта, и такая же напротив, когда я увидел девушку в белом платье. Я обнял и поцеловал ее; но при первом же поцелуе садовник запер дверь на засов. Я настойчивейше просил его оставить ее открытой. Мне казалось, будто, пока я печалился об этом и все еще держался за девушку, меня заперли снаружи».

Разбор: Кардан сам говорит в начале, что находился в то время в счастливейшем настроении жизни; такое счастье может даровать лишь очарование юности, и из ее плавильни сильнее всего разгораются идеальные огни к женщине. Но если бы Кардан и не сказал нам этого, то уже пышно-прекрасные образы сна открывают полную силу пламенной тоски, — и воздух и местность нарисовались столь безмерно и невыразимо прекрасными, потому что возникли из богатого аккорда чувства и из неподражаемого пластического дыхания фантазии. В образе девушки и поцелуев рисуется увлекающая цель тоски, жаждущего чувства; во встающих препятствиях поцелую и в напрасном старании их устранить — пустота еще не исполненного блаженного желания.

Сон о женской любовной тоске. Повод таков: знакомая мне восемнадцатилетняя девушка от неоднократных встреч в обществе прониклась горячим чувством к молодому белокурому капеллану, и оно тем сильнее оставалось в ней, чем меньше она смела его выказать; однако выражение лица и словоохотливость, свойственные переполненному чувству влюбленных, выдавали внутренний огонь; еще больше — внезапное желание девушки

посещать богослужения капеллана вопреки своей (протестантской) вере. На основе этого чувства ей приснился следующий сон, который она рассказала окружающим под предлогом «курьеза»: «Она подошла к высокой двери, сделанной из тонко сплетенной решетки и сиявшей вся золотом, словно сработанной из золота; пройдя через нее, она приходит к другой двери, на которой очень большая буква, начальная буква имени капеллана, озаряет ее красно-золотистым сиянием и приковывает ее. Тут навстречу ей выходит слуга и говорит, что здесь живет капеллан и давно уже ее ждет. Она входит, он идет ей навстречу, тоже говорит, как давно ее ждал, жалуется на беспорядок в хозяйстве своего дома и велит ей прибрать комнаты; когда это сделано к его удовольствию, он просит ее приготовить ему и что-нибудь поесть. Тут ей кажется, будто она должна остаться здесь хозяйкой, он вкладывает ей в руку деньги, словно задаток, и она крепко держала их в сжатой руке. От этого она просыпается, и в действительности все еще держит руку так же сжатой, как во сне, и ей все еще казалось, будто в руке у нее талер».

Разбор: как поэт обычно называет юность и ее счастье «золотыми», так здесь фантазия прямо рисует золотыми врата, которые должны вести к желанному счастью; и со всей пышностью она пишет имя осчастливливающего пурпуром по золоту. Двойные врата избраны, чтобы обозначить преграды, стоящие между тоской и ее исполнением; соразмерно этому любящее желание скромно рисуется в одном лишь принятии на себя домашнего хозяйства, вместе с тем — по ходячей шутке женщин в католических кругах: «хочу стать экономкой у духовного лица». В воображаемых домашних делах рисуется естественное попечение женщины; в дважды высказанном желании духовного лица, чтобы сновидица наконец пришла, —

сама сила женского сердечного желания, выраженная пассивно, как это часто бывает в женских снах. Наконец, весь жар любовного чувства выдает себя в судорожном удерживании талера, который должен привязать к близости любимого, — и еще больше в действительном сжатии руки и в последнем ощущении монеты при пробуждении. При этом обмане последощущения вспомним живое послевкусие, которое после питья вина во сне ощущаешь еще на языке при пробуждении.

Сон о досадном настроении. Всякое досадное настроение негармонично, требует поэтому неприятных образов и побуждает к беспокойному волнению и движению. Пожилой даме, которая, будучи сама по себе горячего нрава, часто впадает в досадливое настроение, после явного проявления такого настроения днем приснился в следующую ночь такой сон: «Она идет с более молодой дамой, с которой наяву плохо уживается, из города в деревню, чтобы сделать там домашний заказ. Там они подходят к крестьянскому дому, на крыше которого сидят три кошки, вдвое больше обыкновенных, широко расставив лапы; еще пять других кошек, дико толкаясь друг с другом, одна за другой присоединяются к тем трем. Тут вдруг одна кошка прыгает с крыши на спину сопровождающей (неприятной ей) даме; та, разумеется, пугается, сновидица же рассуждает, что „это ничего не значит, кошка просто хотела удобнее спрыгнуть, потому что крыша слишком высока“. Затем сновидица видит себя идущей со спутницей по шоссе, и обе босиком. Дорога же была так густо усыпана острыми камешками, что они никак не могут ступить; и они страстно желают, чтобы пришла железная дорога и можно было сесть. Тут по шоссе подкатил железнодорожный поезд, совсем как большой почтовый дилижанс старых времен. Он остановился, они сели; но, к ее ужасу, сновидица оказывается

наверху, на крыше вагона, и в большом страхе непрерывно кричит, чтобы ее тоже пустили вниз, в вагон».

Разбор: уже неприятная спутница спящей отличает недобрый сон настроения; кошки, всегда верные спутницы женской склонности к ссорам во сне, являются в большом числе и внушительной величины. И все же они не проявляют враждебности: одна безобидно прыгает через неприятную спутницу на землю, а сновидица даже объясняет ей безобидность случая. Все это уже показывает пассивную сущность лежащего в основе дурного настроения в противоположность активности аффекта. Но даже на вершине сна, который поднимается от тягостного хождения босиком по дороге до страха на опасном сиденье вагона, не наступает никакой собственной активности действия сна: сновидица терпит то, что причиняют ей обстоятельства, не сопротивляясь, то есть, несмотря на большой страх, не спрыгивает решительным прыжком с вагона, а довольствуется робким криком; аффект же стал бы действовать. Весьма определенно, кажется, выражается пребывание пассивного возбуждения настроения в себе теми пятью кошками, которые, дико толкаясь между собой, не достигают никакого действия за своими пределами; странная величина кошек при полной безопасности для сновидицы говорит то же самое.

§ 33. Седьмая главная группа: сны аффекта

Аффект коренится, как и настроение души, в душевном чувстве; но тогда как настроение пребывает, колеблясь, *внутри* душевного чувства и пассивно довольствуется собой, аффект противостоит ему как активное возбуждение душевного чувства и всегда обнаруживает стремление действовать за свои пределы, потому

что он — *сильное* возбуждение души. Именно поэтому всякое возбуждение аффекта во сне, разделяя с настроением одинаковое происхождение из бодрствования, выступает со всеми признаками энергии. Его существо отважно само по себе и рвется к действиям, поэтому и фантазия сновидения должна по нему ставить сновидца в деятельность и деятельное действие; поэтому сон аффекта всегда протекает в очень живом психическом и телесном (кажущемся) действии, и где у фантазии есть основание отвратить живость от самого «я» сновидения и обратить ее к обстановке, там она вместо уменьшенного действия сновидца непосредственно ставит тем более выразительную жизнь в его окружении. С неутомимостью же действия непосредственно связаны непрестанное беспокойное блуждание и перескакивание аффекта от образов к образам, отчего развивается все новая побеговая сила действия; и если уже более кроткий сон настроения имел власть разворачиваться в роскоши отмеченных образов воспоминания, то несравненно более отважный аффект должен обладать ею в гораздо высшей степени; и если он недовольного рода, он выступает мятежно, словно перемешивая внутренности всего шара сновидения, и выгоняет в сновидце самые сильные и самые противные образы из всех эпох прожитой жизни или же создает из более безобидных тем более раздражающие или нелепые сцены, нанося удары то душевному чувству сновидца, то его рассудительности. Именно из-за своей торопливости он позволяет себе также притягивать образы, которые имеют не одинаковый *тон* возбуждения, лишь бы они выражали одинаковую *степень* возбудимости; впрочем, это проявляется большей частью лишь в невеселых аффектах, а радостные показывают такую же ясную и ровную веселость тона, как со своей стороны более терпеливые настроения. — После

этого будет легко судить о следующих фактах, которые мы приводим как можно разнообразнее, сообразно собранному нами самими материалу; более короткие сны аффекта мы ставим впереди тех, что показывают последовательность действия в развитом размахе.

Сон мальчика о недовольном аффекте. Сновидец — тот самый кроткий мальчик, которому принадлежит сон о бусинах в предыдущей группе. Повод: задетое самолюбие мальчика накануне вечером, потому что другой мальчик всегда умел ответить быстрее, чем он. Ему снилось: «Он у себя на родине; его старшую сестру только что девять раз увозили на свадьбу в праздничной карете, теперь ее должны были увезти еще и в десятый раз. Тут мальчик вместе с младшими братьями и сестрами очень рассердился на такое предпочтение, и они громко потребовали у матери, чтобы теперь поехали *они*. Мать же решительно отказывает. От этого дети совсем возмущаются, громко плачут, кричат вслед карете, в которой предпочтенная сестра опять уезжала, бросают камнями вслед карете и бранят сестру. Все это так взволновало мальчика, что он проснулся весь в слезах».

Разбор: видно, что здесь повсюду жизнь, деятельная, отважная, решительная сила, — так говорит аффект. С самого начала сцена завязывается образом праздничной, катящей кареты; и умчится она не один раз, а девять, десять раз. Этим аффект пробуждает в сновидце зависть и усиливает свою силу соединенной толпой одинаково чувствующих братьев и сестер. Недовольство отважно вырывается из них всех, они требуют своего права у матери. Разожженная отказом, страсть разряжается окончательно; громко плакать, браниться, бежать за каретой, бросать вслед ей камни — все это отважная сила и деятельное действие аффекта. — Сквозь

все изображение просвечивает определенный тон лежащего в основе возбуждения душевного чувства: уязвленное самолюбие. Образ свадебной кареты, то есть однажды бывшей поездки, — отмеченный образ воспоминания, так же как и окружение братьев и сестер.

Радостный сон аффекта у дамы. Повод: принц Фридрих Вильгельм сдержал данное слово и ввез свою юную супругу в Бреславль; весь народ Бреславля радостно ожидал их, среди ожидавших до самой ночи была и сама сновидица, ее место было у театра, что необходимо отметить для объяснения сна. Дама в зрелых летах, благочестивого, самоотверженного, живущего лишь домашними обязанностями характера, увидела в ту ночь такой сон: «Она должна была выступить в театре и взять на себя при этом большую роль; когда она приходит туда, многое еще нужно устроить, и ей нужно еще поговорить с режиссером, которого она ищет. Но она не находит его, и вот ей показалось, будто она должна выйти в своей роли, и у нее было (дословно по ее рассказу) огромное мужество для этого, так что она сказала себе: „Люди скажут: вот совершенная артистка!“ Словом, она уверенно ожидала прибытия принца в ложу и казалась себе „совсем другим“ человеком; затем сон перешел на одно знакомое будничное лицо, которое она будто бы видит в театре, и кончился».

Разбор: если представить себе тихо-скромный домашний характер сновидицы, поражает смелость, с которой аффект поднимает ее над привычным тихим миром: из робкой выходит смелейшая актриса, только в большой роли она должна выступить, она чувствует растущее мужество в груди, тогда как высокий гость ожидается в качестве зрителя; она кажется себе уже не самой собой, а «другой»: прекраснейшая самопохвала оживляющего аффекта. Образ театра, хотя он и отмечен

воспоминанием, избран фантазией ради свободы действия на сцене, где жизнь жестов вместе с тем возвышает и прославляет ее; в действительности сновидица стояла лишь снаружи, вблизи театра, скрытая в толпе зрителей, — фантазия аффекта тотчас ставит ее внутрь, на сцену, и дает ей самой быть созерцаемой взорами толпы.

Радостный сон аффекта у мужчины. Сновидец — я, аффект и повод — только что описанные. Любопытно будет увидеть проявление того же дела в мужской форме. Мне снилось: «Я на охоте на волка, но не как охотник, а как зритель. Я видел, как идет волк, он подошел к лежащему в траве самцу косули и обнюхал его; тот же не шевелился, только судорожно вздрагивал при обнюхивании. Но волк не схватил его, потому что грянул выстрел и тотчас за ним второй — от охотника, стоявшего ближе всех ко мне. Я спокойно смотрел на все это дело сбоку из небольшой ложбины. Волк убежал после второго выстрела. Затем вышли охотники и сказали, что волк, должно быть, подстрелен, потому что после каждого выстрела он заметно припадал. Но волка не было. Охотники, мои действительные товарищи по охоте прежних лет, теперь все сошлись, впереди лесничий-предводитель, причем он указал на висящего у его ягдташа аффенпинчера как на подстреленную добычу».

Разбор: здесь аффект, сообразно мужской природе, избрал для своего проявления охотничью сцену; звонкий выстрел в лесу, волк, приближающийся под выстрел, — его выражения радости. На волчьей охоте я в жизни не бывал, поэтому охота на волка избрана фантазией самостоятельно. Что она избирает целью волка, то есть неистового зверя, показывает, что лежащий в основе аффект величественного рода, а здесь — радостно-величественного. Благоприятный для главного предмета охоты,

то есть для волка, ход ее со своей стороны показывает безобидную (потому что радостную) природу аффекта. Фантазия ставит носителя аффекта, то есть сновидца, лишь зрителем, сообразно роли зрителя, которую он исполнял накануне вечером; зато она усиливает предмет охоты до волка и дает выстрелам творить жизнь. Охотники — отмеченные образы воспоминания, потому что это знакомые. Подстреленный аффенпинчер в петле ягдташа (как уже упоминалось при отмеченных снах для их ближайшей характеристики) — отмеченный образ предыдущего дня, потому что я видел такого из гипса, и притом в комическом сопоставлении с античной богиней; видно при этом, с какой силой отмеченный образ обыкновенно пробивается вперед, где есть хоть какой-нибудь повод, — особенно как заключительная точка сна он занимает выдающееся место.

Развитой утренний сон аффекта. Он возникает вследствие жизненной силы, вновь возбужденной в теле и душе укрепляющим действием сна; поэтому основанием своего возникновения он обязан не бодрствованию, как прочие сны аффекта, а веселому жизненному духу души, образующемуся во сне вследствие живого подъема всей иннервации перед пробуждением, который захватывает и душу, хотя, с другой стороны, и психическое само по себе получило свое укрепление в процессах сплавления во сне; поэтому этот сон аффекта несется во множестве живейших телесных движений (действий), в которых обнаруживается жизнерадостность души, или же он непосредственно переводит телесное действие на жизнь душевного чувства. Утренний сон аффекта — всегда свидетель здорового, укрепляющего течения сна и заранее вестник веселого, полного сил к работе пробуждения; в более молодом возрасте одинаково частый у мужчины и женщины, он живописует

утреннюю зарю пробуждающейся души. Например, мне снилось: «Я гоняюсь самым живым образом для забавы, как это делают мальчиком, но будучи взрослым; моя почтенная, уже очень преклонных лет мать — та, за которой я гонюсь, а моя горячо любимая младшая сестра, взрослая девушка, — другая, за которой гонятся. Место — просторный чердак дома, в котором я провел детство. Я все время играю в прятки, тогда как обе женщины постоянно искали меня и, как ни старались, не могли найти; они были внизу на чердаке, я большей частью в верхних, образованных открытыми балками и досками головоломных областях. При этом фантазия рисовала множество сменяющих друг друга и теряющихся друг в друге сводов, подмостей, перегородок, укромных углов на чердаке, между которыми я, незамеченный преследовательницами, все снова выступал и все снова ускользал. Долго длилась игра, я двигался при этом в самых странных телесных изгибах и взмахах; то стрелой вылетал вперед, то взмывал словно в полете снизу вверх, и прежде чем они замечали меня наверху, я уже снова протискивался внизу через узкое отверстие и прятался заново, — все в движениях, далеко превосходящих человеческую силу. Тут вдруг сцена меняется: я, юноша, сижу с молодой дамой за роялем, мы играем в четыре руки и свободно фантазируем наперебой; все труднее играла девушка, наслаждаясь быстрейшими пассажами, а я, аккомпанируя, старался поспевать за быстротой модуляций; затем девушка еще и запела, играя, а я по-прежнему спешу за ней пальцами; с удовольствием длится сцена. Тут вдруг снова меняется картина: перед сельским домом простирается луг с такой прекрасной зеленью, что она еще и при пробуждении приковывала меня; мимо течет бодрая река; веселая толпа юношей и мужчин резвится на лугу в пестрых купальных костюмах, я среди них, все

проворно бросаются в реку, и мы плывем; соревнуясь, обгоняет то один, то другой. Река долго извивается, по сторонам тенистые деревья, мы плывем все дальше и дальше, в деревьях громко поет соловей; наконец мы у места выхода, толпа разбегается, и сон аффекта уступает место свободной ассоциативной жизни образов».

Разбор: лежащий в основе жизненный аффект говорит во всех сценах; фантазия изливается в одних живых действиях, в которых сновидец занят самым проворным образом. Нервное возбуждение говорит из полноты телесных упражнений в силе, ловкости и проворстве — очень остроумно выражено в беглом движении пальцев при игре на рояле, как самой легко управляемой конечности; психическое же возбуждение — с самого начала в выборе любимейших лиц, с которыми действуешь, затем в одухотворенном юношеском сне о любви и звуках; эти последние — позднее еще и в пении соловья, который опередил девушку в пении. Все образы ясно и чисто говорят веселый тон лежащего в основе аффекта; они почти сплошь отмечены и обладают притягательной силой для душевного чувства: мать, сестра, родной дом, мальчишеская забава в первой сцене; игра на рояле, свободное фантазирование, поскольку я в юности очень любил это делать, — во второй сцене; упражнения в плавании третьей — мое повседневное занятие летом.

Развитой сон аффекта недовольного рода в восьми сценах. Сновидец — я, поводом аффекта было полученное накануне днем известие, которое уничтожило весьма существенную для меня надежду. За этим непосредственно последовало недовольство в мужской душе упорно противящейся судьбой; ибо твердый мужчина не плачет и не сетует вслух, как это свойственно более чувствительной женской натуре, и не ищет, как порой делают

женщины, облегчения, омрачая веселость окружающих: он носит неудачу замкнуто в себе и принуждает аффект, отмирая в мужской груди, закалять силу сопротивления мужества. Из этого недовольного ощущения возник следующий сон и его богатство подвижных сцен, о которых уже в начале этой главной группы сказано, что они необходимо вытекают из мятежной природы аффекта.

Первая сцена. Мне снится, будто я на одной здешней очень оживленной улице и говорю со знакомым генералом, который в штатском; на нем слишком короткий белый жилет некрасивого узора; я тотчас прямо на улице снимаю сюртук и протягиваю ему свой жилет вместо его, он дает мне свой, и я называю ему цену моего. Он направляется к своему дому, доверенный его спутник говорит мне: «Не назови вы ему цены, что оскорбило его деликатность, он дал бы вам два талера». Я же был очень возмущен этим, так как заплатил за свой жилет гораздо больше.

Разбор: оживленная улица, отличный по рангу человек, затем курьезная сделка и ее досадность, свободное действие сновидца на улице — все это обозначает жизнь лежащего в основе аффекта. Сделка с жилетом, как и генерал, основаны на отмеченном представлении действительности. Незадолго перед тем я видел этого генерала, занимавшего здесь видное положение, в парадном мундире и при орденах по политически важному поводу, причем мое внимание обратилось на него; и тоже незадолго перед тем я в действительности примерял в магазине одежды светлый жилет, причем обслуживавший приказчик бойко уговаривал меня, что он достаточно длинен, тогда как я видел в зеркале, как он короток, отчего очень рассердился. Из этих двух отмеченных образов фантазия, возбужденная аффектом, свободно ткет курьезное действие на улице; какое дело ей, свободной от мышления, до

смиренного положения, в которое она ставит сновидца, — хотя мыслитель сам гордее генералов: ибо чем скромнее его ум на службе истины, тем мощнее возносит его свободное чувство парить по неизмеримым полям космоса, духа и вплоть до божества, и он тихо меряется с орлами.

Вторая сцена. Сразу затем ко мне неожиданно приезжает в гости друг из Берлина вместе со своей (уже много лет как умершей) женой, и они останавливаются у меня, причем фантазия рисует все подробности, которые вызывает в маленьком хозяйстве нарушение порядка нежданно прибывшими гостями. Я являюсь при этом женатым и обладающим семьей, хотя в действительности у меня нет ни того ни другого.

Разбор: появление друга издалека, затем умершего человека, нежданный и беспокоящий приезд, возвышение холостяка до супруга и отца семейства, сумятица в маленькой семье — все соответствует аффекту.

Третья сцена. Мои гости, снится мне дальше, уже на вокзале, чтобы уехать; я еду за ними верхом на пони по той же улице, где встретил генерала, и хочу сойти у дома, где некоторое время назад купил превосходные сигары. Но конь дик, понес меня, я теряю поводья и держусь лишь за гриву. При этом мне приходит в голову, что глупо ехать на вокзал верхом, ведь не могу же я с лошадью появиться на перроне, а если отдам ее кому-нибудь подержать, с конем могут убежать.

Разбор: езда верхом характерна для активности аффекта, так как я не умею ездить верхом; еще больше — дикость коня и опасное положение всадника. Всадника фантазия заставляет сойти у дома прежней покупки сигар: ибо место, где покупаешь такой прекрасный аромат, отмечается так же громко и приятно, как для юноши дом, из которого выглядывала хорошенькая

девушка. И заботливое раздумье, что на вокзале с конем могут убежать, обозначает неприятный характер лежащего в основе аффекта. Езда по той же улице, где была сделка с генералом, — связующий момент этой и первой сцены, несмотря на все дальше спешащую торопливость аффекта.

Четвертая сцена. Затем я прихожу в свою квартиру и смотрю, что с моей канарейкой; к испугу замечаю, что из-за домашних беспорядков от гостей ее забыли покормить, и она лежит мертвая на дне клетки; клетка состоит из своего рода большого и высокого, совершенно гладкого кубка, над которым нет проволочной сетки и в котором нет жердочек; тут я говорю себе: птица потому мертва, что без жердочек не могла достать ни корма, ни питья. Тогда я беру птицу, кладу ее клюв между губами, вдуваю ей дыхание и смачиваю ее слюной: птица шевелится, просыпается и мало-помалу совсем оживает, — и в тот же миг я оказываюсь в большой церкви.

Разбор: сцена с умершей от голода птицей стоит за негармоничность аффекта; сама канарейка — отмеченный образ, как и ее кормление, так как у меня есть такая птица и ради аккуратного ухода я сам о ней забочусь. Форма клетки в виде гладкого глубокого кубка очевидно возникла из образа поилки в действительной клетке. Чудесная сцена оживления птицы — свободная искусная выдумка фантазии, которой на пружинах аффекта и самое невозможное кажется легким; к оживлению же птицы ее побудило возбуждение сострадания при виде мертвой, по которому она тотчас исполняет желание, — как уже не раз замечалось.

Пятая сцена. В церкви звучит великолепный хорал, я освежаюсь им всей душой, тихо и благоговейно сижу на стуле в углу церкви; прямо напротив меня сидит старая женщина на

скамье, которая одна поставлена «вдоль» церковного корабля, тогда как все другие идут поперек корабля; ее маленький сын сидит рядом на поперечной скамье. Вдруг старуха с бранью идет на меня, ссорится со мной (без всякого повода с моей стороны) и резко требует, чтобы я встал и отдал ей стул за мной, она тоже хочет сидеть на таком и быть ближе к сыну, — и я должен встать и отдать ей его. Затем я оказываюсь вне церкви.

Разбор: церковь, в которой звучит хорал, вызвана предшествующим представлением певчей птицы. В самой церкви сновидец показан в освежающе-задушевном настроении, чтобы противоположность противного выступила тем выразительнее, — заострение изображения контрастом, которое фантазия сновидения, как известно, применяет очень часто. Живая противность лежащего в основе аффекта бранится устами сварливой женщины — самого противного образа для действительного чувства сновидца: я почитаю благородную женщину, которая в горе и радости несет кроткий покой богини, словно богиня; — такой я мыслю себе непременно по меньшей мере почтенную матрону, иначе она для меня просто пожилая женщина; — тем живее мое отвращение к сварливости, оно сильнее, чем к смерти, ибо смерть любишь, когда жизнь естественно клонится к концу и превосходное стремление и достижение сделали ее блаженно вкушенной. — Что фантазия посадила сварливую женщину во сне отдельно, на скамью, идущую против остальных, кажется, не без отношения к строптивости характера, — достаточно тонкой мы уже узнали фантазию сна.

Шестая сцена. Я на кладбище; без всякого повода я обнажаюсь, как для естественной надобности. Но быстро снова одеваюсь, потому что как раз люди выходят из церкви, от чьих взглядов я

хочу спастись. Я выбегаю через кладбищенские ворота, через короткую деревню, и быстро оказываюсь в открытом поле.

Разбор: сцена — сплошное действие; указанное обнажение без органического побуждения наступает лишь вследствие предшествующего женского образа: женщина и нагота, нагота и женщина всегда взаимно вызывают друг друга в мужском сне; в женском сне на место женщины выступает мужчина. В роковое положение фантазия приводит сновидца, чтобы через грозящую неожиданность и стыд изобразить противную сущность аффекта; такие свободные композиции встречаются в жизни сновидения во множестве.

Седьмая сцена. В открытом поле я вижу деревенских мальчиков, занятых столь же оживленной, сколь и странной забавой. Они заняты бросанием, предмет броска падает далеко впереди них: я смотрю и изумляюсь, ибо то, что они бросают, — собака, совершенно похожая на кролика; едва упав с высоты броска, она приветливо прыгает проворным бегом назад к мальчикам; они бросают ее снова и снова высоко по воздуху, она так же весело бежит опять к броску, словно это ей особенно нравится.

Разбор: как оригинальна фантазия в изобретении движения! как выразительна в двойном движении бросающих и самого снова движущегося брошенного; непрерывным бегом брошенного туда и обратно изображается как бы колесо движения. Тем не менее в основе этой странной забавы лежит вполне естественная сцена воспоминания из действительности; незадолго перед тем я наяву смотрел из своих окон на мальчиков на площади перед моей квартирой, как они при сильном ветре бросали в воздух бумажные кульки острием вперед, которые потом далеко улетали, а мальчики гнались за ними. По этому отмеченному образу сцена

сна свободно сочинена. Вместо брошенной неживой вещи здесь выступает собака, чтобы выразить ее подвижность живым существом; собака похожа на кролика — это, очевидно, взято из образа зайца, так как сцена разыгрывается в открытом поле, где мальчики часто спугивают этих зверей.

Восьмая сцена. Затем я без всякого перехода оказываюсь на школьной скамье гимназии, но перед здешним профессором университета, с которым в научных диспутах не раз вступал в спор: я вижу себя при этом учеником и терплю все мучения плохой подготовки. Профессор упрекает меня, что я так мало стараюсь в этом деле. Мои соседи (мне казалось, что я в кварте гимназии, где получил школьное образование), и особенно один ученик кварты, бросавшийся мне в глаза в школе своим красивым почерком, подсказывают мне слово, которое спрашивает профессор: «мышь, мышь» — слышу я постоянную подсказку, но я столь же честолюбив, чтобы повторить, сколь и слишком боязлив, чтобы сказать что-нибудь неверное и осрамиться; от невыносимости этой муки самолюбия я просыпаюсь.

Разбор: недовольный аффект сосредоточивает здесь напоследок всю свою силу, чтобы заявить о себе; всегда послушной фантазии очень легко осуществить это через названную очень мучительную сцену; всякий, пожалуй, еще знает по воспоминанию невыносимую муку такого мальчишеского положения. Университетский преподаватель и класс мальчиков слились воедино по родству понятий университета и гимназии. Сама эта сцена со школьниками явилась вследствие мальчишеской забавы предыдущей сцены; в самом деле, фантазия заставила остро противную школьную сцену непосредственно следовать за той веселой мальчишеской забавой только затем, чтобы снова контрастом еще больше выделить противное; очень

тонко выражается, наконец, связь обеих сцен тем, что фантазия вкладывает подсказчику в уста слово «мышь, мышь», противопоставляя тем самым собаке предыдущей сцены соответствующий образ подвижности. Для навязчивой же природы отмеченных образов характерно, как фантазия со всей силой была принуждена вставить образ ученика с красивым почерком, несмотря на совершенно иной род разбираемого учебного предмета — и несмотря на промежуток в двадцать лет с того времени до сегодня, за все время которого я того ученика больше не видел. Видно, как аффект перемешивает образы.

§ 34. Восьмая главная группа: сны фантазии

Они образуют очень многочисленную толпу и наполняют шар сновидения странными и чудесными образованиями. Фантазия — самая цветущая сила сновидения и та сила духа, которая в ночи сна, где покоится самодеятельность «я», действует и творит на ее месте; поэтому ее выдающейся жизни во сне необходимо должно соответствовать большое богатство образований сновидения и лежащих в их основе характерных разновидностей. Различные типы разновидностей образуются частью из самой фантазии — как ее собственные способы проявлять свою жизнь, частью из постоянно выступающих побуждающих раздражений одинакового рода, по которым фантазия развивает себе неизменные формы образования. Многие из этих форм снов фантазии мы уже встречали в развитых до сих пор фактах сновидения, так как они часто вкраплены в другие образования или оспаривают у них ранг и существование; однако до сих пор мы могли уделить особое внимание лишь символическим образованиям фантазии, так как они при снах раздражения и снах

чувств прямо входят в их сущность как составная часть и потому должны были привлекаться к объяснению; для остальных же, а также для самого символического образования, поскольку оно еще не рассмотрено, здесь место для самостоятельного рассмотрения.

Первый порядок: обыкновенный сон фантазии, или сон расширения

Он основан на черте, непосредственно лежащей в творческой сущности фантазии, — изливаться из себя и тем растягиваться и расширяться. Всюду, где фантазия делает сильный приступ к деятельности, тотчас выступает стремление к расширению; а так как она при этом всегда вынуждена исходить из отображений действительного, расширение воплощается в них самих, и они принимают тем самым величину, далеко превосходящую их действительность, и вместе с ней характер странного. Стремлению фантазии к расширению к тому же благоприятствует зыбкая природа сна относительно мер, так как для точного их разграничения недостает острой деятельности рассудка.

Сны расширения очень часты. Уже при действительных звуковых впечатлениях ночи мы их видели: услышанный свист ветра является бешеной бурей, услышанный плеск дождя — бушующим шумом разливающихся вод и т. д. Одной даме снилось, что сильный вихрь распахнул ей окна, она спешит к ним и закрепляет их длинными железными шестами (длинные железные шесты — расширение оконных задвижек). Мне снилось вскоре после Рождества, что я захожу в трактир и там на столе лежат пряники (медовые коврижки) величиной с солдатский хлеб, так что каждый из гостей отрезает себе от них, как от хлеба, — точь-в-точь как в сказочной стране изобилия (величина солдатского хлеба — расширение всем известной формы

продолговато-четырехугольных пряничных плиток). Когда мне снятся цветы — я любитель садовых растений и считаю обработку земли лопатой весьма философским занятием, — я вижу цветы, у которых несколько обычно растут из одного корня, как, например, примулы, в такой густой массе стеблей рядом друг с другом, что они очень похожи на сноп, — многие вместе со мной испытали искусство сна наполнять (здесь расширение произошло через умножение). Когда снятся собственные комнаты, в которых ежедневно привык двигаться, они почти всегда являются увеличенными в объеме, иногда сверх всякой меры. Одной даме, которая сама ведет свое хозяйство всего в несколько комнат, снилось: она занята предпраздничной уборкой своей квартиры; но маленькая квартира приняла размеры дворца, с необозримым множеством комнат, окна вдвое больше настоящих, каждое состоит лишь из двух больших стекол, верхнее из которых немного меньше нижнего. Здесь фантазия истинно пластически возвысила весь дом не только с комнатами, но и с отдельными частями, как окна и стекла, в одинаковом соотношении. — Если во сне заглядываешь в печь, в которой хочешь развести огонь, то непосредственно при взгляде из сравнительно все же небольшой внутренней полости вырастает просторная комната, в которой, забыв о растопке, беззаботно расхаживаешь взад и вперед. — Очень любопытны изображения высоты. Так как у фантазии нет острого мерила, она часто дает высокому высоту сверх всякой соразмерности; и если какая-нибудь высокая вещь имеет определенное назначение для других вещей, то и те являются заодно на головокружительной высоте. Так, мне снилось однажды: «Я перед королевским замком в Берлине и вижу, как запряженная четверкой карета короля подъезжает к крыльцу; но оно на третьем этаже, и вокруг дворца карета поднимается,

обвиваясь, на три этажа вверх к крыльцу; королевская особа садится, и карета, съезжая сверху, исчезает за другой стороной дворца». Высота здесь поставлена произвольно, образ подъезда к крыльцу примыкает к реальности королевского замка в Бреславле, где я с интересом видел, как подъезжали и отъезжали принц-регент и император России. — Но как фантазия расширяет длину как длину, так она поступает и с краткостью как с краткостью. Это очень легко наблюдать, когда едешь во сне по железной дороге: путь в десять миль, кажущийся наяву сравнительно коротким, во сне думаешь пройти так легко, что расстояние кажется лишь одной милей, и решаешь совершать эту короткую поездку к родным или друзьям почаще. И так же увеличиваются особенности характера людей; при такой поездке по железной дороге во сне я встретился с человеком, известным мне в действительности как шутник и любитель прихвастнуть; но, к моему изумлению, я нашел его искусство прихвастнуть во сне еще в десять раз преувеличенным, как мне показалось в самом сне. Фантазия, взятая в состоянии свободы сновидения, — та самая, что была матерью Мюнхгаузена.

Второй порядок: усиленный сон фантазии

Он во многом разделяет с предыдущим характер расширения; однако его расширения никогда не происходят непосредственно из пластического растяжения фантазии вперед, а вызываются совершенно определенными раздражениями аффекта, возникающими во время сна. Когда перед созерцанием выступают образы сновидения, которые вызывают радость, удивление, испуг и тому подобное или хотя бы более сильное напряжение внимания сновидца, это тотчас так действует на дальнейший ход сна, что фантазия снова подхватывает возбуждающий образ

аффекта и изображает его теперь в далеко увеличенном масштабе, экстенсивно или интенсивно, по числу, или по пространству, или по внутреннему содержанию, так что аффект, исшедший от возбуждающего образа, служит в свою очередь усилению самого образа. Поэтому в каждом усиленном сне расширенный образ является в двух частях: в меньшей, которая пробудила мгновенное волнение душевного чувства, и в большей, которая была увеличена или усилена этим волнением; и этим раздвоением каждый усиленный сон тотчас оказывается отличным от обыкновенного сна расширения, то есть основанным на иной причине.

Сюда относятся прежде всего всем известные сны о находке золота и денег. Найдешь несколько золотых — это возбуждает радость сновидца, и тотчас фантазия вследствие этого возбуждения ставит еще столько же золотых; радость же снова непосредственно растет с умножением, и фантазия соответственно высыпает нескончаемые ряды золотых монет, — куда ни толкнешь ногой, блестящая монета выпрыгивает из земли. Но так же фантазия способна усилить найденную монету интенсивно: так, молодая дама во сне, едва найдя к своей радости монету в два гроша, тотчас увидела рядом монету в два талера; возбуждающий первый образ вырос, следовательно, в форме своей ценности. Если во сне видишь, как на улице подбрасывают в воздух пестрые шапки (все образы, которые блеском или пестротой приковывают глаз или малостью или быстротой подстегивают внимание, суть вместе с тем, как мы знаем, представители сна раздражения зрения), то сразу затем видишь крыши домов усеянными пестрыми шапками, и это умножение произведено веселящим интересом зрителя. То же относится к летящим птицам; мне снилось, что я стою на красивом холме, где

в действительности не раз бывал на охоте на куропаток; сильный выводок куропаток пролетел над моей головой, и, пока я смотрю и считаю их, налетел уже гораздо больший, и вследствие тем более сильного удивления все небо надо мной наполнилось таким множеством куропаток и голубей, что они, право, казалось, затмевали солнце. — Если же возбуждающий образ волнения — какой-либо продолговатый по своей природе предмет, то усиление следует этому бросающемуся в глаза моменту; и наступает расширение в длину. Сюда относятся сны мужчин об удлинении бороды. Если во сне рассматриваешь себя и свою бороду и тебе бросается в глаза ее цветовое украшение фантазией сна, то и борода длиной в дюйм вырастает до внушающей благоговение длины, и кажешься себе иудейским патриархом. Легко фантазия при этом сбивается на путь ассоциации-обманки, принимая длину бороды за свисающий с подбородка толстый канат, а саму бороду помещая на нижнем его конце лишь как пучок волос, как у помазков для бритья, причем эта последняя часть кажется вместе с тем вышедшей из раскрученного каната. — Дама, которую во сне пугал назойливый нищий («парень») в ее двери, видела, как его торчащие зубы выросли в дюймовые угрожающие клыки, отчего, испугавшись, она застонала во сне и была разбужена мужем (здесь действующим аффектом был страх). Другая дама, которой снилось, что она ковыряет в зубе, увидела, как из него выходит маленькая белая нить, и с изумлением потянула за нее; тем длиннее росла нить, пока она наконец, когда та была уже во много локтей длиной, с чувством удивления и страха одним сильным рывком руки не оборвала и не вырвала ее из зуба. — Мне снилось, что я вижу двух маленьких смоляно-черных гусениц медведицы примерно в пол-локтя от моей ноги, ползущих по земле. Тут кто-то подходит и говорит мне,

что это опасная гусеница Х. Х. (причудливое название я скоро забыл); это меня внезапно удивляет, и в тот же миг я вижу гусениц увеличенными почти до двух дюймов и одновременно с увеличением стрелой метнувшимися к моей ноге, чтобы укусить меня сквозь легкую обувь, отчего я проснулся. Развитие усиления здесь легко проследить: смоляно-черный, густо волосатый облик гусениц пробуждает в «я» сновидения своего рода опасение, оно выговаривается через фантазию как предостережение об опасности зверя; усиленный возбуждением от предостережения, аффект тотчас производит удвоенное усиление, не только удлиняя облик гусеницы, но и возвышая ее ползущее движение до молниеносной быстроты. — Еще чудеснее является фантазия, когда усиливает движения, направленные в высоту. Так, двенадцатилетнему мальчику снилось, что он перед родительским домом и забавляется с другим мальчиком тем, что они попеременно поднимают друг друга вверх и потом дают упасть; это живейшим образом занимает сновидца, и вдруг он видит, как товарищ снова поднимает его и так высоко подбрасывает в воздух, что он влетает в окно первого (верхнего) этажа и сквозь него падает, истекая кровью, на пол в комнате своих родителей. Здесь аффект сам по себе коренился в образе, выражающем качающееся движение и повторение движения, поэтому фантазия создает из обоих такую чудовищную силу броска. — Подобно этому протекает движение в высоту в следующем сне сомнамбулы Петерсен («Архив» Кизера, XII, 1-я тетрадь, с. 101). Ей снится, что она с дочерью в церкви; две свечи стояли на подставке, одна высотой в пять-шесть дюймов зажженная, другая высотой в тридцать-сорок дюймов *не*зажженная. Какая-то женщина велит дочери зажечь длинную свечу. Тут сновидица удивленно возражает: «Да ведь она не может,

она никак не достанет рукой до фитиля». Но едва она это выговорила, как дочь уже протягивает руку вверх и, причем рука, казалось, удлинялась, зажигает высокую свечу. Здесь возбудителем усиления служит удивление по поводу кажущегося невыполнимым повеления. — Наконец, фантазия сновидения так же прекрасно усиливает, выбирая для определения усиления не предмет аффекта, а сам аффект как таковой, выдвигая его перед объектом. Рассмотрим аффект удивления. Мне снилось: я вижу, как мальчик удит с моста рыбу в Одере, мои взгляды неотрывно устремлены на удочку. Рыба клюнула, и глубоко вниз ушла удочка; мне было любопытно, что выйдет. Тут я вижу: двое мальчиков держат в сети пойманную очень большую, ярко сверкающую на солнце рыбу. И пока я смотрю на рыбу и удивляюсь, как столь большую рыбу можно было поймать на столь маленькую удочку, я вижу, как позади рыбаков с неба опускается темная тень, а за ней тотчас — могучий воздушный шар обычной при подъеме величины, который молниеносно опускается на землю. Рыба была так велика, потому что я с напряжением смотрел на удочку; и так как я удивлялся странному улову, фантазия создала нечто еще более странное, следуя самому аффекту. С другой же стороны, образ шара вполне естественный: весь сон, как видно по образам воды, рыбной ловли и т. д., есть сон раздражения мочевого пузыря; шар — усиленный аффектом удивления символ наполненного (вздутого) мочевого пузыря. — Совсем подобно этому сну является тот, уже упомянутый при женском половом сне, где сновидица видит, как великолепные коровы рядом восходят на гору и все вместе опускаются на колени; удивленная этим, она видит, как у подножия горы вдруг выскакивает маленький серый человечек, весь заросший волосами, верхом на баране и исчезает на другой стороне горы. Здесь удивление по

поводу внезапного падения всех коров на колени (естественное основание которого было показано выше) стало поводом еще более чудесного явления: выступает привычный по народному поверью серый человечек и соединяется с символом мужского образа силы, который полагает женское половое раздражение.

Третий порядок: нелепый сон фантазии

Он охватывает все такие образования сновидения, которые, взятые в смысле бодрствования, содержат отношения, противоречащие действительности. Но у фантазии нет собственной черты образовывать нелепое; она вынуждается к этому вмешивающимися ассоциациями, раздражениями нервов или также естественным развертыванием своих пластических творений, при котором недостает сравнивающей деятельности рассудка. Почти нет ночи, в которую не снилось бы более или менее чего-нибудь нелепого, так как отношения образований сновидения постоянно лишены строгого регулирования рассудка; и пришлось бы перечислять факты до бесконечности, чтобы исчерпать предмет. Мы довольствуемся тем, что покажем бросающиеся в глаза несообразности нескольких снов.

Например: «Мне снилось, что в темнеющий вечер я ищу землянику на травянистом лугу, но не нахожу ни ягоды; вместо этого я выхожу к шпалере роз, где она висит по всем подвязанным кверху розовым кустам в богатейшем изобилии и красе, и меня радует пышно развившаяся гроздевидная форма ягод». — Очевидно, что здесь фантазия была вынуждена вступившей ассоциацией земляники и шиповника (плода розы) поместить землянику прямо на розовый куст.

Например: «Городскому мальчику, который проводил каникулы в деревне и имел обыкновение каждый день сидеть в садовой

беседке, откуда прямо видно было деревенское пастбище, снилось: он сидит за уроками в беседке и видит сквозь узкую щель в садовом заборе корову, пасущуюся сразу за ним. Вдруг корова прыгает сквозь эту узкую щель в сад, мальчик пускается наутек и т. д.». Здесь фантазия хотела лишь завязать действие между коровой и мальчиком, и так как щель в заборе давала для этого лучший случай, корова должна пройти сквозь нее, все равно, достаточно ли та велика или нет: рассудок здесь не помеха, потому что его нет.

Тому же мальчику вскоре после того приснилось в другой раз: он в маленьком, очень некрасивом экзаменационном зале, и старший учитель его класса как раз проводит перевод в следующий класс. Вдруг сновидец видит, что среди учеников множество безобразно желтых коров, иные всего с одним рогом, и что учитель так же решает, переводить ли их. Учитель попеременно судит то пару мальчиков, то опять корову, но всем коровам говорит: «Ты незрелая», так что под конец на одной стороне зала оказались все переведенные мальчики, а на другой — непереведенные мальчики и коровы. Несуразное сплетение коров и мальчиков в школе, на котором развертывается действие фантазии, возникло здесь очень просто через ассоциацию аффекта: часто виденные в действительности грязно-окрашенные и однорогие, а потому вообще безобразные коровы производили на мальчика весьма противное впечатление, как и незадолго перед тем в действительности — его страх перед переводом.

Например: «Мне снилось, что я иду через просторные сени дома и вижу там болтающегося на веревке повешенного; но он повесился не за шею, а вокруг туловища, по талии, и на лице его было еще живое выражение, хотя лицо было совсем темное». Диковинка такого повешения веревкой вокруг талии возникла просто от раздражения давлением в обозначенной веревкой области тела, то

есть в желудке или в спине; форма давления в раздражении особо обозначена давящей теснотой веревки.

Например: «Мне снилось, что я (по бодрствующему воспоминанию) нахожусь в сельской церкви на хорах; сын органиста, тучный господин, тоже на хорах. С органа звучит могучий хорал, и посреди него снаружи раздается великолепный гром; от этого тучного господина (отмеченный образ) отбрасывает так, что он стоя съезжает вниз по всей лестнице хоров». Гром вызван здесь уподоблением хоралу, и, продвигаясь вперед от обоих образов силы, фантазия хватает могучего мужчину, чтобы в его молниеносном отбрасывании символизировать энергию звучащих раскатов.

Например: «Даме снилось, что ее канарейка как раз вылетает из печи; но когда она начинает бояться, как бы птичка не ускользнула в окно, та снова влетает в печь, и, заглянув туда, сновидица видит ее совершенно бодрой и невредимой сидящей на раскаленных углях, чему никак не может надивиться». Этот сон — очень милый сон раздражения при возбуждении дыхания, и отсюда очень просто объясняется странное сочетание птицы и раскаленного угля. Уже птица, вылетающая из печи и влетающая обратно, показывает движение дыхания вверх и вниз; полость печи и раскаленные угли в ней — процесс дыхания, иначе говоря, горения внутри; птица же (привычнейший образ сна для возбуждения нервных раздражений) должна наконец сесть на раскаленный уголь, потому что она изображает возбуждение раздражения того самого, что изображает раскаленный уголь, то есть раздражения дыхания, а потому прямо к нему и на нем и принадлежит. Фантазия, следовательно, следовала при этом лишь лежащему в основе органическому нервному раздражению; разумно ли ее изображение в смысле бодрствования, фантазии все

равно: в смысле самой фантазии и жизни сновидения оно, несомненно, очень метко и прекрасно.

Так же на органическом раздражении основан (уже затронутый выше) сон полового раздражения одной дамы, где сновидица находится в коровнике и видит рядом мужчину с теленком; тут корова с верхнего настила хлева вдруг прыгает вниз по лестнице в хлев и при этом обрушивается передними ногами всем своим весом на мужчину, который держит теленка, а тот не падает и не терпит от этого никакого вреда. Затем скатывается вниз вторая корова, и сновидица убегает. Фантазия действует здесь в интересах женского полового раздражения и непременно вынуждена изобразить опускание полового органа в полость тела: поэтому ей обязательно нужно поселить корову на верхнем настиле символического для пола коровника, чтобы можно было дать ей ринуться вниз. С мужчиной ничего не случается от тяжелого падения коровы, потому что неистовством коровы фантазия хочет выразить не действительную ярость, а лишь возбуждение половых нервов; корова должна броситься передними ногами на мужчину, то есть как бы обнять его за шею, потому что половое раздражение требует удовлетворения в объятии. Как ни неуклюже выражено здесь объятие, оно все же дивно прекрасно как первородное создание фантазии и в согласии со скудным материалом образов коровника.

Например: «Мне снилось, что я вижу перед собой спелое пшеничное поле, на нем лежат два уже связанных пшеничных снопа, по которым прыгают вверх и вниз воробьи. Они (так мне казалось) говорят мне и очень весело насмехаются: „Гляди, сноп весь уставлен силками, а мы все прыгаем по нему и не попадаемся“. Тогда я подошел, воробьи улетели, и я действительно нашел, что сноп весь опутан силками, но они были из бечевки и

так велики, что сквозь них могла бы проскользнуть детская головка. Дальше я занимался тем, что прятал силки, чтобы их никто не украл, и попал при этом на хозяйственный двор и в открытые сараи».

Анализ: образы пышного пшеничного поля, сараев, прожорливых воробьев ясно показывают, что речь здесь идет об изображении раздражения аппетита со стороны желудка спящего; чтобы выразить голод, фантазия должна была нарисовать прожорливых воробьев; чтобы раскрыть неудовлетворенность желания, должны были появиться силки, в которые что-то ловится, то есть которые должны бы наполняться, но не наполняются, — объем силков вместе с тем дает копию округлости желудка. Комизм говорящих воробьев означает затем не что иное, как символически, через содержание слов, неутоленное желание желудка, которое уже само по себе выражено в том, что птицы прыгают в силках, не попадаясь. Несуразица же фантазии — посреди спелого пшеничного поля, которое дает птицам изобильнейшую пищу, обставить два снопа силками для ловли — возникла оттого, что фантазия, чтобы вообще добраться до снопов, на которых она хотела резче выразить раздражение аппетита, должна была сперва привлечь образ поля, где растет сноп, чтобы у снопа была основа; связанная с этим смехотворность ложится, следовательно, как раз на счет вполне нормального развития фантазии, которому, однако, недостает бокового освещения рассудка.

Четвертый порядок: переобразующий сон фантазии

Его сущность в том, что он, опираясь на какую-либо пережитую сцену действительности, занимающую сновидца, снова приводит ее к изображению в преображенной форме: либо

изображает ту же сущность происшествия на другом предмете, либо оставляет предмет пережитого происшествия неизменным, но произвольно преобразует при этом отношения действия. Поэтому он наполовину творческий, наполовину копирующий; встречается он чрезвычайно часто, и, по-видимому, особенно те люди, которым от природы не дана живая фантазия, достигают в такого рода снах уже высшего ее проявления. От сна аффекта, который тоже основан на предшествующем занимающем или вообще возбуждающем действительном факте, этот сон отличается тем, что прямо держится за предмет возбуждения, тогда как сон аффекта свободно творит свои картины из того порыва возбуждения душевного чувства, который предмет произвел и оставил по себе, лишь кое-где, в отдельных точках соприкосновения, намекая на возникновение аффекта из лежащего в основе повода-предмета.

> Например: «Мальчику, который накануне катался на коньках с тем большим удовольствием, какое свойственно беззаботному детству, приснилось ночью: он и его товарищ на балу и усердно танцуют; тут к ним подходит господин, особо берет их под свое попечение и раз за разом угощает пирожными и другими сластями, от чего оба в полном восторге».

Анализ: бал вместо катания на коньках выбран фантазией, очевидно, очень удачно; большой круг движущихся господ и дам, данный вместе с балом, совпадает с тем кругом людей обоего пола, который обычно резвится на катке. Точно так же маленький спутник сновидца на балу и заботливость пожилого (вымышленного) господина, благосклонно принимающего участие в обоих, — копия действительности, поскольку оба мальчика были вместе на катке и пожилой господин дружески им

помогал. Сласти, которыми их угощали на балу, — простые символические переводы детского блаженства при катании на коньках, так как сласти для детей заключают в себе воплощение всякой радости.

Например: «Мне снилось, после того как накануне вечером я основательно проэкзаменовал нескольких мальчиков по их школьным предметам: я ученик той же школы, которую посещают эти мальчики, и сижу там взрослым вместе с другими в младшем классе. Тут учитель собирает плату за учение, а я достаю из кармана газеты и читаю; за это мне дают два часа ареста, но я, сознавая свой взрослый рост, весьма решительно возражаю, после чего учитель отменяет мне арест, и тому подобное».

Анализ: школа, класс, мое лицо взяты прямо из бодрствующего повода; мое отношение к мальчикам свободно переобразовано фантазией, а именно — в уравнение с мальчиками; несмотря на это, чтение газет и уверенное в себе выступление против наказания удерживают исконный авторитетный характер взрослого сновидца по отношению к мальчикам и в этом уравнении. Сновидец был перенесен вместе с мальчиками в школу мальчиком именно потому, что перед тем в действительности занимался школьниками и школьными делами.

Например: «Даме, у которой недавно побывал очень милый ей гость, приехавший издалека по железной дороге, снилось: она в том месте и в том доме, откуда приехал гость, и стоит в комнате; вдруг она в испуге отступает в сторону, ибо, верхом на страшно длинных чудищах, голова которых походила на лошадиную, а туловище казалось чудовищным удлинением коровьего, в дом врываются ее деверь и сын (те самые гости), проносятся мимо нее и спешиваются».

Анализ: длинные чудища — свободные подобия железной дороги, созданные фантазией; господа ехали на них верхом, потому что и на железной дороге так же высоко поднимаются и сидят; и тоже из-за железной дороги они подлетают с таким шумом и так быстро, что сновидица пугается и отскакивает в сторону. Фантазия же переставляет еще и действительную сцену прибытия так, что сажает принимающую гостей в дом самих гостей и заставляет их прибыть к ней туда, как они прибыли к ней. — Этот сон из-за его чудищ можно было бы с тем же правом отнести к несуразным.

Пятый порядок: сон-сочетание

Он дает очень странные и занимательные образования сновидения. Они как две капли воды похожи на те художественные произведения бодрствования, где ваятель, живописец, поэт так сплавляет в одно разнородные существа, что из двух животных существ или из человека и животного как бы поднимается единый облик существа, вышедший словно из одной и той же идеи. Мы знаем, что уже в бодрствовании это совершала фантазия; тем легче должна пробовать себя в столь странных образованиях фантазия сновидения, гораздо более упругая и богатая формами, потому что она не стеснена и не ослаблена рассудком. Непосредственно и невольно фантазия сновидения в своих пластических творениях часто вкладывает два совершенно различных предмета друг в друга так, что из обоих является лишь одно-единственное странное существо-двойня, и притом в столь совершенном пластическом слиянии, что нигде не заметишь, что получившееся единое можно разложить на лежащую в его основе двойственность предмета. При этих образованиях сновидения мы с удовольствием постигаем вместе с тем тайный закон, по

которому совершается такое сплавление фантазии во сне и по которому поступала и бодрствующая фантазия самого художника. Всегда, а именно, это два следующих друг за другом или непосредственно стоящих рядом образа созерцания сновидения, из которых осуществляется сочетание; всегда оно возможно только потому, что фантазия непосредственно пластически переходит от одного образа к другому; а если перед созерцанием сновидения стоят два образа одновременно, то фантазия должна была особо заняться одним образом, чтобы от него тотчас перейти к другому. Внутреннее же происхождение сочетания таково: в созерцании фантазии как раз развертывается во всем своем объеме определенный образ и наполняет внутреннее внимание; но в тот же миг какой-нибудь закон ассоциации легко вводит в пластическое созерцание какой-нибудь новый образ, и фантазия, только что наполненная прежним образом, охватывает этот второй образ из еще полно светящегося общего впечатления первого так непосредственно, что второй действительно берет свой собственный облик вместе с тем из содержания первого и потому должен являться совершенно слитым с ним в одно; второй образ при этом растекается в первом, а так как он принес с собой свои собственные определенности, из этого образуется новое творение, содержащее определения обоих. При этом нужно помнить, что фантазия вообще никогда не схватывает свои образы из резко разделенных отдельных различий, как это делает рассудок, а из пластического совокупного впечатления различного, отчего процесс сочетания может даваться ей только легче. — Что же касается предметов сочетания, то само собой разумеется, что совершенно непроизвольная фантазия сновидения занимается лишь теми, которые как раз приводит к ней нерасчетливая ассоциация или иной случайный повод

раздражения; поэтому при своих сочетаниях она вовсе не может спрашивать, что годится для сплавления, а попросту сплавляет все, что соприкасается достаточно близко; поэтому она способна сочетать самые престранные вещи, о которых в бодрствовании и не думают. Часто такие сочетания вкраплены в другие образования сновидения и составляют в них более или менее существенные или занимательные моменты; или же они выступают свободно сами по себе и образуют свой собственный, самостоятельный род. При этом фантазия сновидения обладает совершенно одинаковой властью приводить в сочетание друг с другом как вещи пространственного облика, так и временные предметы, то есть действия.

> Например: «Мне снилось в одном (уже приведенном выше) сне раздражения: я шел среди вольной природы, там и сям на полях стояли статные хутора. Вдруг я, только что еще шедший по открытой полевой дороге, оказываюсь в каком-то большом длинном зале, сводчатый потолок которого держат ряды колонн; но весь зал без всякой обводной стены и свободно открывается в природу, как греческий храм; между рядами колонн зала свободно и вольно движется множество быков и людей, среди них я сам и мой спутник по прогулке, как это бывает на гулянье. На этой основе дальше развертывается сон раздражения».

Анализ: здесь сочетаны вольная природа, по которой я двигался, и скотный двор (хутора); последний схвачен так, как их теперь строят, то есть со сводами, на стройных чугунных колоннах, как это бывает в той местности, где я во сне будто бы гулял, и где я сам часто их видел и в них бывал. Непосредственный переход от вольной природы к хлеву (хутору) приводит к тому, что хлев схвачен из сущности вольной природы, то есть представляется без всяких стен, а границу вместо них образует вольный воздух.

Точно так же быки хлева должны сочетаться с гуляющими на вольной природе — отсюда тотчас получаются «шагающие» быки, а люди и быки должны быть слиты в одно в шагании, то есть те и другие должны гулять вместе; наконец, шагающие люди должны соответственно множеству быков в хлеву явиться во множественном числе, — и так видно, что все сочетание полно слитых между собой взаимных отношений.

Например: «В другой раз мне снилось, что я в своем цветнике, который принадлежит к моей квартире, и встречаюсь там для беседы с покойной владелицей дома и сада, на похоронах которой я был год назад. Она беседует со мной, а я тем временем гляжу на свои клумбы и вижу, что все лилии, тюльпаны и вообще все высокостебельные цветы поднимаются в виде высоких подсвечников со многими выгибами и изгибами поистине классического облика, наверху большей частью оканчиваясь тюльпановидными венцами».

Анализ: вместе с образом умершей женщины ожил и образ ее похорон, и из него снова вступил в созерцание высокий подсвечник у гроба, потому что его вызвала поднимающаяся ввысь стройность цветов, на которые я как раз смотрел. Гробовой подсвечник с его многочисленными тяжеловесными выгибами слился в одно с легко поднимающейся, гибкой высотой цветочного стебля, и из обоих образовался полный формы, грациозно поднимающийся облик цветка, вершина которого переходила в тюльпан.

Например: «Даме снилось, что ее вызвали в суд дать свидетельские показания; когда она приходит, там уже сидит ее близкая подруга и оживленно беседует с референдарием; и референдарий, хотя сидит рядом в черном платье, шьет фрак из

белой материи и как раз нашивает рюши на плечевые части рукавов, четырьмя рядами книзу».

Анализ: столь комическое сочетание, очевидно, возникло через перенос привычного занятия женщины, сидящей рядом с референдарием, на него самого. Схваченный из образа женщины, референдарий сам становится шьющим; схваченный из самого себя, он шьет «мужскую» одежду, — и опять-таки, из образа женщины, он вышивает себе «белое» одеяние и увешивает его женскими блестками. То, что женская часть сочетания перевешивает, объясняется тем, что сон возник из женской фантазии.

Например: «Мне снилось, что я в одном здешнем общественном саду и слушаю концерт. Пока я, глядя на оркестр, прислушиваюсь к мелодиям музыки, меня вдруг отвлекает своеобразное движение музыкантов. С изумлением, а именно, я вижу, как музыканты на свободной площадке перед оркестром играют пьесу и вместе с тем танцуют, каждый со своим инструментом, контрабасист с контрабасом, скрипачи со скрипками и т. д., непрерывно играя и кружась. Посреди них — отбивающий такт капельмейстер. Примечательным казалось мне во время самого сна, что я не замечал никакого столкновения или хоть какого-нибудь беспорядка среди так движущихся».

Анализ: это сочетание — самое простое и естественное; ибо, во-первых, из музыки обычно рождается танец; во-вторых, глаз сновидца, когда он смотрит на оркестр, вместе со слушанием музыки направлен и на движения исполняющих музыкантов, и фантазия получает отсюда толчок перейти в движение; в-третьих, в действительности на площадке перед оркестром (сад —

отмеченный образ) нередко видишь, как веселые молодые пары затевают танец.

> Например: «Даме снилось, что она входит в кондитерскую лавку, чтобы купить разного. Продавщица среди многого другого особенно расхваливает ей очень странный плод, род великолепных груш, которые, однако, были совсем темно-красными, как вишни, и имели совсем темный вишневый сок. Сновидица радуется, что сможет угостить своих гостей дома таким редким товаром; но, попробовав плод, находит его слишком кисловатым и отказывается от покупки».

Анализ: очень милое сочетание совершенно явно возникло из груши и вишни, ибо этот самобытный садовый плод фантазии имеет величину и облик груши, а цвет и вкус сока — от вишни.

Шестой порядок: сон-вариация

Он возникает, когда фантазия, удерживаемая каким-либо образом, который возбуждает в сновидце живой интерес, вместе с тем побуждается присущим ей творческим порывом развивать его дальше, оставаясь при этом прикованной к возбуждающему душевное чувство образу; это вынуждает ее строить свои новые зрелищные образы из определенности приставшего к ней первого образа, вызывать волшебством все новые, свежие формы созерцания для сущности первого, то есть умножать и варьировать сам первообраз; творческая страсть фантазии изживает себя затем в повторяющемся изобретении все новых вариантов, и сон растягивается больше или меньше, смотря по степени напряжения, наличной в фантазии в эту минуту. В отношении всеобщего характера построения вариации заметны две различные формы: одна вызывает для основного образа все

новые смены в целом, то есть ставит в длину все новые, сами по себе цельные образы, и образует вариацию в длину; другая варьирует основной образ не только по его общему выражению, но вместе с тем и в его особых моментах, и чем больше она растекается в особую ширину основного образа, тем более сокращается в создании новых вариантов для всего образа; поэтому она по необходимости становится короткочленной, зато плодовитой в ширину, и мы называем ее вариацией в ширину; она наступает лишь тогда, когда основной образ богат в своем особом убранстве и приковывает внимание.

> Например: «Мне снилось, что я в гостях у знакомого помещика, и мы находимся в комнате. Мы сидим, он напротив меня, рядом с ним его легавая собака. Пока мы болтаем, я вынимаю из сюртука бумажник и достаю из него пачку казначейских билетов, все мои деньги; я держу ее в руке, и вдруг собака поднимается, хватает зубами деньги, действительно схватывает их и треплет в пасти. Ее хозяин разжимает ей пасть, вытаскивает пачку и возвращает ее мне. Но когда я хочу разобрать казначейские билеты, вижу, что это уже не пачка отдельных билетов, а сложенный большой лист отпечатанных рядом друг с другом казначейских билетов в талерах и гульденах. Тотчас затем я замечаю, что это уже не лист ценных бумаг, а лист, полный бланков-квитанций, какие бывают на таможнях и т. п.; и снова образ уже не тот же, ибо вместо листа бланков у меня в руке очень большой черный шелковый шейный платок; и снова меняется образ, и я держу в руке большой дамский плащ из черного сукна, подбитый белоснежным мехом, который мать моего друга будто бы подарила мне на зимний халат».

Анализ: основной образ — пачка кассовых билетов; она держится в фантазии благодаря связанному с деньгами интересу, тем более что это все мои деньги. Из нее образуется первая свободная

переформа — сложенный денежный лист; из него — лист бланков, из него — большой платок и, наконец, охватывающий еще больше поверхности дамский плащ. Что все эти образы стоят за основной образ, показывает, во-первых, то обстоятельство, что все они содержат нечто плоское, к чему уже в основном образе сложенных вместе кассовых билетов был заложен мотив разворачиваемого; во-вторых, их предметы все одного цвета, то есть черные и белые, а так как в образе платка недостает белого, то следующий за ним меховой плащ подбит тем светлее; в-третьих, наконец, от сжатой пачки до плаща обнаруживается все сильнее нарастающее увеличение пространственного объема, и отдельные образы составляют поступательные его моменты, иначе говоря, все вместе — растущее развертывание в пространстве.

> Например: «Даме снилось, что она покупает белую ленту на пару бантов для шляпы своей сестры; когда она показывает ее сестре, это вдруг оказывается толстым куском белой шерстяной материи, так что она не может понять, как употребить его на банты; и еще минутой позже (выражение рассказчицы) материя превратилась в некую белую шерстяную двойную куртку, которую примеряет ее двоюродный брат и, находя ее очень практичной, тут же хочет купить».

Анализ: и здесь по плоской форме, цвету и все возрастающему росту образов вширь ясна связь вариации. Попутно вместо сестры вариантом вступает двоюродный брат.

> Например: «Мне снилось, что человек в чистом поле кричит мне: „Посмотрите-ка, как красиво летит дикая утка!“ Я смотрю вверх, птица летит очень высоко, но не кажется мне дикой уткой, потому что хвост слишком длинен; я принимаю ее за какую-то

райскую птицу; вот она подлетает все ближе и ближе; пока я смотрю на нее, она становится великолепно переливающимся павлином и хочет опуститься (место действия мгновенно переменилось) на стоящую передо мной церковь; но она еще не садится, снова взлетает, еще раз кружит в воздухе, — и вот исполинский аист, черный с белым, с колючим панцирем спереди на груди, опускается затем вниз, и я им любуюсь».

Анализ: сон коренится в зрительном раздражении, оттого и пристальный взгляд высоко вверх, и птица, кажущаяся такой маленькой; длинный хвост был объяснен при сне зрительного раздражения. Основной образ вариации, дикая утка, держится в фантазии, потому что его удерживает зрительное раздражение; весьма приятно развивается вариация посредством кружения в воздухе: из дикой утки становится райская птица, павлин, исполинский аист.

Например: «Даме снилось, что она в большой кухне и только что получила в подарок много мяса, которое лежало нарезанным на куски. Вдруг из мяса сделался целый, ободранный баран, какие висят в мясных лавках, — а рядом на скамье лежит вместе с тем свежесодранная пестрая собачья шкура. Тут сновидица думает: „Мать ушла, сейчас я накрою барана собачьей шкурой, вот она и подумает, что это дохлая собака“, — и так и делает. Тут вдруг собака начинает живо шевелиться, и сновидица думает: „Вот ведь, жизнь-то сидела в содранной шкуре, а ведь она должна быть в голове!“ Между тем собака вскакивает совсем живая и, беснуясь вверх и вниз, делает бурные прыжки, как это обыкновенно делают большие собаки. Сновидица в страхе становится к приоткрытой двери, чтобы в крайнем случае, если собака захочет ее укусить, убежать. Но пока она еще держит ее в глазах, из нее уже сделался маленький славный шпиц, а рядом стоит ребенок; им она теперь и

занимается, уже не думая о собаке, и к ним присоединяются еще несколько детей».

Анализ: раздражающая сила основного образа, богатого подарка мясом, объясняется естественным интересом хозяйки дома. Очень красиво поднимается на нем вариация творческого склада фантазии, ибо она, вместо того чтобы (как приведенные выше) расти в пространственную ширь, растет во все сильнее прорывающуюся жизнь органического существа, составной частью которого был основной образ. Каждый новый шаг от мяса к жизни в этом развитии означает новый момент вариации. Когда же порожденное создание фантазии стоит в полнейшей живости и вариацию на нем повысить больше невозможно, фантазия должна идти дальше в новых подвижных созданиях, и она делает это в виде шпица и детей. Весьма занимательна, наконец, в этом сне виртуозность, с какой фантазия пользуется для порождения своих вариаций рефлексией сновидения; видно, что рассудок при этом всецело служит фантазии и рефлектирует вообще не по собственной склонности, а по толчку и движению со стороны фантазии, которая велит ему заранее осветить то, что она как раз хочет создать. Вспомним при этом сказанное во втором отделе о рефлексии сновидения.

Например, в форме вариации в ширину: «Мне снилось, что я в пивной и на мне новые брюки. Передо мной стоит живущий вдалеке врач (мой товарищ по охоте) и говорит о моих новых брюках, которые на мне, с каким-то озабоченным лицом; я сам гляжу на брюки, и вот — это ослепительно белые штаны, полосатые красными и другими кричащими красками; а рассмотрев их ближе, я с ужасом замечаю на них сбоку у колена пестрые шелковые банты; равным образом, обернувшись, я вижу сзади, от подколенного сгиба, на каждой ноге целый ряд еще более

кричащих бантов, которые тянутся вниз по линии, как пуговицы гамаш. Я изумлен и очень стыжусь, что прошел в таком наряде по городу. Тем временем сцена меняется, и мы оказываемся в жилой комнате трактирщика; тот снимает (не умею выразиться лучше) пару пистолетов, похожих на пушечные стволы, со стены и подает их моему товарищу по охоте; их стволы имеют дуло толщиной с ногу, и, к моему изумлению, они составлены из множества лежащих друг на друге жестяных чешуй и полос (примерно как забрала шлемов), жестяные полосы совсем тонки. Врач осматривает пистолеты, прикладывается, трактирщик тоже, затем я беру их в руку, и тому подобное».

Анализ: повод сна — отмеченное представление действительности; я незадолго перед тем купил пару брюк, и, так как они были не совсем темные, как прежние, они казались мне несколько непривычными; тем не менее светлыми они вовсе не были. Отсюда фантазия свободно и с известным ей преувеличением образует основной образ, то есть ослепительно белые штаны, полосатые кричащими красками. Вариация доходит лишь до одного главного члена после основного образа, то есть до пистолетов; тем живее зато распространяется она непосредственно внутри особых моментов основного образа, а затем в подробностях пистолетов. На основном образе ослепительно белый цвет и пестрая полосатость варьируются, во-первых, в пестрые банты спереди, во-вторых, в целые ряды еще более пестрых бантов сзади. Затем основной образ варьируется сам в двух пистолетах. Пистолеты своим объемом, как у пушечного ствола, стоят прямо за обе штанины, каждая из которых имеет столь же широкое отверстие; но пистолеты, а не ружья или пушки, были выбраны фантазией потому, что в главном образе внимание в конце концов было направлено на

подколенный сгиб брюк, а соразмерно ему подобный изгиб имеет только пистолет. Пистолет сделан из тонкой жести, потому что ткань брюк так же или примерно так же тонка; жестяные стволы состоят из стольких жестяных чешуй и полос, потому что у брюк столько цветных полос и бантов; жестяные полосы лежат друг на друге наподобие черепицы, чтобы повторить наложение складок в бантах. Наконец, трактирщик подает пистолеты для проверки и осмотра сперва врачу — как вариация той же критической службы врача при основном образе. Видно, что вариация идет тем подробнее в частностях, чем меньше она захватывает в главных образах, или, вернее, наоборот: она сокращается в главных образах, то есть в длину, тем, что растекается в побочных образах, то есть вширь. Едва ли мыслимо, чтобы бодрствующий человек напал на столь самобытно-курьезный и все же меткий вариант брюк, как здесь фантазия сновидения, чьей самобытной образотворческой силой ночью можно восхищаться у каждого человека.

Седьмой порядок: сон-описание

Он возникает, когда фантазия, пребывающая в мягком течении движения, берет для изображения какой-либо отмеченный предмет созерцания и развертывается на нем в приятных превращениях. Предмет изображения бывает либо выделившимся образом воспоминания (отмеченным образом), либо определенным и закрепленным мягким нервным раздражением сна образованием представления. В таких описаниях фантазия следует заложенному в ней эстетическому влечению; но если бы душевное чувство при соответствующем отмеченном предмете созерцания находилось в беспокойном возбуждении или если бы нервное раздражение, действующее на

представление, было слишком сильно, то в обоих случаях фантазия выбилась бы из своего приятного развертывания. Мы приводим ниже пару простых описаний сновидения и противопоставляем им запутанное развитие фантазии.

> Например: «Однажды я был в небольшом обществе, и одна из присутствовавших там дам рассказывала об особе женского пола, которую перед тем выставила в невыгодном свете: „Она хочет принять постриг“. Это поэтическое выражение, примененное к заурядной особе, вызвало у меня невольную улыбку. Кроме того, в этом обществе говорили о свирепствовавшем тогда как раз в здешних местах рвотном поносе. Вскоре после того мне приснилось: „Я совершаю с небольшим дамским обществом увеселительную поездку и веду под руку саму хорошенькую рассказчицу. Мы поднимаемся на пологий холм и приближаемся к лесу; когда мы хотим войти в него, нам бросается в глаза на опушке леса холмик в три-четыре фута высотой, который состоит из множества наслоенных друг на друга очень тонко сотканных тканей. Мне тотчас пришло в голову: это на покрывала для монахинь. Тем временем мы вошли в лес, и, когда мы шли под тенистыми деревьями, нас захватывает далеко разносящееся религиозное пение. Вскоре затем показались люди, и мимо нас с пением проходит торжественная процессия женщин и девушек; все они хотят уйти в монастырь, чтобы таким смирением перед Богом избежать свирепствующей как раз холеры“».

Анализ: все описание идет на названном выше отмеченном воспоминании; рассказчица и пикантное покрывало дают себя знать прежде всего; огромное умножение покрывала до целого холма лежит в порыве фантазии к расширению, особенно когда она находится в ходе развития; холера стоит вместо рвотного поноса. Все тонко вплетено друг в друга в одну сцену.

Например: «Мне снилось: я иду через деревню; передо мной резвятся очень веселые дети, гоняются друг за другом, скачут и прыгают; тут выбегает еще целая куча других детей, мальчиков и девочек; они борются и возятся и в избытке веселья так сбиваются в клубок, что со своими повсюду торчащими голыми руками и ногами кажутся утыканным ежом. Затем я выхожу на большую улицу и, проходя через рыночную площадь, замечаю перед собой на улице странную кучку: это сплошь маленькие кругловатые камешки, какими играют мальчишки, и вперемешку с ними лежат бразильские орехи. Неподалеку в дверях дома стоят две хихикающие взрослые девушки. Я разглядываю орехи, поднимаю их и кладу в карман, — но при этом думаю, не кроется ли за этим какая-нибудь проделка. Когда я с орехами иду дальше и разглядываю их, то чувствую, что они наполнены водой; я хочу один открыть, и, когда я сжимаю его, чтобы открыть, из него брызжет мне светлая струя воды, как из маленькой пальцевой брызгалки (брызгалки-кольца). Я вспоминаю хихикающих девушек и очень весел от столь искусно подстроенного озорства».

Анализ: читателя я, пожалуй, не удивлю объяснением, что весь сон есть лишь прелестное описание раздражения мочеиспускания, при котором символика раздражения пластически растекается в действие. Живо выбегающие дети показывают нервное возбуждение; сплетенные в клубок дети с барахтающимися руками и ногами показывают уже, что раздражение исходит от сжатого в комок, круглого — от мочевого пузыря; еще яснее в миниатюре обозначают округлость пузыря округлые камешки для игры, самым непосредственным образом — наполненные водой бразильские орехи и их дальнейшее свойство. Хихикающие девушки, наконец, в соединении с орехами и камешками — намек на тонкое веяние полового раздражения, так часто связанного с раздражением мочеиспускания. Приятная мягкость и кротость

сна, оставляющая фантазии совершенно ничем не нарушенный простор для игры и изображения, свидетельствует о мягкой природе лежащего в основе главного раздражения.

> Например, противопоставим этому запутанное развитие сновидения, одного приведения которого будет достаточно для его характеристики. Мальчику (тому самому, от которого исходят приведенные выше сны о коровах, — его сны очень часто имеют дело с коровами) приснилось: «У коров был праздник (дословно по детскому рассказу), и он сам идет к коровам на пастбище; но коровы теперь не внизу на пастбище, а он видит, как они летают в воздухе, ноги широко расставлены, между ними что-то вроде стола, на котором они ехали, и хвост задран высоко вверх. Затем он приходит на другое пастбище и видит там кусок телеги и древесный ствол, связанные вместе, а впереди к оглобле привязана черная лошадь; лошадь еще касалась земли, остальные же снасти, летая в воздухе, непрестанно вертелись по кругу. На древесном стволе и телеге в воздухе висели с одной стороны карлик, с другой — довольно толстая женщина; у карлика была широкая спина, и на нем была коричневая куртка. Но тут сновидец удивляется, вдруг снова видя женщину и карлика внизу; женщина тотчас исчезает, карлик же уходит в лес. Вместо него перед сновидцем стоит его дядя, с которым он идет в садовую беседку, где застает еще нескольких знакомых лиц».

Я должен лишь заметить к этому, что все встречающиеся здесь отдельные образы даны вместе с отмеченным представлением деревенского пастбища, на которое мальчик часто смотрел из беседки сада у себя на родине. Даже карлика можно свести к коренастой крестьянской фигуре невысокого роста.

Восьмой порядок: свободный сон фантазии

Он показывает нам фантазию в ее свободно-творческих превращениях: как она без всякого определенного повода струится в постоянно новых изобретательных сценах или, возбужденная побуждением нервов или отмеченного воспоминания, вскоре поднимается над ним и тешится веселыми ладами, которые порождают ее жизненная сила и ее вечно подвижное набухание. Здесь видишь ее освобожденной от прочих сил сновидения, над которыми духовная жизнь ночи поставила ее владычицей, как бы ни была она склонна в силу совместного рождения с другими в шаре сновидения перетекать к ним и сливаться с ними. Свободное же развертывание фантазии — не особая сила в ней, а лишь в высшей степени развитая ее собственная жизнь, поэтому оно может обнаружиться и во всяком роде форм сновидения, где фантазия становится деятельной. Поэтому и все равно, какой род снов мы приведем, лишь бы они вместе с тем служили к развертыванию свободно-творческого образотворчества фантазии, возникая из ее собственных, то есть самостоятельно существующих, мотивов.

Например, свободное творчество фантазии в форме сна-вариации. В основе сна, который сейчас будет приведен, вовсе нет никакого отмеченного повода воспоминания, и все в нем от начала до конца вымышлено. «Мне снилось: мне нужно получить деньги по денежному переводу, который для меня очень важен, и я иду с ним к богатому здешнему виноторговцу (вымысел). Купец отсчитывает мне на стол множество самых разнообразных серебряных и золотых монет, почти все — иноземные деньги, золотые монеты как самой мелкой величины, с грошовую монетку, так и крупной; одна из крупных толщиной в полдюйма. Я говорю купцу, что не знаю этих денег, и прошу его дать другие.

После этого он приносит мне одни бумажные деньги, и опять большей частью иноземные, к тому же истрепанные, в разных мелких кассовых билетах, и отсчитывает их. Но пока я их разглядываю, подбегает жена купца и говорит ему: „Муж, да ты пьян, ты же отсчитал слишком много“, — и забирает их обратно. Вскоре затем я опять получаю кассовые билеты, но такие удивительно большие, что я изумляюсь; и когда я показываю их господам, сидящим рядом за вином, они сами ими любуются, ибо каждый кассовый билет величиной с ходовую в домашнем обиходе географическую карту, и многие из них переплетены в картон, как книги, другие наклеены на холст, как карты».

Анализ: не говоря уже о форме вариации этого сна, на которой опять можно заметить закон постепенного развертывания вширь, здесь нас, очевидно, тешит фантазия своим искусством развивать сцены в самом непринужденном течении, так что многообразие действия выступает не само по себе, а в слиянии из целого. В средствах же легко сплести действие дальше (в чем у сочинителей драм часто недостаток) фантазия сновидения никогда не нуждается; совершенно непосредственно она выдает слишком странные монеты, чтобы сон мог этим удовольствоваться и сцена закончиться; а чтобы новый выпуск снова чужих денег не страдал однообразием, она выдает слишком много денег и велит жене обрушиться на мужа и снова забрать их, чтобы в третий раз развернуть свое образотворческое искусство так странно, что пораженный этим фокусом сновидец-зритель изумляется и уже ничего сверх того не ожидает, — чем и фантазия довела свое представление до конца.

Например, свободный сон фантазии вследствие раздражения внутренностей. «Городской даме снится, что она идет в крестьянский двор, чтобы взять там кадку навоза для своих

растений. Когда она хочет уйти со своей ношей, ей преграждает дорогу злая собака на цепи и заставляет ее отступить; наконец она находит обход и благополучно проходит мимо нее. Но вот во дворе стоит несколько лошадей, они как раз у нее на пути, хватают ее зубами, когда она хочет пройти мимо, и одна схватывает ее за плечо, так что она едва спасается. Наконец она обходным путем проходит мимо, хозяйка двора выходит ей навстречу и радушнейше приглашает ее на кофе; она принимает это приглашение, кофе кажется ей превосходным, и особенно с удовольствием она лакомится поданным ей пирогом. Тем временем в разгар наслаждения вдруг отворяется дверь, входит мать сновидицы и велит ей скорее идти домой: там ее ждет знатная дама (которую она и называет). Дома от знатной дамы и следа нет; вместо нее сидит девушка из круга знакомых сновидицы и без спросу кроит ей рубашки и — о ужас! — посмотреть поближе, вся холстина у нее искромсана и вконец испорчена, отчего сновидица разражается громким горем. Но и этого мало: тотчас затем она находит у своей сестры, которой жалуется на холст, вошь, ощущает при этом жуть, стряхивает ее, хочет раздавить; и снова завязывается новая сцена страха: сновидица боится, что вошь, может быть, не убита и будет ползать дальше, и т. д.».

Анализ: сон произошел из неприятного раздражения кишечника, вероятно оттого, что сновидица слишком поздно поужинала; острого болевого раздражения символика не показывает. Как неутомима и как ловка здесь фантазия в постоянно новом изобретении неприятных положений! Будь она наделена произволом, ее пришлось бы назвать умной уже за то место, которое она с самого начала выбирает для действия, так как оно (крестьянский двор) со своими животными совершенно пригодно для все новых поводов к дальнейшему плетению. Как мастерски

не сажает она сновидицу у крестьянки за кофе и не велит отозвать ее оттуда посреди сладчайшего удовольствия (известный закон контраста)! Как превосходно придумана сцена с раскроенным холстом и как живы действия с вошью! Видно: непринужденно и богато бьет из фантазии самобытность действия, когда она поднимается до свободного творчества.

> Например, свободный сон фантазии вследствие отмеченного повода. Накануне вечером, а именно, я занимался с парой мальчиков, успехи которых мне дороги, так, что спрашивал их разные формы спряжения, и они отвечали. Хозяйка дома сидела при этом молча за столом, занятая женской работой. Вот полный повод к следующему развитию сновидения. Мне снилось: я на театральном представлении; оно давалось в обширном зале, большей частью заполненном одними длинными школьными скамьями; впереди стояла кафедра, на ней сидел директор театра; на одной из скамей, в остальном совсем пустых, сидел актер; а на свободном месте рядом с кафедрой стояла актриса. Я же, незнакомый студент и знакомая мне по действительности, но давно умершая дама, которая сама отравилась, — составляли зрителей неподалеку от кафедры. Тут сперва директор театра начал громко декламировать. Когда его роль была доведена до конца, выступил актер на школьной скамье, декламировал очень выразительно и, хотя несколько патетично, но, как казалось суждению сновидения, в общем приятно и с правильными ударениями. Сперва он говорил совсем ясно и понятно, позже слышно было, как ясно звучат только гласные речи, тогда как согласные почти совсем отступили; пока наконец подъем и спуск гласных слов не превратился в некий речевой напев, восходящий и нисходящий на отдельных словах, и под конец не перешел в бессмысленный припев, где было слово «Шнеддеренг-денг-денг». И когда это кончилось, стоящая актриса начала стоя играть,

изображая некую сварливую бабу, с очень живыми движениями. Директор сошел со своей кафедры и разыгрывал перебранку вместе с актрисой; и чтобы сделать сцену совсем живой, он непрестанно старался втянуть в изображение ссоры студента, стоявшего рядом со мной как зритель, причем непрестанно хватал его, тот же так же твердо этому противился. Когда представление кончилось, я вышел вместе с другими и должен был пройти через двор, из дома при котором мне кивала знакомая мне по действительности старая дама; поднимаясь по лестнице, я проснулся.

Свободный взлет фантазии этого сна в сравнении с простым мотивом воспоминания, равно как его происхождение из мотива воспоминания, очевидны сами собой.

Девятый порядок: художественный сон фантазии

Это драгоценное растение фантазии ночи, обогащающее новыми идеалами живописцев, ваятелей, музыкантов и поэтов. Многие художники сами признавались, что сон создал им первообразы гениальных творений. Но и без того, чтобы мы занимались искусством как призванием, сон радует нас образами прекрасного; и тот, кому природа не дала творческого взлета фантазии, видит ночью отражения действительного прекраснее, чем была их действительность. Так букет цветов сияет во сне куда более драгоценными красками, звук разносится музыкой сфер по далям духа; плоды превосходят нежную прелесть, какую способна дать им пластика воска; местность и воздух облекаются невыразимо прекрасными переливами. Если предмет бодрствования произвел на душу приятное впечатление, он, вновь пробуждаясь в шаре образов сновидения, получает от души назад те гармонические звуки, которые пробудил в ее ощущении,

и образ его является светлее и прекраснее благодаря отраженному свету ощущения. Гармонические же настроения души способны вызвать волшебством целые раи прекрасного, и из аккордов благотворного колебания душевного чувства развертываются образы, полные грации, и идиллические сцены; и душевное чувство всякого человека фантазия способна пробудить во сне к прелестному. У художников же и поэтов, которые с утра до вечера и во все дни и годы жизни движутся в ощущениях прекрасного, душа уже изначально богаче аккордами, сильнее, полнозвучнее в эстетической гармонии. Как прирожденный философ способен схватить все, что он видит и рассматривает, лишь из высшего понятия сущности, так художник смотрит на все, что видит, из эстетического созвучия, и для него жизнь и бытие имеют ценность для созерцания лишь по своей эстетической гармонии; и что рождается из художнической души, то уже непосредственно при рождении и вместе с ним несет на себе печать внутреннего слияния и гармонического развертывания форм; более того, все гениальное рождается уже округленным в себе, внутрь и вовне — как гармонически замкнутое самобытие идеи. Если же художники днем и ночью носят в себе бессмертное томление рождать идеалы — подобно тому как вечная любовь божества, должно быть, вечно томится вызывать сущее, — и если беременное красотой душевное чувство художника как раз породило какой-нибудь определенный творческий туман, в котором уже, как далекое предчувствие, начинает проясняться оживание новой идеи, то, когда над таким творческим помыслом наступает ночь сна, дух должен втянуть и соединить в себе свое бессчетно расщепленное излучение мысли; из этого затем пробуждается фантазия во всем своем слиянии и схватывает силою слияния то, что уже было живо намечено в творческом

предчувствии: прекрасное возникает в гениальной первосиле. Ибо в созерцании фантазии все обособления становящегося образования вступили в более тесное взаимоотношение; фантазия схватывает все отдельные следы пробивающейся идеи из общего очерка впечатления, в котором они являются ее нежному ощущению, и, схватив это так, она уже узрела многое мысли из ее всеединства; соразмерно, как члены, выросли отдельные формы из всеединого, все — гармония и сила, жизнь многого в одном, одного во многом, и идея родилась в первородной силе. Все это совершилось быстрее мгновения; отзвучивающая мысль дня коснулась божественного волшебства слияния фантазии в себе самой, и, коснувшись ее в ответ, она уже стала самоволшебством бытия мысли: идеей в первокрасоте. — Очень часто художники приносят в фантазию сновидения уже отдельные части будущей идеи, которые они открыли и собрали в различном прекрасном, — но еще без слияния, хотя и с пламенным томлением создать из них живое творение; и чем отчетливее были уже предобразованы частичные первоматериалы идеи, тем отчетливее и определеннее выступает затем и общее членение в слиянии единства. Тем не менее едва рожденная идея фантазии еще слишком мягко-пышна и нежна, чтобы ей больше не требовалось острое излучение бодрствующего духа для более твердого оформления: но тогда она уже не плотничается дальше рассудком и духом, а ясно ложится и свободно и светло развертывается *из себя самой* посредством бодрствующего духа. Насколько же гибко-мягкой выходит идея, которую родила фантазия сновидения, укрытая от разъедающих действий рассудка, можно приблизительно измерить уже тогда, когда наблюдаешь себя самого во сне, слагая стихи и рифмы, что легко случается, если накануне читал

поэтические произведения. Если не рожденному поэтом приходится в бодрствовании так мучительно трудиться, чтобы выточить хоть сколько-нибудь благозвучные рифмы, то во сне удивляют мягкость, благозвучие, непосредственное течение и невольное нарастание рифм одной из другой; видишь при этом, как фантазия единым дуновением своей волшебной силы наполняет стихи словно томлением прильнуть друг к другу и соединиться в приятном созвучии рифмы. Тем легче должно удаваться слагать стихи во сне, если уже накануне в действительности сам усиливался сочинять стихи; или даже если усилие днем было напрасно и неудовлетворенная воля унесла с собой в сон замысел, который нужно осуществить. Фантазия сновидения вбирает тогда в себя весь отмеченно сохранившийся круг представлений дня, из которого надлежало выковать ритм, и вместе с образами мысли вдохнутое в них волею стремление облечься в ритмы, и молниеносно исполняет работу сочинения из полученных мотивов и устремлений дня. Так рассказывает профессор Венер („Журнал опытного душеведения“ Морица, т. III, ч. 1, с. 88–89), что мальчиком он однажды несколько дней напрасно бился над тем, чтобы выразить греческими стихами мысль, заданную ему в школе; но однажды ночью фантазия сновидения слагает ему эти стихи, он встает и записывает их во сне, чему, проснувшись, приходит в великое изумление[1]. Генрих ван Хер знал одного старика, своего верного друга с детства, который юношей часто занимался стихотворством; однажды, напрасно потрудившись над исправлением готового стихотворения, он встает во сне и совершает исправление за письменным столом; проснувшись и найдя его уже готовым, он сомневается, добрый или злой гений сделал это за него. Так вот, этим добрым и милым гением была фантазия; сновидцу же

исправление стихотворения, то есть высшая пластическая отделка уже готового в цельном отливе, должно было удаться тем легче, что фантазия сновидения созерцает чисто пластически и способна легко разрешить неслитое в текучее благозвучие. — Подобных фактов о людях, не бывших собственно поэтами, передано еще много; в „Материалах“ Вагнера и т. д., т. I, с. 231, рассказывается об одном монахе, что он во сне сочинил много латинских эпиграмм и элегий, причем часто следовали друг за другом несколько пентаметров, но никогда несколько гекзаметров подряд. Эта последняя диковинка имеет свою причину в том, что тонко чувствующая фантазия сновидения, образуя пентаметр вслед за гекзаметром, ощущала пустоту недостающей шестой стопы и пыталась по-своему, свободно, восполнить ее повторением пентаметра.

---

[1] Примечание. Часто связанный с такого рода снами момент хождения и действия во сне мы здесь совершенно оставляем без внимания, чтобы разобрать его подробнее при снах воли.

Тем легче может удаться сочинять во сне настоящему поэту. О Вольтере сообщают, что ему приснилась одна песнь его „Генриады“ иначе, чем она была в действительности; это случилось совсем просто потому, что фантазия сновидения, чисто пластическая и освобожденная от дневного мышления, по необходимости схватила ее иначе. — Известно стихотворение, сочиненное во сне Зекендорфом:

Милая, сладкая фантазия,
Вечно действенная, вечно новая,
Благодарю тебя за волшебные образы,
Что смягчают мой суровый рок, и т. д.

Здесь вполне естественно излилось в стихах приподнятое настроение поэта, как оно привыкло к тому днем; и фантазии было тем легче, что он изо дня в день выступал в ритмах.

Так же как у поэтов звучания слов, фантазия сновидения и у музыкантов изливает созвучия тонов в более текучих слияниях, особенно если перед тем дневная мысль бодро над этим трудилась. Джузеппе Тартини, который уже месяцами в бодрствовании напрасно бился над своей ставшей потом столь знаменитой „Сонатой дьявола“ и вынашивал ее, увидел во сне: ему является дьявол, играет на скрипке сонату и кричит ему: „Тартини, а ты так играешь?“ От этого Тартини просыпается, наигрывает на своем инструменте услышанное во сне, и отсюда возникает названное мастерское произведение. Здесь фантазия сновидения схватывает многообразные придуманные мотивы дня в совместном единстве и изливает их в пластических развертываниях, которые суть мелодии и модуляции, текуче друг из друга, отчего они стали жизнью единой всеобщей идеи. То, что фантазия сновидения заставляет играть самого дьявола, очень естественно, потому что в дьявольских мотивах музыкальной пьесы лежал призыв к этой символике.

Но великолепнее, чем у поэтов и музыкантов, — чьи творческие идеи всегда могут прекрасно развертываться лишь во множестве следующих друг за другом образов, так что при мгновенности сна они не могут получить ни полного пропитывания пластическими слияниями фантазии, ни должного простора для развертывания своего изображения, — должен складываться художественный образ сновидения у живописцев и ваятелей, чей материал изображения и мысль по природе допускают и требуют сосредоточения всего выражения идеи в одной точке, в теснейшем соседстве. Здесь в действительности

возможно, чтобы все члены идеи уже в миг созерцания фантазии испытали живейшее взаимопроникновение одного через другое, с другим и в другом; и, по природе уже столь тесно собранные вокруг друг друга, они должны быть умножены и сгущены взаимным слиянием единства в переливе гармонии, так что совокупное впечатление получает потрясающую прелесть первокрасоты. Чтобы получить отчетливое представление об этом процессе слияния в созерцании фантазии, нужно вспомнить уже рассмотренный выше прием фантазии в снах-сочетаниях. Когда фантазия сплавляет два следующих друг за другом образа в одно пластическое единство, она поступает при этом так, что из определенного созерцания, которое у нее как раз есть, схватывает вступающее второе. Второй образ как бы тонет в еще развертывающемся первом, первый полностью охватывает его собою, а этот в свою очередь растягивает собственную форму сквозь охватывающий первый, так что оба являются совершенно расплывающимися друг в друге и вновь по всем оттенкам и следам взаимно вырастающими друг из друга. Если же при художественном созерцании многие отдельные формы идеи, стремящиеся к одному и тому же целому, вступают в созерцание фантазии *одновременно*, то то, что там совершалось последовательно, здесь исполняется *одновременно*, ибо различия многого в идее разом производят каждое свое особое возбуждение в ощущении фантазии в одно и то же время, а потому и сочетание их в созерцании фантазии совершается со всех различных точек сразу: откуда затем по необходимости должно возникнуть соответствующее многообразному совместному раздражению богатое и сильное слияние красоты, тем более что непосредственно с прохождением через фантазию выступает единство идеи, возвышая и освещая многое. — О

Микеланджело и других живописцах сообщают, что они нередко получали во сне первообразы своих гениальных творений. Гениальный ваятель Даннекер в Вюртемберге также принял от сна первообраз своего колоссального Христа (о котором, между прочим, говорили с похвалой, что голова и чело несут столь возвышенное выражение богочеловеческого, что античная голова Юпитера в сравнении с ним невольно напоминает обожествленную звериную природу, или, иначе, вздыбленную львиную голову). Очень прекрасно обозначает сущность художественного сна Жан Поль („Музей“, с. 178 и 179): «Сон, — говорит он, — своими живыми внутренними образами ощущения творит как в ужасном, так и в прекрасном далеко за пределами опыта, даже за пределами его сочетаний, и рождает нам небо и ад вместе»; и в подтверждение этого он прибавляет: «На меня часто во снах смотрели лица и особенно глаза, небесной прелести которых я никогда не видел на глубокой земле действительности и от которых у меня так и остался образ представления».

Десятый порядок: символический сон фантазии

Он основан на символической деятельности фантазии, достаточно описанной уже в предыдущем отделе. Всюду, где фантазия, понуждаемая налетающими раздражениями, должна высказать то, что раздражение в ней затронуло и оставило, она описывает это символически, и тогда расцветает символический сон. Уже при нервных раздражениях мы видели, какую богатую роскошь развертывал символический сон, когда он состязался с лежащим в основе нервным раздражением и вместе с тем ткал на одном и том же образовании; иные способы символики показала нам фантазия в снах слуха вследствие действительных звуковых впечатлений ночи и все новое разнообразие — в различных

других родах снов. Все эти образования сновидения вместе с тем представляют и символический сон фантазии.

Рассмотрим теперь далее прежде всего, как фантазия символически выражает определенные мысленные представления дня.

> Например, из „Храма сонных диковин“ Меннлинга, с. 61, Старгард, 1714, по „Историческому сокровищу“ Штифлера: «Некий Гофман, у которого на доме была высокая виноградная лоза, приносившая белые гроздья, увидел однажды во сне, будто лоза принесла черные гроздья; и это сбылось тем, что жена его вскоре родила от связи с мавром маленького мавра».

Анализ: мысль, которую предстояло символизировать, — предшествующее подозрение сновидца в неверности жены с чернокожим; как бы смутно ни была схвачена такая мысль, она имеет для мужского душевного чувства столь глубоко ранящую природу, что легко может снова выступить во сне и символизироваться. Весьма метко изображение плодоносящей жены под образом лозы.

> Например, „Журнал“ Морица и т. д., т. V, ч. 2, с. 48–52: «Человек, который, достаточно долго проспорив со своим другом о бессмертии души, в большом беспокойстве лег в постель, видел следующий сон: „Ему казалось, что он лежит больной в постели и чувствует, что должен умереть. Наконец он увидел себя действительно умирающим. Он оплакивал свою собственную смерть и печальным взглядом смотрел на свое бездыханное тело. Вдруг его озарил луч надежды, что, несмотря на его смерть, душа его все же бессмертна. Вскоре затем в его душе снова стало мрачно, он начал сомневаться в своем бессмертии. Тогда он увидел, как светлое облачко поднимается с темени его души, и

увидел, как оно рассеивается в воздухе; и при этом он пришел в такой душевный страх, что проснулся“».

Анализ: предмет, который предстояло символизировать, — сомневающаяся мысль, бессмертна ли душа, или, вернее, преимущественно *отчаивающаяся* мысль. Она выражается символически в трех частях: сперва символика рисует смерть через болезнь, умирание и тело; затем душу — через светлое облачко над головой; затем исчезновение души в ничто — через рассеяние облачка.

Например, за четыре дня до Шиллеровского праздника 10 ноября 1859 года, когда устройство и примерный вид задуманного праздничного шествия в Бреславле уже были у всех в представлении, мне приснилось: «Я сидел в здешнем Швейдницком погребе среди полностью занятых столов, сидевшие за которыми, большей частью студенты, были в чрезвычайно веселом настроении и очень оживленно беседовали. Главным предметом разговора, привлекавшим внимание всех, было то, что в городе держат в заключении поэта, который каждый день выходит с музыкой и чем-то вроде светской процессии, а потом снова возвращается в темницу. Среди студентов в погребе был теперь и стройный парень, который сам состоял в самом близком общении с заключенным поэтом, ибо был приставлен к нему почетным служителем при его выходах с музыкой и процессией. Поэта же этого звали „Ганке“; и шла еще речь о втором поэте, которого будто бы тоже держали в заключении. — Вдруг сон меняется. Я нахожусь с одним студентом и несколькими дружественными мне лицами в красивом сельском местечке, и мы гуляем по улице. Тут вдруг издалека раздается музыка, и говорят, что сейчас шествие заключенного поэта выходит из города. Мы спешим из местечка мимо сараев и домиков и смотрим теперь вперед на открытое

место. Вот шествие подходит все ближе и наконец движется мимо нас. Шествие составляют одни крепкие парни, одетые больше по-деревенски, чем по-городскому, и подобные им крепкие юношеские фигуры, несколько человек в темной одежде, музыка — среди них. Пропустив вперед часть шествия, идет заключенный поэт „Ганке“ в серой холщовой одежде, рядом с ним — служащий при нем, знакомый мне по пивной сна сын муз; сразу за ним несут пюпитр, внизу ступенчатый, как молитвенная скамья, а наверху похожий на конторку. Поэт шагает серьезно; я смотрю на него пристально, лицо его пылает красным, у него черные усы, взгляд пронзительный и горячий. За ним снова идут юношеские фигуры шествия. Теперь мы быстро бежим опять через разные дома, чтобы опередить продвижение шествия и увидеть его еще раз, на чем сон тянулся еще долго и пространно».

Анализ: что этот сон есть вообще символическое изображение предстоявшего в смысле бодрствования Шиллеровского шествия, ясно из самого его содержания. Сон распадается на две части; первая высказывает мысль, которую сон должен изобразить (то есть дневную мысль), вторая показывает ее исполнение; сцена в погребе вращается вокруг дела заключенного поэта и его шествий, сцена на вольном воздухе показывает в действительности то, что только что было высказано в погребе. Общество в погребе очень весело и оживленно, потому что речь идет о выражении праздничного. В проходящем шествии поэта являются *по-деревенски* одетые парни, потому что шествие разыгрывается в чистом поле, то есть за городом. Поэт является заключенным, потому что он и есть заключенный в смысле смерти и могилы, которая держит его отделенным от живых и замкнутым. В сцене в погребе вместе с тем было сказано, что в заключении держат и второго поэта: это намек фантазии на Гете,

поскольку мы всегда мыслим Шиллера и Гете вместе и тогда как раз очень много говорили об обоих вместе в газетах и повсюду. Поэт является в серой одежде, потому что он заключенный, иначе говоря, потому что здешняя одежда для заключенных серая. За поэтом несут пюпитр; он наполовину молитвенная скамья, чтобы указать на мертвого, — наполовину конторка, чтобы указать на занятие поэта. У поэта пылающее лицо, грозные усы и страстный взгляд: потому что он был изображен заключенным, а фантазия при этом привыкла думать о преступниках и разбойниках. Наконец, поэта зовут «Ганке» — по отмеченному представлению. Одна пожилая и весьма почтенная дама, которую я часто навещал, не раз с известным воодушевлением говорила о незнакомом мне молодом студенте по имени Ганке, отчего это имя стало для меня приметным; и так как фантазия сновидения представила в погребе студентов, было вполне естественно, что отмеченный для меня своим именем студент тотчас выступил на передний план; а так как, наконец, в глазах моей пожилой приятельницы молодой студент имел нечто вдохновенное, а Шиллер в то время действовал на меня и на весь свет очень воодушевляюще, было вполне естественно, что фантазия перенесла названное имя на поэта.

Перейдем теперь к символическим образованиям сновидения в форме речи для духовных раздражений, иначе говоря, для того, что можно представить духовно и что возбуждает фантазию, согласно развитию, данному в § 22. Трем только что рассмотренным снам было свойственно то, что для изображения им уже были предложены готовые, замкнутые в себе мысленные образования дня, отчего и символика могла двигаться лишь в рисовании уже готового, то есть пришедшего в себе к успокоению и покою содержания мысли; и как в подозрении мужа насчет его

жены и мавра, так и в отчаянии спорщика о бессмертии, так и в прообразе Шиллеровского праздника повсюду одинаково предлежала для изображения неподвижная форма мысленного. Совсем иначе, однако, складывается символика, когда символизируемое духовное еще не пришло в себе к успокоению, когда противоположность мысли еще жива, так что мысль еще не решилась определенно в одну сторону; или когда с возникновением самого сна порождающая его причина внесла сильные противоположности в мышление фантазии; или когда отдельный предмет представления дня выступает перед фантазией так отмеченно, что между ним и фантазией сновидения развивается более резкое противостояние. Во всех этих случаях, следовательно, символизировать нужно само беспокойство процесса мышления, и это фантазия делает, схватывая предлежащую мысль в ее совершающейся исконной живости и изображая ее как переменную речь, причем «я» сновидения образует одно лицо, другое же вырастает из противостояния внутри самого содержания мысли. Второе лицо принимает разный характер в зависимости от предмета сна, и соответственно лицо сновидца становится к нему в разное отношение, а происходящая между обоими переменная речь сама принимает разный характер.

а. В форме откровения

Предмет религиозный, второе лицо принимает характер религиозно-возвышенного, говорит тоном, внушающим благоговение, и поучает, сновидец внимает с почтением и отвечает скромно.

Например, из письма святого Августина к Еводию (epistol. 159. edit. Antw. I, 1, p. 428). Знаменитый врач своего времени Геннадий в юности, при всем христианском образе мыслей, сомневался в

бессмертии души. И вот однажды ему приснилось: «Юноша, ярко сияющий, благоговейного вида, стоит перед ним и говорит ему: следуй за мной. Геннадий последовал за ним и приходит к городу, где справа слышит звуки прелестнейшего пения. Когда же он захотел узнать, что это, юноша сказал ему: это хвалебные песни блаженных и святых на небе. На этом он проснулся. — В другую ночь ему снова явился тот же юноша и спросил его, знает ли он его. Он ответил, что знает; тогда юноша спрашивает дальше, откуда же он его знает? Геннадий мог дать точный ответ, мог без запинки рассказать весь сон, песни святых, потому что все было еще свежо у него в памяти. Тогда юноша спросил, во сне или наяву слышал он то, что только что слышал. „Во сне“, — ответил тот. „Ты прекрасно это знаешь и все хорошо запомнил, — сказал опять юноша, — правда, ты видел это во сне; и знай: то, что ты видишь сейчас, ты тоже видишь во сне“. Тут поучающий юноша спросил: „Где же теперь твое тело, Геннадий?“ — „В моей спальне“. — „А знаешь ли ты, что твои глаза теперь связаны с телом, закрыты и бездейственны?“ — „Знаю“. — „Что же это тогда за глаза, которыми ты меня видишь?“ Тут Геннадий не знал, что ответить, и молчал. Пока он медлил, юноша объяснил ему то, чему хотел научить его этими вопросами, и сказал: как глаза твоего тела теперь, когда ты лежишь в постели и спишь, бездейственны и недеятельны, и все же те глаза, которыми ты видишь меня и воспринимаешь все это видение, истинны, — так и после смерти, когда глаза твоего тела уже не будут деятельны, у тебя все же будет жизненная сила для жизни и сила ощущения для ощущения».

Анализ: в основе образования сновидения лежит бодрствующее колебание верующего, бессмертна ли душа или нет. Религиозная склонность к вере еще сильна, душевное чувство сновидца сам сон показывает еще гармоничным и прекрасным, невзирая на

сомнение. Из религиозной веры фантазия выбирает являющееся лицо; оно внушает благоговение, потому что исходит из возвышенности религиозного чувства; это юноша, потому что сновидец — юноша. То, что сновидец слышит справа из прелестного пения блаженных и святых, — отмеченные отражения бодрствующего представления о блаженстве. То, что Геннадий во втором сне вспоминает происходившее в первом, — простое воспроизведение прежнего сна. Каждый может пережить подобное на себе; во сне часто бываешь в местностях, садах и т. д., которые тебе совсем знакомы, хотя в действительности их не существовало: с ними познакомился в прежних снах, и это можно проверить еще наяву в последующем воспоминании. Относительно же ловкого разрешения сомнения фантазией сновидения отсылаем к возникновению снов-рефлексий, о которых вскоре пойдет речь.

б. В форме диспута

Предмет простого рассудочного рода; он всплывает во сне по образцу отмеченного представления бодрствования и предлагает фантазии для разрешения нечто неясное, или же фантазия сновидения сама изобретает подобное по поводу пробуждающихся движений рассудка. Она символизирует двойственность неясного двумя лицами; они, как и их речь, соответственно обыденной природе предмета, носят будничный характер.

Например: Босуэлл („The life of Johnson“) рассказывает о Джонсоне, что ему часто представлялось во сне, будто он вступил с кем-то другим в остроумный спор и как сильно его задело, что другой оказался остроумнее его.

Например: ван Гуне („Журнал“ Морица и т. д., т. IV, ч. 2, с. 88) рассказывает, что, когда на одиннадцатом году жизни он учился в

латинской школе в Утрехте, ему приснился такой сон: «Мне снилось, что я был в латинском классе, что учитель задал латинскую фразу и что я как раз был первым в ряду и чувствовал в себе твердейшее намерение по возможности удержать это место. Но когда вопрос действительно был мне задан, я онемел и напрасно ломал себе голову, чтобы найти ответ. Я видел, как тот, кто сидел после меня, подавал знаки нетерпения, желая, чтобы спросили его, — доказательство того, что он знал ответ. Мысль, что придется уступить ему свое место, едва не привела меня в ярость; но я напрасно искал в голове и никак не мог выудить смысл фразы. Учитель наконец устал давать мне больше времени и сказал следующему: теперь твоя очередь. И ученик тотчас ясно изложил смысл фразы, и это изложение было так просто, что я никак не мог понять, как я сам до него не додумался». Ван Гуне замечает к этому, что ему и теперь, спустя двадцать шесть лет (ко времени рассказа), непонятно, как душа, которая с величайшим напряжением напрасно чего-то ищет, в одну секунду может стать душой, отлично знающей то же самое, воображая вместе с тем, что сама этого не знает, а слышит, как это говорит другой.

Анализ к обоим снам: то, чему здесь так удивляется ван Гуне, разрешается очень просто. Так как задача сна возникла из рассудка, и притом из рассудка сновидца, фантазия должна заставить сновидца напрягаться рассудком. Но во сне рассудок бездействует; все вымыслы фантазии о том, что рассудок напрягается и трудится, лишь видимость, без того чтобы в их основе лежала действительная энергия рассудка: поэтому тот, кого сон делает представителем рассудка, по необходимости должен казаться бестолковым. За рассудком же в высшей степени живая фантазия сновидения уже сама непосредственно решила задачу и ждет лишь случая выразить это через действие; поэтому она наконец хватает второе лицо, заставляет его высказать свое

решение, и другой, вполне естественно, как представитель цветущей силы фантазии, должен быть изобретательнее и умнее, чем незадачливый представитель рассудка. То же относится и к снам Джонсона, где остроумие другого всегда было больше, чем остроумие сновидца. — В сне ван Гуне учитель выступает лишь как ведущее средоточие спора между обоими мальчиками, сообразно привычной несамостоятельности видящего сон школьника.

в. В форме возвещения

Мощные потрясения жизненной силы сновидца возбуждают его фантазию, принимают личное явление и облик, соответствующий возрасту сновидца (олицетворение жизненной силы которого и есть, по существу, это явление). Против него стоит обычное олицетворение «я» сновидения как второе лицо. Явление возвещает сновидцу то, что объективно дано и заключено в самом потрясении жизненной силы; сновидец держится изумленно перед странной вестью.

Например (Меннлинг, там же, с. 479): «Кристиан III, король Дании, имел в 1558 году, 25 декабря, необычайное видение во сне, как достоверно сообщает Зельнекер. Он увидел во сне, как к его постели подходит одетый в белое человек, который сказал ему: если он хочет распорядиться, как должно быть устроено в королевстве после его смерти, пусть сделает это заблаговременно, ибо через восемь дней он окончит свою жизнь и будет перенесен в такое царство, которое гораздо прекраснее и блаженнее датского, где наступит вечное здравие. Король, когда пришел назначенный для смерти день, велел подать себе причастие, дал своему сыну Фридриху II нужные наставления, одарил своих слуг и наконец, хорошо приготовившись, начал говорить окружающим: я хочу петь, и вы должны петь со мной, чтобы можно было сказать, что

король Дании сам пропел себя в могилу. И посреди религиозного хвалебного песнопения, которое он запел, он скончался!»

Анализ: помимо всего уже известного, здесь примечательна лишь «белизна» возвещающего облика. Во многих таких предчувствиях смерти, где в бодрствовании или во сне является возвещающий облик, он «белый». Даже при незначительных поводах к болезни, которые сон предвозвещает, поражает белый цвет на каком-нибудь предмете, от природы окрашенном совсем иначе. Так, Жан Поль рассказывает („Музей“, с. 208): «Один священник, в котором было больше остроумия, чем фантазии, обычно видел во сне „белый“ нюхательный табак, прежде чем заболеть». Фантазия сновидения выбирает этот цвет во всяком случае из непосредственного прозрения в потрясенную иннервацию тела, невесомая сущность которой так обычно является сомнамбулам ярким белым светом.

г. В разговорной форме

Предмет дня, произведший на сновидца выдающееся впечатление, выступает во сне еще так живо, что фантазия должна олицетворить его и вывести перед «я» сновидения, иначе говоря, поставить против него как живое лицо; из этого развивается обычная обиходная беседа со сновидцем или перед ним.

Например: «Однажды вечером я неожиданно получил по почте от дружеской руки коробку ярмарочных пирожных разного рода; на вид они были очень приманчивы, к тому же очень изящно уложены и упакованы, так что при вскрытии сложенных сверху бумаг произвели очень приятное впечатление; и тем более, что пришли они от очень милых мне друзей и я мог доставить ими как раз присутствовавшим дамам и детям немалую радость. После этого мне приснилось ночью: „Ко мне в гости пришла молодая

дама с нежным и милым лицом; она была мне совершенно незнакома и приехала из Парижа, чтобы увидеться здесь со своим возлюбленным, который будто бы был сапожником. Вскоре вошел и он сам, но это был знакомый мне здешний молодой золотых дел мастер, которого я в действительности узнал как жениха одной молодой дамы. Оба влюбленных предались, как свойственно молодости, непритворной радости свидания, в поцелуях и ласках. С самого начала и позже к этому примешивался обычный светский разговор между мною и пришедшими ко мне. Сон тек еще дальше“».

Анализ: миловидная нежная девушка — символ прибывшей выпечки; она приезжает из Парижа, то есть издалека, потому что издалека пришли пироги, — вспомним при этом чужеземцев, прибывших из Англии вследствие скрипа мельницы (см. сны слуха). Девушка приехала сюда, чтобы увидеть своего возлюбленного, иначе говоря, фантазия должна была изобразить ее целуемой и ласкаемой, потому что «поцелуй» выражает назначение пирогов — для «рта». Возлюбленным выбран знакомый мне молодой золотых дел мастер, потому что я недавно познакомился с ним как с женихом. Но почему он явился сапожником? Вещь забавная, но опять-таки любопытное свидетельство удивительно навязчивой природы отмеченного представления. Дело в том, что этот молодой человек — опытный пловец; мы несколько раз вместе ходили в купальню, и при этом я случайно заметил, что у него на одной ноге шесть пальцев вместо пяти, что меня очень поразило; и эта необычность ноги виновата в том, что фантазия представила его в образе мастера по части ног. Нелегко мне было прийти к этому отмеченному образу в этом сне; и все же странное обстоятельство, что золотых дел мастер явился здесь сапожником, с уверенностью говорило мне, что в

основе дела лежит определенный повод. И так в каждом сне можно доискаться причины даже того, что кажется самым необъяснимым, и свести его к естественному закону его возникновения.

Одиннадцатый порядок: сомнамбулический сон фантазии

Это самый пышный из всех снов фантазии; он основан на свойственном сомнамбулам подъеме нервной жизни и на разожженной этим подъемом до высшей жизненности фантазии. Не то чтобы он показывал по существу новые силы фантазии сверх тех, что уже выступили в описанных разнообразных снах фантазии; скорее он как бы сплавлен из всех выдающихся образующих сил фантазии. Поэтому в нем и поднимается блистательнейшее из всех образований сновидения: перед нашими глазами раскрывается вся творческая пышность фантазии. Он вечно движется в лицах и образах, которые живейшим образом выступают в речи и действии; его образы полны самой красноречивой действительности сновидения, их овевают красота и грация, на их одеяния словно расточено художественное чувство; над красотой разливается веяние небесного, божественно-возвышенного, которое фантазия черпает из глубоко взволнованного религиозного чувства сомнамбул; высшая тонкость фантазии сказывается в выборе отдельных образов-символов; возводящее в степень, сочетающее, описывающее и свободно творящее искусство фантазии состязаются здесь между собой. Поэтому в сомнамбулическом сне расцветает как бы тропическое растение фантазии.

Чтобы обозреть пышность сомнамбулической фантазии в изображении являющихся образов, довольно следующих образов

сновидения одной сомнамбулы, переданных лишь вкратце (Кизер, «Архив животного магнетизма», т. XII, ч. 1, с. 94–95):

> «Образы сновидения мадам С. были таковы: „Парящий женский облик неописуемой прелести и кротости, которого сомнамбула называла своим гением. Эта женщина являлась ей то в белом, то в небесно-голубом одеянии, на ногах у нее были сандалии, лоб обвивал венок из красных и белых роз и незабудок; правой рукой она держала у груди простой серебряный крест, а в левой — раскрытую Библию. — Гений осыпал ее (сомнамбулу) в большинстве состояний сна цветами и золотыми зернами. В более светлых состояниях ей являлся, сверх того, еще маленький ангел, который прелестью и небесной красотой превосходил даже женского гения и часто хотел увлечь бодрствующую во сне с собою ввысь, чтобы перенести ее в высшие обители света. Иногда же гений вытаскивал из-под цветов больших отвратительных змей (символика для мерзких болезненных состояний), которые кусали сновидицу в сердце; бесчисленные маленькие гадюки (возведение фантазии в степень) кишели вокруг нее, и два полных ведра их гений выбросил в море“».

Напротив, следующий сон шестнадцати-семнадцатилетней сомнамбулической девушки («Сообщения о магнетической сонной жизни сомнамбулы Августы К. в Дрездене», с. 24–27) дает картину творчества фантазии в ее текучем движении. Юная ясновидящая рассказывает его так:

> Мне снилось, что я в большом зале со сверкающими стенами.[1]

[1] Сверкающий дворцовый зал соответствует возвышенному настроению сомнамбулы, из которого фантазия пишет обстановку.

> Пока я оглядываюсь и удивляюсь, как попала в это незнакомое место, меня вскоре очень радостно поразило: все мои друзья и

подруги вошли в дверь и направились ко мне, словно приветствуя.[2]

[2] Появление друзей и подруг — отмеченное отражение действительности, поскольку у сомнамбул посещения близких по душе людей любимы и обычны.

Я чувствовала себя счастливой в их кругу; тут две подруги подали мне венок, и, полная радости от чудесных цветов, из которых он был сплетен, я с благодарностью приняла его и хотела рассмотреть.[3]

[3] Подношение венка — деятельное чувственное изображение дружеских отношений между сомнамбулой и посетителями; венок выбран по чувству юной девушки.

Но подумайте только (она рассказывает сон окружающим): все цветы и листья рассыпались прахом в моих руках, едва я к ним прикасалась, и я стояла, испуганная этим превращением. Я плакала, но еще больнее мне было то, что и лица окружавших меня знакомых изменились: вместо того чтобы радоваться вместе со мной, они смотрели на меня с холодной строгостью и один за другим поворачивались ко мне спиной. Вскоре все они ушли, и я стояла в печали одна перед рассыпавшимися цветами.[4]

[4] Почему чудесный венок рассыпался прахом от прикосновения? И почему друзья вдруг так охладели? Вызывая легкое радостное волнение в душевном чувстве больной, цветы вместе с тем возбудили господствующее в больной настроение скорби, которое контраст радостного разжег тем сильнее. А когда печальные чувства больной выступили вперед, фантазия, сообразно их настроению, должна была тотчас обратить свое творчество в противоположное! Однако лишь сомнамбулическая фантазия способна так гениально, мгновенно сменять картины и вызвать столь волшебную сцену, как рассыпающиеся прахом цветы и листья и застывающие в холоде лица друзей. — Из того же скорбного тона души гений является затем черным, и все дальнейшее творчество становится более или менее выражением скорби.

Тут ко мне подошел облик; это был тот же высокий женский облик (гений), который уже не раз являлся мне во сне. Но я

вдвойне испугалась его, потому что никогда еще не видела его так сплошь в черном. «Ты плачешь, — заговорил он со мной, — о потере цветущего венка? Но разве это не были *земные* цветы? И разве могла ты ждать от них чего-нибудь иного, кроме бренности? [5]

[5] Рефлексивные излияния фантазии вследствие повышенной религиозности сомнамбулы, что для этого состояния обычно.

Утешься: взамен их я подаю тебе три других цветка, которые никогда не увянут, если только ты будешь прилежно беречь их и ухаживать за ними». При этих словах она подала мне в венке символы веры, любви и надежды, и я взяла их из ее руки спокойнее, но все же робко.[6]

[6] Символы веры, любви, надежды в виде венка — сочетание этих символов фантазией с еще звучащим представлением о венке.

При этом высокий облик увещевал меня держаться этих сокровищ, что бы ни случилось, ибо для того, чтобы стать счастливой, они драгоценнее всего. Кто не даст ничему вырвать эти цветы из своего сердца, сказала она, тот достоин и венца, который есть награда испытанной верности. При этом она подвела меня к столу, на котором лежали два таких венца. Один был искусно сработан и сиял мишурным блеском; другой же имел совсем простой, неблестящий вид. Из двух мне надо было выбрать. Я недолго раздумывала, а указала на простой.[7]

[7] Как правдиво пишет здесь фантазия из самой природы чувства скорби, у которого нет вкуса к мишуре жизни: не колеблясь, сновидица тянется к безыскусному и неукрашенному, ее душе недостает охоты к радостям.

«Ты выбрала хорошо и верно, — сказала черная женщина, — пребудь в этом нетребовательном расположении, и обещанная награда достанется тебе. — Но чтобы заслужить ее, тебе предстоит еще один выбор, при котором тебе особенно

пригодятся те три цветка». Она показала мне две пергаментные таблицы и велела прочесть содержание обеих.[8]

[8] Фантазия оживляет речь, заставляя ее наглядно продолжаться через пергаментные таблицы. Любопытно заметить, как фантазия, сообразно достоинству женского облика, выбирает не будничный лист бумаги, а пергамент, с употреблением которого всегда связано нечто важное или торжественное. Впрочем, этот возвышенный образ уже указывает на значительность написанного на нем содержания, благодаря которому все действие сна получает новый толчок силы.

С каждым словом я пугалась все больше: что стояло на таблицах, я не могу пересказать, но это был тяжелый выбор, почти невозможный для человеческих сил. — Тут черная женщина удалилась, и ко мне подошел *белый* облик.[9]

[9] Белый облик возникает отчасти как контраст к до крайности усилившейся скорби (мрак души — черная женщина), отчасти вследствие светлости пергаментных таблиц.

Он вывел меня из зала, и я увидела скалистую местность. Передо мной лежала глубокая скалистая долина. Через ущелье вел мост, но я задрожала бы, ступив на него: мост был нежен, как паутина, и ни одна человеческая нога не могла на него ступить. Мост был мысль. По ту сторону моста стоял прекрасный ангел.[10]

[10] Скалистая местность, глубокая пропасть — символ трудно переносимого, мрачного состояния больной. Ангел по ту сторону расселины — манящее вдали выздоровление больной; разделяющее дно долины — время, еще лежащее между нынешним днем и выздоровлением. А мост через пропасть, тонкий, как паутина, по которому не может ступить нога человека, — какая чудесная, тонкая и благороднейшая символика фантазии сновидения для полной надежды мысли духа больной, которая одна перекидывается от нынешней скорби к далекому будущему выздоровлению!

Ангел держал передо мной большое зеркало. «Загляни!» — сказал он. Я заглянула и очень изумилась: я увидела всю свою прошлую жизнь, изображенную в картинах. Даже самое раннее время моего

детства было там. Я поняла, что ангел — это воспоминание. Когда я потянулась к нему, он исчез, и на его месте ко мне подошло новое явление — будущее.[11]

[11] Непосредственные созерцания вдоль собственной нити жизни — назад, в прошлое, и вперед, в будущее, насколько оно касается выздоровления, — для сомнамбул обычны. Здесь через фантазию сновидения говорит ясновидящий взгляд. Образ зеркала, в котором сомнамбула видит прошлое, выбран фантазией для драматического усиления; еще более — выступающие в нем, как в действительности, живые картины. И у сновидцев, не бывающих сомнамбулами, зеркало встречается в таком же применении («Журнал» Морица, т. V, ч. 1, с. 55–62). Нельзя не заметить, как точно поступает фантазия, позволяя отражаться в зеркале лишь прошлому, то есть тому, что уже было в действительности и может быть отражено обратно, — но не еще незавершенному будущему.

Оно повело меня дальше, вперед к пропасти, и показало мне два пути, один налево, другой направо. «Здесь тебе выбирать, — сказало оно, — оба ведут к цели. Левый путь сначала приятен, но потом становится суровым и мрачным. Правый путь сначала труден, но потом становится легким и прекрасным. Цель, которой ты должна достичь, — там, по ту сторону, на скале, где ты видишь прекрасный сад, полный цветов, и розы, сплетенные попарно.[12]

[12] Образом сплетенных попарно роз, который фантазия как бы невзначай вмешивает в счастье будущего выздоровления, она вырывает у детски-девственного сердца еще темную для него самого тайну любовного томления и выводит ее, цветущую, в созерцание сна.

Но сад заперт дверью со многими замками.[13]

[13] Дверь, запертая многими замками, — символ трудно достижимого выздоровления.

Она открывается лишь тем, кто приходит к ней правым путем. Вот цель, которой ты должна достичь. Выбор будет твоим испытанием». — Явление исчезло, я почувствовала себя покинутой и горько плакала. Потом я пошла дальше, но путь был красив, и я вскоре почувствовала, что он не может быть верным. Я

повернула и наконец с трудом вышла на путь по правую руку. По нему ходили взад и вперед два ангела; один шел мне навстречу, другой все время уходил прочь; первый клал на путь цветы, другой подбирал их и уносил. Я заговорила со вторым ангелом и спросила, что он делает. Он сказал мне, что он ангел воспоминания, а другой — ангел будущего.[14]

[14] Как глубокомысленно прекрасно символизирована здесь опять сущность будущего и прошлого (воспоминания) жизни: один ангел идет навстречу, рассыпая цветы, другой, собирая цветы, все время удаляется.

Так я шла все дальше и дальше, пока не дошла до ворот со многими замками. Со страхом я подошла и попыталась прочесть надпись над входом. Но мне это не удалось. Наконец ворота открылись, но лишь немного, и было неизвестно, будет ли мне позволено войти.[15]

[15] Любопытно, как и здесь, непосредственно в конце сна, то есть перед пробуждением, появляется зрительное раздражение и пытается проявить свое напряжение через чтение неясного. — Врата, наконец, открыты лишь немного, потому что фантазия в конце своей живописи, то есть в состоянии ослабления, уже не может развернуться широко: этим она символизирует угасание собственной силы. —

§ 35. Девятая главная группа: рефлексивные сны, или сны мышления

Это те сны, которые непосредственно приводят к решению мысли и задачи, над которыми днем напрасно трудились. Они называются «рефлексивными», или снами мышления, потому что берут начало из размышления бодрствования, переход которого в сон дает фантазии повод и задачу для решения. Они встречаются во всех областях духовного мышления, и при этом совершенно безразлично, касалось ли предшествовавшее напряжение

бодрствования теоретической или практической задачи. Опубликованных фактов об этом много; еще больше каждый сновидец может найти у самого себя, если после дневного размышления и обдумывания, не приведшего к результату, — о чем бы то ни было, — станет рассматривать свои образования сновидения с вниманием, оживленным решением, принятым еще днем, то есть с преднамеренностью: при этом замечаешь и запоминаешь очень многое, что иначе бесследно исчезает при пробуждении.

Чтобы могло образоваться рефлексивное сновидение, то есть ткачество сна в мысли рассудка или разума, прежде всего безусловно необходимо, чтобы ему предшествовало напряженное размышление бодрствования об определенном предмете. Ведь жизнь сновидения при упраздненной во сне самодеятельности мышления не обладает энергией, чтобы a priori измышлять задачи и заниматься ими; а там, где рассудок, казалось бы, действует заодно с фантазией сновидения, тотчас оказывается, что он образует лишь несамостоятельные предварительные наброски или последующие освещения развертываний самой фантазии, то есть говорит из фантазии. Итак, повод ко всякому рефлексивному образованию сновидения приходит из бодрствования, а именно из напряженного мышления бодрствования, которое как таковое закрепляется в воображении и, наподобие отмеченных образов, в целом и в частностях снова прорывается во сне. И тем сильнее должно быть это отмеченное выступление, если дневная задача, решение которой много значило для бодрствования, переходит в сон нерешенной: тогда незавершенная природа мысли, которая сама в себе гонит к завершению, еще подстегивает выступление перед созерцанием и вместе с тем заостряет выражение мыслительного содержания; с

другой же стороны, живая в переданной мысли склонность самой привести себя к завершению становится прямым призывом к фантазии исполнить это.

Фантазия в своей непроизвольности со своей нежной чувствительностью повсюду следует туда, откуда к ней приходит побуждение, иначе говоря, куда ее влечет и где ее заставляют творить; всякое раздражение в шаре сновидения — здесь рефлексивное раздражение — отзывается в ней колебанием; она отвечает на него, сплавляется с ним, затем творит дальше из его сущности и содержания и порождает вместе с раздражением то, что в оплодотворяющем раздражении было предназначено к порождению. Уже благодаря тому, что мышление и содержание мысли с наступлением сна получают пластическую форму, то есть становятся живым продолжающимся колебанием, в котором строго различенное и разделенное теряет свою особую остроту, зато сильнее выступает в своем всеобщем сцеплении и взаимосвязи, — переданное содержание мысли бодрствования становится способным сплавиться с фантазией, а пластическое веяние фантазии — способным быть им воспринятым; и из обоих вместе возникает единый живой процесс сна, который есть жизнь фантазии в мыслительном раздражении и жизнь размышления в фантазии. Со ставшим пластическим колебанием дневной мысли фантазия получила не только все содержание дневного размышления, но и его незавершенную в себе природу, его беспокойство по завершению и замкнутому самоустроению, иначе говоря, вложенное дневной волей и сильно возбужденное предшествовавшим напряжением мышления стремление к результату и решению, что с завершением мысли в себе одно и то же; вместе с тем, наконец, в определенном содержании дневной мысли фантазии было дано и более точное определение самого

способа решения. Но если фантазия имела все это в себе, а значит, все мыслительное стремление с его формой, содержанием, беспокойством и целью, и оно само жило дальше из фантазии и через фантазию, — то при выдающейся способности фантазии изобретать, образовывать и творить одновременно в общем очерке и во взаимном отношении внутреннего и внешнего (в чем и состоит ее существеннейшая, отличная от мышления сила) ей легко вымыслить результат из общего впечатления воспринятого полуготового, из его определенного содержания представлений и из его живой склонности двигаться к завершению сообразно определенно данному, — а эта склонность еще усилена собственной жаждой расширения, свойственной фантазии, — иначе говоря, одной-единственной пластической чертой, словно по волшебству, установить полную форму мысли. И в самом деле, это происходит так непосредственно и молниеносно, что именно это и придает естественному процессу чудесный вид; но чудеснее это не более, чем когда художнику или мыслителю днем приходит новая идея, — напротив, это даже меньше, так как половина мысли была дана заранее.

При этом фантазии совершенно все равно, будет ли то, что она берется довести до полноты, чувственной формой созерцания, например математической фигурой, или числовым примером, или умозрительной задачей мышления и т. д.; ведь фантазия — духовная сила столь же тонкая и глубоко внутренняя, сколь и впадающая в чувственное, и она разделяет и чувственную, и духовную сторону со всеми прочими сущностными силами духа; поэтому она движется в областях духовного и чувственного так же хорошо и легко, как мышление, которое дано духу в его челе. Представим себе фантазию в бодрствовании и нарисуем перед ней, например, полукруг; без всякой нужды что-либо вычислять и

измерять, из данной половины круга в ее созерцании тотчас образуется вполне развитый целый круг, и лишь этой полной формой круга она будет удовлетворена и успокоена в своем законе равновесия, который половинчатостью дела был взволнован и неприятно задет. То же самое бывает и во сне, и притом тем более, что фантазия благодаря усыплению рассудка выиграла в упругости, свободе и смелом размахе. Если же предмет, который сну надо решить, — например, задача на вычисление, то фантазия вместе с числовой задачей непосредственно получает лишь наполовину готовый в себе организм величин, то есть множество чисел, поставленное в органическое отношение отдельных частей друг к другу, и все в целом есть лишь половина, образованная из отвлеченно-духовного вещества; и здесь ей поэтому остается лишь развить из внутреннего общего отношения полуданного уже намеченную в нем и вытекающую из него другую, или завершающую, часть, и она изобретает это непосредственно из совокупного впечатления данного и его склонности к исполнению. И точно так же обстоит дело со всеми еще более духовными задачами, как, наоборот, и с чувственными, ремесленными, практическими.

Если мы тем самым непосредственно постигли сущность снов мышления, то этим уже разъяснены и факты, которые теперь будут приведены.

В области умозрения известно, что Рейнгольд нашел во сне свою дедукцию категорий. Он сам сообщает об этом так: «Я считаю достойным внимания как психологическое явление то, что главная идея этой дедукции, после того как я более четырех недель с большим напряжением удерживал понятие суждения и многообразно вертел и поворачивал его, пришла мне во сне со всей ясностью и определенностью». То, что Рейнгольду пришла

именно «главная идея», тотчас объясняется из сущности созерцания фантазии, в котором все многое и особенное всегда постижимо лишь в совокупном выражении и общем очерке. — В области теории музыки о Сардини известно, что он во сне напал на теорию флажолетных тонов. — Относительно математических фактов Крюгер (в своих «Снах», Галле, 1754) замечает, что в юности сны помогали ему решать математические задачи. — Эмманюэль Меньян, знаменитый математик и физик XVII века, родом из Тулузы, иногда изобретал математические теоремы или же доказательства к ним, когда засыпал за подобными занятиями. Такие сны приводили его во сне в столь радостное возбуждение, что он от этого просыпался и записывал их. — Часто сон является дружеским помощником школьников, для которых он изобретает работы, или взрослых, чьи духовные усилия он доводит до цели. Ван Гунс («Журнал» Морица, т. VII, с. 21) рассказывает о себе, что школьником перед сном он обратил внимание на трудную латинскую конструкцию, полное разрешение которой нашел лишь во сне. — Клаудер рассказывает о школьнике, который обычно делал свои работы по утрам: однажды рано утром, собираясь приняться за работу, он нашел ее уже законченной, отчего опасался вмешательства дьявола. — Йессен («Опыт научного обоснования психологии», с. 589) рассказывает о молодом юристе, друге своей юности, который от усталости заснул над своей работой и утром, к своему удивлению, нашел ее продолженной во сне и законченной. — Шиндлер («Магическая жизнь духа», с. 25) передает о правительственном секретаре Хоппе, что тот закончил во сне экзаменационную работу, и она так удалась, что он без колебаний сдал ее без изменений. С этими тремя последними фактами явно связаны действия лунатиков; но так как действие во сне при этом лишь исполняет то, что говорит

и содержит представление сновидения, оно служит рефлексивной деятельности сна лишь подтверждением.

И помогающему врачу, в свою очередь, помогает сон. В «Опыте теории сна» Нудова (Кенигсберг, 1791, с. 140) сообщается о бывшем бреславльском враче Румбауме, что у него был очень опасный больной, состояние которого его сильно тревожило. Однажды ночью, когда Р. заснул в долгих раздумьях и размышлениях, он видит во сне раскрытую медицинскую книгу, где записаны способ и лекарства, которыми нужно лечить больного. Р. просыпается, точно записывает содержание сна, поступает по предписанию сна, и ему удается вылечить больного. Рассказывают далее, что Р. точно записал страницу показанной ему во сне книги и порядок, в котором стояло лекарство; и через несколько лет будто бы вышло сочинение с тем же заглавием, форматом и шрифтом, где лекарство и даже страница совпадали. Очень легко решить, насколько этот факт сновидения сообщен верно и насколько искажен бодрствованием. Верно — потому что вполне объяснимо и естественно — само решение задачи лечения посредством сна: врачу было точно известно все болезненное состояние пациента, он заснул в напряженных поисках средства против него; фантазия схватывает общую картину болезни и выводит к ней из богатства образов лекарств, всегда живых у врача, потому что он всегда их применяет, те лекарства и в тех сочетаниях, какие подобают предносящемуся определенному содержанию болезни, то есть какие диктует фантазии само свойство болезни; найденными лекарствами задача болезни получает лишь свою вторую половину, иначе говоря, свое исполнение, или решение; все это нужно понимать строго в смысле данной выше сущности рефлексии во сне. Далее, так же естественно и верно, что сон представил лекарство и способ

лечения в раскрытой книге: ведь фантазия, желая вывести мыслимое перед созерцанием, должна все же представить его на каком-то созерцаемом носителе; делает она это вполне обычным для сна образом — либо слышимо, заставляя являться лица, которые произносят мыслительное содержание сна, либо видимо, представляя его как письмо или вообще как нечто зримое; ведь мы непосредственно в конце предыдущей группы снов видели, как таким же образом были применены сначала зеркало, пергамент, надпись над вратами. Более того, врачу даже не нужно фантазии, чтобы представить книгу рецептов, так как он обычно пользуется ею, и она для него совсем будничное отмеченное представление. Точно так же, наконец, вполне естественно, что, если фантазия рисует раскрытую книгу, при этом может стать видимым и номер страницы — или же нет, смотря по меньшей или большей тщательности исполнения образа. Но здесь вовсе не могло быть в намерении фантазии высказывать предчувствие, касающееся действительной, а тем более далекой будущей книги, так как отыскание лекарства, о котором единственно шла речь в этом сне, было полностью записано и дано в самой представленной во сне книге, а значит, рефлексивное раздражение фантазии было этим вполне удовлетворено и устранено. Поэтому все остальное, что рассказывают о совпадении книги сна с вышедшей через годы действительной книгой по номеру страницы, шрифту и т. п., самим предшествующим содержанием сна обнаруживается как прибавка бодрствования, и притом очень неловкая; при этом, впрочем, не нужно заключать об обманном намерении, так как при полном незнании природы возникновения таких снов самое естественное легко кажется чудесным и у пораженного и взволнованного этим бодрствующего человека непроизвольно выступает в еще более

странном облике; более того, такая удивительная взволнованность бодрствующего духа как бы в благоговейном религиозном подъеме делает захватывающее чудесное еще более захватывающим, без всякого намерения; и это тем легче возможно, когда известие проходит через многие уши. Что же касается, наконец, самого того, что позже вышла книга, где для той же болезни найдено такое же решение, — почему бы и нет? Почему несколько врачей не могли бы по одинаково необходимому поводу прийти к одному и тому же способу лечения? При этом, однако, не может быть речи ни об отношении этого второго изобретения ко сну, ни об одинаковой формулировке обоих и тому подобном. Если же то же самое открытие было позже обнародовано другим, то существенное сходство обоих дало бы еще более близкую причину для объяснения, почему возбужденная фантазия слушателей или рассказчиков сна почувствовала побуждение выточить точнейшее сходство обоих во всех побочных обстоятельствах.

И проповеднику, воодушевленному мыслью, сон вдыхает в душу слова его служения. Так, о выдающемся проповеднике Массийоне, чья полная духа и чувства речь прославлялась, сообщают, что он, видя сон и действуя во сне, писал целые сочинения. — Наконец, предтворческий сон следует и за ремесленником в его мастерскую, когда туда зовет его деятельная голова мастера. Я знаю одного человека, очень дельного жестянщика, который вел свое дело так умно, что, начав без средств, рано пришел к значительному состоянию и смог удалиться на покой. Этот человек раз навсегда приказал жене и прислуге никогда не стирать без его распоряжения того, что написано и нарисовано на столе рядом с его кроватью: очень часто ему во сне приходили устройство новых машин,

целесообразнейшее устройство того или иного прибора и вообще искусное исполнение всего, на что он получал заказы и над чем уже днем размышлял и думал; он тогда обыкновенно вставал с постели и лежавшим наготове мелом рисовал на столе так непосредственно найденные фигуры и чертежи, чтобы утром положить их готовыми перед бодрствующим рассудком.

§ 36. Десятая главная группа: действующие сны, или сны воли

Они охватывают все те странные явления сновидения, которые, совершаясь во внутренней сфере представлений сновидца, вместе с тем стремятся воплотиться как воление и действие, иначе говоря, осуществиться через движение мышц. Итак, эти образования сновидения стоят параллельно намерениям, планам и замыслам бодрствующей воли: как те дают план, содержание и цель бодрствующему волению, так эти — волению во сне и служат его деятельному проявлению; поэтому их и нужно понимать и называть как принадлежащие воле, или, так как они работают на цель воления, как исходящие из сферы воли. Но так как воля во сне вовсе не обладает силой сама определять и избирать себе планы и замыслы и исполнять замысел собственной силой самоопределения, то всякое волевое действие сна необходимо должно, во-первых, не быть собственно волей *духа* и принадлежать лишь низшему роду воления; во-вторых, брать все свои побуждения лишь извне, то есть как навязанные и данные ему, так что воление и действие во сне являются простой реакцией на впечатления, или следствием, сообразным им и служащим им; в-третьих, наконец, лежащие в основе действия во сне образования, или замыслы сновидения, при отсутствии

самодеятельности мыслящего духа должны сами возникнуть из впечатлений, все равно, родились ли те внутри шара сновидения или вне его. Побуждений же к возбуждению для действующих снов жизнь сновидения имеет по существу три рода, различных по происхождению: 1) отзвучивающие, иначе говоря, вплывающие и переходящие в сон колебания энергии бодрствующей воли, которые вместе с нею лежат вне шара сновидения; 2) возбуждения энергии, вызванные самой фантазией сновидения и ее созерцаемыми образами; 3) подстегивания волевой энергии, вызванные возведением нервной жизни в степень, частичным или всеобщим по объему. Но здесь нужно заметить, что всякое психическое возбуждение энергии непосредственно вызывает и соответствующее сопутствующее возбуждение нервной жизни, и наоборот, всякое волнение в нервной области вызывает и соответствующее волнение психики; поэтому оба эти рода побуждений, как бы ни принадлежали они по происхождению либо душе (духу), либо нервам, на пути осуществления тотчас становятся одновременно психически-нервными или нервно-психическими. На органическом взаимоотношении души и иннервации основано вместе с тем то, что психическое возбуждение энергии во время сна может непосредственно переводиться в движения мышц; и что нервная возбужденность может вызывать образования сновидения, которые перечеканивают нервную энергию в субъективный замысел, иначе говоря, что замысел представления может, в свою очередь, перейти в самую плоть и силу мышечного действия и получить осуществление. — Что же касается качественной ценности названных трех родов возбуждения воли, то, очевидно, выше всех стоит названный вторым, то есть вызванный самой жизнью представлений сна, если судить по

мерке жизни сновидения самой по себе: он по всей природе своего возникновения коренится в самом психическом, произведен творчеством фантазии, а значит, имеет свое средоточие в самом собственном психическом центре силы жизни сновидения. Возбуждение же воли вследствие отзвука бодрствующей самодеятельной силы духа, хотя оно и более высокого духовного происхождения, слишком чуждо сущности жизни сновидения, так как порождено вне шара сновидения; а возбуждение нервной сферы слишком низко стягивает вниз среднюю меру душевной и телесной жизни во сне.

Если же мы хотим легко обозреть разнообразные факты сновидения из сферы воли, необходимо разделение по видам. Всякий сон воли принадлежит волевой стороне души и выражает определенную энергию воли; поэтому именно ее мы и возьмем основанием деления. Но в каждом сне и в каждой определенной его волевой энергии содержится вместе с тем и определенная ее степень, большая или меньшая; и точно так же энергия всякого сна воли стремится осуществиться вовне, распространиться в мышечную сферу и посредством нее разрядиться вовне; и если внутренняя степень энергии велика, она должна повлечь за собой сильное и полное мышечное действие; если мала — вызвать слабые подъемы мускулатуры; а если она совсем слаба, она вовсе не сможет вызвать телесного движения. Итак, всякий раз состояние мышечного движения, связанного со сном воли, выражает соответствующую степень внутренней энергии самого сна воли, и возрастающие ступени мышечного осуществления сна окажутся пригодными для того, чтобы составить отличительные признаки деления этой группы снов. Относительно содержания представлений сна нужно еще заметить, что выраженный в нем замысел действия при бурном стремлении энергии к разрядке

обычно непосредственно заостряется представлением: фантазия прибавляет к тому, что сновидец намерен исполнить, еще определенное веление или приказ, которым он побуждается к осуществлению.

Первый порядок: сны воли с мнимыми действиями

Это образования сновидения, которые выражают в себе замысел или делание, но так, что оно не может пересадить себя из одной лишь сущности представления в сферу произвольных нервов; вместо этого фантазия заступает место мышцы и рисует ее энергию осуществленной и протекающей в деяниях представления.

Сюда принадлежат все сны, в которых спящий радостными или устрашающими образами созерцания гоним и подстрекаем к соответствующему, отвечающему на них мнимому делу. Если сновидцу является милая девушка, фантазия так живо, как если бы это было в действительности, протягивает к ней руки юноши, и он горячо целует ее в осчастливливающем сиянии прелести, и его сердце чувствует себя увлеченным сильнее, чем в бодрствовании. Но очень страшно фантазия заставляет мать метаться взад и вперед по берегу реки, и та простирает и ломает руки в борющемся отчаянии, и рыдает, и зовет на помощь в действительности мнимого, — когда любимое дитя упало у нее в бушующий поток, опущенное туда фантазией. Очень часто со сновидицей уносится по волнам челн, и она гребет, и кричит, и делает бешеные прыжки и в отчаянии выпрыгивает из челна, чтобы достичь твердой земли. Мальчику же фантазия посылает вдогонку садовника, чтобы тому пришлось бежать и чтобы она сама разгулялась в устрашающих излияниях воли; мужчину преследуют разъяренные быки с рогами и ревом, и он

перескакивает через пни и заборы проворнее мальчишки, чтобы спастись; и он просыпается словно затравленный, и сила действующей химеры фантазии выгнала у него на лоб капли пота страха. Но во всем этом мышца не может подняться к делу, потому что волевой толчок сна возник не одновременно из произвольного нервного требования, а из бесплотной видимости тени образа.

К этим ответам на аффект примыкают те мнимые деятельности сна, которые возникают из отзвуков дневной воли или оставшегося бодрствующим дневного желания.

Например, одна дама, которая днем израсходовала последнюю спичку и собиралась послать за новой пачкой, но забыла, видела ночью во сне: ей нужно встать, чтобы писать, темно, она зовет служанку и велит ей наконец-то принести наверх спички.

Например, мальчику, который никак не мог дождаться каникул, чтобы поехать домой, хотя до них было еще восемь дней, три ночи подряд снилось: он со всеми пожитками бежит на железную дорогу, чтобы уехать, но каждый раз приходит уже слишком поздно и должен вернуться. Повторяющийся момент опоздания — символика фантазии для существующей в действительности помехи отъезду мальчика: школа ведь еще не отпускала его.

Например, когда я, чтобы добыть нужные для этой книги надежные факты сновидения, каждое утро прилежно записывал то, что по дневному намерению сам наблюдал во время сна, заметил и старательно заучил наизусть, мне часто снилось вследствие этого бодрствующего намерения: я действительно записываю сны, которые как раз происходят, но я записывал их на черной бумаге, шейном платке или темных полосках сукна, — этим фантазия хотела обозначить ничтожность писания во сне.

Например, если вечером решишь рано встать, чтобы исполнить какое-нибудь намерение, то, как правило, видишь во сне, что действительно это делаешь или должен сделать. Так мне снилось, между прочим, когда я хотел рано отвезти на железную дорогу близкого мне человека и для этого вовремя проснуться: меня зовут, мне надо вставать, пора отправляться; потом, в промежутке, опять как бы в утешение: я уже еду, еду на дрожках к железной дороге, исполняю все нужные дела на вокзале и т. д., пока зов к пробуждению снова не выступил на передний план и не привел в конце концов к действительному пробуждению.

Второй порядок: сны воли с движением мышц при лежащем во сне теле

Энергия воли сна над мышцами простирается еще не так далеко, чтобы она могла поднять с собою весь столб туловища; поэтому она ограничивается общими переворачиваниями лежащего тела или произвольным движением отдельных мышечных органов тела. В большинстве случаев волевая энергия поднята возбудимостью иннервации до образа фантазии или вместе с ним.

а. С нерасчлененным движением. Мышечные действия — хаотически неопределенные, неясные движения, которые в целом, пожалуй, выражают энергию волевого возбуждения, но не целесообразно упорядоченную по содержанию представления сна четкую определенность формы движения. Очевидно, воздействие воли на мышцу стоит в них на низшей ступени.

Сюда принадлежат возбужденные сны со всякого рода неопределенными переворачиваниями спящего; далее, сны женщин при образах опасности и ужаса, сопровождаемые хныканьем и другими звуками страха; далее, часто наблюдаемый

сон с пронзительным вскриком детей при страшных образах; далее, очень известное явление разговора во сне, при котором внутреннее возбуждение переходит в мышцы органов речи: слова идут дико вперемешку, выражают не органические формы мысли, а цепи сна, более или менее образованные на основе ассоциаций, поэтому в смысле бодрствования они кажутся совершенно непонятными, даже если не считать их быстроты.

б. С расчлененным движением, то есть с ясным прорывом определенной формы в движении.

Сюда принадлежат многочисленные сны о полете по воздуху, о плавании, о прыжках перед чудовищем фантазии, о танцах и т. д. с соответствующим каждый раз движением мышц.

Например, мне снилось, что я лечу по воздуху; и у меня при этом было такое живое ощущение движения крыльев и радости парения в воздухе, что я не только в представлении сна, но и в действительности махал крыльями, то есть заменяющими их руками, и при этом так сильно ударился о стену, что тотчас от этого проснулся. То же самое бывает иногда в снах о живом плавании.

Например, даме лет под пятьдесят снилось, что она идет по красивому холму под открытым небом; вдруг она видит рядом с собой змею, которая, шипя, развертывается, чтобы броситься на нее; в испуге сновидица, чтобы избежать укуса, изо всех сил прыгает на высокий камень, находящийся рядом, — и в тот же миг она в действительности так сильно ударилась обоими коленями о стену, что от этого проснулась и очень живо почувствовала вызванную этим боль.

Например, «Журнал» Морица, т. III, ч. 3, с. 27–28: «Девушка семнадцати-восемнадцати лет, с очень живой фантазией и очень любознательная, видела ночью во сне все, что живо занимало ее

днем. Если она днем хотя бы издали слышала музыку, то танцевала во сне, металась в постели и пела мелодию танцев таким громким голосом, что мне (рассказчику) приходилось идти к ней и будить ее». Здесь живость отмеченного дневного воспоминания, соединенная с возбудимостью фантазии и юной иннервации, вызвала мышечное действие.

Третий порядок: сны воли с движением всего мышечного аппарата при стоящем прямо и идущем теле

Вся мускулатура находится в состоянии, подобном бодрствованию, часто даже повышенном, несмотря на разлитое над ней ненарушенное течение сна; с высокой степенью нервной энергии в сфере произвольного вместе с тем соответственно возбуждается и нервная сфера чувствительности; образуется своего рода произвольное восприятие во сне чувственного рода, вместе с тем необычное оживление деятельности рассудка во сне, хотя деятельность восприятия и рассудка протекает лишь в зависимости от предносящегося образования сновидения, ради цели и на службе выраженного в нем волевого замысла. Если возведение в степень сферы произвольных нервов не переходит существенно в чувствительную нервную сферу, то это тем сильнее повышает саму сферу произвольного, и из этого образуется свойственное лунатикам в собственнейшем смысле влечение к лазанию и вообще к трудно исполнимым и опасным предприятиям, которые в целом требуют чрезмерно повышенной мышечной энергии; ум лунатика тогда опускается до простого созерцания, сопровождающего то, что лунатик делает.

Все эти любопытные отклонения во время сна порождаются двояким, или же трояким, образом. Либо лунатизм возникает a priori из чрезмерного подъема нервной жизни, либо из

жизненного перенапряжения ума, либо из возбудимости нервов и духа. В первом случае это касается преимущественно юношей или девушек в возрасте полового созревания: их телесный организм как раз готов совершить в самом себе высший шаг развертывания своей жизненной силы; нервная жизнь при этом в пышнейшем набухании и возбуждении, и если теперь внутри наступают болезненные застои полового развития, то задержанная в своем правильном течении, полная набухания нервная жизнь так усиливается и сгущается в себе, что ненормальным образом вызывает либо самостоятельные своеобразные состояния сна, из которых происходит возведенный в степень подъем мышечной силы, либо поднимает сам естественный сон до необычной деятельности воли и ощущения. Чрезмерная иннервация при этом в известной мере преодолевает наступивший со здоровым сном паралич мозговой жизни, выводит ее из пластической скованности в некую поляризацию, и вместе с мозгом непосредственно пробуждается высшее оживление ума. Если же такие хождения во сне наступают в более позднем возрасте, то нетрудно будет доказать лежащее в их основе болезненное повышение нервной жизни. — Во втором случае лунатизм развивается из перераздраженного состояния ума. Молодые люди, которые корпят над книгами; люди постарше, которые непрестанно живут мышлением и размышляют над его задачами, то есть ученые по призванию; и, наконец, молодые или старшие при случайном сильном умственном напряжении, например перед экзаменом и т. д., легко впадают в лунатизм. У всех этих ревнителей мысли сумма жизни сама по себе поднимается в уме до высшей степени, мозговая жизнь приходит к необычному перевесу над жизнью ганглиозной системы, и духовность души сама становится чрезмерно весомой по сравнению с психической

жизненной силой. Этот временный или постоянный дневной перевес духовной жизни (по душе и мозгу) над жизнью жизненной силы в известной мере проводится и продолжается и в состоянии сна и образует необычные подъемы энергии «я» сновидения во время сна по познанию и волению, иначе говоря, по чувствительной и произвольной нервной сфере. Если же к этому присоединяется столь обычное для большинства, а особенно для гениальных, мыслителей беспокойное напряжение духа, с которым они при своих нескончаемых задачах постоянно отходят ко сну, то это беспокойство вечно неудовлетворенной в себе жизни мысли заостряет уже имеющуюся само по себе наклонность бодрствовать во время сна, и из этого возникают как уже рассмотренные выше рефлексии сна в высшей степени, так вместе с тем и связанные с ними мышечные работы чернилами и пером, причем общее чувствительное чувство восприятия светит им. — В третьем случае, наконец, особенно у молодых людей, живо отзвучивающие из дневной жизни, сильно занимающие юное душевное чувство образы, желания, замыслы и т. д. соединяются с пламенной самой по себе и набухшей нервной жизнью юности, особенно в собранном состоянии ночи; и на перешедшем из дня интересе образуются соответствующие планы и замыслы сна, которые, охватывая мышечную сферу, осуществляются более или менее смелыми движениями и разрешают внутреннее возбуждение.

Что же касается общего чувства восприятия у лунатиков, общего у них с низшими состояниями сомнамбулического ясновидения, то оно образуется, с одной стороны, скоплением нервного флюида, служащего днем способности восприятия, которому при закрытости органов чувств не остается иного выхода, кроме поверхности кожи (вся иннервация, которая днем

протекает и расходуется сосредоточенными искрами через полярные, намеренно направленные на определенные и обособленные точки движения духа, во сне полностью удерживается вместе и пребывает в нераздельной силе); с другой же стороны, сюда присоединяется необычное повышение нервной жизни вследствие телесных застоев развития или иных причин; этим и иннервация чувственного восприятия усиливается сверх меры, и чувствующий нерв становится в себе непосредственно столь чутким и столь мощным в ощущении, что вовсе не нуждается более в посредничающем органе чувства для восприятия. Если у лунатиков это совершается непосредственнее всего вследствие всеобщих телесных расстройств, то нечто подобное происходит и через возбуждение мыслительной энергии ученых во сне, за которой следует сосредоточение удержанного при себе нервного флюида сна к мозгу и к передней части головы. — Сравним еще опыты Спалланцани с летучими мышами: так как он выколол им глаза, в высшей степени напряженная (а потому так остро воспринимающая, иначе говоря, так остро передающая) невесомая сила в зрительном нерве не могла больше изливаться и расходоваться этим путем, потому что там теперь недоставало всякого сосредоточенного удара и острого раздражения света; поэтому сосредоточенная в зрительном нерве сила чувствительности распространяется по соседним, более широким поверхностям кожи, чтобы действовать и расходоваться, и летучая мышь даже при разрушенном органе чувства становится способной видеть, хотя столь рассеянный орган чувства должен далеко уступать остроте сосредоточенного чувственного восприятия.

а. С бесцельным действием. Изживает себя простое влечение к движению, его непосредственность сама себе как бы цель.

Спалланцаниево чувство (непосредственное видение) выступает при этом лишь в самом общем виде.

Сюда принадлежит известное явление, не раз встречавшееся мне самому у мальчиков: мальчик, легший спать раньше своих более прилежных товарищей, вдруг во сне поднимается с постели, в одной рубашке несколько раз бродит взад и вперед по комнате и снова ложится в постель; иногда слышное бормотание указывает на связанное с этим движением представление сна, хотя мышечное действие и не может представить его содержание. Поводом хождения легко могло быть нервное возбуждение. — Йозеф Франк («Praxeos med. univ. praecepta») рассказывает о шестнадцатилетнем юноше, впавшем в уныние из-за внезапной смерти отца, такой случай во сне: когда юноша ночью спал, ему во сне явились двое страшных мужчин, потребовали, чтобы он следовал за ними, и пригрозили, если не последует, на следующую ночь силой утащить его. Через два дня ему во сне явилась бледная тень его отца вместе с обоими страшными мужчинами и велела им взять его с собой даже против его воли. Его несли через неизмеримые и очень красивые местности, он слышал игру струн и флейт, видел танцующие хоры юношей и участвовал в изысканных трапезах. Внезапно тень его отца исчезает, оба мужчины поднимают его высоко в воздух и затем бросают в бочку. — На следующее утро молочницы действительно нашли его в пустой бочке, немного прикрытого соломой, окоченевшего от зимнего холода и почти безжизненного.

Анализ: первоначальный повод сна и его осуществления — вообще возбудимость юной нервной силы, особенно же и прямо — сосредоточенное удержание ее вследствие продолжительной глубокой скорби, в которой бодрствующая душа лишена всякой склонности к свежей и живой деятельности, поэтому нервный

флюид тела не может разрядиться дневными действиями; тем легче он должен быть склонен ночью, когда сон пластически сгущает и объединяет его, к необычным выходам за пределы. «Двое страшных мужчин являются ему и велят следовать за ними, более того, грозят при ближайшем случае силой увлечь его с собой» — эта символика красноречиво говорит о возникновении сна и движения из нервной сферы. Страшные образы являются ему, потому что нервный флюид в своем застое и скоплении есть для телесного устройства нечто чудовищное и угрожающее; они грозят и велят следовать, потому что влечение нервного флюида к движению бурно; они еще не увлекают его с собой, потому что процесс нарастания иннервации еще не достиг полной высоты, чтобы увлечь с собой мускулатуру. Это недостающее еще нарастание наступает уже через два дня, поэтому теперь оба мужчины являются усиленными тенью отца; и посредством этого усиленного образа фантазии иннервации вместе с тем удается поднять мышцу. За этим следует действительный процесс движения лишь ради возбуждения вообще и без всякой определенной цели: являющиеся образы хотят лишь одного — чтобы он следовал, то есть движения ради него самого. Тем лучше заполняет фантазия бесцельность действия колоратурами: исходя из свободной окрыленной природы нервной и духовной жизни в юноше, она заставляет его парить и нестись по воздуху; свободные пространства, которые он пробегает, неизмеримы, потому что в созерцании фантазии даль простирается безгранично; она дает ему видеть прекрасные местности — из идеального созерцания юноши; она дает ему пережить музыку, танцы, веселые трапезы, потому что в этом юное душевное чувство находит свои естественные радости. Тень же отца исчезает внезапно, потому что возбуждение иннервации

поглощается происходящим действительным движением, или сначала спадает с высшей точки, поэтому и символ этой высшей точки должен тотчас пасть вместе с ней; по той же причине исчезают далее и оба мужчины с поглощением возбуждения; они бросают его в бочку, потому что он в действительности влезает в нее и погружается; они бросают его вниз с высоты воздуха, потому что, влезая в бочку, он должен преодолеть ее высоту, которая в созерцании фантазии становится такой большой. Фантазия кончается нагим образом объективного, то есть бочкой, как и во всяком другом сне, когда ее творческое воодушевление погибает на действительном восприятии предмета.

б. С общей целесообразностью действия, но без достаточного исполнения в подробностях. Фантазия получает при этом простор для своей живописи лишь настолько, насколько его еще не занял рассудок; поэтому она может действовать лишь при уточнении действия. Спалланцаниево чувство, насколько проглядывает целесообразная определенность действия, играет при этом отчетливее, потому что в точности целесообразности оно получает определенные точки напряжения своего внимания.

Например (из «Странных, но правдивых историй» Фриче): «Одному человеку очень часто снилось, что он дерется с кем-то; он вскакивал с ложа, хватал свою шпагу и изрядно рубил ею по воздуху, так что повреждал стол и скамьи». Здесь действие уже имеет определенную цель и замысел, но остается неисполненным в отношении противника, так как боец слепо рубит по воздуху. Спалланцаниево чувство простирается лишь настолько, насколько определена целесообразность, то есть на сопровождающее руководство в хватании шпаги и обращении с ней.

Например (тоже из Фриче): «Одному молодому человеку снилось, что ему нужно проехать верхом несколько миль до другого места. Он встал во сне, надел платье, сапоги и шпоры, сел на подоконник, сильно бил шпорами с обеих сторон в стену и понукал криком коня бежать, пока не проснулся от этого и очень не испугался опасности, в которой находился». Здесь процесс езды верхом исполнен уже очень целесообразно, но обман относительно коня — еще недостаточное его развитие.

Однако если эти два сна, очевидно, основаны лишь на общем набухании иннервации, которое влечет к разрядке, то в следующем примере оно выступает еще заостренным особым побуждением.

Помарий (по Як. Хорсту, disp. I) рассказывает: «Повар, утомленный долгой дорогой и томимый жаждой, засыпает, затем поднимается, суровой зимней ночью в одной рубашке спускается по лестнице, через двор в кухню и спускается в колодец, цепляясь пальцами рук и ног за его стены; как только он касается ногами воды, он просыпается и зовет на помощь». Общее нервное возбуждение вследствие напряжения в дороге здесь еще особо натянуто раздражением жажды. Целесообразность действия в спешке через лестницу и двор к колодцу, чтобы утолить жажду, в целом несомненна; но как только должна осуществиться собственная цель, острота подробностей уже не простирается так далеко, чтобы воспользоваться ведром для черпания воды, а исполняется как простая вариация предшествовавшего бега, то есть как непосредственный спуск бегом (лазание). Спалланцаниево чувство, ведя бродящего по лестнице и дальше, проявляется ясно; при лазании вниз по стенам колодца, где надо было отыскивать щели и трещины кладки, чтобы опереться и удержаться, — особенно отчетливо и остро.

Например, Хофштетер («Disp. de somnambulatione») рассказывает о себе: «Двенадцатилетним мальчиком он должен был прислуживать на предстоящем званом обеде, и родители поэтому ежедневно подгоняли его. Вечером накануне обеда мальчик, выпив кубок вина, лег в постель, размышляя об исполнении своего завтрашнего дела; затем он поднялся во сне, пошел к буфету, вынул салфетки, ложки и ножи и отнес часть их к своей кровати, пока не проснулся от шума и окрика отца». Здесь возбуждение нервов от выпитого вина, соединенное с духовным напряжением в ожидании предстоящего, важного для мальчика дела, вызвало подъем членов для исполнения предносящейся волевой мысли. Целесообразность действия не простирается даже до четкого различения стола и кровати, к которой сновидец несет утварь, хотя стол существеннейшим образом связан с замыслом и тоже был тут же, в комнате. Спалланцаниево чувство проявляется в различении отдельных столовых приборов.

в. С завершенной целесообразностью как в целом, так и в частностях. Сон соперничает с действиями бодрствования, ясная рассудительность пронизывает его занятия, спалланцаниево чувство состязается с бодрствующим глазом; фантазия представляет мысли сна трезвой рассудительности, большей частью такие, которые касаются ежедневной работы сновидца и вообще деятельного и проворного обращения с вещами, потому что это сообразно раздражению сферы произвольного; все действие лунатика на этой стадии, очевидно, направляется ясной деятельностью рассудка, хотя сновидец находится в состоянии сна. Однако его рассудок, как бы возбужден и самодеятелен он ни казался, все же пребывает в полной зависимости от образования сновидения, по которому он действует и мыслительное содержание которого он осуществляет. Даже когда у лунатика

рядом со спалланцаниевым чувством открывается и слух, действующий во сне может уловить из разговора обращающихся к нему лиц лишь то, что непосредственно касается его идеи сна, а всего прочего не слышит или, слыша, не понимает. Образ фантазии сна господствует над рассудком, и «я» не размышляет самостоятельно и свободно, как в бодрствовании; оно не определяет мысль, которую нужно осуществить, а получает ее от фантазии готовой и с непосредственным приказом исполнения; именно поэтому, несмотря на ясно прорывающуюся рассудительность в исполнении ночного воления во сне, пластическое состояние духа, иначе говоря, состояние сна, не упразднено, и дух ткет и действует при этом изо сна: он видит сон, действуя, и действует сон. — Сюда принадлежит множество наблюденных, часто очень обширных фактов, особенно из лунатизма, ставшего привычным, то есть выступающего как продолжительная болезнь, при котором воля сна вынуждена заявлять о себе до тех пор, пока длится нервный повод в телесном организме. Но наша задача здесь — объяснять лунатизм, составляющий противоположность ясновидению сомнамбул, не ради него самого, а лишь в его связи со сном; поэтому мы можем ограничиться приведением нескольких кратких фактов.

Например, Фриче (в том же сочинении) рассказывает: «У Мариана была служанка, которая во сне вставала с постели и пекла хлеб, исполняя все это дело с той же тщательностью, что и в бодрствовании». Здесь, очевидно, действие сна по содержанию и исполнению очень целесообразно и разумно; само дело выбрано из привычного дневного навыка, и выбрано дневное дело, требующее силы, чтобы сильное влечение иннервации к движению могло излиться в действии во сне. Точно так же и другие лунатики берут свой замысел во сне из привычного

дневного занятия. Доктор Пигатти («Странная история Иоганна Баптиста Негретти, лунатика») очень подробно сообщает о названном лунатике Негретти, слуге у одного маркиза, как он исполнял сложнейшие дела господского слуги, подобно дневной работе. Точно так же Хеннингс («О снах и лунатиках») передает о такой же ловкости молодого аптекаря в его деле в состоянии лунатизма. И многое другое. Весьма обычны, далее, у ученых лунатиков точные справки и чтение в книгах, столь же точная запись найденного или придуманного рефлексией фантазии или письменное исполнение корректур. Во всем этом спалланцаниево чувство светит в высшей степени, дух пользуется мускулатурой руки и всего тела по желанию; замысел и содержание мыслей и письма диктует сон фантазии, возникший от сильного отзвука бодрствующего возбуждения духа, или от подъема иннервации, или от того и другого. О французском философе Кондильяке, о трагике Кребийоне и об уже упомянутом проповеднике Массийоне рассказывают, что они писали во сне целые сочинения; и вообще очень часто развитые рефлексии сна соединяются с нужным для их закрепления мышечным действием, то есть с пишущей деятельностью руки. — Но если безобидные ученые и все те, чьи дневные дела обычно совершаются в комнате, и ночью остаются при таких действиях, которые требуют лишь точности и ловкости без большого напряжения сил, то, напротив, человек, свободно хозяйничающий на природе, занятый постоянной борьбой с природными препятствиями, и в состоянии лунатизма движется в такой энергичной сфере и развивает величину и смелость мышечной силы вместо тонко-ловкого обращения с вещами. Он во сне побеждает природные препятствия, с легкостью совершает опасные дела, на которые в бодрствовании не мог решиться. Так, например, доктор Эннемозер рассказывает о

крестьянине, который в состоянии лунатизма на очень опасном скалистом склоне свалил и обрубил толстое дерево, на что в бодрствовании ему недоставало мужества. Итак, фантазия сна, гонимая нервной силой, изобрела этот смелый замысел, а нервная мощь, по плану и чувственному содержанию фантазии и в сопровождении спалланцаниева зрения, совершила этот подвиг силы. Но если в этого рода ночных действиях энергия воли сна с такой мощью обращается к мышце, иначе говоря, к произвольной сфере нервов, то в чувствительной мозговой и нервной сфере, иначе говоря, в духовном уме, ночная жизнь тем менее приходит в силу и скорее опускается лишь до чувственного восприятия, служебно сопровождающего практические действия.

§ 37. Одиннадцатая главная группа: сны-предчувствия

Общая сущность предчувствия во сне

Сны-предчувствия — вершина жизни сновидения. Всемогущие, как природа духа, они простирают свои щупальца далеко во вселенную, и дальность излучения их силы ощущения соответствует сдержанной в веществе духа плотности, огромной тонкости и мощи колебания психической силы бытия. От тяжелых веществ природы до возвышенности духовного бытия в человеке — исполинская пропасть различия; чем выше поднимается конкретное бытие во вселенной по ступеням существ, тем слабее становится оно по тяжести и балласту, тем мощнее развивается его энергия и величина по силе колебания и излучения. Уже в невесомых силах природы, за которыми лишь ученость, скованная предвзятым мнением, может отрицать самостоятельное бытие, бытие, ниже области психического, поднимается до колеблющейся мировой сущности, без тяжести в бытии, хотя и в

постоянстве. Бесконечно выше неорганической невесомой силы стоит органически ткущая, то есть непосредственно кругообразно, в многообразнейших извивах, ведущая вокруг себя свое самостное жизненное колебание, монада растения; и хотя ей не дана сознательная сущность психики, она все же образует низшую ступень психического, потому что в ней уже содержится оформляющая жизнь и бытие, для закрепленного проявления которых она пользуется веществами как служебным носителем; и потому, что она содержит в области образующей вещество мысли ту же сосредоточенность, замкнутость и индивидуальную отграниченность бытия в себе, на себе и из себя, которой обладают высшие психические существа с выражением сознания. Выше, в свою очередь, поднимается в космосе сознательно-произвольная душа животного, а выше всего Божество сотворило дух человека, трижды сознательно колебля в нем и сгущая его нематериальную лучистую сущность — в чувственности, рассудительности и разумности, — так что в его «я» выражается острейшая и мощнейшая из всех точек бытия и потому вместе с тем открывается мировое величие жизненного колебания и излучения.

Уже тем, что грудной младенец, едва научившийся различать самые непосредственные впечатления, тянется рукой к солнцу, которое видит и думает схватить, он доказывает, что душа, видя, видит не образ на сетчатке, а его действительный предмет вне себя и вдали; иначе ребенок тянулся бы к сетчатке, то есть к глазу, а не перед собой вдаль. Итак, a priori в каждом зрительном восприятии, которое совершает дух, есть напряжение духовного излучения внимания вдаль; и если предмет так чудовищно удален, как видимая звезда, луна или солнце, то духовное напряжение непосредственно и молниеносно уходит в

космическую даль. То же самое я с радостью обнаружил в протекании воспоминания, будь оно произвольным или непроизвольным, коль скоро оно касается предмета вне нас. Если, например, вспоминаешь далекую родину, то при этом совершенно точно замечаешь, как луч внимания, направленный *на* нее, соединяясь с образом представления, непосредственно вместе с тем покидает мозг и движется и волнуется вдали, у самого искомого действительного предмета; тогда как, если мы вспоминаем простое понятие, которое лишь самим духом, иначе говоря, в мозгу, было создано и возникло, луч напряжения воспоминания так же отчетливо и несомненно остается в самой голове. Пусть каждый исследует это на себе — тотчас подтвердится. С удивительной упругостью дух при воспоминаниях о пространственно далеком непосредственно вновь вступает в живую связь с самими предметами, причем основой служит оставшаяся неизменной связь между духом и предметом со времени действительного восприятия. — В меньшем масштабе непосредственность духовного излучения показывают известные явления, когда спрошенный непосредственно угадывает то, о чем его спросил другой, не имея до вопроса никакого понятия об этом. Обычно это бывает у любящих; столь же обычно и у всех других людей, если вопрос задается с некоторой внезапностью, так что мгновенно целиком притягивает к себе внимание спрошенного; если тогда спрошенный отвечает то, что непосредственно приходит ему в голову, иначе говоря, что пришло ему на ум через непосредственное излучение со стороны спрашивающего, — он угадывает верно. Я часто забавлялся тем, что, когда кто-нибудь спрашивал: «В каком ухе у меня звенит?», давал на это верный ответ без всякой своей заслуги. Шопенгауэр, когда его красивая

хозяйка в Милане спросила, какие три номера она ставит в лотерее, угадал два из них сразу и не попал лишь в третий; очевидно потому, что хозяйка, изумленная такой мнимой всеведущностью, этим возбуждением аффекта сделала психическое движение внутрь, то есть назад, в себя, поэтому лежащее в основе ее вопроса излучение духа непосредственно вернулось вместе с ним. Однажды одна дама, от которой я стоял в комнате в десяти-двенадцати шагах, спросила меня: «Что ест сегодня наша прислуга (одна работница)?» У меня невольно вырвалось: «Индюка», — и так и было в действительности: этой женщине богатые господа, у которых служил ее муж, случайно подарили индюка, которого при потрошении нашли не вполне здоровым. Точно так же я всегда находил, что, когда я по какому-нибудь объективному поводу неожиданно давал кому-нибудь из окружающих что-нибудь угадать, этот человек либо угадывал действительное или очень похожее, либо, если давал неверный ответ и я поправлял его верным, удивленно отвечал: «Именно это я и хотел сказать сначала, но мне это показалось слишком невозможным». — Но если в этих последних фактах мыслительный луч спрашивающего сам по себе падал уже так остро, что был непосредственно духовно воспринимаем для спрошенного, то он действует еще гораздо проникновеннее, когда воля духа заостряется до явного намерения и соединяется с одной лишь проникающей светящейся силой взгляда. Так, Фишер, профессор в Базеле, рассказывает, как легко, глядя вниз из верхнего этажа и пристально всматриваясь в прохожего внизу на улице, — хотя бы у него была широкополая шляпа, — непосредственно заставить его оглянуться или посмотреть вверх. —

Но к чему еще эти частности, когда вся духовная жизнь человека и сама по себе движется в излучении вдаль! Каждый человек, принимая замысел, чтобы исполнить его в течение части или всей жизни, непосредственно движется далеко в будущем; крестьянин, сажающий дерево, чтобы оно приносило плоды, — дворянин, основывающий прочное родовое гнездо, — оба охватывают в один и тот же миг лучом намерения духа десятилетия и столетие; философ и государственный деятель, вычерчивая из данного в действительности путь будущего, охватывают дали времени и вместе с ними колосс многомиллионного человечества, который образует будущее вширь и делает его вещественным. — Любопытно, как поступает человеческий дух при «надежде»; надежда — напряжение духа в будущее; из своего желания дух ставит себе далеко вперед во времени представляемый предмет, прикрепляет к нему свое действительное движение вперед (свое стремление) и позволяет ему непосредственно тянуть себя вперед и вверх, словно духовным полиспастом, одновременно волей самопроизвольно устремляясь туда; здесь в самом деле есть очень широкие действительные линии и извивы нематериального рода, в которых луч напряжения духовного стремления принимает определенный органический облик; но человек, столь неповоротливый и несведущий в области психического, за деревьями не видит леса. Как далеко, далее, простирается *душевное чувство* во времени и пространстве! Луч любви каждой матери неразорванно и неразрывно следует за ее сыном в далекие части света, в сражения и в романтические странствия; внутренняя связь остается, и живое излучение материнского чувства в чувство далекого сына дает о себе знать посреди всех дневных трудов и дел в душе самого сына, пробуждая в нем тоску,

грустные воспоминания, упреки за пренебрежение к далеким, часто совсем внезапно и без всякого повода. Все это показывает величественные и гораздо более удивительные сцепления, чем те, что доставляют вещественные массы природы. — Огромно же влечение человеческих духов ко всеобщности; каждый человек, высок он или низок, образован или необразован, по-своему непосредственно имеет в себе влечение стоять на одном уровне чести со своими ближними, то есть распространение чувства чести вширь для него природная потребность; каждый человек стремится к славе или признанию как можно дальше в протяжение нынешнего человечества, и еще больше — в протяженность будущего, далеко за пределы своего земного века; он хочет своими делами создать прочные жилы, которые укоренят следы его бытия далеко в космосе, — и как прекрасно проявляется в страдательном виде эта великая черта человеческой природы, когда нашему взгляду внезапно предстают руины прошедших времен и приятный трепет благоговения перед человеческим охватывает сердце. В стремлении участвовать в жизни государства, какое мы видим в политических устремлениях современности; в национальном сознании народов, где каждый индивид постигает себя живущим и призванным жить лишь вместе с миллионами, — повсюду энергично выражена мощная дальность излучения духовной жизни. Рассмотрим любовь мужчины к деве или супруге: чего хочет он иного, как не того, чтобы, совершенно вжившись в нее, его жизненная сила, его убеждения и все древо будущего его жизни были через женщину разделены, распространены, прочувствованы вместе с ним и соблюдены; чего хочет *она* иного, как не того, чтобы ее чувства и вся задушевность женской сердечной жизни были через него, через его силу, его энергию, его

убеждения укреплены, усилены и претворены в дело во вселенной человечества! И каждая женщина, неотвратимо подчиняясь господствующему обычаю человечества и желая хотя бы лишь переделать по моде свою шляпку, есть живое философское доказательство того, что индивидуальному духу присущи даль, всеобщность жизненного напряжения. И в одном ряду с женщиной это доказывает философ, который думает, что не живет, если не может распространить найденные им сокровища истины вместе с тем в круг людей и слушателей. — Более того, даже назад, к тысячелетиям человеческой культуры и к прошедшим миллионам лет становления дружественной ему земли, неудержимо простирается человеческий дух; ведь слишком малы для него нынешние дали, слишком малы туманные дали еще творимого будущего: он хочет вместе с тем охватить своим лучом неизмеримость прошедшего, которое принадлежит ему или дружественно ему в космосе; лишь тогда он чувствует себя полным и исполненным в своем излучении; и чем больше он охватил, тем дальше простирается сила и тоска охватывать. — Великолепное явление всемогущего растяжения духа — юноша со всем своим пылающим томлением и всеми своими неизмеримыми планами, желаниями и надеждами, к которым он стремится; менее блестящее, но еще более величественное — старик, уже угасающий, у которого, чем меньше становится стаивающая земная нить, тем исполинскее поднимается надежда духа на бессмертие, то есть развертывание духовной жизни в безграничные дали времен и пространств. Ибо так чудесно устроено человеческое духовное бытие, что чем меньше пространства для развития и чем меньше силы развития оно уже имеет, тем большие туманные атмосферы надежды, из которых кристаллизуется новая сила роста, излучает оно из себя, — уже из

субъективности повсюду творя перед собой бессмертие, так что дух вовсе не может умереть, даже если бы захотел, — совсем независимо от неизменного устроения бытия. —

Тем самым мы изнутри и извне духа, насколько позволила ограниченность феноменологического исследования, пришли к пониманию того, что действие на расстоянии и излучение вдаль — нормально-естественное свойство жизненной энергии духа; следовательно, мы уже знаем вместе с тем, что заключенное в снах-предчувствиях созерцание *вдаль* a priori основано и несомо этой своеобразной великой природой духовного жизненного излучения; и теперь встает вопрос о более точной природе предчувствия во сне.

Сны-предчувствия — действительные сны, а не явления бодрствования, ибо они происходят во время действительного сна, и в основе их лежит пластическое состояние духа, в котором вся полярность движется в слиянии; поэтому о самоопределяющемся свободном движении духа туда и сюда, к тому или иному предмету, в них не может быть речи. Тем не менее они большей частью оставляют символический способ изображения фантазии и выражают такое ясное и остро различенное содержание восприятия, что соперничают в этом с бодрствующим восприятием; и тогда они в самом деле — действительное созерцание и действительное объективное познание, как бы ни исходили они лишь из ненарушенного состояния сна духа. Но если бы мы и не знали, что они возникли во сне и что им недостает существенного для бодрствования момента самоопределения «я», то уже непосредственная природа их предчувствий обозначила бы их как стоящие вне бодрствования; а если все же и в бодрствовании бывают подобные предчувствия, то они как бодрствующие именно из-за

своей непосредственности необычны и противоположны нормальному, то есть повсюду опосредованному определенными органами чувств, бодрствующему восприятию. Ведь всякое предчувствие во сне, или познание через предчувствие, так же мало пользуется определенным органом чувств, как определяется и направляется произвольным движением духа; непроизвольно притянутое и возбужденное к какому-нибудь предмету напряжение внимания во сне, напротив, следуя притяжению, непосредственно устремляется туда, где находится его предмет, и достигает его, несмотря на даль и противостоящие препятствия масс, непосредственно и действительно; и так как это всматривание и созерцание совершается не через зрение, то при этом совершенно не принимаются в расчет всякое посредничество солнечного света, всякий закон зрения и все, что иначе дает зрению возможность или препятствие. Это непосредственное устремление, или, так сказать, бытие-устремленным, духа к какому-нибудь предмету вдали и заставляет нас называть это созерцание предчувствием, иначе говоря, чудесным, а с точки зрения бодрствования — неестественным или сверхъестественным постижением, так как мы не имеем никакого сознания и контроля над путем его возникновения и его моментами, пока оно совершается. Удивительна, конечно, способность этого созерцания двигаться к своему предмету без того, чтобы его двигала воля! Предчувствие во сне видит в пространство, как и во время, в непосредственную близость пространства и времени, как и в даль пространства и в отдаленность времени; это род абсолютного движения человеческого духа, насколько абсолютность может заключаться в ограниченной индивидуальности духа. Сомнамбулы в состоянии ясновидения тоже обладают этой силой, но соединенной с

произвольной самодеятельностью «я», поэтому созерцание у них является управляемым на всевозможные предметы, тогда как созерцание нормального состояния сна может осуществиться лишь туда, куда переносит и гонит его непроизвольное влечение; в остальном же непосредственность и абсолютный характер процесса у обоих по существу одинаковы, только сомнамбулы имеют непосредственно некоторое понимание самого процесса. Ведь они учат нас своей способностью видеть ярко светящийся магнитный флюид тому, что это непосредственное созерцание совершается не без нервной силы (у сомнамбул она возведена в степень динамическим притоком со стороны магнетизера), а посредством нее; и так как познание через предчувствие во сне (если отвлечься от возведения в степень и произвольного направления) по существу то же самое и, как и магнитное, основано на сне и исходит из него, то и предчувствие во сне должно совершаться вместе с тем посредством нервной деятельности. Но эта последняя во сне сильно отличается от деятельности бодрствующей жизни: в бодрствовании она излучается резко поляризованной, то есть в весьма решительном периферическом выступлении через раздельные точки излучения, поэтому в каждой из них особенно резко обособлена, разделена и сосредоточена. Главные точки излучения — органы чувств. Во сне же вся иннервация стягивается с периферии внутрь, уходит из обособленности в самое себя и назад, отчего органы чувств и вообще чувствительная и произвольная нервная жизнь на периферии становятся бездеятельными и парализованными, как это и свойственно сну. Но если энергия нервной жизни стягивается внутрь себя и вместе, то в этом состоянии слияния она содержит в себе сосредоточенной и собранной и всю ту острую силу и способность излучения чувств;

итак, нервная жизнь сна представляет свои силовые колебания в *массе*, иначе говоря, себя самое как сообща колеблющуюся массу силы. Но вместе с этим возникает, как мы знаем, такое же собранное состояние слияния *духа* во сне, и так из слитой силы духовной и нервной жизни образуется вместе с тем способность души во сне созерцая двигаться и действовать непосредственным образом, то есть без посредства органов чувств: ведь сосредоточенной нервной силы самой по себе достаточно, чтобы совершить то, что при ее обособлении и раздробленности в бодрствовании было возможно лишь при участии помогающих органов чувств. —

Однако в обычном сновидении дух не обладает силой сам двигаться к предмету, когда предчувствует его; следовательно, предчувствие должно совершаться с самим духом, и сам дух должен быть притянут и привлечен к предмету. И это действительно так, причем настолько, что все подобные видения кажутся сновидцу как бы внушенными. Поэтому в каждом таком сне должен отыскиваться тот момент, который непроизвольно притягивает дух к предмету восприятия, иначе говоря, напрягает его в ту сторону и заставляет излучаться. И этот момент, который впервые делает возможным прорицание и безусловно необходим для него, во всех снах-предчувствиях по существу один и тот же. А именно: не бывает никаких иных предчувствий во сне, кроме тех, что касаются интересов душевного чувства, и притом интересов истинных и глубоко его затрагивающих. Судьбы близких родственников или вообще лиц, тесно связанных с душевным чувством сновидца; или предстоящие происшествия, глубочайше касающиеся жизни и самосохранения сновидца; или предметы, на которые в действительности направлены вся надежда и вся тоска сновидца, — вот что вызывает сны-предчувствия, иначе говоря,

непосредственные восприятия во сне. Поэтому уже этот очень серьезный характер снов-предчувствий заранее опровергает произвольное предположение, будто здесь может идти речь о шутках и обманчивой игре со стороны сновидца. Итак, именно движение душевного чувства в снах-предчувствиях и дает, и содержит в себе тот момент восприятия во сне, который движет его к предмету. Всякое напряжение душевного чувства, бывшее в бодрствовании, сохраняется сквозь сон; и во сне оно сохраняется живее, чем другие стороны жизни духа, потому что душевное чувство само по себе есть слитная жизнь души и, в противоположность резко периферийно-центральному строению познания и воления, претерпевает с наступлением сна гораздо меньшее пластическое преобразование, чем две другие основные силы духа. Кого душевное чувство любит, о чем оно вообще заботится, к чему прилепляется всей своей надеждой, — к этому своему предмету напрягается, ширится и простирается жизненная сила душевного чувства. И это напряжение душевного чувства в духе гораздо устойчивее, непрерывнее и упорнее, чем то, которое дух произвольно проявляет в восприятии и в волевом намерении. Ведь при восприятии и действии он излучается из себя всегда молниеносно, всегда остро и сосредоточенно, всегда с перерывами напряжения вследствие резкого и резко отграниченного движения к обособленному предмету; в томлении же душевного чувства, в любви, надежде и т. д. он испытывает исключительно всегда равное себе излучающее движение, постоянно прилепленное к одному и тому же любимому предмету и в простом прилеплении волнами текущее дальше и пребывающее неизменным, — движение, сущность которого внушает уважение своей спокойной твердостью и все же способна к различным степеням силы. Стоит лишь подумать о

томлении любящего по возлюбленной, о любви матери к далекому сыну, о чувстве супруги к мужу, который должен вернуться домой, и т. д., где эти спокойно уверенные, твердые и все же столь энергичные волны выступают ярче всего. — Притянутый этой колеблющейся волной душевного чувства, дух, воспринимая, следует к далекому предмету, который сам есть постоянная цель и центр тяжести колебаний душевного чувства; и тем легче он может следовать туда, воспринимая, что вся его дневная энергия и связанная с ним нервная сила колеблются в упругом слиянии и способны стремительно бросаться вперед. И если для духа в состоянии бодрствования излучение силой и волей «я» было естественно, то в сонном состоянии, лишенном самодеятельности, для него должно быть столь же естественно непроизвольное излучение в силу принуждающей необходимости. — Однако одного лишь напряжения душевного чувства во сне к его предмету самого по себе еще недостаточно, чтобы вызвать восприятие во сне вообще, а тем более ясное и остро различенное. Ведь если бы его одного было достаточно, мы должны были бы каждую ночь видеть и непосредственно созерцать тех, кого любим и по ком тоскуем, а этого как раз не бывает. Скорее, предчувствие во сне видит происходящее с любимым предметом вдали пространства или времени лишь тогда, когда его постигает или ему грозит очень важная, и в особенности очень тяжелая и страшная, судьба. Поэтому непременно нужно принять, что при предчувствиях во сне та возбудимость и живость в субъекте сновидения, который должен воспринимать, какая необходима для постижения, тем более острого постижения, происходящего вдали, вызывается лишь мощным раздражением луча колебаний душевного чувства со стороны самого притягивающего предмета, иначе говоря, раздражением потока душевного чувства

посредством мощных перемен в самом его целевом полюсе; и это тем более, что в самом спящем субъекте нет силы дать себе острое напряжение к цели душевного чувства. —

Тем самым мы заранее объяснили общую и всеобщую сущность снов-предчувствий; очень многие из фактов, которые предстоит рассмотреть, уже нашли в этом свое разрешение; многие из остальных легко разобрать далее, исходя отсюда, иначе говоря, сводя их к душевному чувству. Наконец, телесные предчувствия, содержащие непосредственное познание действительных или предстоящих, не сознаваемых в бодрствовании жизненных состояний тела, отчасти косвенно связаны с душевным чувством, поскольку благо и беда тела задевают во всякое время очень раздражимое чувство жизни; отчасти же здесь для вызова восприятия даже не требуется возбуждения чувства, так как сознательная душа уже имеет движущий фактор в бессознательной, иначе говоря, образующей тело, жизненной силе, которая есть сама душа с ее стороны, обращенной к веществу; тем более что во сне жизненная сила пульсирует сильнее всего, а ставшая пластической сознательная жизнь склоняется и примыкает к ней и потому получает от нее впечатления в сознание. —

Предмет напряжения душевного чувства, иначе говоря, возбуждающее начало непосредственного восприятия во сне, выступает в пяти формах, по которым и образуются пять подвидов вещего сна:

1. Предметом душевного чувства служит собственная телесность сновидца, иначе говоря, психическая жизненная сила в плоти, крови и нервах, и отсюда возникают предчувствия во сне, касающиеся болезненных состояний тела.

2. Предмет напряжения душевного чувства лежит в другом лице, а не в сновидце, или в каком-либо предмете вне сновидца, к которому, однако, душевное чувство сновидца привязано любовью; и это лицо или вещь вне сновидца может находиться в непосредственной близости от него, или вдали, или очень далеко. Отсюда образуются сны-предчувствия в пространство, или, по высшей степени протяженности пространства, сны-предчувствия вдаль.

3. Предмет напряжения душевного чувства лежит в будущем человеческого действия, или в стечении будущих природных событий с человеческим действием, или в будущих развертываниях самой жизненной силы, так что, например, естественная смерть какого-нибудь лица заранее просвечивает во сне, и притом часто очень задолго; отсюда возникают сны-предчувствия в будущее.

4. Душевное чувство сновидца, возбуждаясь вообще каким-нибудь сном, который как раз в нем происходит, и непосредственно излучая это раздражение вместе с его содержанием представлений в направлении связанных с ним любимых лиц, само становится толчком к возникновению снов-предчувствий у других; и отсюда образуются симпатические, или двойные, сны, когда двое или несколько лиц видят во сне одно и то же. И

5. наконец, возбуждающим началом восприятия во сне служит намеренная воля других, бодрствующих лиц, связанных с душевным чувством сновидца, вблизи или вдали; и отсюда происходят произвольные предчувствия, посылки снов, или посланные сны.

При последних снах, очевидно, острота намеренного луча воли выступает равноценной заменой той перемены в самом предмете

восприятия, которая насильственно, с режущей силой проникает к связанному с ним душевному чувству. Из-за этой режущей сущности в предмете предчувствия во сне большей частью и выступают в очень ясных, остро различенных восприятиях, так что символически скрывающее изображение познавательного содержания со стороны фантазии оказывается превзойденным и должно отступить.

Первый порядок: телесные сны-предчувствия

Они касаются собственной телесности сновидца. Сюда принадлежат вообще все те сны, в которых к сознанию обращается непосредственное отражение телесных состояний; поэтому в более широком смысле — и все виды снов раздражения, в которых фантазия символически высказывает содержание телесного созерцания. В более же узком, или собственном, смысле — лишь те, что дают совершенно непосредственное, ясное само по себе или остро приближенное к непосредственному выражению предмета содержание восприятия. Созерцание сна основано при этом на нынешнем состоянии тела; и там, где бывают предчувствия в (большей частью лишь очень близкое) будущее, они всегда вызваны процессами будущего, которые уже находятся в стадии подготовки, а значит, в этом смысле суть нынешние; полярное дневное ощущение их еще не замечает, но гораздо более мягкое и нежное, приближенное к телесной жизни ощущение духа во сне легко может их почувствовать.

а. С чисто нынешним предметом. Например, Плиний сообщает о Корнелии Руфине, «что ему ночью приснилось, будто он потерял зрение, и рано утром, проснувшись, он действительно был слеп». Очень решительное изменение жизни в области зрительного нерва есть предмет и повод восприятия во сне; само же

восприятие отчетливо и непосредственно объективно, потому что в основе его лежит вполне развившееся происшествие, резко противоположное нормальному состоянию тела.

б. С нынешне-будущим предметом. Например, Меннлинг, указ. соч., с. 59 (он цитирует по особо названным источникам): «Одному снилось, что бог войны Марс ранил его в ногу, и вскоре затем на том же месте у него появилась язва, которая, однако, вскоре после вскрытия снова зажила».

Например, с. 54: «Другому снилось, что черная кошка укусила его за палец, и вскоре затем у этого человека появился рак как раз на этом самом члене, и он от него умер». В обоих случаях предмет сна — лишь подготавливающийся, еще неясный сам себе процесс; отсюда склонность к символическому выражению восприятия. — У сомнамбул же посредством магнетического состояния наступает высшее обострение способности ощущения во сне, так что им и будущая сторона телесного происшествия является с отчетливейшей объективной остротой восприятия.

Например, Кизер, «Архив», т. X, ч. 2, с. 113: «Сомнамбулическая больная доктора Мейсснера в Теплице вследствие сна 10 июля с величайшей определенностью предсказывает, что на другой день у нее выйдет кусок ленточного червя из десяти члеников, и доктор Мейсснер подтверждает, что членики червя вышли 11 июля точно в указанном числе». Само собой разумеется, ленточный червь, будучи неотъемлемой причиной телесной болезни, ведет себя здесь как бы как член тела.

Второй порядок: сны-предчувствия в протяженность пространства

Они всегда касаются лиц или предметов, связанных с душевным чувством сновидца, а значит, других; отражение в

восприятии опосредует само излучение напряжения любящего душевного чувства; и это опосредование идет в большую близость или в даль, смотря по тому, находится ли предмет напряжения душевного чувства ближе или дальше. Различий в отчетливости восприятия между близкими и далекими предметами не заметно. Для духовного существа близость или даль предмета должна быть совершенно безразлична: ведь, как мы показали при изложении сущности предчувствия, дух в каждый миг воспоминания стоит в непосредственной связи с реальным предметом этого воспоминания; далее, связь душевного чувства между сновидцем и любимым лицом напрягается вдаль так же сильно, как и вблизи, даже еще сильнее, чем дальше любимое лицо удаляется от глаз, — поэтому исходящий от душевного чувства сновидца луч любви, а через него и сам внимательный дух повсюду присутствуют при любимом; наконец же, дух при своей необычайно тонкой субстанции, состоящей, как кажется, лишь из образующей силы, движется с такой несравненной быстротой, что при этом прекращается всякое различие меры пространства и времени. Если представить себе быстроту, с которой движется световая материя, противопоставить ей необычайно возросшую тонкую силу нематериальной субстанции духа и из необычайно превосходящего световую материю качества субстанции духа вывести соразмерное с ним повышение подвижности жизненной упругости, — это даст верное понятие о способности человеческого духа в одно мгновение одинаково непосредственно измерять конечные и бесконечные пространства, не говоря уж о близких и отстоящих на многие мили пространствах земли. Простая мысль о далеком предмете есть уже движение к нему и соединение луча напряжения духа с самим далеким предметом.

а. Сны-предчувствия вблизи: сновидец и предмет сна находятся в одном жилом доме или месте.

Например, доктор Аберкромби (в своей «Философии для врачей») рассказывает: «Один человек в Эдинбурге страдал опухолью артерии на колене, по поводу которой он пригласил на совет двух выдающихся хирургов. День операции был назначен. Примерно за два дня до нее его жене приснилось, что в болезни произошла перемена, вследствие которой никакой операции не нужно. Когда больной утром осмотрел опухоль, он с изумлением обнаружил, что ее биение совсем прекратилось; короче, природа сама совершила исцеление». Напряжение душевного чувства супруги, направленное на предстоящую операцию, иначе говоря, на опухоль артерии у мужа, и в бодрствовании, и во сне здесь очевидно само собой; точно так же очевидна и мощная, столь существенная для любящего душевного чувства супруги перемена — перелом в состоянии опухоли, в которой и лежит раздражающий момент восприятия во сне.

Например, Цицерон («О гадании», кн. II, гл. 66): «Александру Великому, который уснул рядом со смертельно раненным Птолемеем, своим доверенным другом, приснилось, будто он видит дракона, который приносит ему корень и говорит ему (вспомним сон о говорящих воробьях), что этот корень исцелит Птолемея. Александр рассказал сон, корень нашли, и Птолемей и многие другие воины им исцелились». — Связь душевного чувства здесь очевидна сама собой; душевное чувство Александра во сне, как и в предыдущем сне, точно так же погружается в жизненную силу любимого лица; томление же по выздоровлению друга уносит луч душевного чувства от израненного тела больного дальше, на поиски исцеления, и пластическая тонкая сила ощущения духа непосредственно соединяется с растущим

поблизости растением, соответствующим болезненному состоянию и утоляющим томление, — и все это изображается символически. Любопытно, что корень приносит дракон — змея, огромная жаба, линдворм и т. п. знакомы читателю как символы болезни, — и в переводе на непосредственный язык это значит: целебная трава избрана и указана самим болезненным состоянием (драконом).

Например, из Маухарта («Репертуар эмпирической психологии», т. II, с. 116): «У одного чиновника в вюртембергском окружном городе было два писца, из которых один служил у него помощником, а другой учеником. Помощник был человек крайне распутный и всеми силами старался вовлечь юношу в тот же порок, чтобы тот не навредил ему перед начальником. Нравственно воспитанный юноша в конце концов не нашел иного выхода, кроме как просить начальника защитить его от соблазна. Помощника охватила за это жажда мести; и когда однажды поздно ночью он вернулся домой пьяным и застал юношу еще за письмом, он схватил его, повалил на пол и так крепко сдавил ему горло, что тот уже начал совсем синеть и терять сознание. Пока это происходило в конторе, жене чиновника, которая как раз лежала после родов, и притом в комнате, довольно далекой от конторы, приснилось, что она видит ученика лежащим на полу полумертвым, с совсем посиневшим лицом, на краю полного удушья. В испуге она пробуждается от сна, зовет свою сиделку, велит ей посмотреть, что с юношей, и та входит в контору как раз вовремя, чтобы предотвратить его смерть, так как нападавший, испуганный ее появлением, отпускает свою жертву». — И здесь связь душевного чувства между сновидицей и юношей легко видна, ибо женское душевное чувство, несомненно, испытывало очень живое сочувствие к юноше, теснимому соблазном и

скромно ему противящемуся. Затем само происшествие, иначе говоря, состояние предмета, было столь грозным для задушевности душевного чувства, что не могло не раздражить сильнейшим образом луч его колебаний, а тем самым остро потрясти и его корень — саму душу, чувствующую и воспринимающую.

Например, «Журнал» Морица (т. IV, ч. 3, с. 75–78): «У одного кассира украли значительную сумму казенных денег; вор с деньгами, слуга, скрылся; кассир, не в состоянии возместить деньги, обращался ко всем друзьям, вплоть до самых дальних знакомых, чтобы покрыть потерю, в которой не был виноват; но все его просьбы были напрасны, и скорбь росла тем сильнее, что срок отчета наступал через несколько дней. Тогда ему ночью приснилось, будто кто-то говорит ему: пусть он пойдет на такую-то улицу и в определенный дом на ней; улица и дом были так отчетливо обозначены ему знакомыми домами, что он не мог ошибиться. В этом доме он должен подняться на два пролета лестницы, но на втором остерегаться, чтобы не упасть вниз, — и тогда получит нужные деньги. На другой день к нему приходит один из его друзей; ему он рассказывает этот сон и узнает от него, кто живет в обозначенном доме и этаже, — сам он этого не знал. Этот человек был ему настолько незнаком, что он помнил лишь, что видел его один-единственный раз в большом обществе. Однако он не придавал значения таким снам и лишь на второй день решается — чтобы сознавать, что сделал все, что было в его силах, чтобы отвратить свое несчастье, — последовать предчувствию. Он поднимается по первому пролету, тут ему вспоминается предостережение сна насчет второго, и он идет дальше медленно и осмотрительно; он уже почти наверху, как вдруг справа так резко распахивается дверь комнаты, что от этого

назад, к лестнице, распахивается и решетчатая дверь, так что его легко могло сбросить с лестницы. Из открытой комнаты выходит человек и просит у него извинения за только что описанную помеху на лестнице. Кассир, вдвойне пораженный и предполагая, что это и есть искомый человек, с первого же приступа набирается духу и без всяких обиняков излагает ему свое дело; и, к его изумлению, тот отвечает: „Почему вы не пришли раньше? Я вчера дал взаймы еще большую сумму и охотно дал бы ее вам“. Тем не менее он исполняет просьбу и выручает его из беды. — Приславший рассказ замечает к этому, что, если бы он назвал уже умершего кассира, тысячи людей узнали бы в нем особенно честного и безупречного человека. Рассказ о сне идет из его уст; ему самому (кассиру) сон стал примечателен лишь после своего исполнения, но зато уж на всю жизнь. Мориц тоже знает этого человека лично и хорошо».

Анализ: предмет здесь — желанный помощник; желание и воля искать помощника перенесены из дневной жизни. Но так как не просто желанный и искомый помощник есть конечная цель движения душевного чувства, а найденный действительный, реальный человек, то и напряжение душевного чувства во сне выходит за пределы лишь идеально желаемого и становится поиском реального, соответствующего желаемому, — так же, как в сне Александра лишь реальный целебный корень был конечной точкой движения душевного чувства. — А так как сновидец уже задолго перед тем в бодрствовании перебрал в воспоминании и пересмотрел всех своих знакомых, которые могли бы ему помочь, причем последовавшие затем действительные просьбы не принесли результата и процесс возбуждения в воображении так и не успокоился, — то очень естественно, что это возбуждение в воспоминании продолжалось и во сне и вызвало новые образы

лиц. Легко тонкому ощущению сна, в котором ведь пластически скоплена вся острая сила бодрствующего восприятия и постижения «я», найти среди образов воспоминания тот, который содержит соответствующее свойство искомого. И хотя дневное восприятие тогда, когда оно вступило в реальное соприкосновение с прообразом снова выступившего во сне человека, не осознало ближайшей характерности этого лица, для необычайно утонченной силы ощущения духа во сне, напряженной здесь определенно на соответствующее благотворное свойство характера, это не препятствие открыть ее даже в одном лишь остаточном образе действительного. Прямо же из самого сообщения явствует, что сновидец, после того как на другой день его навели на это лицо, смог отчетливо вспомнить личную встречу с этим обозначенным во сне помощником. А это означает не что иное, как то, что дух сновидца еще находился в живой связи восприятия с этим лицом и что напряжение душевного чувства по ее линии легко могло прийти в непосредственное соприкосновение с самим этим лицом, иначе говоря, с принадлежащим ему местом жительства, его точным расположением и т. д., благодаря чему движение душевного чувства и достигло своей желанной цели. Внезапное же и совершенно неожиданное нахождение предмета, который так долго, так настоятельно, мучительно и напрасно искали, стоит в таком сильном и поразительном контрасте с прежней мукой неисполненного желания, что найденный предмет необходимо должен произвести очень пронзительное впечатление на ощущение во сне и посредством него вызвать вместе с тем такое отчетливое восприятие во сне, какое видно в переданных подробностях сна. — Но к этому объяснению нужно непременно прибавить, что весь этот только что развернутый процесс

возникновения предчувствия во сне, пока он совершался, следует понимать лишь как единое всеобщее веяние духа сновидения, суммарно пролетающее все свои моменты, а значит, и сам он — лишь момент.

б. Сны-предчувствия вдаль: сновидец и предмет сна находятся за много миль друг от друга.

Например, в «Архиве животного магнетизма» Кизера рассказывается: «Сельскому пастору приснилось в утреннем сне, что его сестра, которая жила очень далеко от него, входит, бросается ему в объятия и приветствует его нежнейшим образом». Он тотчас рассказывает этот сон жене. В то же утро его сестра действительно приезжает. Ничего ему не сообщив, она отправилась к нему издалека; накануне, когда до места его жительства оставалась еще миля, ее задержала сильная гроза, и она, несмотря на свое великое нетерпение, должна была заночевать в чужом месте. — Здесь возбуждающий момент для душевного чувства во сне лежит столько же в неожиданном для сновидца тесном приближении любимого лица во плоти и крови, сколько и в томлении по свиданию со стороны приближающейся, тем более что непредвиденная помеха грозы еще раздула его.

Например, «Журнал» Морица (т. I, ч. 1, с. 83–84): учитель Иорденс при Шиндлеровском сиротском доме в Берлине передает следующее: «У меня был дядя, брат моей матери, живший в деревне недалеко от Галле. Два года после ранней смерти моего отца он был мне вторым отцом. Он заботился обо мне, он любил меня; все часы, какие у него оставались от служебных или иных дел, он посвящал моему образованию; вся моя детская любовь, нежность и почтение, конечно, должны были принадлежать ему.

На десятом году он отдал меня в сиротский дом в Галле. Здесь мне однажды приснилось, как воры обворовывают дом моего

любимого дяди; я видел, как они вламываются, видел, как они забирают те или иные вещи. Я замечал все это так отчетливо, словно видел средь бела дня открытыми глазами. Я был полон страха и немалой тревоги даже за жизнь дяди. Я проснулся и все время тревожился, пока не встал вместе с другими товарищами в обычное время. Я тотчас рассказал свой сон. Потом мы пошли на уроки, и еще в то же утро меня вызвали. Сказали, что меня хочет видеть какой-то приезжий. И вот — это был мой дядя. Я подбежал к нему, поцеловал ему руку и, не говоря больше ни слова, рассказал ему сон.

Можно предположить, что мой рассказ показался ему странным. Он велел мне еще раз все рассказать и наконец уверил меня, что именно так это и произошло прошлой ночью в его доме. Мой рассказ сходился почти во всем. Я назвал место взлома, указал, где воры грабили сначала, где потом, и разное, что они у него взяли. Они украли у него, между прочим, всю одежду, кроме старого поношенного сюртука, в котором он тотчас после обнаружения кражи должен был поехать верхом в город, чтобы раздобыть себе новую одежду; и при этом он навестил меня».

Мальчик находится в живейшей связи душевного чувства с любимым дядей и его домом. Кража и взлом решительно вторгаются в предметы душевного чувства; тем самым целевые точки напряжения душевного чувства, а с ними и само оно до самого корня раздражены самым определенным образом, откуда и проистекает такое же острое выступление восприятия: сновидец воспринимает так же остро и отчетливо, как днем, и ясно и точно обозревает все происшествие и его ход.

Например, Меннлинг (указ. соч., с. 167–169, цитирует по «Зрелищу» Харсдерфера, ч. 1, ист. 95, с. 343 и т. д.): «Сальвиат, сирота, оставшийся от рода французских дворян, пребывал под

опекой до своего совершеннолетия. Когда же он вошел в тот разум, который вручил ему управление его имениями, он взял к себе свою сестру, доверил ей все свои дела и отдал в ее руки свои доходы. Этот Сальвиат захотел объехать Италию, что и сделал, оставив сестре управление своим хозяйством. Между прочим, у него было много прекрасной серебряной посуды, хорошо запертой в его жилище, которую он поручил ей хранить. Далее подробно рассказывается, как воры с вычерненными лицами вламываются в дом, узнав об этих ценностях через золотых дел мастера, у которого Сальвиат перед отъездом велел оценить свое серебро; как они одолевают домашнюю прислугу, состоявшую лишь из женщин и маленького лакея, грозят задушить Одорию, сестру Сальвиата, и затем уходят со своей добычей. После этого Одория пишет об этом брату в Рим, точно указав день; тот пишет ей в ответ, что в тот же день видел все это во сне; более того, он даже видел и описал, какая одежда, наружность и повадки были у грабителей, описал то место города, где находятся воры и где их следует искать, и т. д. Все это затем и случилось: сокровища нашли, а грабителей наказали».

Это происшествие во сне по существу совершенно то же, что и предыдущее. Если представить себе, что немногие и многие мили не принимаются в расчет перед мгновенностью движения духа; если причислить к раздражению предмета душевного чувства то, что дело не ограничилось простой кражей, как в предыдущем сне, но, сверх того, сестра, теснейше связанная с душевным чувством сновидца, подверглась насильственной опасности для жизни и угрозе, отчего у далекого брата должно было наступить гораздо глубже проникающее раздражение луча душевного чувства и восприятия, — то в очень остром и подробном видении во сне нет ровно ничего, кроме естественного.

Из большого множества таких снов-предчувствий, в которых повсюду по существу господствует тот же способ возникновения, выберем еще следующие факты.

Например, из моих знакомых: «Учителю Назе в Арнсдорфе близ Приборна, моему доброму другу, в конце марта 1860 года приснилось, что в дверь входит женщина и говорит ему: „Твой отец тяжело заболел, у него сильное колотье в левом боку, и он умрет“». На следующее утро за завтраком он тотчас рассказывает этот сон окружающим. И действительно, в тот же день неожиданно приходит посыльный — *женщина*, которая зовет его к смертному одру его прежде здорового отца в Зигрот, в 4 милях от сновидца, и на расспросы о ходе болезни рассказывает, что началось с колотья в левом боку. Поспешивший туда сын успел еще застать отца в живых. Предчувствие точно даже в отношении пола посыльного.

Здесь мощное жизненное потрясение отца — возбуждающий момент душевного чувства и восприятия во сне; вместе с главным содержанием восприятия, которое есть смертельная болезнь отца, в представлении отражается и сам посыльный, поставленный с ней в живую связь.

Например, также из круга моих знакомых. Одной даме, гувернантке, в ночь перед тем, как ей по истечении каникул надо было снова уезжать к месту своей службы за 30 миль, приснилось, что хозяйка дома, в котором она служила гувернанткой, лежит в постели тяжело больная. Вскоре затем она сообщает своим, что, к своему испугу, нашла эту даму слегшей и должна была взять на себя вместо нее ведение хозяйства.

Сама сновидица была в очень дружеских отношениях с упомянутой больной, а мысль, непосредственно обращенная туда предстоящим отъездом, усилила связь душевного чувства.

Например, «Журнал» Морица (т. V, ч. 2, с. 18–20, — по извлечению в т. X): женщина, очень счастливо жившая со своим мужем, была на некоторое время разлучена с ним путешествием, которое ему пришлось предпринять. Все это время она утешалась полученными от него письмами; и когда однажды она заснула над чтением такого письма, она вдруг проснулась с пронзительным криком. «Мой муж умер, я видела, как он умирал! — воскликнула она окружающим. — Он был у родника, вокруг которого стояли несколько деревьев; офицер в синем платье старался остановить ему кровь, которая текла из большой раны в боку; потом он дал ему напиться из шляпы и т. д.» — Ее всячески старались успокоить, но напрасно. Когда она затем снова заснула, ее разбудил тот же самый сон; она больше не сомневалась в его действительности и впала в сильную горячку с помрачением рассудка. Во время ее болезни действительно пришло известие, что ее супруг был убит в дороге. Несколько месяцев спустя она пошла к обедне. Когда служба кончилась, ей вдруг бросился в глаза один кавалер, при виде которого она громко вскрикнула и упала в обморок. Придя в себя, она сказала, что это тот самый кавалер, который слышал последние вздохи ее мужа; и он, когда его об этом спросили, вполне это подтвердил.

Сверх всех известных и само собой разумеющихся моментов, здесь нужно лишь заметить, что чтение письма, над которым заснула женщина, еще усилило живую связь душевного чувства с супругом; отсюда — не говоря уж о потрясающей силе самого происшествия — большая отчетливость восприятия; отсюда ясное постижение и острое запоминание кавалера, подобно тому как в сне Сальвиата — ясное описание грабителей, благодаря которому их удалось найти.

Например, в символической форме (из «Аналогий природы» Мейера, с. 122): «Двое немецких друзей несколько лет вели дела в России; затем они возвращаются на родину; один, Г., живет как весьма уважаемый делец в Х., другой, Б., — во Фр. Оба женаты и после прекращения деловой связи продолжают свою дружбу. Г. в ночь с 5 на 6 января 1820 года видит следующий сон: „Он совершает со своим другом Б. пешее путешествие, во время которого они наконец приходят к реке, которую должны перейти вброд. Неожиданно открываются совсем новые веселые виды, но вскоре их радостное продвижение прерывается видом открытого гроба. Они подходят к нему и, к своему великому ужасу, видят в нем саму жену Б.“ От этого сновидец просыпается, рассказывает сон жене и высказывает свое желание получить известия от друга, так как он знал о многолетней слабости, хотя и не собственно болезни, его жены. Через 14 дней приходит письмо этого друга с известием, что его жена умерла в ночь с 5 на 6 января и что утром ее нашли в постели мертвой».

Причина возбуждения душевного чувства и восприятия — неожиданное событие смерти. Символика передает отдаленность события путешествием вдаль; связь душевного чувства между сновидцем и другом вдали, благодаря которой пространственно далекие духовно непосредственно близки, — тесной близостью совместного путешествия; смерть — образом гроба, покойницы. Непосредственно предшествовавшая образу покойницы живопись сна с неожиданно выступающими веселыми видами природы — известный прием фантазии, чтобы тем отчетливее выделить предмет, который нужно высказать, обострением через контраст.

Например, из сомнамбулической жизни («Архив» Кизера, т. XI, ч. 1, с. 46); Кизер рассказывает о себе: «28 февраля в 5 часов утра я был в опасности под Галле (в 9 милях от сомнамбулы) упасть с

высокого моста через Заале, так как несколько повозок, запряженных гнедыми лошадьми, загородили дорогу; и больная точно в то же время увидела во сне, как я падаю в Заале среди сутолоки гнедых лошадей».

Как тесно магнетизер бывает обычно спаян с душевным чувством сомнамбулы, известно, и отсюда это происшествие вполне объяснимо.

Третий порядок: сны-предчувствия в будущее

Особая сущность предчувствия будущего

Как в рассмотренных выше снах дух молниеносно, в одно мгновение пробегал пространственные дали в милю и во многие мили, так он может во сне и пронизать в один миг большие отрезки развития времени; и это кажется еще волшебнее, так как то, что надо пробежать, здесь есть будущее, а значит, еще не реальность в собственном смысле. Тем не менее будущее должно уже действительно существовать как потенция, иначе его как такового не было бы и нечего было бы пробегать. И в основе предчувствий будущего во сне лежит напряжение душевного чувства как ведущее основание, и его предмет сам есть предмет и причинный фактор восприятия в будущее; но напряжение душевного чувства направляется здесь не на существующее состояние связанного с ним лица, а на его будущее развитие; и душевное чувство во сне может сделать предметом восприятия будущее развитие собственного лица так же, как и другого любимого лица. Всем нам известно, как сильно наше душевное чувство всегда заботится о собственной жизни; далеко вперед всегда идет наша забота о сохранении нашей жизни, об обеспеченности средств существования, о достижении

жизненного блаженства, об избежании ущерба и опасностей для нашей жизни и т. д.; более того, мы знаем даже, что эта забота простирается не только на земное благополучие, но так же сильно печется о будущем после смерти, о бессмертии и его блаженном состоянии. Во всем этом, если обозначить это непосредственно по-душевному, содержится не что иное, как действительное колебание необычайно способной к колебанию подвижной сущности духа в будущие дали собственного развития; и, следовательно, дух повседневно обладает силой суммарно пробегать будущие цели своего собственного развития, то есть пробегать их заранее, прежде чем они совершились в действительности, — все равно, охватывает ли это суммарное пробегание меньшие или большие периоды земного развития жизни или бесконечные протяжения будущего. И то же самое, чем человеческое духовное душевное чувство обладает в отношении себя самого, оно имеет и в отношении связанных с ним любовью лиц, о которых, как о друзьях, братьях и сестрах, детях, родителях и т. д., оно точно так же думает наперед, заботится, стремится, надеется, печалится и радуется, — более того, часто раздражается и далеко вперед напрягается еще сильнее, чем о собственном благе. Итак, посредством связи любви способность душевного чувства к напряжению переходит и на столпы будущего развития других лиц и утверждается и расширяется в них, как в собственной будущей потенции. — Когда же бодрствующий дух человека переходит в сонное состояние, душевное чувство, само по себе одаренное природой слияния, пребывает в этом своем напряжении вперед и продолжает колебаться как в форме и облике своего собственного будущего развития, так и в развитии связанных с ним лиц. Следовательно, дух сновидения сам по себе обладает способностью двигаться и колебаться в дали будущего

— в себе самом или в других. Далее: уже в бодрствовании наше колебание душевного чувства, иначе говоря, наша забота о нашем и чужом будущем, совершается не просто отвлеченно и всеобще, а прилепляется прежде всего и непосредственно к действительности нашей жизни или другой жизни, связанной с нашим душевным чувством; следовательно, оно a priori есть колебание вперед, привязанное к реальности плоти и мозга, тела и духа нашего или другого лица. Но мало того: сверх этого колебание душевного чувства определяется в реальном еще конкретнее, ибо наше душевное чувство точно так же прилепляется к совершенно определенным, лежащим перед нами действительным состояниям или обстоятельствам нашего или другого тела и души. Когда мы размышляем о будущем и заботимся о себе или о других, мы всегда исходим при этом из совершенно особого положения действительности в нас и вокруг нас, иначе говоря, у других: мы знаем, чем страдаем, чего лишены, что желательно каждому из нас, на что направлено особое желание и стремление наше и других; и далее, мы знаем, с какими лицами общаемся мы или дорогие нам другие, в каких живых отношениях к нам или к нашим близким стоят определенные лица, природа, дом, окружение, какие намерения, убеждения и т. д. имеют другие лица относительно нас или любимых нами и т. д. Одним словом, наше колебание душевного чувства вперед ради нашего или чужого будущего совершается с величайшей определенностью через конкретные жизненные отношения: через собственное состояние, через отношения окружения, через отношения к нам чужих лиц; то есть все эти конкретные реальные отношения непосредственно и прочно вобраны в колебание душевного чувства вперед, потому что оно само к ним прилепляется, на них и из них непосредственно вырастает, в

более узком или более широком смысле. И эту же связь реальных отношений и определенностей душевное чувство необходимо переносит из бодрствования в сон, так как оно сохраняет в нем живой свою собственную определенную живость излучения, а значит, вместе с ней и все корни определений, отношения и вообще реальную связь с самой конкретной действительностью. Следовательно, и душевное чувство во сне, колеблющееся вперед, точно так же находится в целом комплексе органически связанных с ним действительностей и отношений; и если теперь во сне совершается колебание душевного чувства относительно нашего или чужого будущего, оно должно столь же необходимо, сколь естественно и легко, двигаться по этой определенной реальности, исходить от нее и на ней определяться и возбуждаться дальше и вперед, по мере расширения в будущее. — Далее: как в природе каждое мировое тело имеет вокруг себя более тонкую атмосферу, цветок и растение — свой эфирный аромат, так и человеческий дух в бодрствовании, помимо своей реальной, в настоящем прочной ядерной деятельности и силы, имеет вокруг себя во всякое время еще менее реальную, то есть потенциальную, жизненную атмосферу. Если мы примем за ядро жизни духа поступки и действия, совершающиеся с определенным обдумыванием плана, средства и цели и по самостоятельно принятому решению воли, то потенциальная жизненная атмосфера духа во всякое время бодрствования состоит из множества желаний, склонностей, мыслей, возникающих в нас и из нас без нашего намерения и воли, существующих лишь сами через себя, без одобрения, совета, приказа воли и мышления; они принадлежат всем жизненным сферам человеческой души и всем сферам связанных с ней реальных предметов и отношений. Стоит духу однажды прервать

свои действия, совершающиеся со спонтанной определенностью мышления и воления, как разом с силой вырываются все эти потенциальные движения духа: мы движемся в неопределенных полях воздушных замков, мы свободно блуждаем духом в столь неограниченной определенности сферы действия, что уже от этого свободного парения в неограниченном не можем не испытывать удовольствия. Но всякий предмет, цель, содержание, направление этого парения сами по себе отнюдь не случайны: они проистекли из духа и его реального отношения к реальному так же закономерно и естественно, как и все прочее; но это лишь первоначальный зародыш действия, податливая нежность новорожденного, которому мышление и воление «я» еще должны дать крепкую силу, острую форму, органическую законченность в себе самом; и все творческие мысли гениев, которые были ими впервые изобретены, и самое незначительное дело и совет любого человека первоначально возникли из этой неопределенной туманной атмосферы духа, которую мы назвали потенциальной в противоположность действительной, спонтанно определенной и укрепленной. — Если же дух со стороны своей сознательной жизни имеет такую атмосферу, то он столь же необходимо будет обладать ею и со стороны телесной, иначе говоря, бессознательной, — со стороны жизненной силы в себе и в плоти и крови тела, так как жизненная сила и дух — лишь две стороны одного и того же существа; иначе говоря, так как природа всякой жизни, сознательной или бессознательной, всегда стремится лишь к большей, то есть возрастающей, определенности развития и потому должна всякий раз начинаться с низшей определенности, иначе говоря, с почти-неопределенности, и подниматься дальше. Телесная жизненная сила психики как таковая ткет бессознательные планы

дальнейшего формирования всегда планомерной и целесообразной органической жизни потенциально вперед, из наличной реальности тела; и бесчисленные членения и группировки органических типов форм и процессов внутри тела, их взаимные соотношения и пропорции в настоящем и будущем порождают бесчисленные новые потенциальности отношений, а в более широком смысле — из них самих опять еще более тонкие новые, иначе говоря, дальнейшее развитие самих первых потенциальностей, так что целые столпы будущего развития тела должны таким образом заранее образоваться на основе прочных типов действительности и непосредственно из них. И если индивидуальная жизненная сила и ее плоть и кровь сами по себе и в каждый момент своего развития суть определенная в себе мера длительности и будущего свойства своего дальнейшего развития, то в телесной жизни и жизненной силе, поскольку это зависит лишь от них обеих, необходимо должна быть предопределена и предпотенциально содержаться и мера длины их развития до завершения жизни, или смерти. И с обеими этими потенциальными атмосферами сознательной и бессознательной жизни, иначе говоря, со всеми содержащимися в них зародышами и определениями предварительного развития, бодрствующее душевное чувство, уже когда оно колебанием устремляется к будущему жизни, то есть, исходя из живого настоящего собственной или чужой жизни, распространяется вперед, предчувствуя, находится в самом непосредственном сращении, потому что все это — лишь соопределения самой индивидуальной реальности, к которой и на которой держится этот поток в будущее. Но так как в бодрствовании дух, мысля и желая, всегда строго и полярно направляется лишь на совершенно определенные острые точки вне себя или в себе, то

проникновение ощущения в те нежные атмосферы предварительного развития внутреннего или определяемого изнутри обычно ускользает от бодрствующего познания, хотя и в бодрствующей жизни мы находим достаточно предчувствий относительно собственной смерти, предстоящих опасностей и т. д. Совершенно иначе, однако, складывается сознательная жизнь духа во сне, а соответственно и отношение сознания к потенциальным атмосферам: спонтанное острое излучение и восприятие духа превращается тогда в противоположность — в столь же мощную восприимчивость тонкого ощущения, которая непосредственно склоняется и примыкает к движущим и раздражающим факторам. Тонкая сила ощущения следует тогда внутренним побуждениям и процессам, и необычайная утонченность ее восприимчивости делает ее способной постигать все столь же мягкие, нежные и еще так неопределенно образованные предварительные формы развития духовного и телесного, иначе говоря, увлекаться ими и раздражаться ими. Если же непосредственная связь душевного чувства с потенциальными атмосферами в самом сновидце или в других лицах при переходе бодрствования в сон осталась по существу живой и той же самой и если тонко ощущающая восприимчивость духа во сне во всей своей полной силе соединяется с душевным чувством, а через его связь — с потенциальными атмосферами, то дух сновидения тем самым по существу уже обладает тем достаточным свойством и силой, которые способны совершать предчувствия будущего во сне.

Непосредственно и прежде всего этим уже объяснены по сущности своего возникновения все те сны-предчувствия, содержание которых составляет предчувствие будущего, предстоящего состояния болезни или смерти у самого сновидца

или у связанного с его душевным чувством лица, поскольку болезнь или смерть были обусловлены лишь внутренним состоянием организма и жизненной силы (а не внешними случайностями); предчувствие во сне происходит при этом исключительно через продвижение душевного чувства во сне по пути потенциального предварительного формирования самого органического жизненного процесса — в себе или в другом. — Далее, этим объяснены все предчувствия во сне об угрожающих опасностях от внешних природных событий, касающихся сновидца или связанного с ним лица. Все такие опасности, чтобы поразить определенное лицо как таковое, могут развиться лишь в его непосредственной близости, иначе говоря, в месте его жительства или пребывания. Поэтому в таких случаях они всегда стоят в более тесном или более широком непосредственном отношении к самому лицу, составляют более широкий реальный круг его жизни и деятельности; и предчувствие во сне, пробегая будущее предварительное развитие жизни лица, вместе с тем встречает будущие предварительные отношения и сплетения ее со связанными с ней внешними обстоятельствами и предметами, которые составляют более широкий круг индивидуального бытия; иначе говоря, оно встречает потенциальные предварительные отношения внешнего положения обстоятельств к будущему столпу развития жизни, поскольку этот столп заранее становится к ним в отношение. — Точно так же уже в изложенном выше получили свое разрешение предчувствия во сне, которые содержат случайности или судьбы будущего, возникающие через живую волю собственного или связанного с душевным чувством лица; душевное чувство во сне следует при этом своим собственным будущим предварительным образованиям в области воления, желания, намерения и т. д. или потоку предварительного

развития воли связанного с ним лица и тем самым вместе с тем воспринимает в себя связанное с этим будущее. В особенности когда такие сны основаны на действительном и определенном волевом намерении, принятом еще днем, и на его потенциальных расширениях вперед, как это часто бывает в относящихся сюда фактах, предвидение бывает более простым и облегченным. А то, что будущее развитие человеческой воли всегда, произвольно или непроизвольно, остается в связи с прежде совершенными действиями, стремлениями, желаниями и т. д., — отчего и продвижение в будущие предварительные образования должно окрыляться посредством этой непрерывности, — общеизвестный факт; я напомню лишь о твердости характера, о последовательности в человеческом стремлении, о сохранении одной и той же склонности или об определенной ею смене и т. д. —

Ближайшего объяснения требуют, наконец, еще те предчувствия во сне, будущий предмет которых возникает, с одной стороны, из будущего столкновения воли сновидца, иначе говоря, связанного с его душевным чувством лица, а с другой — воли совершенно чужих лиц, случайно соприкасающихся с ним, так что в таком предчувствии во сне заранее ощущается и воспринимаемо постигается не только будущая потенциальность собственной или связанной воли, но вместе с тем и будущая потенциальность совершенно чужой воли, случайно соприкасающаяся с ней в какой-либо точке.

Возьмем для пояснения пример: кому-то снится, что его застрелят, и это или нечто подобное вскоре затем действительно происходит в путешествии через совершенно чужое, случайно соприкоснувшееся с ним лицо, и без умысла. Ведь здесь непосредственно заключено, что действительный факт

совершился через волю сновидца — «путешествовать» — и через волю случайного другого лица — «стрелять» (хотя и не с тем, чтобы стать опасным сновидцу), и что точно так же предчувствие, если оно заранее постигло этот факт, постигло в нем не что иное, как встречу двух вовсе не направленных друг на друга, а лишь случайно соприкасающихся излучений воли, и притом лишь потенциальной природы, а значит, совершило будто бы сверхволшебное действие. Тем не менее и это могло совершиться лишь по естественным законам, и возникновение его становится ясным следующим образом. Когда два мировых тела на своих путях сближаются друг с другом, из этого возникают отклонения в их путях, из которых астрономы умеют извлекать превосходную пользу: по неправильностям в пути известного им мирового тела они заключают о необходимом существовании поблизости другого, иначе говоря, еще неизвестного, и добиваются его открытия. Точно так же встречающиеся друг с другом лучи света изменяют свои световые колебания: например, соприкасающиеся разноцветные лучи света порождают совершенно измененные цветовые излучения; и то же самое должно, наконец, иметь место и в области духовного и повсюду, где соприкасаются и встречаются жизненные действия однородных существ. Уже в бодрствовании мы повседневно видим, как волевые энергии разных индивидов перекрещиваются, случайно сталкиваются или намеренно устремляются друг на друга и текут навстречу друг другу, как стремление воли одного человека отступает и склоняется перед стремлением другого или же тем мощнее набухает в себе и упирается против него и т. д. Что так происходит в форме действий, решительно перешедших в действительность, то необходимо должно происходить и при лишь потенциально предобразующихся различных излучениях воли, так как те и

другие одного качества и образуют однородные по существу расширения энергии в потенции; встречаясь, как бы случайно это ни было, они должны сталкиваться, соприкасаться, оказывать друг на друга возбуждение, быть способными к взаимному воздействию и подвержены ему. Как бы ни было такое потенциальное излучение воли духовнейше-нежного свойства, с другой стороны, центробежная, то есть полярно решительная, сущность волевой природы, из которой оно возникает, наделяет его уже и в лишь потенциальной неопределенности известной отчетливостью. Несомненно, следовательно, два таких лишь потенциальных предварительных движения воли, если они случайно, имея одно место и одну цель, встречаются, способны принять друг к другу известное, определенное их обоюдной природой отношение соприкосновения, иначе говоря, столкновения; так что ощущение во сне, идущее вперед по возведенной в степень линии колебания собственной воли, достигает и случайного раздражения этой линии посредством вступающей с ней в связь чужевольной боковой касательной потенциального рода, иначе говоря, если результат такого воздействия имеет действенное содержание для душевного чувства сновидца, воспринимает и сам этот результат по его содержанию. Но тем легче совершается такое восприятие во сне, если воля сновидца уже содержит прежде определенно принятое, напряженное к осуществлению *намерение относительно места и цели*, потому что тогда определенно потенциальный луч воли сновидца уже содержит в себе выраженным направление к тому действию и месту, куда излучается и случайное чужое направление воли, а потому и образует тем более верную линию ощущения. — Но то, что мы здесь могли лишь вывести из всего этого, гораздо нагляднее и осязаемее прослеживается в

многочисленных отклонениях воли сомнамбул, которые они испытывают при намеренном видении вдаль от одной лишь волевой мысли других лиц, близких или далеких, относительно цели и направления своего видения. — Наконец, и при этом роде процесса предчувствия нужно заметить, что, как бы много различных моментов ни представлялось в нем для исследующего рассмотрения, он, пока совершается, есть лишь мгновенное веяние духа. — Постоянно, в бодрствовании, как и во сне, совершается процесс излучения и обратного излучения душевного чувства в форме атмосфер предварительного развития души. Он должен быть постоянным, потому что интерес душевного чувства к собственному развитию жизни и к ее благу постоянно и неискоренимо присутствует в душе; и он должен колебаться вверх и назад сквозь предобразующиеся атмосферы, потому что они, как и всякая психическая деятельность, динамически колеблются, а колебательное движение, исходящее от твердой точки бытия и всегда остающееся к ней привязанным, должно нести в себе тягу как прочь от бытия, так и к бытию, то есть вверх и вниз одновременно. Поэтому этот процесс движения душевного чувства есть для духа явление, подобное дыханию для тела; и как мы при вдохе обычно не ощущаем втянутого однородного потока воздуха, а замечаем его лишь тогда, когда он несет с собой вещества, раздражающие органы дыхания, — так и в жизни души во сне колебание душевного чувства вверх и вниз в потенциальных атмосферах обычно совершается бессознательно, и лишь тогда душа ощущает от этого раздражение сознания, когда в будущих образованиях жизненного потока развиваются резко противоположные чувству жизни и вообще сильно раздражающие сочетания отношений, посредством которых

душевное чувство сильно возбуждается и отпечатывает предмет своего раздражения в восприятии.

Обратимся после этого к отдельным фактам сновидения; так как мы уже поняли, как в них возникает предчувствие, пространные разборы нам не нужны.

Сюда, если бы у них было реальное основание, принадлежали бы прежде всего приметы, столь многочисленно приводимые во всех сонниках; ведь каждый сонник буквально не содержит ничего, кроме предвещающих снов, и каждому определенному представлению сна, какого бы рода оно ни было, должно соответствовать столь же определенное действительное будущее. Насколько это противоречит реальной природе жизни сновидения, каждому читателю станет ясно и само собой; поэтому такой способ толкования снов, принадлежащий забаве и народному поверью, я здесь вовсе оставляю в стороне. Но и образы сна, ходящие в народной молве и выросшие в народном мнении, — числом еще гораздо меньшие, — которые считают символическими приметами, оказываются не имеющими опоры. Так, пламя будто бы предвещает счастье; но из рассмотренных выше снов нервного раздражения известно, что оно есть лишь *остаточный образ фантазии* (выражение) для уже прежде существующих органических процессов в легких и дыхании, в зрительном нерве и т. п. Вши будто бы возвещают богатство деньгами и земными благами вообще, на деле же они символизируют лишь неприглядное изобилие органических нечистот в прямой кишке. Рыбы будто бы означают слезы и печаль, на деле же они возникли из переполненного мочевого пузыря встревоженной сновидицы; так же как и страшные опасности на воде, в которые попадали сновидица или ее ребенок, и т. п. Образ покойника обычно выступает как образ того, что

находится в разложении, а потому отталкивающего, и поэтому очень часто сопровождает сон раздражения кишечника. Стоит лишь еще раз рассмотреть с этой точки зрения большое множество символов, показанных нами в снах раздражения и в других снах, и можно будет даже составить сонник, и притом совершенно особого рода: ведь он будет содержать сплошь откровения фантазии, выдающие совершающиеся тайны тела и души спящего. Более того, даже те обманчивые игры фантазии со свадьбами и т. п., которым в действительности будто бы соответствует предстоящая смерть или нечто подобное и могли бы действительно соответствовать как форма выражения (если бы за этим что-нибудь стояло), так как контрастные образы во сне очень охотно соединяются друг с другом, — самым безобидным образом разрешаются самим сном: образу свадьбы уже предшествует образ горя, больного лица и т. д., или в свите свадьбы является давно умершее лицо и т. п., как мы показали при снах-ассоциациях по контрасту. Поэтому веру в мнимое, ежеминутно совершающееся всеведение сна нужно оставить. Действительные же предчувствия, когда они наступают, из-за своего режущего для душевного чувства предметного содержания большей частью предпочитают ясно и объективно говорящую, символически не прикрытую форму изображения восприятия; или же, если они, что бывает реже, высказываются символически, это происходит со столь остро прорывающейся склонностью — сделать покровом лишь напряженнее внимание к лежащему за ним действительному, — что сновидцу при этом непосредственно приходит мысль, не сказано ли этим нечто действительное. Все действительные сны-предчувствия, однако, по природе своей очень редки по сравнению с прочими видами снов, которые каждая ночь во множестве показывает нам, потому что редки и

предстоящие тяжелые и вообще решающие для счастья или несчастья судьбы, которыми душевное чувство во сне возбуждается к восприятию. — В качестве фактов, говорящих наглядно, мы, разумеется, можем приводить лишь такие предчувствия будущего во сне, которые подтвердила сама последовавшая действительность.

а. Сны-предчувствия о близком будущем. Сон и его осуществление отделены друг от друга лишь часами.

Например, доктор Аберкромби (в указанном сочинении) рассказывает: «Один священник, живший в деревне недалеко от Эдинбурга, приехал в этот город и остановился на ночь в гостинице. Ему приснилось, что он видит пожар и что одно из его детей в самом огне. Испуганный этим сном, он просыпается, тотчас покидает Эдинбург и спешит домой. Когда он подошел так близко, что мог видеть свой дом, он нашел его действительно объятым пламенем; он поспешил и подоспел как раз вовремя, чтобы спасти одного из своих детей, которого в страхе и смятении оставили в опасном положении». — Здесь душевная связь и затрагивающий предмет очевидны сами собой; предчувствие идет посредством душевной связи по развитию обстоятельств родного дома и семьи, причем из семьи выделен ребенок.

Например, Меннлинг (в указанном сочинении, с. 53) сообщает: во Флоренции кому-то приснилось, что его смертельно ранит каменный лев, стоявший с разинутой пастью в притворе церкви. Когда наутро сновидец пошел в церковь и увидел изваяние льва, он посмеялся над своим сном и сунул руку в пасть льва со словами: «Кусай же, могучий враг, и, если можешь, задуши меня». Едва он договорил это, его ужалил скорпион, притаившийся в пасти льва, так что он умер. — Меннлинг начинает это предание словами: «Известно, что случилось во Флоренции» и т. д., — а это

предполагает общеизвестный в то время, или же достоверный, факт! Предчувствие идет по линии жизни, или также по возможной линии воли сновидца, поскольку оно касается предстоящего намерения пойти в церковь, с которым связан лев. Раздражение от предмета разительно. Роковая природа сна разрешается тем, что сон, возникнув в душевном чувстве сновидца, вместе с тем был порожден его заносчивой натурой; поэтому он неявно нес в себе условие своего осуществления, то есть заносчивый поступок, живой толчок к которому содержал a priori, и так стал объективной истиной.

Например, Кальпурнии, супруге Юлия Цезаря, приснилось, что ее супруг, истекая кровью, падает ей на колени; поэтому она предостерегала его и просила в этот день не выходить из дому; он же все-таки вышел и был заколот, получив 23 раны. — Связь и раздражение от предмета разительны; предчувствие идет по линии жизни связанного со сновидицей лица.

Например, Эразму Франциски («Символика сна» Шуберта, с. 10–11) в юности приснилось: «Человек, которого и во сне называют известным ему именем, хочет его застрелить, но его спасает тетка, отводящая ружье того в сторону. В полдень он шутя рассказывает свой сон этой самой тетке, у которой жил в доме. Та же, приняв дело серьезнее, просит его сегодня не выходить из дому, тем более что совсем недавно по неосторожности был застрелен ребенок. Чтобы тем легче склонить молодого человека остаться дома, она дает ему ключи от кладовой с фруктами, находившейся прямо над ним. Тот идет в свою комнату, поговорив перед тем еще со слугой своей тетки, который на стороне коридора как раз напротив его комнаты чистил два ружья, которые давали на время другим и только что снова принесли в дом, — и уже здесь он избежал близкой опасности; ибо тот

человек во сне, который хотел его застрелить, носил то же имя, что и слуга. Едва он сел за письменный стол и недолго почитал приятную ему книгу, как ему попались на глаза предложенные теткой ключи и увлекли его от чтения в кладовую с фруктами. И едва он сдвинулся с места, как прямо напротив него выстрелило ружье, без ведома слуги заряженное двумя пулями для охоты на волков, и весь заряд вошел в стену прямо над сиденьем, так что, не отойди он только что, заряд неминуемо попал бы ему в грудь». — Очевидно, предчувствие развито здесь очень отчетливо: ведь не только угрожающее происшествие, но и лицо, от которого исходит опасное действие, счастливый исход действия и лицо, оказывающее на этот исход счастливое влияние, обозначены одинаково резко. Здесь видно, как вокруг одной точки представления сходятся лучи воли трех лиц, чью простую возможность сон схватывает заранее, прежде чем они осуществились. Режущее раздражение чувства жизни и ход предчувствия по линии жизни сновидца и по предварительному развитию его поступков, или же по примыкающим к ним касательным воли других, налицо ясно.

Например, «Журнал» Морица, т. III, ч. 1, с. 47–56: «Пастор Ульрици рассказывает следующий сон-предчувствие, предметом которого был его друг, тоже пастор, живший от него в четверти мили. Уже в последние четыре недели этот друг при каждой встрече с Ульрици говорил о своей близкой смерти, хотя был человеком очень крепкого телесного здоровья, веселой и живой души. Во вторник перед праздником Троицы 1776 года, на который и пришлось происшествие, о котором сейчас будет рассказано, он даже пришел к Ульрици, сказал, что, может быть, навещает его в последний раз, и прямо выпросил у него обещание заранее взять на себя надгробную проповедь у его могилы, для

чего дал ему текст и некоторые сведения о своей жизни. Рано утром в первый день Троицы он еще написал Ульрици, чтобы тот непременно сдержал обещание навестить его на второй день праздника с женой и сыном, а обед съесть с ним в пустоши, поблизости от которой его вели последние служебные обязанности. „Рано утром во второй день праздника, — пишет Ульрици, — мне приснилось, что двое детей моего друга зовут меня в Н., чтобы я поддержал их в тяжкой участи: они вместе с отцом ехали через пустошь, и по ту сторону моста испуганные лошади их опрокинули, причем отец был отброшен головой на стоявшую у дороги ель, голова его была совсем разбита, и он остался лежать мертвым, не издав ни звука. Потом я увидел себя в доме моего друга, увидел, как многие жители его прихода плачут о своем умершем проповеднике. Один знакомый подвел меня к моему погибшему другу, который лежал на столе, и на голове его было ясно видно, что он упал подбородком на острый выступ, прошедший через всю голову и вышедший у висков“ и т. д. Жена разбудила сновидца, который обливался слезами и даже после пробуждения мучился не проходившим чувством страха. Слишком скоро сон сбылся во всей полноте: друг в тот же день после полудня погиб совершенно так, как указал сон, и при тех же побочных обстоятельствах». — Этот сон отличается исключительной остротой восприятия; будущее событие в нем очень отчетливо выражено как в собственно предмете, так и в последующей сцене. Однако если взвесить, в какой тесной связи стояли оба друга; что душевное чувство и ход мыслей сновидца все более отчетливо и настойчиво высказываемым предчувствием смерти друга изо всех сил были втянуты в предстоящую линию его жизненного пути и живейшим образом закреплены и напряжены в направлении ее ожидаемого исхода; и

что, наконец, само намерение друга, случайно повлекшее печальное событие (поездка), местность и т. д. были известны сновидцу, или же связаны с линией воли сновидца через его намерение, принятое на завтрашний день (задуманную встречу с другом), — то во всем этом заложены столь обильные предварительные связи для *определенного* оформления предчувствия, что его превосходная острота восприятия вовсе не может удивлять.

Например, «Журнал» Морица, т. I, ч. 1, с. 70–84: известный в ученом мире человек рассказывает о себе следующее: «Он поставил в прусской числовой лотерее в Берлине на два числа. В ночь перед днем розыгрыша ему приснилось, что около двенадцати часов дня хозяин (аптекарь), у которого он тогда служил в учении, посылает его по делу в дом по соседству с главной лотерейной конторой. Хорошо, подумал он (во сне), тогда я сбегаю в лотерейную контору — не выйдут ли мои номера. Далее ему снится, что, исполнив поручение, он приходит туда и становится среди внушительной толпы зрителей. И в тот самый миг, когда он приходит, при пересчете номеров показывают и выкликают один из его номеров. Затем проходит собственно розыгрыш, и сначала вытягивают второй, а потом и первый из двух его номеров, после чего он в очень хорошем расположении духа идет домой. На этом он проснулся. Сон вскоре затем вполне исполняется: хозяин действительно посылает его в окрестности лотерейной конторы, он присутствует при розыгрыше, и оба его номера выходят». — Все это происшествие сна легко объясняется из лежащих в его основе условий предчувствия. Душевное волнение, с которым сновидец, подобно многим другим людям, ждущим от удачи улучшения своего положения, ожидает лотереи; желание, напряженное к совершенно определенно предстоящему

розыгрышу по месту, дню и часу, или же к его счастливому исходу, — то и другое ставит душевное чувство сна в теснейшую связь с соответствующим будущим событием, и по ней предощущение сна прокладывает себе путь через возможные сферы. — Будущее намерение воли хозяина, или же поручение в окрестности лотерейной конторы, душевное чувство сна воспринимает через случайное соприкосновение возможного излучения воли хозяина с целью душевного чувства, то есть с лотерейной конторой, так как она находится в одном месте с поручением; к тому же для сновидца двигаться, предчувствуя, по линии воли хозяина — дело, вполне объяснимое из связи ученика и наставника. Наконец, острота восприятия в предчувствии отвечает всем этим весьма обильно данным предварительным условиям.

Из-за душевного напряжения столь многих людей, связанного с лотереей, относящиеся к ней предчувствия — вовсе не редкость. Совсем недавно я прочел в одной из здешних газет, что одному приказчику приснилось, будто он выиграл в лотерею 10 000 талеров, о чем он утром с великой радостью рассказал товарищам. Те ради шутки через пару часов стали уверять его, будто пришло телеграфное известие, подтверждающее его сон. Между тем в действительности пришло известие, что номер выиграл 1000 талеров; фантазия сна позволила себе при этом лишь самое обычное расширение, какое мы подробно узнали при снах фантазии.

б. Сны-предчувствия о далеком будущем. Сон и его осуществление отделены друг от друга днями, неделями, месяцами.

Например, из сомнамбулической жизни («Архив» Кизера, т. X, ч. 2, с. 93): «В ночь перед 4 марта больной (сомнамбуле) приснилось, что ей предстоит испуг от опасности пожара. В ночь на 5 марта ей

приснилось, что у нее снова начались судороги (предчувствие последствий испуга), и от этого сна она проснулась со стоном. В утренней дреме ее затем действительно будит пожарная тревога, которая, так как дул сильный бурный ветер, повергла весь городок в величайшее смятение. Еще гораздо больше была опасность в доме больной, задние постройки которого почти примыкали к месту, где вспыхнул огонь. Она вскакивает с постели, хочет сбежать по лестнице во двор, но уже на половине лестницы падает без сил, вследствие чего снова наступают и судороги, которые уже было прекратились». — Предчувствие идет здесь вперед по собственной линии жизни и схватывает опасность, в будущем грозящую жизни из окружения, то есть касающуюся ее возможного предварительного развития, или же последствия этого соприкосновения для ослабленной болезнью жизни.

Например: «Одной знакомой мне молодой даме с перерывом в несколько дней дважды приснилось ночью, что ее кольцо, которое она постоянно носит на пальце, сломалось; и каждый раз из него недоставало одного и того же кусочка. Сразу после этого она впала в очень мучительную нервную болезнь, длившуюся почти две недели». — Здесь предстоящий надлом здоровья указан символически, но в высшей степени выразительно — сломанным кольцом; двукратное появление сломанного кольца и отсутствие каждый раз одного и того же кусочка твердо обозначают складывающееся заранее действительное будущее. Предчувствие идет, само собой разумеется, по возможной линии развития собственной телесной жизни.

Например, чтобы упомянуть и менее значительные прорицания, наблюдать которые на себе найдет случай каждый, кому доставляет удовольствие ставить опыты над собой, я хочу привести следующее из собственного опыта. Я уже узнал из снов

настроения у женщин, что являющийся во сне образ кошки постоянно сопровождает как символ ворчливое, или же дурное, настроение женщин; это побудило меня обращать внимание и на возможное будущее значение этого символа, когда мне самому снились женщины и кошки. И в самом деле, я к великому своему веселью несколько раз точно наблюдал, что та из связанных со мной душевной связью и находившихся вблизи меня женщин, на коленях или под стулом которой я видел во сне сидящую кошку, каждый раз на следующий день совершенно нечаянно и внезапно доставляла мне досаду. Но после того как я однажды это заметил, при позднейшем повторении того же образования сна мое внимание было направлено гораздо меньше на то, чтобы проверить фактическую верность ради нее самой, чем на то, чтобы оградить себя от излияния женского дурного настроения; и, к моему удовольствию, я уже при входе находил лицо обозначенной кошкой дамы в весьма досадливом выражении и тут же узнавал и случайно возникший повод ее расстройства — а от таких случайностей, как известно, уберечься нелегко. Но и в этом неприметном предчувствии сна нет недостатка в проникающем побудительном раздражении для душевного чувства сна: так как я сам люблю лишь философский покой и тихое улаживание с самим собой всякого неприятного происшествия, а всякие бурные вспышки мне очень противны, то в предстоящем таком происшествии и заложена для моего душевного чувства та сила раздражения, которая способна пробудить соответствующее восприятие во сне.

Например, доктор Аберкромби (в указанном сочинении) сообщает: «Одной даме приснилось, что ее старую родственницу убил темнокожий слуга, и этот сон повторился. Поэтому он произвел на нее такое впечатление, что она отправилась в дом

своей родственницы и уговорила одного господина провести следующую ночь на страже в соседней комнате. Около трех часов утра господин услышал шаги на лестнице, вышел из своей комнаты и нашел темнокожего слугу, несшего много угля. Когда он спросил его, куда тот с этим идет, слуга торопливо и сбивчиво ответил, что хочет поддержать огонь у своей госпожи, что в три часа утра посреди лета было явно чем-то ненужным и невероятным. Поэтому господин осмотрел корзину и нашел под углем спрятанный большой нож. Доктор Аберкромби прямо ручается за действительность этого факта». — Здесь предчувствие сновидицы посредством душевной связи поднимается в возможную жизненную сферу родственницы и вместе с ней получает в сознание касающийся ее луч воли злоумышленника и его индивидуальное свойство; или, скорее, сознание возможного события впервые вызывается вторжением угрожающего луча воли, который порождает для душевного чувства обладающий силой раздражения предмет. Кроме того, мы видим и в этом сне, что он повторялся, и это дает здесь верный признак того, что убийца давно вынашивал свое намерение, или же постоянно лелеял и повторял его в себе; отсюда и повторение вызванного этим явления сна. —

Например, «Архив» Кизера, т. X, ч. 2, с. 113: сомнамбулической больной доктора Мейснера в Теплице 10 июля снится, что до конца этой недели она упадет, лишится речи и у нее начнется кровохарканье. «Поэтому, — рассказывает доктор Мейснер, — я взял с нее обещание всю неделю не выходить из комнаты. 14 июля, когда кто-то случайно вошел в комнату, где она лежала одна, ее нашли лежащей у изножья кровати, на полу было много крови, а сама она была не в силах говорить. Позже, наяву, она показала на расспросы, что поднялась с постели только для того,

чтобы взять платок из стоявшего рядом комода; выдвигая ящик, она упала навзничь на кровать и тотчас начала кашлять кровью». — Падение здесь, из-за большого вреда, который оно несет столь тяжело больным и слабым людям, есть для соответствующего душевного чувства сна будущий предмет высшей силы раздражения; отсюда и определенность предчувствия. Из-за этого вреда для состояния больного у сомнамбул часто встречается предсказание предстоящего падения, причем предощущение его возможно не иначе как через непосредственное мгновенное веяние, пронизывающее все простирающиеся до того мгновения возможные моменты предварительного развития будущего действия индивида.

Например, «Журнал» Морица, т. VI, ч. 1, с. 73–74: «Один молодой милый человек, учившийся в Йене, собирался поехать верхом в Галле. В ночь перед тем ему приснилось, что он видит окрестности Шкопауского перевоза и что человек, одетый как егерь, простреливает ему голову. Когда он затем в действительности поехал и прибыл к этому перевозу, он рассказал сон своим спутникам, которые посмеялись над ним. Все они благополучно переправились через Заале, провели несколько дней в Галле и довольные вернулись в Йену. Им нужно было снова переправляться на пароме. Студент остался сидеть на лошади, а за ним вошел егерь с ружьем. Тот увидел сороку, летевшую над водой, и сказал: „Посмотрю-ка, собью ли я тебя на лету“. Студент крикнул ему, что хочет сначала спешиться, потому что его лошадь пуглива; но прежде чем он договорил, егерь уже выстрелил, и лошадь, в диком испуге бросившись прочь, прыгнула вместе с седоком в воду. Он утонул бы, если бы егерь, хороший пловец, тотчас не сбросил с себя одежду и не спас его». — Здесь перед нами один из тех в высшей степени любопытных, необычайно

тонких по духовному складу случаев, когда предчувствие сна предощущает возможное воздействие совершенно чуждого душевному чувству сна, не связанного с ним и (в отношении сновидца) совершенно ненамеренного возможного луча воли на еще только возможную линию воли сновидца, а вместе с тем и вызванное ими обоими столкновение, которое и теснит душевное чувство и образует предмет сна. Местность происшествия обозначена с остротой восприятия; виновник — достаточно отчетливо по своему занятию и одежде; угрожающее происшествие в существенном верно, так как оно вызвано выстрелом и ставит сновидца в смертельную опасность, печальный исход которой предотвращен лишь искусством егеря плавать. Очень часто встречаешь у фантазии сна то, что она верно передает лишь существенное в общих очертаниях, потому что ей недостает резко выражающего грифеля рассудка.

Например, «Листки из Преворста», т. 5, с. 65. Доктор Х., друг университетского преподавателя Закса в Эрлангене, проведя накануне вечер со своим учителем (Заксом) в беседах о естественных науках, видел такой сон: «Я поднимался на гору, на которой стоял храм. Когда я вошел внутрь, я увидел зал, обитый черным, и в нем вокруг сидели вольные каменщики. Я услышал чудесное, трогательное траурное пение. На мой вопрос, кому посвящено пение, я получил ответ: „Брату Заксу“. Через четверть года, когда я уже покинул университет, я получил известие о смерти Закса, который при восхождении на гору получил смертельную болезнь. Через полгода я присутствовал в ложе в Н. на траурном торжестве, устроенном в честь брата Закса». — Душевное чувство сновидца связано с душевным чувством этого университетского преподавателя, к тому же особо прикреплено к его личности беседой, которую он вел с ним накануне вечером.

Предчувствие идет вперед по линии жизни друга. Выражение восприятия в нем превосходно; гора, представленная видением сна, указывает на действительную гору как на сопутствующую причину смерти, поскольку тот получил смертельную болезнь при восхождении на гору. Очевидно, содержание возможного события подействовало с самой режущей силой на преданно любящее душевное чувство.

Например, «Архив» Кизера, т. X, ч. 2, с. 167: один друг пишет Кизеру следующий сон: «В начале марта 1804 года мы утром сидели в родительском доме за завтраком, когда моя старшая сестра привлекла наше внимание к странному сну, мучившему ее прошлой ночью. Во сне она несколько раз видела, как жена жившего напротив нас и дружного с нами бургомистра входит в нашу комнату и уходит обратно; она была всякий раз приветлива, как обыкновенно бывала и в действительности, но вскоре садилась и засыпала. Тут сон сделал скачок: бургомистр вдруг вошел в комнату, горько плача, и объявил нам о смерти своей жены; все плакали вместе с ним, так как его жену очень любили; затем он попросил мою сестру позаботиться об убранстве покойной, а моих родителей — о похоронах, так как ему невозможно присутствовать с детьми при этом печальнейшем зрелище, и т. д., пока не совершились похороны». Сон поразил пишущего, и потому он записал его. Через две недели он отправился в университет и простился также с женой бургомистра, которая была в цветущем здоровье. «Когда я, — рассказывает он, — осенью того же года приехал в Вюрцбург, я нашел письмо отца, в котором он сообщал мне о смерти госпожи бургомистерши и при этом писал: „О подробностях этой смерти мне нужно сказать тебе только, что сон твоей сестры совершенно сбылся“. За некоторое время до смерти бургомистерша

почувствовала уплотнения в груди, и они вскоре стали очень болезненными, так что, мучимая внутренней тоской, она нигде не находила себе места; так она часто приходила и в нашу комнату, садилась и задремывала. Так как она не захотела подвергнуться операции, она вскоре умерла от своих болей». — Здесь налицо нежная душевная связь между сновидицей и любимым лицом; посредством нее процесс предчувствия движется вперед по возможному развитию жизни дружественного лица. Колебание излучения душевного чувства сна здесь тем богаче, что оно принадлежит женской душе, чувства и ощущения которой отличаются живейшей упругостью, особенно там, где она воодушевляется любимым человеческим существом. Содержание предчувствия дано в очень выразительных моментах и в очень широком объеме, так как оно высказывает не только сам случай смерти, но и предшествующие ему стадии и обстоятельства после совершившейся кончины.

Четвертый порядок: симпатические сны-предчувствия, или двойные сны

Возникновение их таково. Два или несколько лиц связаны между собой душевной связью, как члены семьи, братья и сестры, родственники, друзья и знакомые. Одно из связанных душевным чувством лиц видит очень живой, странный или вообще возбуждающий сон, который приводит в движение его душевное чувство. Душевное чувство, само по себе богатейшая колебаниями основная сила души, непосредственно распространяет свои лучи возбуждения за свои пределы; они берут путь по линии связи к связанному с ним другому душевному чувству, падают туда со своей определенностью представления и производят тем самым — так как возбуждающая природа сна образует раздражающий

момент для воспринимающего второго душевного чувства — соответствующий последующий образ в другом. Как предметы звука и света всегда производят соответствующие им отображения в соответствующих органах чувств, так здесь падающий психический луч со своим содержанием представления образует отпечаток во внутреннем чувстве другого; а что отпечаток совпадает с впечатлением — само собой разумеется и естественно. Весь процесс происходит в мгновение ока, как всякий процесс предчувствия во сне. Когда второе лицо непосредственно воспринимает вслед сон первого, уже образовался тот же самый сон в своей второй форме, то есть двойной сон. Если душевное чувство первичного сновидца одновременно находится в одинаково сильном душевном союзе с несколькими членами семьи, то исходящий от первичного сновидца луч душевного чувства может распространиться одновременно более чем по одному пути; он поражает тогда сразу несколько связанных с ним душевных чувств, и из этого столь же естественно образуется умноженный двойной сон. Читатель вместе со мной вспомнит, что время от времени читал в газетах о таких снах, являвшихся одновременно более чем одному лицу. При точной передаче этих фактов можно установить и первичного сновидца, так как его выдает фантазия. Вместо любовной связи двух душевных чувств перенесение может быть произведено и притяжением противоположностей двух душевных чувств, нестерпимо противостоящих друг другу. Следующие факты мы приводим так подробно или так суммарно, как они имеются в нашем распоряжении.

Например, о риторе Аристиде, жившем во времена Антонинов, сообщают, что при храмовом сне он однажды видел тот же сон,

что и его друг Зосим, а в другой раз — что и смотритель храма Филадельф.

Например, у Августина («О граде Божием», кн. 18, гл. 28) рассказан случай, когда спящий ночью лично явился философу и дал ему ответ на прежний вопрос; позже, когда его об этом спросили, он сказал, что видел это происшествие во сне. — Здесь, следовательно, философ — последующий сновидец, а другой — первичный; так как этот последний видит во сне нечто, что есть ответ на вопрос, заданный прежде философом, мысль сна и душевное чувство сна тотчас вступают в оживленное отношение с вопросом и спрашивающим, и образ сна распространяется по этой линии к другому; вместе с первичным предметом сна в созерцании вторичного сновидца отражается и его личный виновник.

Например, доктор Аберкромби (в указанном сочинении) приводит со слов доктора Грегори случай, когда один и тот же звук одновременно вызвал у мужа и его жены один и тот же сон, а именно: будто французы высадились у Эдинбурга, — событие, которое тогда было предметом всеобщего страха. — Одинаковость сна сама по себе доказывает, что двойное образование возникло путем перенесения — особенно при столь близком отношении супругов, — а не одинаково самостоятельно у каждого от одного и того же действительного звука; к тому же и во сне, и наяву одна способность слуха не бывает одинаково чувствительной с другой.

Например, мне не раз случалось видеть сны одновременно с одним связанным со мной душевным чувством человеком из моего окружения, чьи сны я собирал: когда я во сне думал, что путешествую и живу в дорогой мне с юности местности, этот человек тоже совершал во сне путешествие в дорогую ему с

юности (совсем другую) местность. В другой раз, когда мне снилось, что я нахожусь на свадебном празднестве в *моем* семейном кругу, где присутствовал и мой давно умерший брат, ему, в свою очередь, снилось, что он на свадьбе в *своей* родне, где давно умершая мать невесты распоряжалась приготовлением угощения. — В обоих случаях, очевидно, налицо по существу одинаковое содержание, только оно принимало особую форму сообразно индивидуальному кругу душевного чувства.

Например, Симон Маймонид («Журнал» Морица, т. X, ч. 1, с. 7–10) рассказывает о себе следующий очень тщательно переданный случай сна: «В году … я был домашним учителем у одного арендатора в П., у которого мне пришлось много вытерпеть как из-за тогдашнего голода в П., так особенно из-за бедственного положения этого человека и непонятливости моих учеников. К тому же однажды мне пришлось несколько дней подряд страдать от необыкновенной зубной боли. В этом состоянии огорчения и боли я однажды вечером уснул на своем жестком ложе. Мне приснилось, что я, сам не зная как, прибыл в небесный Иерусалим. Почтенный старец очень ласково встретил меня у ворот и повел в храм Господень, чтобы показать мне все его достопримечательности. Я вошел в большой зал, где нашел книжный шкаф. По своей привычке я взял книгу, чтобы посмотреть ее. Как только я раскрыл ее, я тотчас нашел на заглавном листе название давно известной мне по имени каббалистической книги, а под ним большими буквами имя „Иегова“. Я листал ее дальше и повсюду находил святые имена и места из Библии, объясненные по-каббалистически. Это привело меня в душевное состояние, сложенное из изумления, благоговения и радости. Потом мне снились еще сцены в этом роде, но при пробуждении я уже не мог их вспомнить.

Как только я проснулся, ко мне пришли мои ученики, спавшие в отдаленной комнате, посмотрели на меня (против своего обыкновения) с величайшим вниманием и, казалось, удивлялись моему виду. Я спросил их о причине такого поведения, и лишь после дальнейших настояний они признались мне, что их брат, арендатор соседней деревни, который вчера (как часто делал) приехал сюда в гости и остался ночевать, сегодня утром пришел в их жилую комнату (ночью он спал на сеновале, далеком и от жилой комнаты, и от учебной, где спал я) и рассказал им всем странный сон, который видел этой ночью и который касался главным образом меня. Ему именно казалось, будто они все видели, как я иду в небесный Иерусалим. Почтенный старец вышел мне навстречу у ворот, ввел меня внутрь и оттолкнул их, когда они хотели последовать за мной. Они остались стоять перед воротами, чтобы дождаться моего возвращения; наконец я вышел опять, облик мой был очень почтенным, лицо мое сияло, как лицо Моисея, когда он принял две скрижали. Именно поэтому дети теперь боялись приблизиться ко мне и были в большом затруднении, как им впредь со мной обходиться. Вскоре затем и сам этот брат подтвердил сон; с того времени и в этом доме со мной стали обращаться совсем иначе, чем прежде, отчего мое положение несколько улучшилось».

Здесь первичный сон перескочил путем противоположности; неприязненное отношение всего семейного круга к рассказчику достаточно ясно высказано им самим. Что сон арендатора — вторичный, символически высказывает сама фантазия в его сне, представляя сына арендатора со всей его стороной оттолкнутым от врат храма, что означает: существенный предмет сна произошел без него, или же вне его. Этот очень естественный момент сна — поскольку он символически выражается в изгнании

последующего сновидца и его семьи, тогда как первичный сновидец удостаивается входа в святилище, — становится затем поводом к лучшему обращению с первичным сновидцем в действительности. Вследствие благоговейного изумления, с которым отогнанный от святилища последующий сновидец смотрит на предпочтенного Маймонида, или же из этого благоговейного изумления последующего сновидца, фантазия и рисует в его сне возвращающегося из святилища Маймонида в столь почтенном облике и с сияющим ликом; образ самого святилища, откуда как раз возвращается предпочтенный, поддерживает этот мотив живописи фантазии. Религиозное содержание сна вообще, или же первичного сна, объясняется бедственным состоянием первичного сновидца, в котором доброе сердце тем сильнее тоскует по Божеству. Форма религиозности соответствует иудейскому воззрению сновидца; находка каббалистической книги в храме и т. д. — отмеченное представление бодрствования. Благодаря сильному возбуждению душевного чувства у первичного сновидца, которого сон приводит в состояние аффекта — изумления, благоговения и радости, — содержание сна становится обладающим силой раздражения предметом для последующего сновидца, как и вообще благодаря своему чудесному и возвышенному содержанию; притяжение противоположностей производится тем легче, что Маймонид предстает в нем в очень возвышенном свете, тогда как вся семья арендатора ставит его весьма невысоко, отчего противоположность обоих обостряется самым пикантным образом.

О симпатических снах вообще я должен еще заметить, что во всех тех случаях бодрствования, когда два лица одновременно имеют одну и ту же мысль, чему так часто удивляются,

происходит по существу тот же процесс передачи мысли; всегда это два лица, связанные на мгновение живой беседой или прочной душевной близостью и т. п., которые одновременно думают одно и то же; и всегда предмет мысли, который переносится, имеет определенную степень интереса, а потому несет в себе и силу раздражения для передачи.

Пятый порядок: произвольные сны-предчувствия

Они возникают от произвольного, или же намеренного, вхождения луча бодрствующей действительной воли других в спящего, когда другой своим волевым намерением пробуждает в связанном с ним душевным чувством спящем те образования представлений, каких он хочет и какие себе мыслит. Возникшие так последующие образы в спящем и есть сны, о которых здесь идет речь. Предчувствиями их следует называть лишь потому, что с предчувствиями у них общая магическая сущность непосредственности вблизи и вдали. Если сравнить их с двойными снами, то в них сон спящего соответствует вторичному сну тех; но вместо первичного образования сна тех и его действенной силы здесь выступает произвольно созданная мысль бодрствующего и намеренный, направленный на спящего луч воли, получающий в ней свое содержание. Если уже существующая душевная связь между обоими создает непосредственный путь общения, то намеренная мысль воли бодрствующего посылает по пути душевного чувства свое излучение, обостряя его; от этого возникает острое вторжение посланной мысли в спящего, тем самым весьма действенное раздражение восприятия во сне, а посредством него — и сам произвольно образованный последующий сон, который спящий получает как непосредственное созерцание. — Существенный

процесс непосредственного сообщения здесь — лишь высшее развитие той магической передачи, при которой спрошенный угадывает то, о чем его спрашивает другой; и там напряжение мысли в спрашивающем, направленное на спрошенного, вносит в последнего то же содержание представления; здесь же воздействующее напряжение воли еще гораздо решительнее и прямее, так как воздействующий хочет, чтобы его мысли не просто были угаданы, но тотчас, без участия сновидца, высказаны и запечатлены, — чему, в свою очередь, спящий, со своей стороны, благодаря пластическому состоянию своего духа во сне идет навстречу с гораздо более тонкой и раздражимой нежной чувствительностью.

а. Произвольные сны, вызванные из непосредственной близости. Воздействующий стоит в непосредственной близости от спящего, приникает лицом к уху спящего и тихо нашептывает ему то, что хочет, чтобы тот увидел во сне. Но речь здесь предназначена не для возбуждения собственно слухового восприятия — иначе ей ведь следовало бы быть громче, — а служит скорее заострению определенности самого сообщаемого содержания мысли, как ведь и язык вообще выполняет эту задачу для внутреннего мышления.

Например, доктор Аберкромби (в указанном сочинении) рассказывает: «У одного английского офицера из экспедиции в Луисбург в 1758 году товарищи, к великой своей потехе, могли произвольно вызывать сны любого рода. Им стоило лишь нашептать ему что-нибудь на ухо, что особенно действовало, если это делал хорошо знакомый ему друг. То его проводили через все, что бывает при ссоре, кончающейся поединком, — и когда стороны готовы были сойтись, ему давали в руку пистолет, он стрелял и от выстрела просыпался. То его находили лежащим и спящим наверху, на шкафу в каюте, и уверяли, что он упал за борт;

ему предлагали спастись вплавь, и он тотчас делал все движения пловца и т. д.» — Воздействующая воля распространяется здесь не только на последующие отображения той же мысли во сне, но даже на движения мышц, осуществляющие отраженную в сновидце мысль. Что в особенности друзья сновидца успешно воздействовали на спящего, показывает весьма действенное участие душевной связи в этих опытах; впрочем, большая податливость сновидца, по воле воздействующих переходившего и к действиям мышц, позволяет заключить об очень возбудимой нервной жизни.

Например, Клуге рассказывает: «Отвергнутый влюбленный, который, однако, пользовался благосклонностью матери, получил от нее позволение шептать своей возлюбленной во сне на ухо свое имя, что посоветовал ему умный друг. Вскоре у девушки обнаружилась удивительная перемена настроения; она стала благосклонна к нему и в конце концов отдала ему руку. Когда ее спросили о внезапной перемене чувств, она ответила, что полюбила своего мужа в живых, часто повторявшихся снах». — Электрический луч тоски влюбленного образует здесь линию посредства для сообщения, хотя в невольном притяжении, которое девушка оказывала на него, уже существовала и с ее стороны своего рода пассивная связь. Средство отчаявшегося влюбленного выбрано в высшей степени мудро, так как непосредственное сплавление его образа, или же через это его любовного порыва, с пластическим ощущающим состоянием души во сне, очевидно, ведет к корню женской души; поэтому из ощущения сна личность влюбленного должна была снова всплыть не иначе как охваченной и усвоенной таянием душевного чувства.

б. Произвольные сны, вызванные издалека. Воздействующий находится на расстоянии многих миль от спящего; его воля, твердо направленная на далекого спящего, достигает его силы ощущения и восприятия и прививает ему намеренное содержание представлений.

Например, Агриппа Неттесгеймский («De occulta philosophia», кн. III, с. 13) рассказывает, «что на больших расстояниях можно совершенно естественно и без всякого суеверия духовно воздействовать на другого человека вдали, даже если не знаешь его места и расстояния до него. Это делал аббат Тритемий, и сам он тоже это может и часто это делал». — Если далекое лицо находится в душевной связи с воздействующим, то, как уже рассмотрено выше, попадание луча воли в намеченную цель необходимо обеспечено, даже если временное местопребывание этого лица изменилось и неизвестно, так как психическая связь пристает к самому индивиду, поэтому ведет к нему повсюду и дает произвольному воздействию верный путь.

Например, очень изящные опыты со снами этого рода проводил Везерман, о чем в «Архиве» Кизера (т. VI, ч. 2, с. 136–137) сам их автор сообщает следующее:

> а. Моему другу, советнику придворной палаты Г., которого я тринадцать лет не видел, не говорил с ним и не писал ему, я постарался дать знать о своем приезде тем, что силой своей воли представил ему свой образ в ночном сне; и когда я на следующий вечер приехал к нему, он выразил удивление тем, что видел меня прошлой ночью во сне (расстояние 5 миль).
>
> б. Мадам В. должна была в ночном сне услышать мой разговор с двумя другими лицами об одной тайне; и когда я на третий день приехал к ней, она рассказала мне все, что было сказано, и

выразила удивление по поводу этого странного сна (расстояние 3 мили).

в. Одна пожилая особа в С. должна была увидеть во сне похоронную процессию моего умершего друга С., и когда я на следующий день приехал к ней, ее первыми словами было, что она видела во сне похоронную процессию, о которой, расспросив, узнала, что покойник — я. Итак, небольшая ошибка (расстояние 1 миля).

Сам воздействующий был воспринят как покойник лишь потому, что посылка сна исходила из энергии его воли, поэтому весь образ сна был отнесен к нему; недостаточная чувствительность со стороны спящей или недостаточно определенно направленное на образ друга напряжение внимания воздействующего легко могли вызвать эту неясность в последующем образе.

Во всех трех примерах в основе как линия пути явствует душевная связь.

в. Произвольные сны, вызванные умершими. Я не намерен приводимыми здесь фактами давать доказательства бессмертия души: ведь сущность души постижима непосредственно, и не нужно столь незначительных опорных точек, чтобы доказать ее бессмертие. Так же мало хочу я этим польстить верующему чувству, ибо это не относится к исследованию. Скорее, рассматриваемые здесь факты по своей природе имеют равное право быть рассмотренными и разрешенными здесь вместе со всеми прочими фактами сна: ведь они не только вообще принадлежат жизни сновидения и имеют на своей стороне достоверность предания и подтверждение действительностью, но, что важнее, как можно доказать, основаны на той же сущности и тех же законах предчувствия во сне, что и остальные. Поэтому то, что воздействующий на спящего полюс воли приходится на

состояние отделения от тела, или же на время после смерти, здесь само по себе совершенно безразлично и неизбежно принимается во внимание лишь постольку, поскольку в этом заключен причинный фактор самого сна, неотделимый от вызванного им явления; хотя, с другой стороны, опять-таки нельзя отрицать, что фактически имеющиеся примеры действенности воли умерших бросают любопытный свет на состояние духа после смерти; и воодушевленный исследователь души, которого не может отпугнуть окрик о недоступной вещи в себе, охотно заглядывает туда, где ему навстречу манит самая любопытная из всех задач.

Например, Шопенгауэр («Парерга и паралипомена», ч. I, с. 277) сообщает: «Недавно здесь, во Франкфурте-на-Майне, в еврейской больнице ночью умерла больная служанка. На следующий день совсем рано ее сестра и племянница, из которых одна живет здесь, а другая в миле отсюда, явились к ее хозяевам, чтобы справиться о ней, потому что она им обеим явилась ночью. Смотритель больницы, на сообщении которого основан этот факт, уверял, что такие случаи бывают нередко».

Едва ли найдется читатель, который не слышал бы уже о подобном или, может быть, сам не испытал бы этого. Но если в фактах этого рода не может быть сомнения в естественности предчувствия, так как душевная связь и действенный предмет восприятия несомненно налицо, то им все же, если они не содержат ничего, кроме простого явления умирающего в образе сна, еще не принадлежит характер вызванности волей умерших: потому что, 1) веяние воли умирающего еще не было бы веянием воли умершего, а 2) потому что для такого предчувствия во сне вообще не нужно никакой воздействующей воли. Ведь когда связанное с душевным чувством сна лицо умирает, в нем, или же в нем как в цели, которую оно само образует для луча душевного

чувства другого связанного с ним лица, совершается столь решительный и весомый переворот, что этим непосредственно может быть вызвано соответствующее раздражение луча душевного чувства, или же восприятия, в связанном с ним спящем лице, как при всяком другом непроизвольном предчувствии во сне, так что явление во сне происходит через раздражающую природу самого обстоятельства, касающегося предмета; а если лиц, находящихся в одинаковой душевной связи, больше двух, то раздражающее действие обстоятельства исходит от умирающей одновременно по двум линиям пути к спящим.

Напротив, следующие факты сна несомненно попадают в разряд вызванного умершими:

Например, Цицерон («О дивинации») сообщает: «Двое друзей из Аркадии путешествовали вместе и прибыли в Мегару; один заночевал там у своего старого друга по гостеприимству, другой — в общественной гостинице. Первому ночью приснилось, будто его спутник просит его, если он хочет сохранить ему жизнь, поскорее прийти на помощь, потому что хозяин гостиницы хочет его убить. Испуганный этим, сновидец вскакивает и хочет бежать в гостиницу, но успокаивается мыслью, что это был лишь сон, и снова ложится. Когда он затем снова заснул, сон представил ему окровавленный облик его спутника, который настойчиво просит его: раз он не пришел ему на помощь при жизни, пусть ради старой дружбы не откажется отомстить за его невинную смерть; ибо хозяин убил его, бросил его тело на телегу для навоза, прикрыл навозом и рано утром хочет вывезти его из города, чтобы тайно закопать. От этого сновидец снова просыпается, рано утром бежит к воротам, встречает погонщика быков с телегой и телом, и все подтверждается». — Здесь вызвавшая сон воля умирающего, как и умершего, стоит совершенно вне сомнения, и

предчувствие содержит не только восприятие происходившего и совершившегося убийства, но вместе с тем и действенное желание воли и сильное стремление убитого. Любопытно в духе умершего то, что он способен прозреть намерение убийцы относительно своего тела, после чего это намерение сообщается сновидцу и приводит к разоблачению убийцы. Душевная связь друзей сама собой разумеется.

Например, из круга моих друзей, строго по подлинному сообщению, полученному мною устно и письменно: «У старшего лесничего М. близ Лигница умерла жена, с которой он жил очень счастливо. Ее похоронили в Лигнице в каменном склепе. Примерно через две недели глубоко скорбящему супругу пишет графиня П., подруга покойной, что та явилась ей ночью во сне и потребовала свое обручальное кольцо. Пораженный этим супруг совсем не знает, что об этом думать, так как полагает, что кольцо на руке покойной. Но вдруг приходит женщина, работавшая в доме, и подает ему кольцо, которое она будто бы нашла на лестнице. Это было обручальное кольцо, которое, во всяком случае, было похищено при одевании покойной, что ускользнуло от родных потому, что на покойную надели лайковые перчатки. Должно быть, воровка услышала о письме графини и из страха принесла кольцо. Скорбящий вдовец, до глубины души взволнованный всем этим происшествием и опасаясь, не похоронили ли его жену заживо, отправляется с домашним учителем своей семьи, кандидатом, на кладбище в Лигнице и, чтобы избежать всякой огласки, велит (было летнее время) открыть могилу посреди ночи; кандидат по просьбе крайне потрясенного супруга берется спуститься в склеп и снова надеть кольцо на палец покойной, которая находилась при этом в совершенно обычном положении». — Рассказчик этого факта,

человек по характеру и взглядам вполне надежный, — тот самый кандидат, нынешний пастор Эдуард Генрих в Печкендорфе близ Лигница, мой сердечнейший друг.

И в этом факте сна очевидно прямое действие воли умершего лица вместе с возбуждающим мотивом. Как в предыдущем сне горячее желание отомстить за невинную смерть и предотвратить поругание тела было возбуждающим мотивом действия воли умершего, так и здесь налицо вполне достаточное, сильное и естественное побуждение воли. Побуждение — отсутствие кольца на теле покойной; а обручальное кольцо обозначает для женщины теснейший союз ее души с сердцем и душой супруга, равно как и ее добродетель и нерушимую верность; и если в умершей еще есть сознательная жизнь, как свидетельствует действие ее воли, и если вместе с духовностью остаются и духовные ценности, то удаление символической печати всего ее счастья и ее добродетели должно быть для нее мучительным и пробуждать желание вернуть ее. Что воздействие воли совершилось посредством душевной связи, ясно, так как сновидица была подругой покойной. Все это происшествие сна тем любопытнее, что оно показывает сознательную жизнь в душе еще столько дней спустя после смерти.